

4
(86)

декабрь
2021

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

В О П Р О С Ы М Е Д И Е В И С Т И К И

*Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС 77–70053 от 07 июня 2017 г.*

Учредители:

Институт российской истории РАН

Институт славяноведения РАН

Издается с 2000 года

Москва
«ИНДРИК»

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

«ДРЕВНЯЯ РУСЬ.
ВОПРОСЫ МЕДИЕВИСТИКИ»
М.: ИНДРИК
ISSN 2071-9574 (Print)
ISSN 2071-9590 (Online)
www.drevnyaya.ru

DREVNYAYA RUS.
VOPROSY MEDIEVISTIKI
INDRIK, MOSCOW, RUSSIA
ISSN 2071-9574 (Print)
ISSN 2071-9590 (Online)
Web of Science Core Collection:
Emerging Sources Citation Index

Редакционная коллегия

С. В. Алпатов (д.ф.н., проф., МГУ),
К. В. Вершинин (к.и.н., ИРИ РАН, ответственный секретарь журнала),
П. Г. Гайдуков (д.и.н., чл.-корр. РАН, ИА РАН),
М. Гардзанини (докт. филологии, проф., Флорентийский ун-т),
А. А. Гиппиус (д.ф.н., чл.-корр. РАН, проф., НИУ ВШЭ, ИСЛ РАН),
А. А. Горский (д.и.н., проф., ИРИ РАН, МГУ),
В. П. Гребенюк (д.ф.н., РФФИ),
И. Г. Добродомов (д.ф.н., проф., МПГУ),
Д. Домбровский (д.и.н., проф., ун-т Казимира Великого, Польша),
Л. И. Журова (д.ф.н., Ин-т истории СО РАН),
В. В. Игошев (д.иск., ГНИИР),
Г. М. Казаков (докт. ист., Гисенский ун-т им. Ю. Либиха),
А. М. Камчатнов, (д.ф.н., проф., МПГУ),
В. М. Кириллин (д.ф.н., проф., ИМЛИ РАН, МДА),
Е. Л. Конявская (д.ф.н., ИРИ РАН, главный редактор журнала),
О. Ф. Кудрявцев (д.и.н., проф., МГИМО),
Ю. А. Лабынцев (д.ф.н., проф., ИСЛ РАН),

П. В. Лукин (д.и.н., ИРИ РАН),
К. А. Максимович (д.ф.н., проф., ИРИ РАН, ун-т. им. Иоанна Гутенберга),
А. В. Назаренко (д.и.н., ИВИ РАН, ИРИ РАН),
А. А. Селин (д.и.н., проф., СПб филиал НИУ ВШЭ),
А. В. Сиренов (д.и.н., чл.-корр. РАН, проф., СПб ИИ РАН, СПбГУ),
П. С. Стефанович (д.и.н., проф. РАН, НИУ ВШЭ, ИРИ РАН),
игумен Тихон (Полянский) (к.филос.н., Троицкая церковь
Клинского округа Моск. епархии),
А. А. Турилов (к.и.н., ИСЛ РАН),
Б. Н. Флоря (д.и.н., чл.-корр. РАН, проф., ИСЛ РАН, МГУ),
М. С. Фомина (к.ф.н., Торонто),
И. Чекова-Димитрова (докт. фил., Софийский ун-т, Кёльнский ун-т),
С. З. Чернов (д.и.н., ИА РАН),
С. М. Шамин (д.и.н., ИРИ РАН),
Л. Штайндорф (докт. ист., проф., ун-т Киль),
Е. М. Юхименко (д.ф.н., ГИМ)

*Верстка: к.и.н. И. С. Агафонов
Корректор: к.ф.н. А. В. Духанина*

УДК 94(47) ББК 63.3(2)43 DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.001

А. В. Майоров

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. a.v.maiorov@gmail.com

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ, РИМСКИЙ ПАПА И МОНГОЛЬСКИЙ ХАН: К ВОПРОСУ О «ВЫБОРЕ» МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

Продолжая политику своего отца Ярослава Всеволодовича, Александр Невский был готов принять послушание Римской церкви и признать власть папы в церковных делах. Оба князя находились под сильным влиянием внешней политики монголов, реализуемой в отношении Латинского Запада. Под угрозой нового нашествия монголы стремились навязать папе и другим правителям Запада мирные соглашения на своих условиях, используя в качестве посредников русских князей и иерархов. Убеждая папу подчиниться хану, монголы обещали не только сохранение его власти над латинскими христианами, но и подчинение восточных христиан, прежде всего тех из них, кто уже оказался под властью завоевателей. В ответ папа Иннокентий IV пытался создать антимонгольскую коалицию с участием русских князей, явно переоценивая степень их политической самостоятельности в отношениях с монголами. Уклонившись от подготовки к войне против Запада, объявленной ханом Гуюком, Александр был вынужден участвовать в дипломатической экспансии монголов. Произошедшее вскоре изменение приоритетов завоевательной политики Монгольской империи привело к прекращению контактов Александра с папством.

Ключевые слова: Александр Невский, Ярослав Всеволодович, Иннокентий IV, Бату, Гуюк, Менгу

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00166.

В Житии Александра Невского, древнейшая редакция которого возникла, по-видимому, уже во второй половине XIII в., сообщается о богословском диспуте, состоявшемся под эгидой князя Александра с участием присланных папой кардиналов Галда и Гемонта. В большинстве редакций и списков памятника рассказ об этом помещен сразу после описания так называемой Неврюевой рати (монгольское нашествие на Северо-Восточную Русь весной или летом 1252 г.). Русский князь со своими «мудрецами» решительно отверг латинское вероучение, и папские послы отправились назад ни с чем¹.

Рассказ о визите на Русь римских кардиналов, если исходить из того, что в нем отражены подлинные события, свидетельствует о высоком уровне переговоров с Апостольским престолом, в ходе которых обсуждались возможный переход русского князя в латинство и признание власти папы. Не может быть случайностью, что в Житии Александра визит

¹ Житие Александра Невского. Первая редакция, 1280-е годы / Реконструкция текста Ю. К. Бегунова // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 194.

кардиналов почти совпадает по времени с нападением монголов. Оба фактора – латинский и монгольский – действовали одновременно, взаимно влияя друг на друга.

Если зависимость Александра от монголов никогда не ставилась под сомнение историками, то готовность князя вести переговоры о подчинении папству, наоборот, чаще всего отвергалась. Конечно, это объясняется общим состоянием доступных ныне источников. Кроме упомянутого рассказа княжеского Жития, на Руси не сохранилось никаких других сведений о контактах Александра с папой. Однако такие сведения предоставляют латинские источники, синхронные описываемым событиям.

Переписка Александра Невского с Иннокентием IV: *pro et contra*

Уже давно известно, что в регестах папы Иннокентия IV сохранились копии двух его посланий к Александру Невскому, причем содержание второго из них позволяет сделать вывод, что оно последовало за несохранившимся ответным посланием русского князя и что, таким образом, переписка носила взаимный характер.

Средневековые папские регесты по объему и многообразию содержащейся в них информации многократно превосходят любой другой известный ныне источник. Созданные в папской канцелярии, они представляют собой серию пергаменных кодексов, содержащих сокращенные копии посланий различным адресатам (их оригиналы в абсолютном большинстве случаев утрачены), последовательно сохранившиеся, начиная с понтификата Иннокентия III [Giusti, p. 133–148; Schieffer].

К сожалению для историков, долгое время ведение реестра папских посланий не было обязательным, и далеко не все категории писем подлежали учету. По разным оценкам, в XIII в. в регестах были зафиксированы лишь от 18 до 25 % от общего количества посланий, отправленных папой. Только во второй половине столетия число регистраций постепенно увеличилось и иногда могло достигать 50 %. Письма, получаемые папами от других лиц, в это время вообще не регистрировались (см.: [Herde, S. 241–242; Sayers, p. 51; Montaubin, p. 335]).

Включение в регесты копий посланий Иннокентия IV к Александру Невскому, а также к другому русскому князю Даниилу Галицкому свидетельствует не столько о полноте папских архивов, сколько об особой важности для папы контактов с Русью в это время.

Со времени первых публикаций документов продолжают споры в отношении как их подлинности, так и достоверности передаваемых в них сведений. Остановимся на наиболее важных аспектах дискуссии.

Первое послание Иннокентия IV датируется 23 января 1248 г.² В нем римский понтифик, ссылаясь на своего посланника к монголам, францисканца Иоанна (Джованни дель Плано Карпини), сообщает Александру: «Твой отец (великий князь Ярослав Всеволодович. – А. М.), страстно желая обратиться в нового человека, в присутствии своего советника, рыцаря Темера (Jemeris milites consiliarii sui), исполненный смирения, благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через руки того же брата (Карпини. – А. М.). Люди наверняка слышали бы об этом, если бы такая неожиданная и печальная смерть не вырвала его из жизни». Иннокентий IV продолжал увещевать Александра как «законного наследника» Ярослава вместе со своим народом присоединиться к послушанию Римской церкви и папы, представителя Бога на земле. Понтифик также настоятельно просил своего корреспондента своевременно информировать его через рыцарей Тевтонского ордена в Ливонии об угрозе нового вторжения монголов (на Латинском Западе и на Руси именуемых татарами), чтобы папа

² Les Registres d'Innocent IV (1243–1254) / Ed. E. Berger. Paris, 1884. T. 1. No. 4092. P. 621.

имел возможность «безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать»³.

Некоторые исследователи ставят под сомнение или даже полностью отвергают как недостоверное содержащееся в папском послании утверждение, что перед своей смертью князь Ярослав Всеволодович согласился принять послушание Римской церкви. В качестве доказательства обычно приводится тот факт, что Карпини в своем отчете, дошедшем до нас только в беллетризованном виде, не упоминает о каких-либо прокатолических настроениях князя Ярослава и о своей роли в обращении этого князя в латинство. Александр не поверил бы домыслам папы, так как их должны были опровергнуть русские свидетели, сопровождавшие Ярослава в поездке в Монголию и затем вернувшиеся на Русь [Кудрявцев, с. 165–166]⁴.

Однако нетрудно заметить, что сам папа и его советники, причастные к составлению письма, как бы предполагая такую возможность, приняли необходимые меры, чтобы предотвратить ее. В письме к Александру Иннокентий IV называет имя главного свидетеля – Темера, доверенного человека князя Ярослава, который оказывал услуги переводчика Плано Карпини. Темер, несомненно, был известен Александру, и, указывая на него, папа был уверен в надежности этого свидетеля, способного развеять любые сомнения насчет предсмертного волеизъявления Ярослава. Карпини знал и, очевидно, уведомил папу, что Темер вместе с другими приближенными Ярослава Всеволодовича после его трагической гибели в ставке ханши Туракины благополучно вернулся на Русь. В связи с этим Карпини специально подчеркивал, что «у них (то есть у Темера и других. – А. М.), если потребуется, можно будет отыскать истину» [IX.49]⁵.

Находясь при ханской ставке, брат Иоанн близко сошелся с князем Ярославом Всеволодовичем и его людьми. Именно последних папский посланник называет в качестве главных свидетелей своего пребывания при ханском дворе. Из окружения русского князя Карпини знал как минимум пять человек: среди них один (Темер) определен как *miles*, трое как *servientes* (слуги) и один как *clericus* (духовное лицо). Ранее в своем отчете термином *miles* Карпини обозначает приближенного другого русского князя, Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого вместе с ним в ставке Бату [III.4]⁶. Из русских источников известно, что этого человека звали Федор и он был боярином⁷. Это позволяет квалифицировать Темера не как простого слугу-переводчика князя Ярослава, а как его боярина и ближайшего советника, каковым он и назван в письме папы к Александру Невскому. Разумеется, показания такого свидетеля последних дней жизни Ярослава и его контактов с папским посланником должны были иметь важное значение для Александра.

В отчете Плано Карпини есть еще одна важная для нас деталь. Папскому посланнику было известно, что Туракина, вдова хана Угедэя и мать нового хана Гуюка, приказавшая отравить Ярослава Всеволодовича, вызвала к себе Александра Невского «под тем предлогом, что хочет подарить ему землю его отца». Карпини знал также, что в императорской ставке русского князя

³ Текст документа неоднократно опубликован, лучшее издание см.: Acta Innocentii PP. IV (1243–1254) / Ed. T. T. Haluščynskyj, M. M. Wojnar. Romae, 1962. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. IV/1). No. 59. P. 110–112 (здесь же сводка данных о предыдущих публикациях). Русский перевод (по изданию А. И. Тургенева 1841 г.) см.: Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. 2-е изд. М.; Самолва, 2020. № 11. С. 310–311.

⁴ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... С. 313.

⁵ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Eds. E. Menestò et al. (далее – Carpine). Spoleto, 1989. P. 331; Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука (далее – Карпини). М., 1957. С. 81–82.

⁶ Carpine. P. 238; Карпини. С. 29. На эту параллель первым обратил внимание А. А. Горский (см.: [Горский, 2014, с. 118–119]).

⁷ ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стб. 808; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Тексты. С. 58.

ожидает смерть или «вечный плен». Наконец, посланнику папы было известно, что Александр отказался ехать к хану Гуюку и его матери [IX.37]⁸. Если сведения о вызове наследника Ярослава в Монголию Карпини мог получить уже в ханской ставке, то узнать об отказе Александра подчиниться приказу хана папский посланник должен был гораздо позднее, когда он на обратном пути к папе достиг ставки Бату, или еще позднее, проезжая через Киев.

По расчетам А. А. Горского, послы монгольского хана могли достичь Новгорода, где находился тогда Александр Невский, уже в феврале 1247 г. Получив вызов незамедлительно прибыть к монгольскому императору, Александр не позднее конца февраля отправился в путь и уже в марте прибыл в Суздальскую землю. Когда 9 мая 1247 г. Карпини достиг ставки Бату, там его уже ждали люди Александра [Горский, 2019, с. 6]. Люди Александра могли встретить Карпини и в Киеве, куда он приехал в начале июня. Получив от брата Иоанна дополнительные сведения о судьбе Ярослава Всеволодовича, они информировали папского посла об отказе Александра ехать в имперскую столицу. Такому решению русского князя, несомненно, мог способствовать и сам Карпини, знавший о том, какая судьба ему уготована. Узнать об этом брат Иоанн мог от другого русского информатора, близкого к Гуюку, – мастера-ювелира по имени Косма (Cosmas), изготовившего трон для нового монгольского хана и оказывавшего покровительство францисканцам в ханской ставке [IX.38]⁹.

Таким образом, сведения о готовности Ярослава Всеволодовича подчиниться Римской церкви его сын Александр мог получить еще до отправки папского послания к нему, как от русского (боярин Темер), так и от латинского (Плано Карпини) свидетелей. К обоим из них он имел основания относиться с доверием. Поэтому я склоняюсь к выводу, уже давно сделанному в литературе: сообщаемые Иннокентием IV сведения о готовности Ярослава Всеволодовича вести переговоры о подчинении Римской церкви и ее главе следует признать достоверными (см.: [Пашуто, с. 269; Рамм, с. 161–162]).

Второе папское послание князю Александру Ярославичу датировано 15 сентября 1248 г.¹⁰ Изучение этого документа было затруднено ввиду отсутствия в Секретном архиве Ватикана оригинала регестов шестого года понтификата Иннокентия IV, во второй половине XVIII в. вывезенного во Францию и ныне находящегося в Национальной библиотеке в Париже (ms. lat. 4039); в Ватиканском архиве оригинал заменен копией, выполненной в 1779 г. (Reg. Vat. 21A) [Denifle, S. 76, Anm. 1; Giusti, p. 21, 135].

Из второго послания следует, что через своего легата, архиепископа Альберта, Иннокентий IV узнал о согласии Александра признать папу единственным главой церкви: «Господь отверз очи души твоей и наполнил тебя сиянием света своего, ибо, как узнали мы от нашего благословенного брата, архиепископа Прусского, легата Апостольского престола, ты преданно искал и прозорливо обрел путь, который позволит тебе весьма легко и весьма быстро достичь врат райских. ... А потому ты, дабы не быть удаленным им от врат, не угодив Богу, всячески высказывал рвение, чтобы путем истинного послушания приобщиться к единой главе Церкви. В знак этого ты предложил воздвигнуть в твоём городе Пскове кафедральный собор для латинян (Latinorum Ecclesiam erigere cathedralem). За это намерение твое мы воздаем искреннейшую хвалу Спасителю всех людей». В заключение папа просил Александра с честью принять архиепископа Альберта, пожелавшего лично посетить его¹¹.

⁸ Carpine. P. 323; Карпини. С. 77–78.

⁹ Carpine. P. 324; Карпини. С. 78.

¹⁰ Les Registres d'Innocent IV (1243–1254) / Ed. E. Berger. Paris, 1887. T. 2. No. 4129. P. 5.

¹¹ Acta Innocentii PP. IV (1243–1254). No. 65. P. 117–118; Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... № 12. С. 317–318.

И вновь некоторые историки ставят под сомнение подлинность процитированного документа или доказывают, что это письмо было адресовано не Александру Ярославичу, а какому-то другому правителю, более лояльному Римской церкви. На мой взгляд, оснований для подобных выводов недостаточно, и адресатом послания мог быть только Александр Невский (аргументацию см.: [Горский, 2018; Selart, 2015, p. 222–223]).

Папские письма, являющиеся частью продолжающейся переписки, обычно начинаются с цитирования или пересказа содержания предыдущих писем или других сообщений, полученных от лица, которому папа пишет. Следовательно, едва ли можно сомневаться в том, что прежде, чем написать свое второе письмо к Александру, папа Иннокентий получил некое послание от лица русского князя. Точно так же, судя по содержанию письма папы, не может быть сомнений в том, что Александр выразил готовность принять церковную унию и верховенство папы в церковных делах. Рассуждая об обретении Александром вечного спасения, папа, несомненно, подразумевал его переход в латинство. Об этом же свидетельствуют слова, что папа заключает русского князя в объятия любви «как избранного сына Церкви» (*tamquam specialem Ecclesiae filium*).

Можно допустить, что в риторике Иннокентия IV содержится некоторое преувеличение действительных намерений Александра. Однако верно и обратное: папа не мог злоупотреблять подобными средствами и грубо фальсифицировать факты, выдавать желаемое за действительное, не рискуя при этом спровоцировать сомнения и недоверие своего корреспондента.

Монголы и пролатинские настроения Ярослава Всеволодовича

После падения в 1204 г. Константинополя, захваченного участниками IV Крестового похода, Римская церковь активизировала свою прозелитическую деятельность на христианском Востоке. Изгнанные правители Византийской империи, перебравшиеся в Никею, со своей стороны были готовы обсуждать с папством возможность восстановления единства Римской и Греко-Византийской церквей, рассчитывая таким образом вернуть под свой контроль Константинополь. Это привело к нескольким раундам церковно-союзных переговоров, чередовавшихся с периодами вооруженной борьбы. Наиболее значительные попытки достичь компромисса мирными средствами, в которых активное участие принимали русские князья и иерархи, сохранившие верность Византийской церкви, можно видеть в середине 1230-х гг. (см.: [Maierov, 2018]), а также на рубеже 1240–1250-х гг. (см.: [Maierov, 2015]).

С начала 1240-х гг. политическую жизнь Запада в значительной мере стал определять новый фактор – растущая монгольская угроза, в равной мере затрагивавшая всех христиан Европы и Ближнего Востока. В 1243 г. монгольская угроза непосредственно достигла границ Никейской империи (см.: [Korobeinikov, p. 178–180; Angelov, p. 95–96]), столкнувшейся с реальной опасностью войны на два фронта – против монголов и Латинского Запада. В результате уже в 1244 г. при папском дворе появился высокопоставленный иерарх Византийской церкви – русский архиепископ Петр, временный глава Киевской (Русской) митрополии. Выступивший перед делегатами Лионского церковного собора (май – июнь 1245 г.), Петр не только сообщил новые для Запада сведения о монголах, но и передал сигнал о готовности Византийской церкви к новому раунду переговоров о восстановлении единства с Римом (см.: [Майоров, 2019; Maierov, 2020]).

По всей видимости, архиепископ Петр выполнял еще одну важную миссию при папском дворе, будучи одновременно представителем интересов монголов, новых властителей Киева и Южной Руси. Как недавно показал Питер Джексон, одна из задач Петра состояла в том, чтобы дезориентировать Римскую церковь и побудить ее главу первым начать мирные переговоры с монголами. Поэтому в своих показаниях Петр стремился убедить папу и кардиналов,

что свирепые завоеватели благосклонно (*benigne*) принимают послов и не причиняют им никакого вреда. Воодушевленный этими новыми сведениями, папа незамедлительно направил к им своих представителей (одним из которых стал Плато Карпини). Петр не предупредил папу только об одном: монголы приветствовали иностранных послов потому, что рассматривали их отправку как выражение готовности подчиниться своей власти, как первый шаг к признанию верховной власти хана. В политической культуре монголов любая просьба о мире была равнозначна готовности к добровольному подчинению. Не сделав этого шага, невозможно было установить мир с монголами (см.: [Jackson, 2016]).

Получив указание из Никеи начать новый раунд церковно-союзных переговоров с папой, архиепископ Петр, находившийся тогда, вероятнее всего, в Киеве, должен был согласовать свои действия с новым киевским князем Ярославом Всеволодовичем, недавно получившим этот стол по решению Бату¹². Исследователями неоднократно высказывались более или менее обоснованные предположения о том, что Петр был лично связан с князем Ярославом и отправился на Запад при его содействии (см.: [Abraham, s. 119, przyp. 1; Ammann, S. 246–247, Anm. 4; Dörrie, S. 183, 187; Толочко, с. 53]). Недавно ставший вассалом монгольского хана и вынужденный проводить его политику, Ярослав должен был поручить Петру убедить папу вступить в мирные переговоры с монголами. Таким образом, объективно архиепископ Петр выступал в роли двойного дипломатического агента, одновременно представлявшего интересы церковных властей Никеи и монгольского хана – нового верховного правителя Руси.

Осенью 1244 г. Петр достиг Северной Италии, где неожиданно столкнулся с папской курией, покинувшей Рим из-за конфликта с императором Фридрихом II, чтобы перебраться в более безопасный Лион (см.: [Wolter, Holstein, p. 49]). Петр последовал за папой в его новую резиденцию и провел там следующие полгода, пока не получил возможность выступить на церковном соборе. По возвращении из Лиона он, очевидно, проинформировал князя Ярослава о результатах своей миссии, все цели которой были достигнуты: папа был готов к возобновлению церковно-союзных переговоров с Никеей, начавшихся в скором времени, а также отправил не менее трех посольств к монголам с мирными предложениями.

Таким образом, готовность Ярослава Всеволодовича к подчинению Римской церкви, засвидетельствованная в приведенном выше письме Иннокентия IV к Александру Невскому, была обусловлена предшествующей политикой владимиро-суздальского князя, реализованной с помощью архиепископа Петра.

Поездка русских князей к Бату: хронология и локализация

Принято считать, что, когда папское послание от 23 января 1248 г. достигло Северо-Восточной Руси, Александра Ярославича там уже не было: в конце 1247 или в самом начале 1248 г. он вслед за своим младшим братом Андреем отправился к Бату [Горский, 2018, с. 187; Кудрявцев, с. 164]¹³. Такой вывод как будто следует из сообщения Лаврентьевской летописи, согласно которому: «Поеха Андреи, князь Ярославич в Татары к Батыеви, и Олександръ князь поеха по брате же к Батыеви, Батыи же почтивъ ею, и посла я г Каневичем»¹⁴. Приведенная запись – последняя в статье 6755 мартовского года, и, следовательно, она должна повествовать о событиях конца 1247 или первых двух месяцев 1248 г.

Однако в действительности в приведенной записи отражены события, выходящие за пределы 6755 г. Так, отъезд обоих братьев из ставки Бату для дальнейшего следования к верховному правителю империи («к Каневичем») мог произойти не ранее лета 1248 г.

¹² ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 470.

¹³ Матузова В. И., Назарова Е. А. Крестоносцы и Русь... С. 312.

¹⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 471.

Благосклонно принявший русских князей, Бату мог отправить их в ханскую ставку, очевидно, только после того, как получил сведения о смерти великого хана Гуюка, с которым имел давнюю вражду, едва не приведшую к вооруженному конфликту (см.: [Jackson, 1978, p. 198–201; Allsen, p. 21–22; Kim, p. 328–331]; ср.: [Норе, р. 70]). Согласно жизнеописанию Гуюка, сохранившемуся в составе официальной истории династии Юань («Юань-ши»), смерть постигла императора весной в третьей луне года у-шэнь, то есть между 27 марта и 24 апреля 1248 г.¹⁵ Еще некоторое время понадобилось на то, чтобы известие об этом достигло ставки Бату, а затем Руси.

В противостоянии Гуюка и Бату, по-видимому, принимали участие также некоторые русские князья. Опасаясь за свою жизнь, Александр Ярославич, как уже говорилось, в 1247 г. проигнорировал требование матери Гуюка и, вероятно, самого императора, отказавшись прибыть к ним для определения его дальнейшей судьбы. При таких обстоятельствах санкционированная Бату поездка Александра к верховному монгольскому правителю могла состояться, скорее всего, только после смерти Гуюка и соответствующих изменений политической ситуации в империи. Использованная в русской летописи форма «каневичи» (вместо «кань»), как кажется, подтверждает наши наблюдения. Во всяком случае, она более соответствует ситуации, возникшей после смерти хана, когда власть в империи перешла к его наследникам – *каневичам*. Таковыми некоторое время могли считаться Огул-Гаймыш, вдова Гуюка, и его сыновья.

Итак, в записи Лаврентьевской летописи об отъезде Андрея и Александра Ярославичей к Бату, а затем к «кановичам» изложены события не только рубежа 1247–1248, но и первой половины 1248 г. Этот вывод, в свою очередь, предполагает, что Александр мог оставаться в Северо-Восточной Руси еще несколько месяцев после того, как его младший брат выехал к Бату, – вплоть до конца весны – начала лета 1248 г., пока не получил от Бату известие о смерти Гуюка и предписание ехать к его наследникам. Таким образом, Александр имел возможность не только получить, но и ответить на послание папы Иннокентия IV от 23 января 1248 г.

Но даже если допустить, что Александр Невский отбыл к Бату одновременно со своим младшим братом и по этой причине не смог лично встретиться с послами папы, это не означает, что первое папское послание не могло попасть в руки Александра вплоть до его возвращения из поездки к Огул-Гаймыш. Нет сомнений, что в рассматриваемое время русские князья располагали быстрой почтовой связью, возможно, созданной при участии монголов, которая обеспечивала оперативные контакты со ставкой ордынского правителя.

По свидетельству Плано Карпини, галицко-волинский князь Даниил Романович выехал в Орду лишь после того, как получил разрешение на проезд через степь от Бату, доставленное специальным гонцом. Об этом папский посланник узнал во время встречи с Васильком Романовичем поздней осенью 1245 г. [IX.2]¹⁶. Острая необходимость поездки к Бату возникла у Даниила после того, как к нему и его брату прибыли послы одного из татарских правителей по имени Мауци с требованием отдать Галич (вероятно, под власть самого Мауци или другого представителя монгольской администрации)¹⁷. Эти послы прибыли к Романовичам вскоре после их победы над черниговским князем Ростиславом Михайловичем и его союзниками в битве под Ярославом (17 августа 1245 г.). Выходит, что между 17 августа и 26 октября (день отъезда Даниила к Бату) должны были произойти два взаимосвязанных события: прибытие послов от Мауци и поездка гонца князя Василька к Бату за разрешением на проезд для князя

¹⁵ Abramowski W. Die chinesischen Annalen von Ögödei and Güyük: Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-Shih // Zentralasiatische Studien. 1976. Bd 10. S. 152; Храпачевский Р. П. Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники. С. 179.

¹⁶ Carpine. P. 303; Карпини. С. 66.

¹⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 805–806.

Даниила (о хронологии событий см.: [Грушевский, с. 32]). Таким образом, на поездку княжеского курьера в ставку Бату (располагавшуюся в это время, вероятнее всего, в низовьях Волги) и его возвращение на Вольту остается около двух месяцев (см.: [Майоров, 2015, с. 105–106; Майоров, 2016]). Значит, в течение одного месяца этот курьер мог преодолевать около двух тысяч километров пути.

Следует, однако, учитывать, что в первой половине 1248 г. Бату уже не было на нижней Волге. Через некоторое время после интронизации Гуюка правитель улуса Джучи переместился на восток своих владений и находился в лагере, располагавшемся в Ала-Камаке, неизвестном месте в недельном переходе от Каялыка, города к югу от озера Балхаш и к западу от Джунгарии (см.: [Бартольд, с. 558; Allsen, р. 22; Норе, р. 73–74]). По расчетам Романа Хауталы, Бату покинул свою ставку в низовьях Волги между 9 мая и 30 июля 1247 г. и оставался в Ала-Камаке несколько лет, вплоть до предварительного избрания Менгу (Мунке) или, точнее, его утверждения в качестве единственного кандидата на имперский трон (между 5 мая и 2 июня 1250 г.) либо еще дольше – вплоть до официального возведения Менгу на ханский престол (1 июля 1251 г.) [Хаутала, с. 204–205].

На несколько лет Ала-Камак стал не только столицей Улуса Джучи, но и одним из главных политических центров всей Монгольской империи, где принимались решения, касавшиеся наследования верховной власти. Именно в Ала-Камак должны были прибыть русские князья Андрей и Александр Ярославичи, здесь летом 1248 г. их принимал и напутствовал Бату, и отсюда затем они должны были продолжить свой путь далее на восток, в ставку Огул-Гаймыш.

Нет сомнений, что высокоскоростная курьерская связь, используемая галицко-волынскими князьями, в равной мере была доступна также правителям Владимиро-Суздальской Руси, особенно после неоднократных поездок в ставку Бату отца Александра, великого князя Ярослава Всеволодовича, получившего от Бату также власть над Киевом и женившегося третьим браком на близкой родственнице (вероятно, сестре) этого правителя (см.: [Горский, 2020]).

Допуская, что Александр Ярославич мог провести в ставке Бату в Ала-Камаке всю первую половину 1248 г., мы должны признать, что и в этом случае у русского князя оставалась возможность получить и ответить на письмо папы, датированное 23 января. Прибывшее во Владимир после отъезда Александра, папское письмо могло последовать за ним и быть доставлено курьером, когда князь находился на пути в Ала-Камак или уже достиг его. Исходя из содержания следующего послания Иннокентия IV (от 15 сентября 1248 г.) можно заключить, что Александр воспользовался возможностью вступить в переписку с понтификом: русский князь не только подтвердил свою готовность признать власть папы, но и обещал возвести во Пскове кафедральный собор, вероятно, для вновь создаваемой на Руси епархии Римской церкви.

Русская легация архиепископа Альберта

В своем втором послании к Александру Невскому Иннокентий IV приводит слово русского князя, ссылаясь не на личное письмо последнего, а на сообщение прусского архиепископа Альберта. Выходит, что о своей готовности подчиниться Римской церкви папу оповестил не сам Александр, а третье лицо – прусский архиепископ. В отличие от галицко-волынских князей Даниила и Василька Романовичей, в 1246–1247 гг. напрямую переписывавшихся с папой по вопросам церковной унии, Александр Ярославич общался с римским понтификом через посредника. Таковым для князя Александра стал архиепископ Прусский, Ливонский и Эстонский Альберт Зуербеер.

В официальном жизнеописании Иннокентия IV, составленном вскоре после кончины понтифика его капелланом, впоследствии епископом Ассизским Николо да Кальви (Николай де

Карбио), сообщается, что «на втором году своего понтификата» (то есть между концом июня 1244 и началом июля 1245 г.) папа, «охваченный рвением к обращению душ гиблых народов», отправил послов в различные области и страны, «чтобы множество народов пришло к святой католической вере». Одним из посланцев папы был архиепископ Альберт, отправленный на Русь: «Также господин Альберт, архиепископ Ливонии и Пруссии, был послан к рутенам, которые отправили торжественное посольство к Римской курии, чтобы [та] послала к ним легата, через которого они были бы научены и получили наставления в католической вере, поскольку они живут по обычаю и обрядам греков»¹⁸.

В приведенном документе, несомненно, речь также идет об Альберте Зуербеере, с 1240 г. архиепископе Армы и примасе Ирландии. Предпринимавший энергичные меры для пополнения папской казны, Альберт был крайне непопулярен в своей епархии и в 1244 г. покинул ее (см.: [Conlan]). Почти весь следующий год Альберт провел при папской курии и решительно поддержал Иннокентия IV на Лионском соборе, в частности, он поддержал спорное решение папы о низложении императора Фридриха II. Тогда же Альберт отрекся от своей прежней кафедры и стал ждать нового назначения. В декабре 1245 г. после смерти прусского епископа Христиана специально для Альберта Зуербеера было учреждено новое архиепископство Пруссии, Ливонии и Эстонии. Однако, не принятый тевтонскими рыцарями, Альберт долгое время не мог обосноваться в своей архиепархии. В качестве компенсации в 1246 г. он получил небольшое епископство Кимзее (церковная провинция Зальцбурга), а в 1247 г. – вакантную кафедру в Любеке (церковная провинция Бремена). Только перебравшись в Любек, Альберт получил возможность влиять на церковную жизнь в Прибалтике (см.: [Forstreuter; Urban, p. 217–219; Selart, 2007, S. 476–479]).

Согласно приведенному выше сообщению жизнеописания Иннокентия IV, архиепископ Альберт был отправлен к русским по их собственной просьбе, которую к Римской курии доставило «торжественное посольство», прибывшее из Руси. Таким посольством, непосредственно предшествовавшим новому назначению Альберта, могла быть только делегация русского архиепископа Петра, лично принятого папой и выступившего перед участниками Лионского собора. Назначение Альберта папским легатом для Руси могло произойти вскоре после окончания работы собора, то есть еще до истечения второго года понтификата Иннокентия IV, как полагал его биограф.

В отличие от простых послов (нунциев) легаты обладали полномочиями не только транслировать волю папы, но и осуществлять папскую власть в области церковного управления и дипломатических отношений в пределах полученного мандата (см.: [Queller, p. 198, 200, 225; Schmutz, p. 443–445; Müller]). Назначение папского легата, чьи полномочия распространялись на территорию православной Руси, – событие почти исключительное. Известны лишь единичные случаи такого рода, и все они были связаны с церковно-союзными переговорами и попытками объединения Римской и Византийской церквей.

В сохранившихся в папских регестах копиях двух посланий от 3 мая 1246 г., адресованных лично архиепископу Альберту¹⁹, папа Иннокентий обращается к нему как к действующему легату (Apostolicae Sedis Legato), что подтверждает вывод о назначении его на Русь в более раннее время.

¹⁸ «Ad Rutenos quoque, qui ad Romanam curiam suos sollempnes nuncios destinarunt, ut eis legatum mitteret, per quem instruerentur et informare(n)tur in fide catholica, cum more Grecorum et ritu uiuerent, missus est dominus Albertus archiepiscopus Liuonie et Prussie» (Vita Innocentii IV scripta a fr. Nicolao de Carbio / Ed. A. Melloni // Melloni A. Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della cristianità come regimen unius personae. Genova, 1990. Appendice. P. 270).

¹⁹ Les Registres d'Innocent IV (1243–1254). T. I. No. 1818–1819. P. 272.

В первом послании папа призвал Альберта незамедлительно отправиться на Русь, чтобы исполнить свою миссию по «распространению и укреплению католической веры»²⁰. Вторым письмом папа предоставил Альберту дополнительные полномочия: «Чтобы ты свободнее исполнял порученные тебе обязанности легата в областях Руси, в силу нынешнего положения вещей мы разрешаем тебе, чтобы ты в тех же областях, постольку поскольку ты увидишь, что это полезно, имел власть как легат Апостольского престола устанавливать и назначать католических епископов из ордена доминиканцев или францисканцев и прочих монахов, либо также из священнослужителей, не живущих по монашескому уставу, [с тем, чтобы] поручить им апостольской властью обязанность конфирмации и освящения»²¹.

Как видим, в обязанности архиепископа Альберта входило создание в русских землях новой территориально-административной структуры Римской церкви, состоявшей из нескольких епархий. Одна из них, очевидно, должна была возникнуть во Пскове.

Только после того, как архиепископ Альберт перебрался в Любек и стабилизировал свои отношения с тевтонскими рыцарями в Пруссии, он смог приступить к исполнению обязанностей папского легата на Руси. Единственным свидетельством этого, зафиксированным в документах середины XIII в., является участие Альберта в переписке папы Иннокентия с Александром Невским. Вместе с тем, если учитывать пожелание папы поддерживать связь через рыцарей Тевтонского ордена в Ливонии, выраженное в первом письме к Александру, можно предположить, что оба папских послания и несохранившийся ответ на первое из них были доставлены адресатам также при участии тевтонских рыцарей.

Архиепископ Альберт, в 1245 г. находившийся при папском дворе в Лионе и всячески искавший расположения понтифика, очевидно, имел возможность лично встречаться с русским архиепископом Петром. Не исключено, что выбор именно Альберта в качестве папского легата для Руси был вызван его контактами с русской делегацией в Лионе, из отчета которой об этом легате могли узнать князья Северо-Восточной Руси. Поэтому, обращаясь к Александру Невскому с просьбой с честью принять архиепископа Альберта, Иннокентий IV имел основания рассчитывать на положительный отклик. Ни в русских, ни в латинских источниках нет следов визита архиепископа Альберта к князю Александру, однако нет никаких сомнений насчет подготовки и целей такого визита.

Если переписка Иннокентия IV с Александром Невским происходила при посредничестве архиепископа Альберта Зуербеера (в конце 1247 г. прибывшего в Любек) и тевтонских рыцарей, то мы имеем возможность примерно восстановить путь, по которому должна была осуществляться подобная коммуникация. На первом этапе из Лиона папскими курьерами письма доставлялись в Любек, затем с помощью тевтонских рыцарей они переправлялись в Новгород, оттуда – во Владимир; далее послания могли быть доставлены в ставку Джучидов на нижней Волге, откуда затем – в восточную ставку Бату в Ала-Камаке. Общая длина такого пути достигала семи с половиной тысяч километров в одну сторону.

Если учитывать, что между отправкой первого и второго папских посланий к Александру прошло менее восьми месяцев, то для преодоления пути между Лионом и Ала-Камаком оставалось менее четырех месяцев. Значит, курьеры, обеспечивавшие почтовую связь на этом пути, должны были двигаться почти с максимальной для того времени скоростью. На мой

²⁰ Acta Innocentii PP. IV (1243–1254). No. 27. P. 68–69.

²¹ «Ut commissum tibi in Russiae partibus legationis officium liberius exequaris, praesentiarum tibi auctoritate concedimus, ut in eisdem partibus, prout expedire videris, tamquam Legatus Sedis Apostolicae Episcopos latinos de Ordine Praedicatorum vel Minorum ac aliorum religiosorum et de clericis saecularibus etiam, instituere ac ordinare valeas, eis confirmationis et consecrationis munus auctoritate apostolica impensurus» (Acta Innocentii PP. IV (1243–1254). No. 27a. P. 69).

взгляд, едва ли подобное было возможно тогда на всех участках этого трудного и чрезвычайно продолжительного пути.

Кроме того, из второго письма Иннокентия IV следует, что Александр Невский, помимо получения писем от папы, успел провести какие-то переговоры с его представителями, во время которых обсуждались вопросы, не входившие в первоначальную повестку. Прежде всего, это касается согласия Александра построить латинский кафедральный собор во Пскове, о чем папа не просил русского князя в первом письме, но щедро похвалил его за это во втором послании. Значит, первое письмо папы было доставлено к Александру не простым курьером, а посланником, имевшим полномочия вести переговоры о конкретных условиях церковной унии. Скорее всего, этот посланник был отправлен к Александру архиепископом и папским легатом Альбертом Зуербеером, имевшим, как мы видели, прямое поручение понтифика создавать в русских землях новые епархии Римской церкви.

Все сказанное повышает вероятность предположения, что первое письмо папы застало Александра в Северо-Восточной Руси, куда оно могло быть доставлено в мае 1248 г., тогда как в поездку к Бату князь отправился позднее, не ранее начала лета.

В это время владимирский великокняжеский стол уже занимал Святослав Всеволодович, младший брат покойного Ярослава, тогда как Александр вокняжился, вероятно, в соседнем Суздале²². При таких условиях договариваться о церковной унии папским послам следовало бы со Святославом, старшим князем Северо-Восточной Руси, а не с его племянником. Приветствуя последнего как князя Суздаля (*dux Susdaliensis*), папа, очевидно, ориентировался на информацию Плано Карпини, неоднократно называвшего Ярослава, отца Александра, «князем Суздаля» (*dux de Susdal*) [IX.31; IX.37]²³. Папа и его советники, похоже, предполагали, что на Руси, как и на Западе, власть наследуется от отца к сыну, и не учли специфику наследования княжеской власти у Рюриковичей. Кроме того, латинян могло сбить с толку, что на Руси в это время название «Суздаль» не только обозначало город, но также использовалось как политоним, обозначающий всю Владимиро-Суздальскую землю, управлявшуюся не из Суздаля, а из Владимира (см.: [Горский, 2015]). В ходе личных переговоров с Александром представители папы, быстро оценив обстановку, внесли коррективы в свои первоначальные планы и договаривались с ним уже не как с суздальским, а как с новгородским и псковским князем, и в своем втором письме к Александру папа приветствовал его уже как «светлейшего короля Новгорода» (*illustri regi Novgradiae*).

Итак, встреча Александра Ярославича с представителем папы должна была состояться в Северо-Восточной Руси, вероятнее всего в Суздале. По-видимому, Александр имел дело с полномочным представителем папского легата Альберта Зуербеера (возможно, вице-легатом). Трудно допустить, чтобы этот последний, не застав князя в Суздале, пустился вдогонку за ним и проделал путь до самого Ала-Камака.

Русские князья в монгольских планах подчинения Запада

По всей видимости, лояльность Александра Невского в отношении Римской церкви была того же рода, что и у его отца, и зависела, прежде всего, от внешнеполитической ситуации, в которой действовали оба князя. Наряду с описанным выше влиянием Никеи, чьи правители для возвращения Константинополя готовы были использовать любые средства и идти на любые уловки, вплоть до обещаний подчинить папе Византийскую церковь, Ярослав и Александр,

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; см. также: [Горский, 2020, с. 32].

²³ Carpine. P. 319, 323; Карпини. С. 75, 77.

несомненно, находились под сильным влиянием внешней политики монголов, реализуемой в отношении Латинского Запада.

Новый великий хан Гуюк, придя к власти, вернулся к прежним планам завоевания Запада, прерванным смертью Угедэя (см.: [Kim, p. 329–331]). Ставший свидетелем интронизации Гуюка, Плано Карпини имел возможность узнать об этом непосредственно от него самого: «Еще надо знать, – писал папский посланник, – что император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию» [VIII.5]. При этом целью монголов был весь Латинский Запад, и главный путь завоевателей, как и во времена Угедэя, должен был пройти через Польшу и Венгрию: «Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое – через Польшу» [VIII.4]²⁴.

Будучи уверенным в том, что монголы объявили войну всему Латинскому Западу во главе с папой и императором, Карпини точно знал, при каких условиях можно избежать прямого столкновения с завоевателями. Согласно отчету папского посланника, монгольский император «поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину папе, государям и всем народам христиан на Западе» [VIII.2]²⁵. Приказ монгольского императора папе и правителям Запада, о котором говорит Карпини, содержался в письме-ультиматуме, доставленном папским послом в Лион. Обращаясь, прежде всего, к Иннокентию IV, Гуюк потребовал: «Ныне вы должны сказать чистосердечно: “мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество”. Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами»²⁶.

Созданный Чингисханом сакральный идеал глобальной империи, питавший претензии на мировое господство его преемников, предполагал постоянное расширение сферы монгольских завоеваний. Альтернативой военному подчинению могло быть только добровольное признание власти великого хана. Любого иностранного правителя, который лично или через своих послов обращался с просьбой о мире, хан воспринимал как своего подданного, готового к подчинению. Последний не мог выступать в качестве равного партнера и должен был занять предписанное ему положение в структуре глобальной империи, создаваемой монголами. В политическом словаре монголов тюрко-монгольский термин *el/il* (персидский *īlī*) обозначал одновременно «мир» и «подчинение» [Ruotsala, p. 106–108; Jackson, 2005, p. 46]. Никакого исключения не было сделано и для послов римского папы, от которых монголы требовали прохождения не только очистительных обрядов, но и обрядов, выражавших покорность монгольскому правителю, а мирное послание Иннокентия IV хан Гуюк однозначно интерпретировал как выражение покорности (см.: [Jackson, 2012, p. 229–231]).

Точно так же монголы действовали в отношении русских князей, начиная с первого контакта с ними в 1223 г. Предлагая мир, подразумевавший полное подчинение, и получив отказ, завоеватели начинали полномасштабную войну (см.: [Maiorov, 2021a; Maiorov, 2021b]).

Оказавшись под властью монголов, русские князья, в том числе Александр Невский, были интегрированы в военно-административную структуру империи и должны были участвовать в дальнейших завоеваниях. По сообщению Плано Карпини, рассмотренному выше, осенью 1246 г. Александр был вызван в ставку монгольского императора, где его могла ожидать гибель

²⁴ Carpine. P. 295; Карпини. С. 60.

²⁵ Carpine. P. 294; Карпини. С. 59.

²⁶ *Pelliot P. Les Mongols et la papauté* [I] // *Revue de l'Orient chrétien*. 1922–1923. Vol. 23. P. 17 (текст), 18 (французский перевод); русский перевод см.: Карпини. С. 220–221. Примеч. 217.

или «вечный плен». В действительности за этим вызовом скрывалось намерение монгольских стратегов использовать Александра в войне с теми, кого он недавно побеждал, – рыцарями Тевтонского ордена, ведь тогда же хан Гуюк во всеуслышание заявил о решении отправить одну из своих армий в Ливонию и Пруссию (см.: [Горский, 2019, с. 10]).

Пока шла подготовка новой завоевательной кампании против Запада, усиленно работала монгольская дипломатия, целью которой было склонить его главных правителей, включая папу Иннокентия IV, императора Фридриха II и французского короля Людовика IX, к признанию верховной власти хана. Именно в 1248 г. монгольские власти вели мирные переговоры сразу со всеми ними, используя в качестве послов или посредников восточных христиан (см.: [Maigorov (in print)]).

В то самое время, когда Александр Невский отправлял свое ответное послание папе, в Лион прибыли послы монгольского императора и в ходе мирных переговоров с Иннокентием IV обсуждали возможность военных действий против общего врага в Малой Азии – никейского императора Иоанна III Ватаца²⁷. В обмен на признание верховной власти хана монголы могли обещать папе не только сохранение его власти над латинскими христианами, но и подчинение восточных христиан и прежде всего тех, кто уже оказался под властью завоевателей.

Неожиданная смерть хана Гуюка внесла коррективы в эти планы, открыв новый виток борьбы за верховную власть в империи, в которой самую активную роль играл правитель Улуса Джучи. Русским князьям Александру и Андрею Ярославичам было уготовано сыграть свою роль в этой борьбе.

Находясь в тайном сговоре с Сорхатани, матерью будущего великого хана Менгу, и фактически готовя переворот в пользу последнего, Бату делал все возможное, чтобы усыпить бдительность своих противников во главе с ханшей Огул-Гаймыш. После смерти Гуюка Бату и Сорхатани отправили к его вдове богатые подарки, всячески демонстрируя ей свою лояльность. Как старший в роде Чингизидов Бату предложил, чтобы Огул-Гаймыш была назначена регентом и управляла делами империи с помощью главных министров своего супруга, пока новый курултай не примет решение о преемнике Гуюка (см.: [Jackson, 1978, p. 207–208; Allsen, p. 22–23]).

Подчеркивая свою лояльность Огул-Гаймыш как верховной правительнице империи, Бату направил к ней русских князей Александра и Андрея Ярославичей, чтобы она сама приняла решение об их дальнейшей судьбе. Вдова Гуюка, похоже, оценила этот жест и не стала наказывать Александра за неповиновение приказу покойного императора, если не считать наказанием ее решение передать владимирский великокняжеский стол младшему брату Александра, тогда как он сам получил Киев и старейшинство над всеми русскими князьями: «Приказаша Олександрови Киевъ и всю Русьскую землю, а Андреи седе в Володимери на столе»²⁸. Поддержав ставленников Бату, Огул-Гаймыш, вероятно, рассчитывала получить в ответ лояльность последнего и поддержку одного из своих сыновей на предстоящих выборах великого хана. Как бы то ни было, оба Ярославича существенно повысили свой княжеский статус на Руси и благополучно вернулись на родину.

Прибыв в Ала-Камак, вероятно, в конце лета 1248 г., Александр со своим младшим братом мог достичь ставки Огул-Гаймыш уже в начале осени. В это время ставки обоих монгольских правителей находились сравнительно недалеко друг от друга, на расстоянии, не превышавшем нескольких сотен километров. После смерти Гуюка и вплоть до своего падения

²⁷ Matthei Parisiensis Chronica Majora / Ed. H. Luard. London, 1880. Vol. 5. P. 37–38; Matthei Parisiensis Historia Anglorum / Ed. H. Luard. London, 1869. Vol. 3. P. 38–39; новейшие исследователи принимают эти известия как достоверные (см.: [Korobeinikov, p. 183; Angelov, p. 95]).

²⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 472.

в 1251 г. Огул-Гаймыш пребывала в принадлежавшей ее покойному мужу императорской резиденции в городе Эмель (Эмиль), располагавшемся на берегу одноименной реки, недалеко от ее впадения в озеро Алаколь (см.: [Pelliot, 1973, p. 33–34; Jackson, 1978, p. 204, 211; Allsen, p. 22; Jackson, 2017, p. 102]). Здесь в 1250 г. Огул-Гаймыш принимала посольство французского короля Людовика IX, возглавляемое Андре де Лонжюмо, и в ответ на присланные королем роскошные подарки потребовала от него полного подчинения своей власти (см.: [Pelliot, 1924, p. 206–208; Rachewiltz, p. 121–123]).

Местоположение Эмеля, как и Ала-Камака, до сих пор точно не определено. По-видимому, оба пункта следует искать на территории современного Казахстана.

Известно, что вдоль северного берега озера Алаколь и далее по течению реки Эмель проходил один из самых оживленных и благоустроенных участков трансконтинентального пути, связывавшего Нижнее Поволжье и Среднюю Азию с главными центрами Монгольской империи. По этому участку, построенному в правление Угедэя, в 1240–1250-е гг. следовали европейские, ближневосточные и китайские правители и дипломаты, оставившие свои путевые заметки, – Плано Карпини, царь Киликийской Армении Хетум I, Гийом де Рубрук и Чандэ (см.: [Shim, p. 421–427]).

Эмель, упоминающийся в китайских источниках как укрепленный стенами город, входивший в наследственный юрт Гуюка (см.: [Dardess, p. 359, 381, note 13]), может быть отождествлен со средневековым городом Найманкала, расположенным в современном Урджарском районе Восточно-Казахстанской области. Построенный кара-китаями, этот город имел четверо ворот, над одними из них была возведена проездная башня. Жизнь в городе зародилась в X–XI вв. и продолжалась до конца XIII в. (см.: [Toleubayev, Shagirbaev]).

Именно здесь, недалеко от казахстанско-китайской границы, должно было закончиться путешествие русских князей, предпринятое летом – осенью 1248 г. Распространенное мнение о том, что в это время Александр и Андрей Ярославичи посещали Каракорум и достигли территории современной Монголии, следует признать ошибочным (дополнительные аргументы см.: [Хаутала, с. 203–205]).

Получив подтверждение своих княжеских прав в Эмеле, резиденции Огул-Гаймыш, оба Ярославича могли вернуться на Русь уже в начале 1249 г. К этому времени в Суздаль, вероятно, уже прибыло второе письмо папы, заинтересованного в укреплении отношений с Александром.

После того как Плано Карпини доставил в Лион тревожные сведения о подготовке Гуюком нового завоевательного похода против Запада, Иннокентий IV разработал план создания антимонгольской коалиции, в которую наряду с отделениями Тевтонского ордена в Пруссии и Ливонии должны были также войти Литва и Русь (с ее сильнейшими князьями – Александром Невским и Даниилом Галицким) (см.: [Lind; Горский, 2019]). Этому плану как нельзя лучше соответствовали сведения об отказе Александра ехать в ставку Гуюка, предоставленные тем же Карпини. Папа преувеличенно трактовал их как готовность русского князя к противостоянию завоевателям. Свое первое послание к Александру Иннокентий IV заканчивал словами: «За то же, что не пожелал ты подставить выю твою под ярмо татарских дикарей, мы будем воздавать хвалу мудрости твоей к вящей славе Господней»²⁹.

Строя планы насчет Александра Невского, папа, похоже, переоценивал его внешнеполитическую самостоятельность и неверно понимал характер отношений русского князя с монголами. Александр, как и его отец, был тесно связан с Бату и в силу этого был вовлечен в его противостояние с Гуюком. В такой обстановке стороннему наблюдателю

²⁹ Acta Innocentii PP. IV (1243–1254). No. 59. P. 112; Мамузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... № 11. С. 311.

действительно могло показаться, что Александр мог выйти из повиновения верховному правителю монголов. Однако папа и его информаторы вольно или невольно упускали из виду связь Александра с правителем Улуса Джучи. После политического переворота в Монгольской империи, произведенного при активном участии Бату, зависимость от него русских князей должна была еще больше усилиться.

Таким образом, в конце 1240-х гг. у Александра Ярославича не было никакой возможности выбирать между Латинским Западом и Монгольской империей, оказавшимися на пороге нового столкновения друг с другом. Тем не менее русский князь сделал выбор, разумеется, в доступных ему пределах. Рискнув жизнью, Александр отказался выполнить приказ великого хана и постарался уклониться от участия в войне против Запада, которую его полки должны были вести в Ливонии и Пруссии, ограничившись участием в дипломатической подготовке монгольской экспансии.

Утрата регестов седьмого года понтификата Иннокентия IV, включавших документы за вторую половину 1249 – первую половину 1250 г. (их содержание может быть восстановлено лишь частично, см.: [Pásztor]), не позволяет утверждать, что контакты Александра с папством были полностью прерваны после его возвращения из Эмея и Ала-Камака. Скорее, наоборот, приведенный выше рассказ Жития Александра Невского о визите к нему римских кардиналов, посланных папой, может свидетельствовать в пользу продолжения каких-то контактов с Иннокентием IV еще в течение нескольких лет, сопровождавшихся перепиской (в Житии сообщается, что Александр и его советники свой ответ папе отправили в письменном виде – «въсписа к нему»).

Вместе с тем открытая борьба за верховную власть в Монгольской империи, начавшаяся уже в 1250 г., отсрочила планы завоевания Запада, и это действительно могло приостановить контакты с Римом русского князя. В еще большей степени замораживанию отношений способствовало изменение приоритетов внешней политики нового императора. Менгу, в отличие от Гуюка, свои главные усилия сосредоточил на завоевании Южного Китая и Ближнего Востока. Прежние планы по подчинению Латинского Запада снова были отложены. В результате посреднические усилия русских князей в отношениях монголов с папой, имевшие целью способствовать продолжению выгодных завоевателям мирных переговоров, оказались не востребованными.

Полный разрыв Александра Невского с папством произошел, по-видимому, в 1252 г., если доверять упомянутому рассказу Жития Александра о прибытии к нему римских кардиналов с проповедью латинства, решительно отвергнутого русским князем. Отправляя своих представителей к Александру, папа, похоже, еще не знал или не до конца понимал, что готовность русского князя к союзу с Римом в это время полностью зависела от колебаний западной политики его сюзерена – монгольского хана – и что у Латинского Запада не было никаких реальных средств, чтобы предотвратить или ослабить эту зависимость.

Литература

- Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 760 с., 1 л. портр.
- Горский А. А. Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (73). С. 115–121.
- Горский А. А. Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII–XIV веков // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях. Владимир, 2015. С. 27–32.
- Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Горский А. А. «Бесчисленные рати и великия труды...»: Проблемы русской истории XI–XV веков. СПб., 2018. С. 182–189.

- Горский А. А. Плано Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 5–11. DOI 10.25986/IRI.2019.77.3.001
- Горский А. А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37. DOI 10.31857/S086956870010768-5
- Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. 1901. Т. 41. С. 1–72.
- Кудрявцев О. Ф. Александр Невский и папство // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 159–172.
- Майоров А. В. Послания римского папы Иннокентия IV к Даниилу Галицкому: материалы для историко-археографического комментария // *Rossica Antiqua*. 2015. № 1. С. 63–120.
- Майоров А. В. Даниил Галицкий в пути к хану Батю: к спорам о продолжительности поездки князя в Орду // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 195–202.
- Майоров А. В. Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. // ВВ. М., 2019. Т. 103. С. 128–152.
- Паиуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. 331 с., 1 отд. л. карт.
- Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. 283 с.
- Толочко О. П. Петро Акерович – гаданий митрополит вся Русі // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 45–54.
- Хаутала Р. Ездил ли Александр Невский в Монголию? Несколько замечаний о поездках Александра Невского и его отца к монгольским правителям // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 199–207.
- Abraham W. Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. Lviv, 1904. Т. 1. XVI, 418 s.
- Allsen T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley; Los Angeles; London, 1987. XVII, 278 p.
- Ammann A. M. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Roma, 1936. 316 S.
- Angelov D. The Byzantine Hellene: The Life of Emperor Theodore Laskaris and Byzantium in the Thirteenth Century. Cambridge, 2019. XX, 441 p.
- Conlan P. Albrecht Suerbeer, Archbishop of Armagh: "Albrecht the German" // Journal of the Armagh Diocesan Historical Society. 2004. Vol. 20. P. 19–23.
- Dardess J. W. From Mongol Empire to Yuan Dynasty: Changing Forms of Imperial Rule in Mongolia and Central Asia // The History of Mongolia. Folkestone, 2010. Vol. 1. The Pre-Chinggisid Era. Chinggis Khan and the Mongol Empire. P. 358–389.
- Denifle H. Die päpstlichen Registerbände des 13. Jhs. und das Inventar derselben vom J. 1339 // Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters. 1886. Bd 2. S. 1–106.
- Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philolog.-hist. Klasse. 1956. No. 6. S. 125–202.
- Forstreuter K. Die Gründung des Erzbistums Preussen 1245/1246 // Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg. 1960. Bd 10. S. 9–31.
- Giusti M. Studi sui registri di bolle papali. Vatican City, 1979. XI, 180 p.
- Herde P. Beiträge zum päpstlichen Kanzlei- und Urkundenwesen im dreizehnten Jahrhundert. Kallmünz, 1967. 326 S.
- Hope M. Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford, 2016. XII, 238 p.
- Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic Journal. 1978. Vol. 22. P. 186–244.
- Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005. XXXIV, 414 p.
- Jackson P. Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars, 1245–1255 // The Cambridge Companion to Francis of Assisi. Cambridge, 2012. P. 224–239.
- Jackson P. The Testimony of the Russian 'Archbishop' Peter Concerning the Mongols (1244/5): Precious Intelligence or Timely Disinformation? // Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3. 2016. Vol. 26. P. 65–77.

- Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven; London, 2017. XXII, 614 p.
- Kim H. *A Reappraisal of Güyük Khan // Mongols, Turks and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden; Boston, 2005. P. 309–338.
- Korobeinikov D. *Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century*. Oxford, 2014. XXII, 372 p.
- Lind J. H. *Mobilisation of the European Periphery against the Mongols: Innocent IV's All-European Policy in its Baltic Context // The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region*. Visby, 2009. (Acta Visbyensia. 12). P. 75–90.
- Maierov A. V. *Ecumenical Processes in the Mid-13th Century and the Union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 2015. Vol. 126. S. 11–34.
- Maierov A. V. *Church-Union Negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237 // Orientalia Christiana Periodica*. 2018. Vol. 84. P. 385–405.
- Maierov A. V. *The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon // Journal of Ecclesiastical History*. 2020. Vol. 71. P. 20–39.
- Maierov A. V. *The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results // Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3*. 2021. Vol. 31 (in print). [Maierov, 2021a].
- Maierov A. V. *Diplomacy, War, and a Witch: Peace Negotiations before the Mongol Invasion of Rus' // The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations*. London; New York, 2021. P. 36–81 [Maierov, 2021b].
- Maierov A. V. *The Dragon Turns its Gaze to the West: The Mongol Empire's Global Diplomacy in the Mirror of English, Russian, and Persian Chronicles // English Historical Review*. 2022. Vol. 137 (in print).
- Montaubin P. *L'administration pontificale de la grâce au XIIIe siècle // Suppliques et requêtes. Le gouvernement par la grâce en Occident (XIIe–XVe siècle)*. Rome, 2003. P. 321–342.
- Müller H. *The Omnipresent Pope: Legates and Judges Delegate // A Companion to the Medieval Papacy: Growth of an Ideology and Institution*. Leiden; Boston, 2016. P. 201–210.
- Pásztor E. *Ricostruzione parziale di un registro pontificio deperduto del sec. XIII // Mélanges Eugène Tisserant. Città del Vaticano*, 1964. T. 5. (Studi e Testi. T. 253). P. 199–207.
- Pelliot P. *Les Mongols et la papauté [II] // Revue de l'Orient chrétien*. 1924. Vol. 24. P. 141–222.
- Pelliot P. *Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*. Paris, 1973. IV, 288 p.
- Queller D. *The Office of Ambassador in the Middle Ages*. Princeton, 1967. X, 251 p.
- Rachewiltz I. de. *Papal Envoys to the Great Khans*. Stanford, 1971. 215 p.
- Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other*. Helsinki, 2001. 161 p.
- Sayers J. *Papal Government and England during the Pontificate of Honorius III (1216–1227)*. Cambridge, 1984. XIV, 292 p.
- Schieffer R. *Die päpstlichen Register vor 1198 // Das Papsttum und das vielgestaltige Italien. Hundert Jahre Italia Pontificia*. Berlin, 2009. S. 261–274.
- Schmutz R. *Medieval Papal Representatives, Legates, Nuncios, and Judges-Delegate // Studia Gratiana*. 1972. Vol. 15. P. 441–463.
- Selart A. *Die Bettelmönche im Ostseeraum zur Zeit des Erzbischofs Albert Suerbeer von Riga (Mitte des 13. Jahrhunderts) // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2007. Bd 56. S. 475–499.
- Selart A. *Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century*. Leiden, 2015. XI, 385 p.
- Shim H. *The Postal Roads of the Great Khans in Central Asia under the Mongol-Yuan Empire // Journal of Song-Yuan Studies*. 2014. Vol. 44. P. 405–469.
- Toleubayev A. T., Shagirbaev M. S. *Medieval Cities in the Alakol Depression (Problems of Topography, Typology and Genesis) // X Orazbayev Readings. Historical and Cultural Heritage of Kazakhstan: Problems of Study, Interpretation and Conservation. Proceedings of International Scientific and Methodical Conference 11–12 May, 2018*. Almaty, 2018. P. 178–193.
- Urban W. *The Prussian Crusade*. Chicago, 2000. XIV, 443 p.
- Wolter H., Holstein H. *Histoire des conciles oecuméniques*. Paris, 1966. T. 7. Lyon I et Lyon II. 316 p.

References

- Abraham, W. Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. Lviv, 1904. T. 1. XVI, 418 s.
- Allsen, T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley; Los Angeles; London, 1987. XVII, 278 p.
- Ammann, A. M. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Roma, 1936. 316 S.
- Angelov, D. The Byzantine Hellene: The Life of Emperor Theodore Laskaris and Byzantium in the Thirteenth Century. Cambridge, 2019. XX, 441 p.
- Bartol'd, V. V. Sochineniya [Works]. Moscow, 1963. Vol. 1. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. 760 p., 1 l. of portr.
- Conlan, P. Albrecht Suerbeer, Archbishop of Armagh: "Albrecht the German". In *Journal of the Armagh Diocesan Historical Society*. 2004. Vol. 20. Pp. 19–23.
- Dardess, J. W. From Mongol Empire to Yüan Dynasty: Changing Forms of Imperial Rule in Mongolia and Central Asia. In *The History of Mongolia*. Folkestone, 2010. Vol. 1. The Pre-Chinggisid Era. Chinggis Khan and the Mongol Empire. Pp. 358–389.
- Denifle, H. Die päpstlichen Registerbände des 13. Jhs. und das Inventar derselben vom J. 1339. In *Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters*. 1886. Bd 2. S. 1–106.
- Dörrie, H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. In *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philolog.-hist. Klasse*. 1956. No. 6. S. 125–202.
- Forstreuter, K. Die Gründung des Erzbistums Preussen 1245/1246. In *Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg*. 1960. Bd 10. S. 9–31.
- Giusti, M. Studi sui registri di bolle papali. Vatican City, 1979. XI, 180 p.
- Gorskii, A. A. Svideteli puteshestviya Plano Karpini: unikal'naya informatsiya i oshibki prochteniya [Witnesses of Plano Carpini's Travel: Unique Information and Reading Errors]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2014. No. 3 (73). Pp. 115–121.
- Gorskii, A. A. Ponyatie "suzdal'skii" v politicheskom leksikone XII–XIV vekov [The Concept of "Suzdal" in the Political Lexicon of the 12th – 14th Centuries]. In *Na poroge tysyacheletiya: Suzdal' v istorii i kul'ture Rossii. K 990-letiyu pervogo upominaniya Suzdalya v drevnerusskikh letopisyakh*. Vladimir, 2015. Pp. 27–32.
- Gorskii, A. A. Dva "neudobnykh" fakta iz biografii Aleksandra Nevskogo [Two "Inconvenient" Facts from the Biography of Alexander Nevsky]. In Gorskii, A. A. "Beshchislenyya rati i velikiya trudy...": Problemy russkoi istorii XI–XV vekov. Saint Petersburg, 2018. Pp. 182–189.
- Gorskii, A. A. Plano Karpini, Aleksandr Nevskii i plany khana Guyuka [Plano Carpini, Alexander Nevsky and the Plans of Güyük Khan]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 3 (77). Pp. 5–11. DOI 10.25986/IRI.2019.77.3.001
- Gorskii, A. A. Nasledovanie velikogo knyazheniya v seredine XIII v., Batyi i machekha Aleksandra Nevskogo [Inheritance of the Great Reign in the Middle of the 13th Century, Batu and Stepmother of Alexander Nevsky]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 4. Pp. 31–37. DOI 10.31857/S086956870010768-5
- Grushevs'kii, M. S. Khronol'ogiya podii Galits'ko-Volins'koi litopisi [Chronology of Events of the Galician-Volhynian Chronicle]. In *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. 1901. Vol. 41. Pp. 1–72.
- Hautala, R. Ezdil li Aleksandr Nevskii v Mongoliyu? Neskol'ko zamechanii o poezdakh Aleksandra Nevskogo i ego ottsa k mongol'skim pravatelyam [Did Alexander Nevsky Go to Mongolia? Some Remarks on the Travels of Alexander Nevsky and His Father to Mongol Rulers]. In *Aleksandr Nevskii: lichnost', epokha, istoricheskaya pamyat'. K 800-letiyu so dnya rozhdeniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (25–27 maya 2021 g., Moskva, Rossiya)*. Moscow, 2021. Pp. 199–207.
- Herde, P. Beiträge zum päpstlichen Kanzlei- und Urkundenwesen im dreizehnten Jahrhundert. Kallmünz, 1967. 326 S.
- Hope, M. Power, Politics, and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford, 2016. XII, 238 p.
- Jackson, P. The Dissolution of the Mongol Empire. In *Central Asiatic Journal*. 1978. Vol. 22. Pp. 186–244.
- Jackson, P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005. XXXIV, 414 p.
- Jackson, P. Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars, 1245–1255. In *The Cambridge Companion to Francis of Assisi*. Cambridge, 2012. Pp. 224–239.

- Jackson, P. The Testimony of the Russian 'Archbishop' Peter Concerning the Mongols (1244/5): Precious Intelligence or Timely Disinformation? In *Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3*. 2016. Vol. 26. Pp. 65–77.
- Jackson, P. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; London, 2017. XXII, 614 p.
- Kim, H. A Reappraisal of Güyük Khan. In *Mongols, Turks and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden; Boston, 2005. Pp. 309–338.
- Korobeinikov, D. Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century. Oxford, 2014. XXII, 372 p.
- Kudryavtsev, O. F. Aleksandr Nevskii i papstvo [Alexander Nevsky and the Papacy]. In *Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, voyn*. Moscow, 2010. Pp. 159–172.
- Lind, J. H. Mobilisation of the European Periphery against the Mongols: Innocent IV's All-European Policy in its Baltic Context. In *The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region*. Visby, 2009. (Acta Visbyensia. 12). P. 75–90.
- Maierov, A. V. Ecumenical Processes in the Mid-13th Century and the Union between Russia and Rome. In *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 2015. Vol. 126. S. 11–34.
- Maierov, A. V. Poslaniya rimskogo papy Innokentiya IV k Daniilu Galitskomu: materialy dlya istoriko-arkheograficheskogo kommentariya [Epistles of Pope Innocent IV to Daniel Galitsky: Materials for Historical and Archaeographical Comment]. In *Rossica Antiqua*. 2015. No. 1. Pp. 63–120.
- Maierov, A. V. Daniil Galitskii v puti k khanu Batyyu: k sporam o prodolzhitel'nosti poezdki knyazya v Ordu [Daniel of Galicia on Route to Batu Khan: On the Disputes about the Duration of the Prince's Trip to the Horde]. In *Stratum plus*. 2016. No. 6. Pp. 195–202.
- Maierov, A. V. Church-Union Negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237. In *Orientalia Christiana Periodica*. 2018. Vol. 84. Pp. 385–405.
- Maierov, A. V. Apostol'skii Prestol, Nikeiskaya imperiya i Rus' v ekumenicheskikh protsessakh serediny XIII v. [Apostolic See, Empire of Nicaea and Rus' in the Ecumenical Processes of the Mid-13th Century]. In *Vizantiiskii vremennik*. Moscow, 2019. Vol. 103. Pp. 128–152.
- Maierov, A. V. The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon. In *Journal of Ecclesiastical History*. 2020. Vol. 71. Pp. 20–39.
- Maierov, A. V. The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results. In *Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3*. 2021. Vol. 31 (in print). [Maierov, 2021a].
- Maierov, A. V. Diplomacy, War, and a Witch: Peace Negotiations before the Mongol Invasion of Rus'. In *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations*. London; New York, 2021. Pp. 36–81 [Maierov, 2021b].
- Maierov, A. V. The Dragon Turns its Gaze to the West: The Mongol Empire's Global Diplomacy in the Mirror of English, Russian, and Persian Chronicles. In *English Historical Review*. 2022. Vol. 137 (in print).
- Montaubin, P. L'administration pontificale de la grâce au XIIIe siècle. In *Suppliques et requêtes. Le gouvernement par la grâce en Occident (XIIe–XVe siècle)*. Rome, 2003. P. 321–342.
- Müller, H. The Omnipresent Pope: Legates and Judges Delegate. In *A Companion to the Medieval Papacy: Growth of an Ideology and Institution*. Leiden; Boston, 2016. Pp. 201–210.
- Pashuto, V. T. Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi [Essays on the History of Galician-Volhynian Rus]. Moscow, 1950. 331 p., 1 separated l. of maps.
- Pásztor, E. Ricostruzione parziale di un registro pontificio deperduto del sec. XIII. In *Mélanges Eugène Tisserant*. Città del Vaticano, 1964. T. 5. (Studi e Testi. T. 253). P. 199–207.
- Pelliot, P. Les Mongols et la papauté [II]. In *Revue de l'Orient chrétien*. 1924. Vol. 24. P. 141–222.
- Pelliot, P. Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient. Paris, 1973. IV, 288 p.
- Queller, D. The Office of Ambassador in the Middle Ages. Princeton, 1967. X, 251 p.
- Rachewiltz, I. de. Papal Envoys to the Great Khans. Stanford, 1971. 215 p.
- Ramm, B. Ya. Papstvo i Rus' v X–XV vekakh [Papacy and Rus in the 10th – 15th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1959. 283 p.
- Ruotsala, A. Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other. Helsinki, 2001. 161 p.
- Sayers, J. Papal Government and England during the Pontificate of Honorius III (1216–1227). Cambridge, 1984. XIV, 292 p.

- Schieffer, R. Die päpstlichen Register vor 1198. In *Das Papsttum und das vielgestaltige Italien. Hundert Jahre Italia Pontificia*. Berlin, 2009. S. 261–274.
- Schmutz, R. Medieval Papal Representatives, Legates, Nuncios, and Judges-Delegate. In *Studia Gratiana*. 1972. Vol. 15. Pp. 441–463.
- Selart, A. Die Bettelmönche im Ostseeraum zur Zeit des Erzbischofs Albert Suerbeer von Riga (Mitte des 13. Jahrhunderts). In *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2007. Bd 56. S. 475–499.
- Selart, A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden, 2015. XI, 385 p.
- Shim, H. The Postal Roads of the Great Khans in Central Asia under the Mongol-Yuan Empire. In *Journal of Song-Yuan Studies*. 2014. Vol. 44. Pp. 405–469.
- Toleubayev, A. T., Shagirbaev, M. S. Medieval Cities in the Alakol Depression (Problems of Topography, Typology and Genesis). In *X Orazbayev Readings. Historical and Cultural Heritage of Kazakhstan: Problems of Study, Interpretation and Conservation. Proceedings of International Scientific and Methodical Conference 11–12 May, 2018. Almaty, 2018*. Pp. 178–193.
- Tolochko, O. P. Petro Akerovich – gadanii mitropolit vseya Rusi [Petro Akerovich – the Supposed Metropolitan of All Rus]. In *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*. 1990. No. 6. Pp. 45–54.
- Urban, W. The Prussian Crusade. Chicago, 2000. XIV, 443 p.
- Wolter, H., Holstein, H. Histoire des conciles oecuméniques. Paris, 1966. T. 7. Lyon I et Lyon II. 316 p.

Alexander V. Maiorov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ALEXANDER NEVSKY, POPE AND MONGOL KHAN:
ON THE QUESTION OF THE “CHOICE” BETWEEN THE WEST AND THE EAST

Continuing the policy of his father Yaroslav Vsevolodovich, Alexander Nevsky was ready to accept obedience to the Roman Church and recognize the power of the Pope in church affairs. Both princes were strongly influenced by the foreign policy of the Mongols, implemented in relation to the Latin West. Under the threat of a new invasion, the Mongols sought to impose peace agreements on the Pope and other rulers of the West on their own terms, using Rus princes and hierarchs as intermediaries. Persuading the Pope to obey the khan, the Mongols promised not only preservation of his power over the Latin Christians, but also subordination of Eastern Christians, primarily those of them who were already under the rule of the conquerors. In response, Pope Innocent IV tried to create an anti-Mongol coalition with participation of Rus princes, clearly overestimating the degree of their political independence in relations with the Mongols. Having evaded preparation for the war against the West, declared by Güyük Khan, Alexander was forced to participate in the diplomatic expansion of the Mongols. A change in the priorities of the conquering policy of the Mongol Empire that occurred soon led to the termination of Alexander's contacts with the papacy.

Keywords: Alexander Nevsky, Yaroslav Vsevolodovich, Innocent IV, Batu, Güyük Khan, Möngke Khan

В. Д. Пузанов

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия. alan1971@bk.ru

СЛУЖБА ТОЛМАЧЕЙ В ТОБОЛЬСКЕ В XVII В.

Из Тобольска отправляли посольства в государства Востока. Большую роль в этих контактах играли служилые татары Тобольска и русские служилые люди. Однако с годами все большей была потребность в особых специалистах – толмачах. К 1678 г. в Тобольске служили 10 человек толмачей. Сибирский приказ при необходимости зачислял на службу толмача выходцев из холопов. В 1668 г. воевода Тобольска Петр Годунов организовал обучение русской грамоте и восточным языкам.

Ключевые слова: толмач, разряд, город, служилые люди, ясачные люди, уезд

Тобольск был построен русским отрядом в 1587 г. в середине старого Сибирского царства, где, по выражению Есиповской летописи, жили «мнози языцы»¹. Из небольшой крепости он стал самостоятельным уездным городом, а к 1600 г. центром особого Тобольского разряда и главным городом русской Сибири. Позднее, в XVII в., из состава Тобольского разряда были образованы Томский, Ленский, Енисейский и Верхотурский разряды [Вершинин, с. 16–18]. По данным Сибирского летописного свода, в 1629 г. в Томске были образованы особый стол и разряд в составе Томского, Нарымского, Кетского, Кузнецкого, Красноярского и Енисейского уездов². Однако и после образования в Сибири новых разрядов Тобольск являлся главным административным и военным центром, столицей русской Сибири.

В городе кроме русских людей и сибирских татар жили и многие европейцы – литва – выходцы из Великого княжества Литовского, поляки, хорваты, немцы, шведы, французы, испанцы и другие, как взятые в плен в годы Смуты и войнах с Польшей, Швецией ссыльные люди и в качестве служилых людей, а позднее, с 1660 г., и офицеры сибирских полков иноземного строя. Из Тобольска направляли посольства в южные и восточные государства ойратов, монголов, маньчжуров, казахов, Бухару, Хиву и далекий Китай. Как отмечал русский дипломат в 1675 г., «и из Тоболска есть розные пути, которые ходят и в Бухары, и во иные государства»³.

В XVII в. Тобольск стал центром управления огромного края, где жили народы с очень разными культурами и языками. По данным Хронографической повести, составленной в середине XVII в., «в том же Сибирском царстве живут люди розноязычни: первые – татаровя, таже – вогуличи, остяки, самоедь, лопане, тунгусы, киргизы, колмаки, якуты, мундуки, шилаги, гаритили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моторцы, точинцы, саянцы, чаландасцы, камасирцы и иных много розноязычных людей в том великопространном Сибирском царстве»⁴. Однако все эти далекие народы к этому времени стали подданными русских царей: «Те же разных языков и нравов люди московского государства царю и великому князю дань дают зверьми дорогими многими»⁵. Всего автор Хронографической повести отметил в Сибири 17 народов: «Всех же языков в Сибирском царстве числом 17. А от разделения язык си языцы, како нарицалися, сего не вем, да и сами не ведают же, по своим языком писмен не имут». Правда, далее автор отмечает, что татары Сибири и калмыки имели письменность⁶.

¹ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 45.

² Там же. С. 320.

³ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. СПб., 1882. С. 49.

⁴ Летописи сибирские / Под ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 45.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 50.

К сожалению, в материалах Сибирского приказа мало источников по первым десятилетиям истории Тобольска. Большое значение в гарнизоне города в XVII в. имели служилые татары. Н. И. Никитин справедливо отмечал значительную роль в гарнизоне Тобольска чина татарского головы, который руководил крупной группой служилых татар (более 250 человек) [Никитин, 2001, с. 63]. По данным С. В. Бахрушина, татарский голова командовал военными отрядами служилых татар, был их защитником при конфликтах с другими группами гарнизона, судил их и докладывал воеводам «о великих делах спорных». При голове служилых татар служил и тобольский толмач. Служба татарского толмача Тобольска была подчинена татарскому голове города. Голова обычно назначался из русских служилых людей и командовал служилыми татарами города, татарский толмач был ему нужен для перевода в отряде [Никитин, 1988].

По данным Ремезовской летописи, формирование отряда служилых татар в Тобольске произошло только после поражения улуса Кучума в 1598 г. от русского «ополчения» из города Тары под командой князя Ивана Масальского и убийства сибирского царя ногаями. Как отмечала Ремезовская летопись, разгром улуса Кучума и привел к приходу многих «бусурман» из улуса Кучума в Тобольск, где часть из них была положена в яsak, другие приняли крещение и были зачислены в «новокрещеной список», а значительная группа «мурзы и мурзичи 300 человек поверстаны в службу». Отряд татар получил русского начальника: «и поставиша русского голову чиновника, и тако служат и доселе»⁷. Поход «с Тары на Кучюма царя при воеводе Иване Масальском» «повелением» царя Бориса Федоровича под 7109 г. был отмечен и Сибирским летописным сводом. Русский отряд внезапно напал на станы Кучума «и улус его разбиша весь», в плен попали 8 цариц, 3 царевича, «и ясырю много взяша живьем»⁸. По данным актов, разгромил улус Кучума 20 августа 1598 г. отряд под началом письменного головы Тары Андрея Воейкова [Солодкин, 2011, с. 199].

Ремезовская летопись была написана только в конце XVII в., и хронология событий нуждается в уточнении. По данным дошедших до нас сибирских актов, отряд служилых татар в Тобольске был сформирован уже к 1594 г. В наказе князю Андрею Елецкому, посланному в 1594 г. строить город Тару на юге Сибирского царства, отмечалось, что воевода должен был в Тобольске взять в военный отряд 100 человек «литвы, черкас и казаков добрых конных» и 100 человек «татар тобольских служилых конных с атаманом Черкасом Александровым» и головами из татар⁹. Характерно, что, по данным Ремезовской летописи, в походе 1598 г. в отряде князя Ивана Масальского участвовало 700 русских конных служилых людей и 300 человек татар¹⁰. После боя письменный голова города Тары Андрей Воейков сообщил более точные сведения о поражении улуса Кучума: в плен были взяты 5 царевичей, 8 цариц, 8 дочерей Кучума¹¹.

Вероятно, формирование татарского отряда в Тобольске произошло уже после первого поражения Кучума на р. Ишим в 1591 г. от тобольского воеводы Владимира Кольцова-Масальского. В 1590-е гг. отрядами служилых татар Тобольска, посланными на Тару, командовал Черкас Александров. В 1594 г. Черкас Александров служил атаманом, а в августе 1598 г. участвовал в походе на Кучума уже в качестве татарского головы.

Черкас Александров – известный атаман, сподвижник Ермака, который в феврале 1586 г. во время приезда из Сибири в Москву сделал с другими казаками богатый вклад в Чудов монастырь, благодаря чему мы знаем его христианское имя. Атаман был записан в книге

⁷ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 353.

⁸ ПСРА. Т. 36. С. 142.

⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. Приложения. С. 359.

¹⁰ Сибирские летописи. С. 351–352.

¹¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1841. Т. 2. С. 1–5.

монастыря как «Иван Александров сын, а прозвище Черкас» [Никитин, 2001, с. 59]. Казаки посетили Чудов монастырь перед новым походом в Сибирь.

По данным Погодинского летописца, казак Черкас Александров был послан из Сибири Ермаком с атаманом и другими казаками в Москву, чтобы сообщить государю о взятии Сибирского царства¹². В 1584 г. Черкас Александров и отряд из 90 последних казаков покинули град Сибирь, так как «убояшася тут жити», и по р. Великой Оби, а затем по р. Соби отправились на Русь¹³. В 1586 г. в отряде воевод Василия Сукина и Ивана Мясного, посланном царем Федором Ивановичем в Сибирь для строительства Тюмени, были «...многие русские люди» и из казаков отряда Ермака «Черкас Александров с товарищи»¹⁴. В конце XVI в. Черкас Александров был наиболее авторитетным из казачьих атаманов отряда Ермака [Никитин, 2001, с. 63]. Однако этот авторитет в среде войска не помешал позднее отстранению Черкаса Александрова от чина татарского головы.

В 1600 г. Черкас Александров бил челом государю, что ранее он был в Тобольске головой у юртовских служилых татар. Но новый воевода города Ефим Бутурлин и голова Василий Колединский отняли у него эту должность и даже забрали у него татарского денщика. Воевода с новым головой «чинят насильство великое» над служилыми татарами, волостными ясачными татарами и бухарцами, которые жаловались Черкасу Александрову, знающему татарский язык, на воеводу, нового голову и толмача¹⁵.

Воевода Ефим Бутурлин служил в Тобольске в 1597–1599 гг. Бутурлин был московским дворянином, участником Земского собора 1566 г., и имел большой опыт «государевой службы», в 1578 г. служил воеводой в городе Орел, в 1579 г. в Михайлове, в 1581 г. в Пронске, в 1582–1584 гг. в Туле, в 1591 г. в Царицыне. По данным Сибирского летописного свода, в Тобольск с воеводой Ефимом Бутурлиным прибыли «письменные головы Василий Григорьев сын Колядинской да Матфей Матфеев сын да Иван Никитин сын Ржевской»¹⁶. В январе 1597 г. Иван Никитич Ржевский служил головой в Сургуте. С 17 мая 1598 г. головой в Сургуте, где воеводой служил князь Семен Михайлович Лобанов-Ростовский, стал Василий Колединский. По данным списков 1588 и 1602 гг., Василий Колединский был выборным дворянином из Дорогобужа с окладом в 500 четвертей. В 1589 г. был назначен в шведский поход. В 1603 г. служил в Москве. В 1610 г. отмечен в составе московских дворян [Солодкин, 1999, с. 7].

В 1600 г. к новому воеводе Тобольска родственнику нового царя Бориса Годунова окольничему С. Ф. Сабурову, посланному восстановить государственный порядок в Сибири, приходили татары, остяки и бухарцы и жаловались на приказных и служилых людей, что берут у татар лошадей, пушнину – лисицы, соболи и шубы, а у бухарцев бухарские товары. Отмечалось, что казаки во время сбора ясака, например Лука Свяженин, из государева ясака брали часть пушнины в ясак на себя. В результате многие татары и остяки бежали из волостей. Тобольские татары жаловались и «на Степана толмача в его воровстве». Это одно из первых упоминаний толмачей в Тобольске. В деле отмечалось, что ранее при воеводе Тобольска Ефиме Бутурлине по челобитью служилых татар и ясачных людей из Москвы пришла государева грамота, по которой «Степану быть в толмачах не велено», однако воевода Ефим Бутурлин не подчинился государевой грамоте и велел Степану служить в толмачах, но без государева жалованья¹⁷. После приезда нового воеводы С. Ф. Сабурова положение Черкаса Александрова

¹² Летописи сибирские / Под ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 77.

¹³ Там же. С. 88.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ, Москва). Кн. 2. Л. 140.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 36. С. 140.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 2. Л. 133–138.

было восстановлено. В 1601 г. Черкас Александров ездил в Москву и привез из столицы царские грамоты и колодников в Тобольск [Никитин, 2001, с. 67].

Официальных толмачей в первые десятилетия после основания города было мало. По данным А. В. Малова и О. С. Смирновой, в Москву приезжали толмачи Тобольска и получили жалованье «за сибирский проезд»: в 1614 г. Иван Тебеняков, в 1617 г. Юалин Семен, в 1620 г. Айдаров Абла, 1623 г. Семен Кисель [Малов, Смирнова, с. 227]. В 1624 г., по данным дозорной книги, в Тобольске служил и имел свой двор в городе татарский толмач Андрей Кулушаров¹⁸.

Грамотой Михаила Федоровича от 26 ноября 1624 г. воеводе Тобольска Ю. Я. Сулешову головой сибирских служилых юртовских татар в Тобольске был назначен Константин Частов. Головы получили особые указы в Москве, по которым им следовало организовывать службу в Сибири¹⁹. По приезде головы Константина Частова «с товарищи» в Тобольск воевода Сулешов должен был взять у них указы о службе и велеть их вычесть перед собой в своем присутствии, а затем вновь отдать головам. Воевода имел право дополнить эти государевы указы, составленные в Приказе Казанского дворца в Москве, новыми статьями в особых наказных памятях, если он считал, что в наказах не отражены какие-либо реалии сибирской службы. По царской грамоте, воеводы должны были решать «всякие дела» по государевым указам и своим наказным памятям. Кроме того, по царской грамоте следовало переписать всех жителей уездов, входивших в особую группу захребетных татар в Тобольске, Тюмени, Таре и Томске. Захребетные татары – это представители тюркского населения, родственники или зависимые люди служилых татар, которые помогали им вести хозяйство и нести различные службы в уездах Сибири. Отныне татарские головы должны были получить именные списки захребетных татар, чтобы таким образом контролировать эту группу населения Сибири. Голова служилых татар Тобольска Константин Частов получил в Москве высокий оклад в 30 руб., 30 четей ржи и 30 четей овса²⁰.

В 1626 г. государю Михаилу Федоровичу били челом служилые и захребетные татары Тобольска, которые жаловались на нового татарского голову Тобольска Константина Частова. Константин Частов «спрашивал» с татар Тобольска дополнительные деньги на содержание подьячего, толмача и денщика. В результате татары Тобольска должны были давать за службу каждый месяц подьячему – 2 руб., толмачу – 1 руб. и денщику – 1 руб. Кроме того, голова заставлял своих подчиненных ловить на себя рыбу, кормить своих лошадей и сажал лучших людей из служилых татар в тюрьму «без вины для своей корысти». От этих сборов, по словам челобитчиков, они несли большие потери. Михаил Федорович 17 марта 1626 г. приказал воеводе Тобольска князю Хованскому провести в городе сыск, и, если данные челобитной подтвердятся, Константина Частова велено было «бить кнутом нещадно», заключить на неделю в тюрьму и затем на его место выбрать в Тобольске из детей боярских «сына боярского доброго», которому дать наказ, чтобы он больше не обижал татар. Эта грамота была привезена из Москвы в Тобольск служилым татаринцом 8 июня 1626 г.²¹

По данным окладной книги 1630 г., толмач Андрей Кулушаров с окладом в 13 руб. отмечен под началом нового татарского головы Федора Елагина, оклад которого составлял 30 руб. По данным списка 1633 г., в городе служили уже 3 толмача²². Позднее, в 1638 г., в списке отмечалось, что 2 толмача были татарских, а 1 толмач с остяцкого языка. В 1642 г. в Тобольске в толмачах служили Федор Чекеев с окладом в 13 руб., Дмитрий Конаков с окладом в 9 руб.

¹⁸ Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 6.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 6. Л. 139.

²⁰ Там же. Л. 208.

²¹ Там же. Л. 460–462.

²² Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 27.

с четью, Савва Савельев с окладом в 6 руб. В 1660 г. в Тобольске служили 5 человек толмачей, из которых 3 человека толмачили с татарского, один с остяцкого, и появился еще один калмыцкий толмач. В 1661 г. служили татарские толмачи Григорий Яковлев, Тимофей Чекеев, Лука Кизылов, остяцкий толмач Савва Савельев. Толмачи Тобольска Федор Чекеев и Лука Кизылов были принявшими крещение татарами. В 1625 г. в «книге записной калмыцким посланцом» Тобольской приказной избы были отмечены служилые люди новокрещены Оверка Чекеев и Лучка Кызылов [Полонский, с. 94].

В Тобольске для устного перевода, кроме настоящих толмачей, по делам воеводы направляли и служилых людей для временной работы переводчика – «в толмачах». В этом качестве особенно часто посылались служилые татары города. Так, в списке Тобольска 1633 г. после информации о дальних походах и «посылках» служилых людей города в остроги юга, на заставы, на Тару, Тюмень, в города Восточной Сибири, Москву и т. п. сообщается, что «которые служилые люди» и юртовские служилые татары оставались в Тобольске, и «те посылаемы в разные мелкие посылки», в том числе «на государевы рыбные ловли... в приставах и в толмачах»²³. В 1630 г. в Тобольске официальным татарским толмачом служил только один человек, поэтому на службу «в толмачах» администрации приходилось направлять и других служилых людей, и особенно служилых татар города²⁴. В конце XVII в., когда в Тобольске служили официально уже 10 толмачей, даже в далекие посольства воеводы часто направляли «в толмачах» служилых татар города. Так, в 1692 г. воевода Тобольска боярин С. И. Салтыков отправил с посланником в Казачью орду сыном боярским Андреем Неприпасовым «для толмачества» служилого татарина Елючку Шеманаева²⁵. В 1694–1696 гг. по поручению воеводы А. Ф. Нарышкина в посольстве казаков Федора Скибина и Матвея Трошина из Тобольска в Казачью орду к хану Тауке был послан «для толмачества» тобольский служилый татарин Уразайка Чачканов²⁶.

Как писал С. Е. Белокуров, в практике Посольского приказа толмачи служили «для устных объяснений» с иностранцами, а переводчики должны были переводить грамоты на иностранных языках и другие документы [Белокуров, с. 54]. Должность переводчика требовала более высокой квалификации и лучше оплачивалась.

Толмачей с татарским языком в Тобольске можно было найти и среди служилых татар и новокрещенов, и среди русских служилых людей. А с калмыцким и монгольским языками в XVII в. в Сибири возникли проблемы. Калмыцкий и монгольский языки здесь были нужны в первую очередь для переговоров с государствами кочевников, которые в XVII в. простирались на юге от Дальнего Востока до р. Волги. Долгое время русские и калмыки в Сибири вели переговоры на языке-посреднике – татарском. Однако он не всегда помогал в этих контактах. В 1642 г. в Тобольске не могли перевести грамоты на калмыцком языке от тайши Чокура, сообщив в Посольский приказ, что в городе нет переводчика с калмыцкого языка. Письма были направлены в Москву, но и там не было такого переводчика [Акишин, с. 43].

К 1633 г. в городах Тобольского разряда в Западной Сибири служили 56 человек обротчиков, из которых имелось всего 7 татарских, остяцких, вогульских толмачей²⁷. Позднее количество толмачей в городах Тобольского разряда увеличилось. В 1669 г. воевода Тобольска Петр Годунов доносил государю, что в Тобольске и городах Тобольского разряда служат

²³ Там же. С. 28.

²⁴ Временник Императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1849. Кн. 4. С. 48.

²⁵ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1867. Т. 10. С. 385.

²⁶ Там же. С. 375–385.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 58.

17 толмачей, которые получают оклад в 114 руб., а пушкарей и затинщиков только в Тобольске 15 человек, а в городах 36 человек с окладом в 250 руб. Толмачи, пушкари и затинщики получали 447 четей хлебного жалованья²⁸.

П. И. Годунов отмечал, что ранее калмыцкого языка толмачей в Сибири было мало, а толмачей-переводчиков калмыцкой грамоты вообще не было. В служилые люди и обротчики воеводы верстали и посадских людей, и крестьян на большие оклады. Во время воеводства в Тобольске П. И. Годунова, по его словам, в службу били челом родственники – дети, братья и племянники служилых людей Сибири – казаков и стрельцов, которые готовы были служить толмачами, пушкарями и затинщиками даже без денежного и хлебного жалованья, «а иные в денежные малые оклады», но без хлебного жалованья. Годунов решил «перебрать» служилых людей и обротчиков – толмачей и пушкарей, которые были верстаны «в большие оклады» из рядовых казаков, посадских людей и крестьян. Воевода приказал оставить в службе только тех, кто согласен служить с малым денежным окладом и без хлебного жалованья «с пашни». В результате из окладов толмачей городов Тобольского разряда воеводой было взято 42 руб., 50 четей ржи и 50 четей овса, а денежные оклады пушкарей оставлены на уровне окладов рядовых пеших казаков и отобрано все хлебное жалованье. В итоге прибыль с окладов обротчиков составляла 114 руб., 160 четей ржи и 160 четей овса в год.

В это время власти Сибири организовали обучение небольшой группы «охотников» русской грамоте и восточным языкам – татарскому и калмыцкому, крайне нужным в Сибири. П. И. Годунов сообщал, что в Тобольске «из разных чинов охотники по их челобитью» стали учиться русской грамоте и даже татарскому и калмыцкому языкам. Но на этом обучение не закончилось. Воевода велел учить этих охотников татарской грамоте и даже калмыцкой грамоте у послов из калмыцких улусов, которые находились в Тобольске. В результате, по данным П. И. Годунова, «ученье приняли» 8 человек, которым воевода выделил и государево жалованье по 2 деньги на день человеку, пока шел процесс обучения. Эти ученики дали воеводе «поручки», что будут учиться «с великим прилежанием». В случае учения без прилежания или бегства кормовые деньги и пеню надо было взять с поручителей²⁹.

Позднее традиция обучения восточным языкам в Тобольске была продолжена. В 1696 г. царь Петр потребовал от воеводы Тобольска А. Ф. Нарышкина найти служилых людей, «которые б писать умели и выучить их у иноземцев калмыцкой грамоте, чтоб они и калмыцкому языку выучены были» [Софронов, с. 12].

К 1678 г. в Тобольске служили уже 8 человек толмачей и 2 переводчика: 4 татарских толмача, 3 остяцких толмача, 1 калмыцкий толмач и 2 человека «калмыцкой грамоте переводчики». По данным окладной росписи жалованья за 1681 г., в Тобольске служили 3 татарских толмача, 3 остяцких толмача и 1 калмыцкий толмач. Татарские толмачи получали жалованье: 1 человек – 13 руб., 9 четей с осьминою ржи, 6 четей овса; 2 человека – 10 руб., 7 четей ржи, 4 чети овса; 1 человек – 8 руб., 7 четей ржи, 4 чети овса. Остяцкие толмачи получали: 1 человек – 6 руб.; 1 человек – 5 руб. 8 ал. 2 ден., 7 четей ржи, 4 чети овса; 1 человек – 4 руб., 8 ал. 2 ден., 5 четей ржи, 5 четей овса. Калмыцкий толмач получал 5 руб., 5 четей ржи, 5 четей овса³⁰.

Однако к 1693 г. в городе остались только 5 толмачей и 1 переводчик: 4 татарских толмача, 1 калмыцкий толмач и еще 1 «калмыцкой грамоте переводчик»³¹. К 1696 г. в Тобольске удалось набрать 10 толмачей. В 1696 г. в Тобольске служили татарские толмачи Емельян Чекеев

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 535. Л. 248–249.

²⁹ Там же. Л. 249–250.

³⁰ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования за 1681 год / С предисл. А. Н. Зерцалова. Б/м., 6/г. С. 67.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 27. Л. 36–38; Кн. 110. Л. 4; Кн. 209. Л. 3; Кн. 408. Л. 4; Кн. 641. Л. 5; Кн. 1044. Л. 10.

с окладом в 10 руб. и Иван Чекеев с окладом в 11 руб., Кирилл Елбаев и Иван Матвеев с окладом по 8 руб., калмыцкий толмач Богдан Неустроев с окладом в 5 руб., остяцкие толмачи Демьян Савин с окладом в 6 руб., Сергей Тарасов с окладом в 5 руб. с четью, вогульский толмач Еремей Васильев с окладом в 4 руб. с четью. Кроме 8 штатных толмачей были отмечены 2 толмача, которые получали оклады по царскому указу «в приказ до убылых толмаческих окладов». В оклад переводчику с грамот калмыцкого и монгольского языков Спиридону Безрядову было велено давать по 12 руб. в год. Лев Елбаев, татарский толмач, получал оклад в 7 руб.³² Ранее, в 1661 г., Василий Елбаев служил в новокрещенах, а Андрей Елбаев в казаках литовского списка Тобольска. Позднее, в 1696 г., калмыцкий толмач Богдан Неустроев с участниками поездки был привлечен для составления «чертежа» путешествия Федора Скибина и Матвея Трошина из Тобольска в Казачью орду.

К 1722 г. годовой оклад калмыцкого переводчика сына боярского Максима Этигера составлял 10 руб. 8 ал. 2 ден., 3 чети ржи, 2 чети овса. Оклад калмыцкого толмача Федора Плотнокова составлял 8 руб., 6 четей ржи, 6 четей овса³³.

Толмачи Тобольска комплектовались главным образом из новокрещенов – представителей сибирских народов, принявших крещение. В XVII в. в Тобольске возникла династия толмачей – Чекеевых. Да и остяцкий толмач Демьян Савин – это, видимо, сын остяцкого толмача Саввы Савельева. По данным списка 1707 г., в Тобольске служили 8 толмачей: 4 татарских толмача, 2 остяцких толмача, 1 калмыцкий толмач и еще 1 «калмыцкой грамоте переводчик»³⁴.

В 1679 г. по особому государеву указу из Сибирского приказа был зачислен в Посольский приказ Павел Кульвинский «переводчиком калмыцких и мунгальских писем» с годовым денежным окладом в 20 руб. «да корму по гривне на день». Павел Иванович Кульвинский происходил из ссыльной шляхты Речи Посполитой. По данным челобитной Кульвинского, он служил в сибирских городах Томске и Тобольске «по городу во дворянех» более 20 лет [Белокуров, с. 148]. Павел Кульвинский попал в Сибирь во время последней крупной войны России с Польшей в XVII в. (1654–1667 гг.). В отписке воевод Тобольска Ивана Хилкова и других о пленных, которые были присланы из Москвы в Тобольск с 1654 по 1662 гг., среди сотен имен поляков, литовцев и немцев отмечалось, что 18 января 1658 г. с Москвы в Тобольск «по государевой грамоте» была прислана группа «иноземцы литовские полоняники», которых направили в Томск. С ними в Тобольск прибыл и «ссыльной иноземец» Панка Кулпинской, отправленный в Томский город³⁵. Полагаю, что это и был известный позднее переводчик Тобольска. По указу Михаила Федоровича 1630 г., ссыльные иноземцы из европейских стран в Сибири, приняв православие, становились детьми боярскими. В Томске «ссыльной иноземец» Панка Кулпинской и стал сыном боярским на «государевой службе». Сын боярский Павел Иванов сын Кульвинский в Томске выполнял важные поручения русской администрации.

Из Томска сына боярского Павла Кульвинского посылали в «Киргизскую землю» к югу от Томского уезда по р. Енисей для приведения воинственных киргизских князцов к шерти и сбора ясака. В «той дальшой их великого государя службе и в безкорыстной посылке» Кульвинский жил около 30 недель, потратил 50 руб. своих денег, но привез в Томск ясак и аманатов [Белокуров, с. 147].

В 1666–1667 гг. Павел Кульвинский «с товарищи» в качестве посланника был отправлен из Томска по «государевым делам» «к черным калмыкам» в Джунгарию к тайше Сенге

³² Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 59.

³³ Унковский И. С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван – Рабтану и путевой журнал за 1722–1724 гг. СПб., 1887. С. 26–27.

³⁴ Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 69.

³⁵ Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России. Приложения. М., 1902. С. 58.

и тайше Чокуру Убаши. Во время поездки, кроме участия в переговорах с Сенге и Чокуром, Павел Кульвинский и посланные с ним служилые люди собирали сведения «про всякие вести», «сколько у которых тайш воинских людей и в которых местах где живут, проводывал всякими людьми, русским полоном и бухарскими людьми полонениками, кои побраны из Бухар войною, а ныне живут в Калмыцкой земле». В земле ойратов русский посланник собирал не только данные о военных силах правителей джунгар, но и сведения о пути в далекий Китай, его военном потенциале и добыче в стране серебра. Только 20 сентября 1667 г. Павел Кульвинский с послом джунгар прибыл в Томск и сообщил важные вести о разгроме джунгарами государства Алтын-ханов во время борьбы за право власти над киргизами³⁶. Поездки к кочевникам были тяжелым испытанием для служилых людей. По словам Павла Кульвинского, в дальних посылках посланником к правителям ойратов он провел более трех лет, «... и живучи я всякую нужду и бедность терпел и скверность всякую принимал, и в тех посылках дальних и безкорыстных мне учинилось оброну 150 рублей» [Белокуров, с. 147].

Поездки дипломатов Сибири иногда заканчивались ограблением русских служилых людей в улусах или на пути из них. Например, в 1674 г. сын боярский Тобольска Федор Яковлев сын Шульгин был отправлен посланником в улусы ойратов к тайше Учюрте, но по дороге был ограблен «воровскими калмыками», которые, по данным его челобитной, разграбили у него имущества на 553 руб.³⁷ В 1667 г. Павел Кульвинский специально отметил в статейном списке, что тайши джунгар Сенге и Чокур «у меня Павла с товарищи пищалей и боронишника ничево отъемом не взяли»³⁸.

Отношения Русского государства с джунгарами, сложные по причине споров за земли на юге Сибири, права сбора ясака с тюркского населения, обострялись еще и из-за проблемы перевода. В Тобольске и Томске не было служилых людей – переводчиков на калмыцкий язык. Государевы грамоты в городах Сибири для знати джунгар писали «бухарским письмом». Во время посольства 23 апреля 1667 г. тайша Чокур на приеме распечатал государеву грамоту и сказал русским служилым людям: «Мы де калмыцкую грамоту знаем, а бухарскова письма честь не умеем, велю де бухарскова переводчика добыть. И в грамоте он, тайша, в переводе до инова дни отпрощался»³⁹.

13 июня 1667 г. тайша Сенге на приеме отдал для перевода государеву грамоту бухарцам, которые не переводили грамоты при служилых людях, а сообщили ее содержание правителю «на ухо». В результате Павел Кульвинский приказывал подьячему зачитать тайшам статьи «наказной памяти» на русском языке, с устным переводом толмача, «а толмач толмачил по статьям».

Позднее Павел Кульвинский стал заниматься калмыцким языком и к 1673 г. мог уже переводить официальные грамоты ойратских правителей. Видимо, он был одним из тех служилых людей – «охотников», которые по их челобитьям стали учить калмыцкую грамоту у послов ойратов в Тобольске по инициативе деятельного воеводы Тобольского разряда П. И. Годунова.

В 1673 г. томский сын боярский Павел Кульвинский перевел грамоту тайши джунгар Чокура «Великому государю Белому царю» Алексею Михайловичу при помощи томского толмача Гришки Алемасова и служилого татарина Копланды Тозмамметева⁴⁰. Для Павла

³⁶ Русско-монгольские отношения. Сборник документов. 1654–1685. М., 1996. Т. 3. С. 148–156.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 948. Л. 3.

³⁸ Русско-монгольские отношения. Сборник документов. 1654–1685. Т. 3. С. 157.

³⁹ Там же. С. 149.

⁴⁰ Там же. С. 251.

Кульвинского калмыцкий язык и другие восточные языки предоставили возможность из далекого сибирского Томска перейти на службу в Tobольск, а позднее и в Москву.

В 1673 г. сын боярский Павел Кульвинский служил еще в Томске, а в 1675 г. он отмечен уже на службе в столице Сибири – Tobольске. В 1675 г. Павел Кульвинский перевел грамоту монгольского Тушету-хана «белому царю» Алексею Михайловичу. При этом «толмачили» tobольский городской калмыцкий толмач Богдашка Неустроев и толмач Селенгинска Тараско Афонасьев. Характерно, что толмачи не могли подписать перевод грамоты, за них «руку приложил» пятидесятник Афонька Коренев⁴¹.

В Tobольске Кульвинского отправляли и на другие службы. Так, в 1677 г. он ездил на север Tobольского разряда «на государеву службу» вниз по р. Иртыш до Самаровского яму и вниз на «великую реку» Обь в Кодские городки в ясачные волости для переписи ясачных захребетных людей, которые «всякими звериными промыслами на себя промышляли, а в казну великих государей ясаку с себя не платили». На севере Кульвинский «приискал» в яsak из захребетников и недорослей 423 человека в возрасте от 18 до 40 лет и взял с них первый платеж в казну. Кроме того, он нашел и записал в ясачные книги 660 недорослей в возрасте от 14 до 17 лет и привез переписные и приемные книги воеводе Tobольска боярину Петру Васильевичу Шереметеву [Белокуров, с. 148].

Как писал позднее Павел Иванов сын Кульвинский, его служба государю Алексею Михайловичу и государю Федору Алексеевичу продолжалась «в Сибирских городех – в Томском, и в Tobольску по городу во дворянх с своею братьею шляхтою лет з 20 и болши». В это время Кульвинский получал годовой государев оклад денежного и хлебного жалованья как у «моей братья иноземцов», сотни человек которых служили в это время в городах Сибири.

В 1679 г., по данным челобитной Кульвинского, «по именному государьскому указу взят я ис Сибирского приказу в Посольской приказ» как переводчик калмыцких и монгольских писем. Кульвинскому положили годовой «новичной оклад» в 20 руб. «да корму по гривне в день» [Белокуров, с. 148].

В 1681 г., провожая «в приставах» из Москвы до Tobольска джунгарских послов Баенбека «с товарыщи», Кульвинский передал в приказной палате Tobольска воеводе боярину Алексею Шеину «великого государя посланное жалование и грамоты и посланцов», а затем «по государеву указу» вывез из Tobольска жену и детей.

В Москве бывший ссыльный участвовал в почетных приемах при дворе. 6 мая 1681 г. по случаю заключения перемирия с Турцией переводчик Павел Кульвинский был с группой сотрудников Посольского приказа представлен государю Федору Алексеевичу у «великого государя у руки в передней»⁴². В столице Павел Кульвинский добился повышения в чинах. В 1684 г. в Разрядном приказе по государеву указу он был пожалован в дворяне «московского списка». В 1685–1686 гг. Павел Кульвинский служил полковую службу на юге России в Цареве Борисове и Изюме и описывал там новые укрепления. В 1689 г. «за многие службишки и за кровь и за раны» Кульвинский был пожалован «покормиться» службой воеводы в город Красный Яр Астраханского разряда. Однако когда дворянин готовился ехать на воеводство, по государеву указу Кульвинского из Иноземного приказа взяли в Посольский приказ, чтобы вернуть его в состав переводчиков. В 1689 г. оклад переводчика Кульвинского в Посольском приказе был увеличен до 40 руб. и поденный корм составил 2 гривны. Однако в 1697 г. Кульвинский жаловался на свое материальное положение, отмечая, что получил за службу поместья с несколькими дворами крестьян, которые разорены, а купленных вотчин у него нет.

⁴¹ Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и документы / Сост.: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М., 1969. Т. 1. С. 471.

⁴² ДАИ. СПб., 1875. Т. 9. С. 157.

По данным челобитной, Павел Кульвинский «на многих государьских службах против его государьских неприятелей бывал и бился с ними, не щедя головы своей, и на тех боях я ранен тяжелыми ранами в голову, и в руку, и в ногу» [Белокуров, с. 148–150].

В столице Павел Кульвинский был востребован как переводчик, по его данным, переводил калмыцкие и монгольские грамоты не только в Посольском приказе, но и в Казанском, Сибирском приказах и других на протяжении 15 лет после приезда в столицу. Из детей боярских Сибири Павел Кульвинский сделал успешную карьеру, благодаря знанию восточных языков он из пленного и ссыльного в Сибирь стал дворянином московского списка и высокооплачиваемым переводчиком Посольского приказа.

В последние десятилетия XVII в. в Tobольске известным толмачом с татарского, калмыцкого и монгольского языков был Спиридон Безрядов. Видимо, это был, как и Павел Кульвинский, выпускник «курсов» П. И. Годунова, происходивший из родственников служилых людей; в 1661 г. в списке конных казаков Tobольска был отмечен Карпунка Безрядов, возможно, отец толмача.

В 1674 г. Спиридон Безрядов был назначен толмачом в посольство стрелецкого головы Tobольска Ивана Аршинского на р. Ишим к одному из князей калмыков тайше Дундуку. В этой поездке русский посланник, толмач и все служилые люди были ограблены по приказу тайши за обиды его послам от русских властей в Москве, где они не получили государева жалованья⁴³. Переводили на переговорах с листа тайше Дундуку Спиридон Безрядов и служилый татарин Tobольска Копланда Колмаметев. При этом Спиридон Безрядов переводил статьи с русского языка на татарский Копланде Колмаметеву, который говорил на калмыцком тайше Дундуку, а затем переводил его речь на татарский⁴⁴.

Интересно, что в допросах служилых людей об этом инциденте 1674 г. одни называли Безрядова толмачом, а другие переводчиком⁴⁵. В 1675 г. в официальной росписи служилых людей Tobольска, посланных в русское посольство в Китай, составленной в Tobольской приказной палате, Спиридон Безрядов отмечен как «калмыцкой и татарской толмач»⁴⁶. Однако в челобитной 1676 г. на имя государя Федора Алексеевича Спиридон Безрядов именует себя «холоп ваш Tobольского города колмацкой переводчик» и отмечает при этом, что в 1675 г. он был послан из Tobольска в посольство в Китай по приказу воеводы боярина П. М. Салтыкова «в толмачишках»⁴⁷.

В 1675 г. Спиридон Безрядов был отправлен воеводой П. М. Салтыковым с отрядом служилых людей из Tobольска как единственный толмач с татарского и калмыцкого языков в посольстве переводчика Посольского приказа Н. Г. Спафария в Китай⁴⁸. Посольство Н. Г. Спафария продолжалось с 1675 по 1678 г. В Tobольске не было переводчика с китайского языка, поэтому пришлось послать толмача – знатока более знакомых в Tobольске языков. В Китае чиновники говорили по-китайски, а затем китайский переводчик переводил речи на монгольский язык, с которого должен был переводить русский переводчик. Однако, по данным статейного списка, эта задача оказалась сложной для Спиридона Безрядова, который не мог перевести речь чиновников, «талмач наш говорить худо умеет». В итоге Н. Г. Спафарий обратился к помощи иезуитов, которые переводили с китайского языка на латынь. Надо отметить, что глава русского посольства Н. Г. Спафарий и сам был профессиональным переводчиком с латыни и греческого. Позднее, в 1676 г., Спиридон Безрядов подал донос

⁴³ ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 296–301.

⁴⁴ Там же. С. 301.

⁴⁵ Там же. С. 296–301.

⁴⁶ Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и документы. Т. 1. С. 465–467.

⁴⁷ ДАИ. СПб., 1859. Т. 7. С. 324.

⁴⁸ Арсеньев Ю. В. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай // Вестник археологии и истории. СПб., 1906. Вып. 17. С. 6.

на Н. Г. Спафария, обвинив его во многих упущениях «государева дела» во время посольства, и даже в передаче прав на сбор ясака с группы тунгусов на р. Зее маньчжурам. Служилые люди Нерчинского и Албазинского уездов подтвердили, что посланник запретил им собирать ясак на нижнем Амуре⁴⁹. По челобитной Безрядова, посол взял себе «добрые соболи», которые везли в подарок императору Китая, и подменил их на «худые соболи», а хорошую пушнину продал в Китае для своей наживы.

Видимо, конфликт между переводчиком Посольского приказа Н. Г. Спафарием и С. Безрядовым имел и профессиональный характер и начался по причине проблем с переводом в Китае. В результате позднее в Москве Н. Г. Спафарию удалось оправдаться, но он получил «государево жалование» за «китайскую посылку» – серебряный ковш и дорогие ткани – только в 1683 г.⁵⁰

Спиридон Безрядов после посольства продолжил службу в Тобольске. В документах Сибирского приказа в 1680-е гг. он официально назван переводчиком. В 1689 г. по поручению воеводы Тобольска А. П. Головина «калмыцкой грамоте переводчик» Спиридон Безрядов перевел грамоту – лист хана Джунгарии Галдана – для великих государей Ивана и Петра⁵¹. В 1691 г. по поручению тобольского воеводы С. И. Салтыкова «калмыцкой грамоте переводчик» Безрядов перевел новую грамоту Галдана о военных победах над знатью монголов для «Белых великих царей». При переводе толмачил толмач Богдашка Неустроев, за которого приложил руку Спиридон Безрядов⁵². В 1696 г. в оклад переводчику с калмыцкой и монгольской грамот Спиридону Безрядову было велено давать по 12 руб. в год⁵³.

Позднее, в 1692–1695 гг., Спиридон Безрядов был отправлен воеводой Тобольска боярином С. И. Салтыковым в качестве толмача «мунгальского языка» участником нового посольства в Китай, посланного Петром I, под руководством Избранта Идеса и Адама Бранда⁵⁴. Впрочем, в Пекине в дипломатическом ведомстве – «Посольском приказе», как его называли в статейном списке русские люди, – «ближние люди» хана говорили русскому посланнику Избранту Идесу о том, чтобы в дальнейшем в Китай присылались толмачи латинского языка: «чтоб впредь присланы были с послы и с посланники московскими толмачи добрые латинского языку и мунгальского, для того что на мунгальском языке переводить многих слов невозможно, а язык мунгальской просторечивой. А латинского языку в Китайском государстве знающие люди есть»⁵⁵.

Сибирский приказ даже в конце XVII в. при необходимости зачислял на службу толмача выходцев из холопов. 18 сентября 1697 г. в Тобольске был получен государев указ, по которому «новокрещен» калмык Иван Васильев, который ранее «жил в холопстве» у Тобольского казачьего сына Александра Сутулова, был назначен толмачом в Тобольскую приказную палату для перевода и писем⁵⁶. Это назначение, возможно, произошло по причине того, что во время долгой поездки переводчика с калмыцкого и монгольского языков Спиридона Безрядова в Китай один калмыцкий толмач в Тобольске не мог справиться с большой работой.

В эпоху Петра I Тобольск продолжал играть важную роль в отношениях с государствами Востока и должен был обеспечивать толмачей и переводчиков для русских посольств. В 1722 г. Петр I отправил к контайше Джунгарии Цэван-Рабдану посольство Ивана Унковского с предложением перейти «в протекцию свою» по примеру хана волжских калмыков Аюки.

⁴⁹ ДАИ. Т. 7. С. 326.

⁵⁰ Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и документы. Т. 1. С. 522.

⁵¹ Русско-монгольские отношения 1689–1696. М., 2000. Т. 4 / Сост.: Г. И. Слесарчук. С. 227.

⁵² Там же. С. 254.

⁵³ Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 59.

⁵⁴ Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 323.

⁵⁵ Там же. С. 341.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Ст. 1312. Л. 176.

После принятия контайшей подданства императора Петр I обещал защищать его силами войск Сибири от всех противников, в том числе и от китайского хана⁵⁷. Характерно, что в посольство Унковского не отправили переводчиков и толмачей из Коллегии иностранных дел. Руководство коллегии считало, что задача перевода в отношениях с Джунгарией и другими государствами Востока вполне обеспечена силами сибирской столицы Тобольска.

Иван Унковский подал в Тобольскую губернскую канцелярию доношение от Коллегии иностранных дел об отпуске с ним сына боярского Максима Этигерова «для переводу с калмыцких писем»⁵⁸. В 1722 г. в Тобольске в посольство Унковского были зачислены переводчик «за комиссара» сын боярский Максим Этигер, толмачи Федор Плотников и казак Степан Григорьев и 3 человека служилых татар, отряд солдат и т. д. Сын боярский Максим Этигер во время посольства посылался Иваном Унковским с особыми поручениями к зайсанам контайши для переговоров⁵⁹.

Дети боярские из семьи Этигер уже имели опыт дипломатических связей с ойратами. В 1716 г. в Тобольске служил сын боярский Тимофей Иванов сын Этигер, который в феврале 1716 г. был послан с сотником Тары Василием Чередовым к контайше с листом, присланным от Петра Великого, в котором ойратам сообщалось об экспедиции Бухольца на р. Иртыш и предлагалась протекция империи по примеру хана Аюки. В получении листа за Тимофея Этигера и Василия Чередова «по их велению» расписался сын боярский Максим Этигер⁶⁰. В результате обострения отношений с Джунгарией после похода Бухольца контайша оставил русских посланников в улусе на несколько лет.

Характерно, что служба в русском посольстве тобольских переводчика и толмача не закончилась после возвращения посольства Унковского в Российскую империю. В 1724 г. с посланником Унковским и посланцем контайши Джунгарии Дорже тобольский сын боярский Максим Этигер и толмач Федор Плотников были отправлены из Тобольска в Москву для перевода. 21 июля переводчик сын боярский Максим Этигер и толмач Федор Плотников обратились с доношением в Коллегию иностранных дел, в котором сообщили, что с апреля 1724 г. живут в Москве при контайшином посланце без денег⁶¹. После нового прошения от 2 сентября 1724 г. коллегия приказала выдать тобольским переводчику и толмачу по 6 руб. каждому, по 1 руб. за месяц.

В Тобольске в силу особого положения города в Сибири служили несколько толмачей. В Тобольском уезде жили и сибирские татары, и угры. Большую роль в этих контактах играли служилые татары Тобольска и русские служилые люди. Однако с годами все большей была потребность в особых специалистах – толмачах. В 1667–1669 гг. воевода Тобольска П. И. Годунов организовал обучение 8 человек «из разных чинов охотники по их челобитью» русской грамоте и восточным языкам – татарскому и калмыцкому с государевым жалованьем.

Из Тобольска отправляли посольства в государства Востока. В XVII в. в русской Сибири происходили постоянные контакты с улусами ойратов, государством Алтын-ханов, Китаем. Тобольск был важным центром русской политики и дипломатии в отношениях с государствами и народами Востока, и воеводы Тобольского разряда вели с ними переговоры и обеспечивали толмачей и переводчиков для особых русских посольств, отправленных в край из Москвы.

⁵⁷ Унковский И. С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван – Рабтану и путевой журнал за 1722–1724 гг. С. 36–45.

⁵⁸ Там же. С. 11.

⁵⁹ Там же. С. 125, 134, 135.

⁶⁰ Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Т. 2. С. 85–87.

⁶¹ Унковский И. С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван – Рабтану и путевой журнал за 1722–1724 гг. С. 42–43.

Литература

- Акишин М. О. О роли толмачей в осуществлении внешнеполитических функций Русского государства в Сибири XVII в. // Присоединение Сибири к России: новые данные. Тюмень, 2014. С. 41–49.
- Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. [4], 170 с.
- Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998. 204 с.
- Малов А. В., Смирнова О. С. Переводчики и толмачи Посольского приказа в 1613–1621 годах: по расходным книгам Казенного двора // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 209–229.
- Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. 254, [1] с.
- Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 51–87.
- Полонский Д. Г. Самоуничжительная модификация имен «иноземцев» под пером русских приказных конца XVI – XVII вв. // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 81–112.
- Солодкин Я. Г. Первые воеводы и головы Сургутского уезда // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Екатеринбург, 1999. Вып. 2. С. 5–10.
- Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову. Очерки сибирского летописания середины – второй половины XVII в. Нижневартовск, 2011. 211 с.
- Софронов В. Ю. Тобольск – культурный центр Западной Сибири в XVIII в. АКД. Омск, 1999. 33 с.

References

- Akishin, M. O. O roli tolmatchei v osushchestvlenii vneshnepoliticheskikh funktsii Russkogo gosudarstva v Sibiri XVII v. [On the Role of Interpreters in the Implementation of the Foreign Policy Functions of the Russian State in Siberia in the 17th Century]. In *Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye*. Tyumen, 2014. Pp. 41–49.
- Belokurov, S. A. O Posol'skom prikaze [About the Ambassadorial Chancery]. Moscow, 1906. [4], 170 p.
- Malov, A. V., Smirnova, O. S. Perevodchiki i tolmatchi Posol'skogo prikaza v 1613–1621 godakh: po raskhodnym knigam Kazennogo dvora [Translators and Interpreters of the Ambassadorial Chancery in 1613–1621: According to the Expense Books of the State Court]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2019. Pp. 209–229.
- Nikitin, N. I. Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri [Service People in Western Siberia]. Novosibirsk, 1988. 254, [1] p.
- Nikitin, N. I. Soratniki Ermaka posle “Sibirskogo vzyat’ya” [Ermak’s Associates after the “Siberian Capture”]. In *Problemy istorii Rossii*. Ekaterinburg, 2001. Issue 4. Pp. 51–87.
- Polonskii, D. G. Samounichizhitel’naya modifikatsiya imen “inozemtsev” pod perom russkikh prikaznykh kontsa XVI – XVII vv. [Self-deprecating Modification of the Names of “Foreigners” under the Pen of Russian Clerks of the Late 16th – 17th Centuries]. In *Imenoslov. Istoriya yazyka. Istoriya kul’tury*. Moscow, 2012. Pp. 81–112.
- Soifronov, V. Yu. Tobol’sk – kul’turnyi tsentr Zapadnoi Sibiri v XVIII v. [Tobolsk – the Cultural Center of Western Siberia in the 18th Century]. Autoabstract of Dissertation for the Degree of Candidate of History. Omsk, 1999. 33 p.
- Solodkin, Ya. G. Pervye vovody i golovy Surgutskogo kraia [The First Voivodes and Heads of the Surgut Region]. In *Zapadnaya Sibir’: istoriya i sovremennost’*. Kraevedcheskie zapiski. Ekaterinburg, 1999. Issue 2. Pp. 5–10.
- Solodkin, Ya. G. Vosled Savve Esipovu. Ocherki sibirskogo letopisaniya serediny – vtoroi poloviny XVII v. [After Savva Esipov. Essays of the Siberian Chronicles of the Middle – Second Half of the 17th Century]. Nizhnevartovsk, 2011. 211 p.
- Vershinin, E. V. Vovodskoe upravlenie v Sibiri (XVII v.) [Voivodeship Administration in Siberia (17th Century)]. Ekaterinburg, 1998. 204 p.

Vladimir D. Puzanov
Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia

TRANSLATION SERVICE IN TOBOLSK IN THE 17th CENTURY

From the capital of Siberia – the city of Tobolsk, governors sent embassies to the East. A great role in these contacts was played by the Tatars in the Russian service of Tobolsk and Russian servicemen who knew oriental languages. However, over the years, there emerged an increasing need for special translators. By 1678, 10 translators served in Tobolsk. The Siberian Department, if necessary, enlisted representatives of serfs into the service of translators. In 1668, the governor of Tobolsk, Peter Godunov, organized training in Russian literacy and oriental languages.

Keywords: a translator, a district, a city, military people, tributaries, a county

В. Д. Жуков
РГАДА, Москва, Россия. zhvd@list.ru
М. Р. Яфарова
ИРИ РАН, Москва, Россия. mryaf@bk.ru

ПОПЫТКА ВЫКУПА БОЯРИНА В. Б. ШЕРЕМЕТЕВА И КНЯЗЯ А. Г. РОМОДАНОВСКОГО ИЗ КРЫМСКОГО ПЛЕНА В 1678 г.

В статье рассматривается попытка организации выкупа из крымского плена в 1678 г. боярина В. Б. Шереметева и князя А. Г. Ромодановского. Показано, что московское правительство стремилось решить вопрос о выкупе, не откладывая его до начала мирных переговоров, однако организовать выкупную операцию в условиях военного противостояния и серьезного взаимного недоверия сторон оказалось невозможно.

Ключевые слова: выкуп пленных, В. Б. Шереметев, князь А. Г. Ромодановский, Крымское ханство, Чигиринские походы, 1678 год

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00496 «Московское государство, Османская империя и Крымское ханство в XVII в.».

Развитие международных отношений в южной части Восточной Европы во второй половине XVII в. определялось активным вмешательством Османской империи и Крымского ханства в дела восточноевропейского региона [Флоря]. Важным элементом этих отношений была организация выкупа пленных в первую очередь из Крымского ханства, которая требовала значительных дипломатических и административных усилий от Российского государства XVII в. При этом следует подчеркнуть, что состояния мира и войны на степной границе Российского государства не были четко разграничены: обмен посольствами и выкуп пленных происходили постоянно, не только в относительно мирные годы, но и на фоне прямых военных столкновений. В отношении служилого, а также других сословий механизм выкупа был в целом налажен к середине XVII в. и регулировался, с одной стороны, Соборным уложением, и с другой – государевыми наказами в каждом конкретном случае выкупа [Жуков, 2012; Жуков, 2014; Жуков, 2017; Жуков, 2019; Жуков, 2020]. Эта система была достаточно хорошо отработана, однако по отношению к крупным вельможам, имевшим прямой контакт с государем, она часто оказывалась бессильной. Это было связано с тем, что крымцы запрашивали у московской казны огромные суммы за окуп влиятельных пленников. В то же время высокий статус при государевом дворе позволял сделать знатного пленного проводником политических интересов крымской стороны, что могло способствовать его продолжительному нахождению в плену¹.

¹ Наиболее известный подобный эпизод XVI в. связан с пленением крымцами в 1573 г. близкого приближенного Ивана Грозного, видного опричника В. Г. Грязного. Крымский хан Девлет-Гирей пытался либо выторговать за него богатый выкуп, либо обменять на него Дивея-мурзу, ханского приближенного, попавшего в плен к русским во время Молодинской битвы в 1572 г. Однако, не отличаясь ни знатным происхождением, ни особо высоким служебным положением, В. Г. Грязной, несмотря на личную близость к царю, не может быть примером находившегося в плену московского вельможи. Об этом ясно говорил в письме к нему сам Иван Грозный, отвечая на предложение об обмене на Дивея-мурзу: «у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася» (Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 194). Царь готов был дать за него не более 2000 рублей [Садиков, с. 53]. За время плена В. Г. Грязной пытался принимать активное участие в дипломатических сношениях Москвы и Крыма, что сделало его в глазах татар «особенно ценным и важным... за которого можно было надеяться получить сверх двух тысяч рублей... именно это обстоятельство повлекло за собой не скорейшее возвращение пленника, а новые оттяжки и задержки» [Садиков, с. 57]. В конце концов, В. Г. Грязной был выкуплен в 1577 г.

Прямое вовлечение Москвы в украинские дела во второй половине XVII в. параллельно с активным вмешательством в них Крымского ханства привело к увеличению столкновений между русской армией и крымскими силами, и с обеих сторон возросло число пленных².

Самым известным и, по сути, единственным во второй половине XVII в. примером попадания в плен носителя боярского чина являлся боярин Василий Борисович Шереметев³. Представитель одной из самых знатных и влиятельных старомосковских боярских фамилий, на момент своего пленения В. Б. Шереметев имел большой административный и военный опыт, занимал ряд ключевых постов, в частности был воеводой в Тобольске и Смоленске, и пользовался расположением царя. В 1653 г. ему было пожаловано боярство, и, по сути, в это же время он возглавил оборону Белгородской черты. В 1658 г. он был назначен воеводой в Киеве [Корсакова, с. 137–147]. Как известно, разгром войск под командованием В. Б. Шереметева под Чудновом в 1660 г. в период Русско-польской войны 1654–1667 гг. был результатом совместных действий польских и крымских сил, а также измены украинского гетмана Ю. Хмельницкого. Важно подчеркнуть, что В. Б. Шереметев сдался в плен польской стороне, однако, вопреки первоначальным договоренностям, поляки передали его хану. Обстоятельства его захвата в плен в 1660 г. под Чудновом и неоднократные попытки выкупа на протяжении 1660–1680-х гг. подробно разбирались в историографии [Барсуков, 1899; Барсуков, 1904; Корсакова; Мальцев, с. 59–61; Малов, с. 37–38]. Стоит отметить, что история пленения боярина произвела большое впечатление в русском обществе и его властных кругах, при этом в Москве не считали капитуляцию В. Б. Шереметева «бесчестием» и были убеждены в том, что он «добросовестно исполнял возложенную на него трудную обязанность» [Корсакова, с. 152]. На всем протяжении крымского плена В. Б. Шереметев сохранял высокое положение при царском дворе. Об этом свидетельствует тот факт, что он не исключался из списка бояр и по возвращении в Москву занял в этом списке полагающееся ему высокое место [Корсакова, с. 158]. Вопрос о вызволении В. Б. Шереметева из плена был поставлен сразу; с конца 1660-х гг. московское правительство настойчиво пыталось выкупить одновременно также и попавшего в крымский плен в 1668 г. князя А. Г. Ромодановского, сына князя Г. Г. Ромодановского, который возглавлял в 1668–1678 гг. Белгородский разрядный полк. Между тем в истории организации их выкупа имеется эпизод, который на данный момент недостаточно изучен. Речь идет о попытке вызволения В. Б. Шереметева и князя А. Г. Ромодановского из крымского плена в 1678 г.

Организация выкупа в 1678 г. интересна прежде всего потому, что должна была проходить во время активных военных действий на Украине между русско-украинскими и турецко-татарскими войсками. Как известно, в апреле 1678 г. Османская империя официально объявила войну России [Vuslati Ali Bey, s. 10; Uzunçarsili, s. 380], Порта намеревалась послать в Восточную Европу 120-тысячную армию, захватить Чигиринскую крепость и двинуть войска на Киев [Яфарова, с. 190–207]. Османская империя, стремясь к реваншу за неудачную кампанию 1677 г., обстоятельно готовилась к кампании 1678 г. Несмотря на то что московское правительство знало в целом о намерениях османов направить турецко-татарскую армию на Украину в 1678 г., в Москве решили приложить значительные усилия для скорейшего осуществления выкупной операции. В таких условиях, когда впереди была тяжелая военная кампания, после которой следовало ожидать непростых переговоров о мире, московское правительство попыталось

² К примеру, в 1678–1680 гг. пленных татар и турок московские власти старались размещать преимущественно на севере страны, в таких городах, как Вологда, Ярославль и др., при этом количество пленных было значительно. Так, в 1679 г. в Ярославле в тюрьме находилось 219 человек, «взятым татаром в тюрьме теснота... и которые татаровя впредь в Ярославль в присылке будут, и тех за теснотою в тюрьму посадить немочно». Предполагалось даже строительство дополнительных тюремных изб для содержания пленных (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 947. Л. 40–41 и далее).

³ Более поздним примером может служить попавший в 1700 г. в шведский плен под Нарвой князь И. Ю. Трубецкой.

воспользоваться возможностью решить этот важный политический вопрос. Материалы, отложившиеся в ф. 123 (Сношения России с Крымским ханством) и ф. 210 (Разрядный приказ) РГАДА, позволяют подробно остановиться на организации выкупа в этот период.

Стоит отметить, что событиям 1678 г. предшествовала попытка вернуть В. Б. Шереметева и князя А. Г. Ромодановского из крымского плена в 1677 г. (о более ранних попытках см.: [Барсуков, 1899; Барсуков, 1904]). Несмотря на участие крымцев и османов в военных действиях на Украине, война между Россией и Османской империей в этот период не была объявлена, а крымский хан Селим-Гирей летом 1677 г. по инициативе своего окружения, получив также согласие царя Федора Алексеевича⁴, направил важных политических пленников «на окуп» в Азов. Однако переговоры не увенчались успехом: отправленный с окупной казной стольник И. Ф. Волинский не стал обсуждать с представителями ханской администрации возможность окупа В. Б. Шереметева и князя А. Г. Ромодановского до подписания договора о мире с Крымским ханством, хотя прямых указаний об этом в его наказе не было⁵. По словам толмача Полуекта Кучумова, который был в Азове с И. Ф. Волинским, «стольник, де, и воевода Иван Волинской с товарищи с ним, Полуехтом, к боярину и стольнику князю Андрею приказывали, что ему велено с хановым присланным прежь договор о миру учинить, а потом об окупе ево, боярина и стольника князя Андрея, договоритца». При этом толмач подчеркивал, что крымская сторона не собиралась вести переговоры о мире, «договору... хан ныне никакого чинить не указал, а велел принять только окуп»⁶. Пленные в итоге вернулись обратно в Крым [Барсуков, 1904, с. 254–260], окупная казна была возвращена в Москву.

Сам боярин В. Б. Шереметев после неудачной попытки выкупа направил 1 ноября 1677 г. в Москву с Василием Старковым письмо на имя царя. В нем он прямо назвал И. Ф. Волинского своим «неприятелем» и обвинил его в случившемся, подчеркивая, что тот «учинился непослушен твоему, великого государя, указу»⁷. Кроме того, В. Б. Шереметев указывал, что выкупной казны за князя А. Г. Ромодановского привезено не было: «только б окупил меня Иван, и князь Андрея окупить было ему нечим, окуп ево не бывал на Дону»⁸. Далее следовала просьба боярина, если «окуп за него привезен с Дону назад в Москву», направить его снова на Дон. При этом он просил поручить организацию выкупа донским казакам «мимо воевод» [Барсуков, 1904, с. 261]. В Москве действия Волинского стали предметом разбирательства, однако обвинений ему так и не было предъявлено (см.: [Барсуков, 1904, с. 261–272]).

После прибытия в Москву в конце декабря 1677 г. Василия Старкова из Крыма с письмом от В. Б. Шереметева [Барсуков, 1904, с. 264] московское правительство достаточно быстро приняло решение сделать еще одну попытку выкупа В. Б. Шереметева и князя А. Г. Ромодановского в 1678 г. В Бахчисарай с царской грамотой был отправлен толмач Иван Кучумов для переговоров с ханом Селим-Гиреем⁹. 7 января 1678 г. была подготовлена царская грамота харьковскому полковнику Григорию Донцу, которому следовало быть за «разменной казною в провожатых... сь его полком на Дон или где размена будет»¹⁰. 8 января 1678 г. был подготовлен проект указа, согласно которому предстояло «послать на Дон к атаману и х казаком з дьяком с Андреяном Яковлевым дватцать пять тысяч золотых червонных на окуп боярину Василью Борисовичю Шереметеву, а в провожатых за тою казною до Белогорода быти

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1677 г. Стб. 22. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 13–14.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 1. Л. 70.

⁸ Там же. Л. 68.

⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 23. Л. 1.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 866. Л. 832.

Московским стрелцом, а из Белгорода на Дон до Черкаского городка проводить харьковскому полковнику со всем своим полком и с сыними ратными прибылыми людьми, смотря по вестям»¹¹.

Стоит отметить, что основная сумма в 25 тысяч золотых была собрана для совершения выкупной операции еще в 1677 г., однако она была возвращена в Москву после несостоявшейся сделки. В начале 1678 г. к основной сумме выкупа «великого государя жалованья боярину Василию Борисовичу Шереметеву на окуп дватцать пять тысяч золотых червонных» было добавлено «три тысячи ефимков из Новгородцкого приказа, да 400 ефимков же, что прислали в Посолской приказ боярин Родион Матвеевич Стрешнев да Петр Васильевич Шереметев. А достальной окуп из ево боярсково дому с людьми ево». Общая сумма выкупа должна была составить порядка 30 тысяч золотых¹². К сожалению, точная сумма выкупа за князя А. Г. Ромодановского не известна, однако можно утверждать, что она должна была составить порядка 10 тысяч золотых: князь Г. Г. Ромодановский лично направил средства для выкупа своего сына, «испродав... последние свои крошенка на девять тысяч червонных залотых»¹³.

Таким образом, основные усилия по организации выкупа теперь были возложены на казаков, как того и хотел В. Б. Шереметев. Кроме того, предполагалось активное участие лично заинтересованного в выкупе сына князя Г. Г. Ромодановского, которому следовало «об отпуске той казны на Дон и о провожатых, и которым путем вести, и о том о всем... учинить... по ево разсмотрению»¹⁴. 9 января был подготовлен проект царской грамоты к князю Г. Г. Ромодановскому с предписаниями относительно дальнейших действий после прибытия казны в Белгород, однако она не была отправлена¹⁵.

В течение января шло согласование предстоявшей выкупной операции на Дону, и в итоге было принято решение, что из Москвы с окупной казной будут направлены «драгунского строю» подполковник Фаддей Тумашев¹⁶ и подьячий Федор Мартынов¹⁷. Также было решено, что передача казны крымской стороне должна осуществиться при непосредственном участии донских казаков во главе с атаманом Корнилой Яковлевым.

Государева грамота на Дон от 19 января 1678 г., адресованная казакам, содержит изложение донесения В. Б. Шереметева, который 24 декабря 1677 г. писал, что, по словам ближних людей хана Селим-Гирея, «ево, боярина нашево, и столника, князя Андрея Ромодановского отвезут они в Азов на окуп и чтоб мы, великий государь, пожаловали, велели их окупить, также бы и послали розменитца и тот окуп прислать за них на Дон»¹⁸. Помимо передачи казны крымцам и выкупа В. Б. Шереметева и князя А. Г. Ромодановского, должно было состояться возвращение дипломатических представителей российской и крымской сторон. Предполагалось, что Крым передаст московской стороне подьячего Гаврилу Михайлова, а Москва возвратит крымского посла Сефер-агу и его свиту, которые были намеренно задержаны в Москве в 1670 г.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 872. Л. 362.

¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 23. Л. 17–18; ср. в 1681 г.: [Барсуков, 1904, с. 468–469].

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 866. Л. 413.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 364–365.

¹⁶ По справке из Разрядного приказа Фаддей Трефилевич Тумашев участвовал в Чигиринском осадном сидении, за что был пожалован соболями на 40 рублей (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 4. Л. 40). По всей видимости, весной 1678 г. он получил чин полковника, так как далее в документах он фигурирует в этом чине.

¹⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 23. Л. 10. Мартынов Федор Мартынов известен как подьячий Поместного приказа с 1657 г., занимавший эту должность до 1673 г. В 1673 г. его оклад составлял 30 рублей. С 1683 г. был дьяком в Казани [Веселовский, с. 321; Демидова, с. 342].

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 4. Л. 9.

для последующего обмена на боярина В. Б. Шереметева¹⁹. Об этом также были оповещены донцы, которым предписывалось принять Ф. Тумашева и Сефер-агу в Черкасском городке²⁰.

Московское правительство велело донским казакам сообщить азовскому паше и крымскому хану о присылке на Дон окупной казны и настаивать на том, чтобы В. Б. Шереметева и князя А. Г. Ромодановского привезли для выкупа в окрестности Азова²¹, после чего казакам было приказано «учинить с азовским пашею и с присланным хановым... чтоб они прислали к вам из Азова кого пригож людей добрых, чтоб те их люди окупной казны досмотрели и перечли и с вами подлинно договорились, в котором месте и в сколом числе людей с обеих сторон им с вами съехатца»²². Из этих инструкций ясно видна степень взаимного недоверия сторон; в условиях войны трудно было ожидать, что одна из них согласится на совершение выкупа на чужой территории или в присутствии больших военных сил противника. В случае, если о месте съезда договориться удастся, казакам нужно было «дело учинить остерегательно», произвести выкуп Шереметева и Ромодановского, принять подьячего Г. Михайлова со товарищи и отпустить Сефер-агу со свитой²³.

В то же время была оговорена ситуация, при которой ханов человек «съезду учинить не похочет, а учнет говорить, чтоб окупную казну... прислать к ним в Азов»²⁴. В Посольском приказе предполагали, что, возможно, крымцы в ожидании приезда казны будут готовы отдать Шереметева, Ромодановского и других русских пленных в обмен на аманатов, которых должны будут дать казаки в том количестве, в каком потребует крымская сторона: «А они (донские казаки. – В. Ж., М. Я.) в той казне и в отпуску ево, боярина нашего и столника князь Андрея, дадут аманатов людей добрых и учнут на том стоять упорно. И вы бы, атаманы и казаки, с азовским пашею и с присланным хановым велели говорить, чтоб они у вас взяли, сколько пригоже»²⁵. После приезда Шереметева и князя Ромодановского в Черкасский городок казаки должны были отправить в Азов казну и крымского посла Сефер-агу, а крымская сторона, получив казну и своего посла, вернуть аманатов: «А как вы, атаманы и казаки, боярина нашего Василья Борисовича и столника князь Андрея, и посланников примете, и вы тогда окупную казну и послов их, Сефер-агу с товарищи, за теми своими аманаты к ним в Азов пошлете и сполна б дадите»²⁶.

Стоит отметить, что в 1670 г. при заключении договора с Крымом размен пленных, в том числе и В. Б. Шереметева, предполагалось совершить на валуйской размене, где, по традиции, ежегодно производился окуп полоняников²⁷, однако во второй половине 1670-х гг. такая возможность уже не рассматривалась. Как представляется, это было связано с опасениями крымской стороны, так как безопасность окупной казны трудно было гарантировать на обратном пути. Понимая это, в Москве согласились совершить выкупную операцию гораздо южнее валуйской размены.

22 января 1678 г. по указу великого государя подполковник Ф. Тумашев и подьячий Ф. Мартынов отправились «с окупною казною на Дон»²⁸. В качестве провожатых до Тулы

¹⁹ Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. С. 18–19.

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 4. Л. 10.

²¹ Там же. Л. 10–11.

²² Там же. Л. 11–12.

²³ Там же. Л. 12.

²⁴ Там же. Л. 13.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Данная выкупная операция не состоялась в связи с переменой крымского хана в 1671 г.

²⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 4. Л. 16.

были назначены московские стрельцы «стольника и полковника Григорьева приказу Титова», десятичники Оська Кузьмин, Петрушка Яковлев и Ортюшка Артемьев, всего 30 человек²⁹.

В этот же день, 22 января, соответствующий указ был направлен в Белгород князю Г. Г. Ромодановскому. Воеводе предписывалось «об отпуске тое нашии государевы казны с ним же, подполковником Фадеем Тумашевым, из Белагорода на Дон, которым путем пристойно и безстрашно, и о посылке для береженья тое нашии великого государя казны харковского полковника Григорья Донца полку иво с казаками и с ыными нашими государевыми ратными людьми» учинить «по своему рассмотренью»³⁰.

В Крымском ханстве вопрос о выкупе В. Б. Шереметева и князя А. Г. Ромодановского был поставлен не сразу, и связано это было с переменой хана. Попытка Селим-Гирея вести самостоятельную политику стала одной из причин недовольства главнокомандующего турецкой армией Ибрагим-паши после отступления от Чигирина в 1677 г. По словам татарских и турецких языков, «Имбраим-паша ханови з грозою говорил: есть ли в справе цареве незычливым знать ж, что хошет поднять булвы на Порту, что без ведома салтанского и нашего ссылався с христианским царем Московским, чево прежния ханы учинити не посмели, тое ты таперь чинить хотячи отдать на откуп господ московских Шереметя и князя Ромодановского, но увидишь как тебе за тое воздастца, как салтану турскому о том ведомо учинитца»³¹. Как видно, османская сторона была недовольна тем, что Селим-Гирей без ведома Порты договорился с Москвой о выкупе важных пленников в 1677 г. Это стало одной из причин, по которой он был смещен со своего престола и сослан на остров Родос; на его место был поставлен Мурад-Гирей, «торжественное наречение которого произошло в январе 1678 г.» [Смирнов, с. 589–591]. Как представляется, османские власти в знатных пленниках видели прежде всего инструмент политического воздействия на московское правительство. Об этом также свидетельствуют донесения французского резидента в Стамбуле Франсуа де ла Круа, по словам которого в 1678 г. в османской армии «говорили, что великий везир подкупил князя Г. Г. Ромодановского, и татарский хан писал ему по-польски, что если он будет преследовать турецкую армию, то он предаст его сына, которого держал в Татарии, смерти»³². В русских источниках подобных свидетельств зафиксировано не было, однако сообщение де ла Круа говорит о том, что, как минимум, в османских властных кругах такую возможность рассматривали.

По словам толмача Ивана Кучумова, прибывшего в Крым «великого поста на третьей неделе», то есть в начале весны 1678 г., нового хана в это время еще не было на полуострове. И. Кучумов должен был сразу вручить государевы грамоты, однако ближний человек хана Мамет-ага, которому было предложено принять эти грамоты вместо хана, отказался это сделать: «когда, де, будет новой хан и в тое пору подаст он (толмач И. Кучумов. – В. Ж., М. Я.) хану. И он, де, Иван, по тому ханова ближнего человека слову жил в Крыму до мая месяца. И в мае, де, в первых числах приехал от турского салтана на ханство Мурат-Гирей хан, которой был наперед сего нурадыном, и взял в полон боярина Василья Борисовича. И его, де, хана, встречали всем Крымом татарове за Перекопью»³³.

В начале мая на полуостров прибыл чауш с традиционной денежной выплатой от турецкого султана на военные издержки [Смирнов, с. 588]: «прислал салтан к нему, хану, чауша своего и с ним саблю и кафтан, да 15 000 червонных золотых, и наказал тому

²⁹ Там же. Л. 45.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 872. Л. 363.

³¹ Там же. Л. 247.

³² *De la Croix F. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie.* Paris, 1689. P. 226–227.

³³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 23. Л. 1–2.

чаушу, чтоб конечно тот чауш хана в войну при себе высла». Кроме того, толмач отмечал, что «и татары с ним охотно же итить хотят потому, что признавают ево за щасливого». Он сообщал, что одним из признаков удачливости нового хана татары считали то, что «он взял боярина Василья Борисовича и в ево ж руки за него мимо всех, которые наперед его на ханстве были, окуп достается»³⁴. В этом известии следует обратить внимание на то, что, по всей видимости, крымское общество, в отличие от османского правительства, видело в знатных пленниках не инструмент политического воздействия на Москву, но просто возможность получения большого денежного выкупа. То обстоятельство, что Мурад-Гирей в бытность свою нуреддином сумел взять в плен боярина В. Б. Шереметева, воспринималось крымским обществом с воодушевлением. Кроме того, крымцы, по наблюдениям русского представителя, с большим подъемом готовились к предстоящей войне: «И у которых, де, лошадей нет и тех татар ссуживают иные богатые татарове исполу... и хлеб, де, в Крыму не гораздо ныне дорог»³⁵.

В этих условиях предвоенные обстоятельства не стали препятствием для возобновления переговоров о выкупе. Пользуясь поддержкой крымского общества и, вероятно, нуждаясь в дополнительных средствах накануне крупной военной кампании, Мурад-Гирей практически сразу же после прибытия в Крым принял решение отдать пленников на окуп: «боярина Шереметева, стольника князя Ромодановскаго и подьячаго Гаврилу Михайлова с людьми их он отпустит в Азов, на размену за Сефер-агу с товарищи; а для отпуску и окупу пошлет знающего человека, чтоб за боярина Шереметева и князя Ромодановскаго окупные деньги взять»³⁶. Однако предварительно было указано направить на Дон крымского представителя для проверки окупной казны и выяснения обстоятельств выкупа.

2 июня на Дон из Крыма приехал «крымского посла Сефер-аги сын иво мурза Алдиль Челебей с толмачом Посольского приказу с Иваном Кучумовым да боярина Василья Борисовича сь человеком иво с Китаем Фроловым... для осмотру... великого государя окупной казны, подлинно ль она на Дон привезена»³⁷. В. Б. Шереметев также лично написал полковнику Ф. Тумашеву, «чтоб он великого государя окупную казну ему, Алдилу, оказал, и он, де, по писму боярина Василья Борисовича тое окупную казну ему казал и з Дону ево, Алдила... отпустил июня в 5 день»³⁸. Важно, что крымский представитель заверил московскую сторону в согласии хана осуществить размен: «присланной ис Крыму Сефер-аги сын Алдил сказывал... которого часы в Крым он приедет, и хан Мурат-Гирей... на окуп отпустит тотчас»³⁹. Об этом также 24 июня 1678 г. Ф. Тумашев писал в Москву: «Присылал на Дон ис Крыму ханов ближней человек Мамет-ага крымского татарина Адила Челибея для досмотру той окупной казны. ...И он, смотря той окупной казны... сказал, что хан боярина нашего Василья Борисовича и стольника князя Андрея на окуп, и подьячаго Гаврила Михайлова с товарищи на розмену своим послом ис Крыму [отпу]стит, как он назад приедет»⁴⁰. О готовности хана отпустить пленников сообщал также в этот период своему отцу князь А. Г. Ромодановский: «на окуп иво ис Крыму хан отпускает же»⁴¹. Предполагалось, что пленников привезут «на окуп в Озов на каторгах»⁴².

Однако намеченным планам не суждено было осуществиться: по возвращении на полуостров крымский представитель не застал хана Мурад-Гирея, который с ордой

³⁴ Там же. Л. 4.

³⁵ Там же. Л. 4–5.

³⁶ Цит. по: [Барсуков, 1904, с. 278–279].

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 866. Л. 414.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 4. Л. 108.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 866. Л. 414.

⁴² Там же. Л. 415.

направился войной на Украину для соединения с турецкой армией. По словам приближенного В. Б. Шереметева Китая Фролова, «боярин, де, Василей Борисович посылал за ним вслед, чтоб ево отпустил на окуп, и хан, де, приказал к нему, боярину, что увидевся с везирем, отпустить ево велит и пришлет к нему весть»⁴³.

Одновременно в начале июня, не зная о проведенных на Дону переговорах с крымским представителем, в Москве приняли решение о перевозке разменной казны в Новый Оскол – крупную крепость на Белгородской черте. Соответствующие грамоты из Посольского приказа были посланы на Дон «к Фадею Тумошеву и к донским казаком... с нарочными гонцы»⁴⁴. В конце июня 1678 г. донской атаман Корнилу Яковлеву получил из Москвы следующую грамоту: «От царя и великого князя Феодора Алексеевича... на Дон... Корнилу Яковлеву и всему Войску Донскому. Указали мы... окупную казну, которая послана была на Дон... с Фадеем Тумышевым, отпустить з Дону на Новой Оскол. А проводить тое казну до Оскола харьковскому полковнику с полком ево»⁴⁵. В Новом Осколе, согласно царскому указу, следовало «принять ту казну столником и воиводам князю Михаилу Лыкову с товарищи и поставить, где пристойно, и беречь за крепким караулом»⁴⁶. Также царские грамоты были направлены князю М. Лыкову⁴⁷ в Новый Оскол и для ведомости князю Г. Г. Ромодановскому.

Такое решение, как представляется, было связано с многочисленными сведениями об активных перемещениях крымских войск, получаемыми московским правительством. Так, 9 мая в Москву из Валуек писал воевода К. Лодыженский, что «апреля, де, в 27-м числе приехали на Волюйку из Мояцкого волуйские станичники и сказывали ему: вышел, де, в Святогорской монастырь от татар полоняник, а сказывал, что крымской царевич с татары стоит верх речки Орели и Самары, а с ним орды восем тысяч. Да от него ж, де, пошло татар войною под... украинные города три юрта»⁴⁸. Мережский казак, побывавший в мае на Запорожье, также сказывал, что «ведомо в Запорогах учинилось, что крымской хан отпустил от себя... мая в 15-м числе орды пять тысяч человек под... украинные города»⁴⁹. В таких условиях держать окупную казну на Дону казалось небезопасным, тем более что реальность осуществления выкупа вызвала все большие сомнения.

Однако почти сразу эти планы были пересмотрены. 9 июля 1678 г. Ф. Т. Тумашев и харьковский полковник Григорий Ерофеев (Донец) выдвинулись в Новый Оскол, но уже 11 июля в Черкасский городок из Москвы приходит государева грамота, в которой казакам было приказано вернуть Ф. Тумашева и казну на Дон. Полковники Ф. Тумашев и Г. Ерофеев с казной не успели уйти далеко, так как казаки и подьячий Посольского приказа В. Мартынов их быстро догнали в районе «выше Безсерненева⁵⁰, а ниже Мелехова городков»⁵¹. Затем казаки доложили, что «по тому твоему, великого государя, указу и по грамоте тое твою... окупную казну с полковником... и з... ратными людьми назад возвратили. А полковник харьковской Григорей Ерафеев... с ратными людьми от нас из Войска з Дону на украинные города отпущен

⁴³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679 г. Стб. 4. Л. 5.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 866. Л. 834.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 4. Л. 88.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 866. Л. 207.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 4. Л. 107–108. Лыков Михаил Иванович, князь, стольник и воевода, с 1681 г. – окольничий, с 1682 г. – боярин. Провел годы на службе при государевом дворе, а также в качестве воеводы в различных городах: 1677 г. – в Смоленске, 1678 г. – отправлен в Новый Оскол для отражения татарских набегов. [Славянская энциклопедия, с. 688].

⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 866. Л. 1–2.

⁴⁹ Там же. Л. 217.

⁵⁰ Так в рукописи. Имеется в виду казачий городок Бессергенов.

⁵¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Стб. 4. Л. 122.

июля ж в 14 день»⁵². Согласно царскому указу от 25 июня 1678 г., «для береженья на Дону... великого государя розменные казны» следовало оставить полковника Ф. Тумашева, «да с ним Григорьева полку Донца козаком пятистам того ж полку с начальным человеком»⁵³. Как впоследствии сообщал царю сам харьковский полковник, «пятисот человек оставить было не ис кого... за малолюдством», поэтому на Дону он оставил «начальных людей дву сотников Рамана Иванова да Данилу Прилепчинка, да с ними козаков двесте сорок восемь человек, да белгородцкого полку розных городов русских людей всяких чинов городовые службы сто дватцать пять человек, да московских стрелцов белгородцкого полку пятьдесят человек»⁵⁴. Многие казаки и ратные люди при возвращении на Дон разбежались⁵⁵.

Внезапная перемена в планах по дальнейшей перевозке окупной казны до Нового Оскола связана, вероятно, с тем, что в июне в Москве стали получать постоянные сведения о движении османской армии к Чигиринской крепости. 8 июля под Чигирином появились турецко-татарские войска, а утром 9 июля, когда подошли главные силы великого визиря Кара Мустафы-паши, началась осада Чигиринской крепости. В это же время русско-украинская армия переправилась через Днепр, что привело к столкновениям с татарскими отрядами [Яфарова, с. 251–257]. Становилось ясно, что внезапного нападения значительных сил на Черкасский городок ждать не приходится. С другой стороны, в Москве могли допускать опасность прорыва крымцами новооскольского участка Белгородской черты, что неоднократно происходило в 70-х гг. XVII в. [Загоровский, с. 193; Новосельский, с. 109–110].

Кроме того, нужно иметь в виду, что в конце июня в Москву из Крыма прибыл толмач И. Кучумов и отчитался о своей поездке в Посольском приказе. В частности, он имел сведения о согласии крымской стороны осуществить выкупную операцию и вместе с крымским представителем ездил на Дон для осмотра казны. Стоит также отметить, что начало активных военных действий не помешало князю Г. Г. Ромодановскому, командующему русской армией на Украине, надеяться на осуществление выкупной операции. Так, 15 июля 1678 г. он писал царю Федору Алексеевичу о том, что в конце июня донской казак Иван Лопатин сообщил ему, что пленников «конечно привезут на окуп в Ильин день или после того спустя неделю». Воевода при этом настаивал, что выкупную операцию необходимо реализовать в текущем году: «и буде, де, государь, ныне за боярина Василья Борисовича и за сынишка моиво розмены не учинить, а полковник Фадей Тумошев по твоему великого государя указу с твоей великого государя окупною казною з Дону пойдет в Новой Оскол... впредь розмены не чаят»⁵⁶. На этот случай князь Г. Г. Ромодановский даже просил царского разрешения оставить «тех окупных денег, что посланы за сына ево за князя Андрея», на Дону и Ф. Тумашеву их «имать не велеть»⁵⁷.

Как представляется, совокупность этих факторов привела к тому, что московское правительство решило вернуть казну в Черкасский городок. Она была возвращена на Дон и, несмотря на сложности с ее охраной и слабость укреплений Черкасского городка, находилась там до октября 1678 г.

Однако надежды на осуществление выкупа не оправдались. По словам приближенного В. Б. Шереметева Китайки Фролова, крымский хан во время активных боевых действий под Чигирином «вести, де, об отпуске... боярина не присылывал до своего приезде в Крым». Только после возвращения на полуостров, когда османская армия во главе с великим визирем

⁵² Там же. Л. 132–133.

⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1205. Л. 443–444.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 866. Л. 809.

⁵⁵ Там же. Л. 842–843.

⁵⁶ Там же. Л. 415–416.

⁵⁷ Там же. Л. 841.

уже двигалась к Дунаю, Мурад-Гирей был готов совершить окуп, однако «проведал, что казна з Дону увезена, и затем, де, боярин на окуп не отпущен»⁵⁸. Пленники, таким образом, в Азов так и не прибыли. Начиная с декабря 1678 г. В. Б. Шереметев неоднократно писал отписки в Москву, в которых неудачу своего выкупа объяснял непростой военно-политической обстановкой, при этом теперь надежды на выкуп он связывал с подписанием мирного договора: «как ... мирной договор утвердитца, и розмена будет»⁵⁹.

Охрана казны на Дону оказалась тяжелым и затратным делом. Полковник Ф. Тумашев писал 13 октября 1678 г. князю Г. Г. Ромодановскому о недовольстве казаков и ратных людей длительным нахождением на Дону. По его словам, «приходили, де, к нему, Фодею... великого государя ратные люди, которые оставлены с ним на Дону, и били челом... великому государю... словесно з большею доукою и со слезами, будучи, де, они на Дону обеззапасели и платье, и ружье все проели, а зимовать, де, им не у чево, и... государеву казну хотели покинуть»⁶⁰. Данные обстоятельства вынудили Ф. Тумашева предпринять активные действия, чтобы сдержать недовольство ратных людей. Так, в конце сентября «донские, де, атаманы и казаки Корнил Яковлев с товарищи, проведая подлинно, что ныне... окупу не будет, против прежнего... великого государя указу отпустили ево, Фодея, з Дону к украиным городом и он, де, Фодей с... великого государя розменною окупною казною и с ратными людьми пришли рекою Доном до Коротояка в целости, а с Коротояка, де, пошел он в Острогожской»⁶¹. После этого они «с крымскими послы (Сефер-агой и другими крымскими пленными. – В. Ж., М. Я.) ... пошли на Новый Оскол октября в 9 день»⁶². При этом деньги, отдельно направленные князем Г. Г. Ромодановским на окуп своего сына, были возвращены в Курск «с людьми ево и с провожатыми»⁶³.

13 октября полковнику Ф. Тумашеву писал в ответ князь Г. Г. Ромодановский с указанием идти из Острогожского не в Новый Оскол, а в Старый Оскол и «быть в том городе до... великого государя указу»⁶⁴. Эти распоряжения были отданы без соответствующего царского указа. Позднее князь Г. Г. Ромодановский в своей отписке на имя царя объяснил это следующим образом: полковник Ф. Тумашев с «великого государя казною для всякого береженья шол из Астрогожского в Старой Оскол и был в том городе до твоего великого государя указу, потому, государь, что тот город в черте, а твоих великого государя ратных людей, которые с ним на Дону были, для их великих нужд отпустил по домам»⁶⁵. Наступала зима, служилые люди испытывали нужду и были готовы покинуть службу, и обеспечить безопасность казны, о существовании которой было довольно широко известно, в пограничном казачьем городке было сложно. Эти аргументы были приняты московским правительством.

В Москве в целом согласились с решением князя Г. Г. Ромодановского. По царскому указу от 26 октября 1678 г., казна должна была находиться в Старом Осколе, «а по первому зимнему пути тое окупную казну бояром и воеводам князю Григорью Григорьевичю Ромодановскому с товарищи прислать к Москве в Посольской приказ с кем пригожь, по их рассмотрению, и с провожатыми со многими людьми»⁶⁶. В указе также предписывалось обеспечить необходимую охрану: казну следовало поставить в погреб «и укрепить, и держать за крепким

⁵⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679 г. Стб. 4. Л. 6.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 60. Л. 28 об.–29.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1205. Л. 449.

⁶¹ Там же. Л. 444.

⁶² Там же. Л. 322.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 451.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л. 784.

караулом с великим береженьем, а на карауле быть с стрелцами голове и сотником переменяясь, чтоб та окупная казна была во всякой крепости и осторожности, и послы были б за крепким караулом». При этом воеводе было указано «в день и по ночам тех караулов досматривать, чтоб во всем было бережно и осторожно»⁶⁷.

В связи с болезнью Ф. Тумашева 2 ноября князь Г. Г. Ромодановский писал старооскольскому воеводе Семену Колюбакину, «чтоб он ту... розменную казну у полковника у Фадея Тумошева за ево фадеевою печатью и крымских послов, приняв, послал... к Москве в Посольской приказ за многими провожатыми с подьячим, которой с ним, Фадеем, с Москвы послан был на Дон». 28 ноября 1678 г. окупная казна с подьячим Кузьмою Татариновым зимним путем была отправлена в Москву⁶⁸.

Таким образом, нахождение В. Б. Шереметева и князя А. Г. Ромодановского в крымском плену воспринималось и московским правительством, и его противниками как серьезная международная проблема. Есть основания считать, что подход к этой проблеме отличался у Порты и у Крыма: османское правительство видело в знатных пленниках прежде всего инструмент политического воздействия на Москву, в Бахчисарае же стремились получить денежный выкуп. Именно поэтому, как представляется, московское правительство настойчиво стремилось выкупить пленников до завершения войны и начала мирных переговоров, и попытки организовать выкуп не прерывались даже на фоне масштабной военной кампании на Украине.

Однако выяснилось, что осуществление такой операции в условиях военного противостояния крайне затруднено. Необходимость отправить на границу большую казну, о существовании которой было известно противнику, ставила московское правительство в уязвимое положение. Хан, отдавая пленников на размену, также рисковал не только вызвать недовольство султана, но и столкнуться с попыткой их силового освобождения со стороны ратных людей и казаков. Взаимное недоверие сторон, наряду с политическими соображениями, сделало организацию выкупа невозможной и заставило отложить его до заключения Бахчисарайского договора.

Литература

- Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1899. Кн. 7. IX, 470, [1] с., [4] л. ил., факс.
Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1904. Кн. 8. VIII, 512, XXXVI с., [2] л. факс.
Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. 606, [1] с.
Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. 717, [2] с., [1] л. портр.
Жуков В. Д. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х гг. XVII в.: к истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник РУДН. Серия «История России». 2012. № 4. С. 31–43.
Жуков В. Д. Общая милостыня: выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII в. // Родина. 2014. № 11. С. 95–97.
Жуков В. Д. «Памяти о полоняниках» как источник по истории государственного выкупа пленных из Крыма (1620–1630-е гг.) // Русь, Россия: Средневековье, Новое время. V Чтения памяти академика Л. В. Милова. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 207–213.
Жуков В. Д. Выкуп пленных на валуйской размене в 1640 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 82–89. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.007
Жуков В. Д. Выкуп пленных на валуйской размене в 1643 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 49–59. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.006
Загоревский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. 304 с.

⁶⁷ Там же. Л. 323.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 866. Л. 756.

- Корсакова В. Д. Шереметев, Василий Борисович // Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. 23. С. 136–159.
- Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006. 48 с.
- Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. 255 с.
- Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. 221, [1] с., [1] л. портр.
- Садиков П. Царь и опричник (Иван Грозный, В. Гр. Грязной и их переписка 1574–1576 гг.) // Века. Исторический сборник. Пг., 1924. Вып. 1. С. 36–78.
- Славянская энциклопедия. XVII в.: В 2 т. М., 2004. Т. 1. 782, [1] с.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. 824 с.
- Флоря Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 108–148.
- Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. Дис. ... канд. истор. наук. М., 2017. 399 с.
- Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Ankara, 1988. 3 cilt. 2 kısım. 656 s.
- Vuslati Ali Bey. Ġazâ-nâme-i Çehrîn. Ankara, 2003. 326 s.

References

- Barsukov, A. P. Rod Sheremetevykh [The Sheremetev Family]. Saint Petersburg, 1899. Book 7. IX, 470, [1] p., [4] l. of il., facs.
- Barsukov, A. P. Rod Sheremetevykh [The Sheremetev Family]. Saint Petersburg, 1904. Book 8. VIII, 512, XXXVI p., [2] l. of facs.
- Demidova, N. F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700). Biograficheskii spravochnik [The Service Bureaucracy in Russia in the 17th Century (1625–1700). Biographical Directory]. Moscow, 2011. 717, [2] p., [1] l. of portr.
- Florya, B. N. Voiny Osmanskoi imperii s gosudarstvami Vostochnoi Evropy (1672–1681 gg.) [Wars of the Ottoman Empire with the States of Eastern Europe (1672–1681)]. In *Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy v XVII v.* Moscow, 2001. Part 2. Pp. 108–148.
- Korsakova, V. D. Sheremetev, Vasilii Borisovich [Sheremetev, Vasily Borisovich]. In *Russkii biograficheskii slovar'*. Saint Petersburg, 1911. Vol. 23. Pp. 136–159.
- Malov, A. V. Russko-pol'skaya voina 1654–1667 gg. [Russian-Polish War of 1654–1667]. Moscow, 2006. 48 p.
- Mal'tsev, A. N. Rossiya i Belorussiya v seredine XVII veka [Russia and Belarus in the Middle of the 17th Century]. Moscow, 1974. 255 p.
- Novosel'skii, A. A. Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma [Studies on the History of the Feudal Era]. Moscow, 1994. 221, [1] p., [1] l. of portr.
- Sadikov, P. Tsar' i oprichnik (Ivan Groznyi, V. Gr. Gryaznoi i ikh perepiska 1574–1576 gg.) [The Tsar and the Oprichnik (Ivan the Terrible, V. Gr. Gryaznoy and Their Correspondence of 1574–1576)]. In *Veka. Istoricheskii sbornik*. Petrograd, 1924. Issue 1. Pp. 36–78.
- Slavyanskaya entsiklopediya. XVII v.: V 2 t. [Slavic Encyclopedia. 17th Century: In 2 vols.]. Moscow, 2004. Vol. 1. 782, [1] p.
- Smirnov, V. D. Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII v. [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire until the Early 18th Century]. Saint Petersburg, 1887. 824 p.
- Uzunçarşılı, İ. H. Osmanlı tarihi. Ankara, 1988. 3 cilt. 2 kısım. 656 s.
- Veselovskii, S. B. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. [Dyaks and Podyachies of the 15th – 17th Centuries]. Moscow, 1975. 606, [1] p.
- Vuslati, Ali Bey. Ġazâ-nâme-i Çehrîn. Ankara, 2003. 326 s.
- Yafarova, M. R. Russko-osmanskoe protivostoyanie v 1677–1681 gg. [The Russian-Ottoman Confrontation in 1677–1681]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 2017. 399 p.
- Zagorovskii, V. P. Belgorodskaya cherta [The Belgorod Line]. Voronezh, 1969. 304 p.
- Zhukov, V. D. "Krymskie polonyaniki" i ikh vykup v 50-kh gg. XVII v.: k istorii kolonizatsii yuzhnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva ["Crimean Polonyaniki" and Their Redemption in the 50s of the 17th Century:

On the History of Colonization of the Moscow State Southern Outskirts]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya "Istoriya Rossii"*. 2012. No. 4. Pp. 31–43.

Zhukov, V. D. Obshchaya milostynya: vykup plennykh Moskovskim gosudarstvom iz Kryma v seredine XVII v. [General Alms: Redemption of Captives by the Moscow State from the Crimea in the Middle of the 17th Century]. In *Rodina*. 2014. No. 11. Pp. 95–97.

Zhukov, V. D. "Pamyati o polonyanikakh" kak istochnik po istorii gosudarstvennogo vykupa plennykh iz Kryma (1620–1630-e gg.) [Pamyati o Polonyanikakh as a Source for the History of the State Redemption from the Crimea (1620s – 1630s)]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e, Novoe vremya. V Chteniya pamyati akademika L. V. Milova. Moskva, 9–10 noyabrya 2017 g.* Moscow, 2017. Pp. 207–213.

Zhukov, V. D. Vykup plennykh na valuiskoi razmene v 1640 g. [Redemption of Captives on the Valuyskya Exchange in 1640]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 82–89. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.007

Zhukov, V. D. Vykup plennykh na valuiskoi razmene v 1643 g. [Redemption of Captives on the Valuyskya Exchange in 1643]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 4 (82). Pp. 49–59. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.006

Vecheslav D. Zhukov

Russian State Archive of Ancient Documents, Moscow, Russia

Madina R. Yafarova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ATTEMPT TO RANSOM BOYAR V. B. SHEREMETEV AND PRINCE A. G. ROMODANOVSKY FROM CRIMEAN KHANATE IN 1678

The article discusses an attempt to organize redemption of boyar V. B. Sheremetev and Prince A. G. Romodanovsky from the Crimean Khanate in 1678. It is shown that the Moscow government sought to resolve the issue without postponing it until the beginning of peace negotiations, but it was impossible to organize a ransom operation in the conditions of military confrontation and serious mutual distrust of the governments.

Keywords: ransom of prisoners, V. B. Sheremetev, A. G. Romodanovsky, Crimean Khanate, ransom of war captives, Chigirin Campaigns, 1678

В. П. Богданов

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. *vpbogdanov@gmail.com*

ОХРАННЫЕ ФОРМУЛЫ XVI–XIX ВВ. НА ЭКЗЕМПЛЯРАХ СТАРОПЕЧАТНЫХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ: ЭВОЛЮЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕКСТОВ

Под охранными формулами автор подразумевает речевые обороты, регламентирующие использование книг. Это составные части записей, фиксирующих вклады книг в церкви или монастыри, а также факты владения этими памятниками. Предметом анализа являются записи на старопечатных книгах XVI–XVIII вв. Автор разделил 334 записи на три группы по семантическому принципу: от наиболее нейтральных, содержащих только фразы типа «книгу хранить вечно и никто не изнесет», до наиболее эмоционально окрашенных, с использованием слов «анафема» и «проклят». Автор убедительно показывает, что пик их употребления приходится на 1630-е гг., однако отдельные записи встречаются вплоть до конца XIX в.

Ключевые слова: записи на книгах, старопечатные кириллические издания, *охранные формулы, церкви, монастыри, владение*

Проблема источниковедения записей на экземплярах старопечатных кириллических изданий обсуждается в историографии постоянно (см. об этом: [Поздеева, 1978; Шустова] и др.). Исследователей интересует как введение в научный оборот новых текстов, так и выработка методики их анализа. Автор предлагаемой статьи пошел по пути создания базы данных ([Богданов; Богданов, Высоцкий] и др.).

На этот раз предметом исследования стали те записи, которые содержат охранные формулы. За последними в историографии закрепилось наименование «формулы проклятия» (см., например: [Поздеева, 1987; Шапилова]). Однако оно не совсем отражает их суть, о чем будет сказано ниже.

К охранным формулам следует отнести определенные **фрагменты текстов, обозначающих вклады книг в церкви, а также факты владения ими церковными библиотеками или частными лицами, содержащие запреты на какое-либо несанкционированное использование этих книг: кражу, заклад, порчу и т. д.** Уже наиболее ранняя запись, фигурирующая в базе данных, содержит охранную формулу: «Лета 7084го (1575/1576) положена бысть сия книга Евангилие тетри (!) на престол во храм Ивана Преодоотечи (!) да Николы чудотворца на вол[ж]ско[и] берег рабъ Божии Никифоръ Григорьев сынъ, а прозвище Богдан Самария. А не властоватися тою книгою ни попу, ни диякону, ни прихожаном, ни детем моим. А подписал сынъ его Григорей своею рукою»¹. Речевой оборот «не властоватися тою книгою ни попу, ни диякону, ни прихожаном, ни детем моим» и следует считать охранной формулой.

В основу настоящей статьи легли записи на книгах, опубликованные в каталогах описаний экземпляров старопечатных кириллических изданий, хранящихся в Научной библиотеке МГУ, а также в региональных собраниях: Тверской, Пермской, Ярославской областей, собрания Троице-Сергиевой лавры и музея Кижи; нескольких старообрядческих общинных библиотек. Итого, 14 каталогов (все они выпущены под эгидой Межкафедральной археографической

¹ Евангелие. Вильно, 1575; Ярославль, 2004. № 8. Далее для удобства ссылки на запись будут оформляться по следующей схеме: название книги, место и год ее издания, а также краткое обозначение каталога и номер в нем.

лаборатории МГУ), содержащих описания 5102 экземпляров изданий 1492–1800 гг. В данной статье цитируются записи восьми каталогов².

Выявлено 334 записи, содержащие какие-либо ограничения по использованию книг и сулящие наказание за нарушение запрета. Слова «проклятие» или «анафема» встречаются 81 раз, то есть только в 24 % случаев. По этой причине в статье используется именно термин «охранные формулы», а не «формулы проклятия».

210 записей имеют точную (вплоть до года) датировку и охватывают период с 1575 по 1898 г. В суммированном виде некоторые данные приведены в таблицах 1–2 Приложения.

В рамках данной статьи сосредоточимся на вопросах эволюции, распространения и классификации этого типа исторических текстов. Такие важные вопросы, как социальный состав инициаторов записей, требуют отдельного дополнительного исследования.

Методика работы

О структуре базы данных и представительности полученной исторической выборки автору уже приходилось писать [Богданов, Высоцкий]. В данном случае остановимся лишь на методах анализа информации записей, содержащих охранные формулы.

Из общего массива были выявлены записи, содержащие запреты в использовании книг и описания наказаний за противоправные действия (обозначаются такими речевыми оборотами, как «а кто сию книгу...», «и до той книги никому дела нет...» и т. д.). Кроме того, большинство записей подобного плана содержат некоторые угрозы типа отсутствия благодати на том, кто нарушит запреты. Часто используются такие слова и сочетания, как «анафема», «будет проклят», «не минует Божьего суда».

Поскольку в случаях, где это возможно, записи в самой базе данных датированы и привязаны к регионам, то выборка из записей с охранными формулами уже изначально содержит эти соотношения с хронологией и географией.

Иногда географическая локализация очевидна: в записи указан населенный пункт, уезд и проч. Но иногда установление региона требует определенной дополнительной работы. Так, для географической локализации записи 1582 г. с охранный формулой пришлось привлечь и другие записи на экземпляре³. В некоторых случаях география устанавливается по языку записей. Использование слов «року» вместо «года», «жонка» вместо «жена» и проч. позволяет утверждать, что запись сделана на территории Украины или Белоруссии. Иногда фигурирует человек, про которого известно, что он точно проживал в данном регионе.

² Поздеева И. В., Кашкарлова И. Д., Леренман М. М. Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. в Научной библиотеке Московского университета. М., 1980 (далее – МГУ, 1980); Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания. XVI век – 1641 г.: Находки археографических экспедиций 1971–1993 годов, поступивших в научную библиотеку Московского университета. М., 2000 (далее – МГУ, 2000); Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI век – 1725 год). Каталог. Тверь, 2002 (далее – Тверь, 2002); Кириллические издания XVI–XVII вв. в хранилищах Пермской области. Каталог. Пермь, 2003 (далее – Пермь, 2003); Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.). Каталог. Ярославль; Ростов, 2004 (далее – Ярославль, 2004); Кириллические издания XVIII века в хранилищах Пермского края. Каталог. Пермь, 2008 (далее – Пермь, 2008); Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1653–1700 гг.). Каталог. Ярославль; Ростов, 2009 (далее – Ярославль, 2009); Дадькин А. В. Описание одной из библиотек конфессиональной общины Верхокамья (конец XX в.) // Материалы к истории старообрядчества Верхокамья: по итогам комплексных археографических экспедиций исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова: сборник документов. М., 2013. С. 133–182 (далее – Верхокамье, 2013).

³ Евангелие учительное. Вильно: Печатник В. М. Гарабурда, ок. 1580; МГУ, 2000. № 18. Исходя из того, что книга была выпущена в Вильно, а вторая по хронологии запись (XVIII в.) на экземпляре оставлена «могилевцем», то есть жителем г. Могилева или его окрестностей, можно предположить, что книга по крайней мере до XVIII в. не покидала территории Западной Руси. Соответственно и запись 1582 г. сделана там же.

Например, фамилия соликамских купцов Ростовщиковых позволила отнести сделанный ими вклад именно к Пермскому краю⁴.

В результате удалось выявить 10 географических центров книжной культуры: несколько близко расположенных друг к другу населенных пунктов, сведения о которых встречаются в записях, были объединены в более крупные географические единицы.

Такие показатели, как даты, географические привязки, разные типы охранных формул, позволяют проводить сопоставления и интерпретацию полученных результатов.

Разновидности охранных формул

При анализе текстов, содержащих более или менее стандартные формулировки, возникает желание применить «формулярный анализ» (как это блестяще продемонстрировано С. М. Каштановым на актовом материале [Каштанов]). В нашем случае вариативность текстов достаточно велика, а сами тексты слишком небольшие по объему, чтобы применять к ним столь трудоемкую методику.

В связи с этим было решено попробовать классифицировать записи с охранными формулами исходя из их содержания. Критерием стала степень радикальности запретов и угроз, встречающихся в формулах. Самые «мягкие» – это записи, где содержатся только фразы: «книгу хранить вечно и никто не изнесет», «до книги никому дела нет». Самые сильные по эмоциональной окраске – записи, где совместно встречались слова «анафема» и «проклят».

В результате все записи подразделяются на три большие группы.

Первая группа: **наказ на сохранение книги в церкви на прежнем месте и запрет на ее перенос**. К ним относятся записи с формулировками типа «да той книги никому дела нет», «не властоватися тою книгою никому» и др. Пример – приведенная в начале статьи наиболее ранняя запись Богдана Самарии. Аналогична запись 1596 г. некоего Клима Есипова, который писал: «...тех книг двух Охтаев из монастыря не продать не променять никому, держать их в монастыре у Ивана Богослова покамест обител стоит»⁵. Дата второй записи Есипова утрачена, и в каталоге она не датирована, однако можно предположить, что она сделана в тот же год.

Налицо запрет на какое-либо движение книги, но без угрозы наказания за нарушение условий хранения. Судя по отсутствию специфических терминов, характеризующих западнорусский диалект, запись сделана в России: при этом имеется вероятная привязка к региону – монастырь Иоанна Богослова, одна из святынь г. Чердыни.

К этой же категории «мягких» запретных формул отнесены и угрозы легкого наказания. Так, выявлен один случай, когда в качестве угрозы выступает гражданский суд: «Сия книга глаголемая кормчая строителя и Михайловския (?) игумна белецкаго Герасима куплена въ 734м году Февраля 2 ден на свои собственные денги и кто украдетъ ея повиненъ гра[ж]данскому суду и допросу»⁶, и один случай, когда – штраф: «...кто заложить или продать, и то ему бы доправить 4 рубли с полтиной»⁷.

Таковых записей выявлено 129; точные даты (известны в 79 случаях) охватывают период с 1575 по 1898 г. Может смущать крайняя дата – 1898 г. Однако предыдущая дата датированной записи – 1822 г. (она принадлежит ко второму типу), а еще более ранняя – 1802 г. То есть XIX в., о чем будет сказано ниже, – время, когда традиция использования охранных формул (по крайней мере, на экземплярах старопечатных кириллических изданий) ушла в прошлое.

⁴ Стефан (Яворский). Камень веры. М.: Синодальная типография, 10.1728; Пермь, 2008. № 110.

⁵ Октоих. Ч. II. М.: Печатник Андроник Тимофеев Невежа, 1594; Пермь, 2003. № 8.

⁶ Кормчая (в переделанном виде). М.: Печатный двор, 1653; МГУ, 1980. № 495.

⁷ Апостол. М.: Печатный двор, 1633; МГУ, 2000. № 253.

Вторая группа: **детальное перечисление запретов несанкционированного использования книги и (или) угроза за несоблюдение запрета.** В качестве угрозы может выступать: «тягость церковная», «Божий суд».

Первая запись этого плана: «Лета 7091го (1582/1583) при державе государя [ц]аря и великаго князя Ивана Василевича всеа Руси и при благоверном царевиче князе Федоре Ивановиче и преосвященном Дионисие митрополите положил сие Евангелие на престол оу Николы чюдотворца в Новои Русе рабъ Божии Иван Васильев сынъ по своим родителям, поминати раба Божия Василья, Анну, Антония оубиеннаг[о], девицу Марину, Прокопия, Григория, Ивана. А кто сие Евангелие отнесет от Николы и таму Богъ судить. И при животе Иванове за них замолити и за его жену Улиту, а по смерти их поминати и их родителей»⁸. Мы видим указание на то, что книга была положена в северных пределах русского государства – Новой Руссе.

Вторая запись более категорична: «Лета 7090-го (1582) положил сию книгу толковое Евангелие в храм... (срезано) Иван Дмитриев сынъ Бохтин... (срезано) да дал сию книгу по своей души и по своим родителем. А хто с[ию] книгу из сего храма снесет или корысть получает и он разсудится са мною пред Спасом и судья ему Богъ Исусъ Христосъ...»⁹. В записи содержится не только запрет на «изнесение» из храма, но и санкция за «корысть»: «рассудится» перед Богом. Причем вынос из храма и «корыстование» (видимо, продажа, обмен и проч.) явно противопоставляются – между ними союз «или». То есть наиболее страшным преступлением является именно извлечение выгоды.

Приведем еще несколько примеров.

Вот, в частности, пример перечисления того, что нельзя делать с книгой: «7162-го году (1653/1654) дал сию сию (!) книгу глаголемую Трефолои в Ростове в церковь святых апостолъ Петра и Павла москвитин Василеи Иванов сынъ Печенка по своей душе и по своих родителях (!) в вечный поминок, а никому над сею книгою хитрости никакой не учинит, из сее церкви ни продат, ни заложит»¹⁰.

Еще одна запись – обещание «церковной тягости» за несанкционированное использование книги: «7200 году (1692) месяца июня въ 10 [день] сию печатную книгу Минею месяцъ ианнуарии подалъ въ Ярославль в церковь пречистые Богородицы Казанские в девичь монастырь ярославецъ посадцкой человекъ Иоанъ Назарьевъ сынъ Мякушкинъ по обещанию своему в вечное помяновение по схимнице Анастасии и для своего душевнаго спасения. И быт сеи книге в той церкви вечно неотъемлемо и никому не владети и не продати не заложит, а буде кто сею церковною книгою станет владет или продасть и да будет на немъ церковная тягость, якоже святии отцы заповедали, да им отсудится на Страшном Христове суде»¹¹. Интересно, что Иван Назарьев сын Мякушкин совершил три вклада в Казанский монастырь и на всех трех имеется аналогичная запись.

Ко второму типу охранных формул отнесена и поэтичная формула, введенная в научный оборот И. В. Поздеевой [Поздеева, 1987]:

«Кто помыслит продат,
тому пропасть
а кто помыслит заложит
тому головой наложить (голову положить? – авт.)»¹².

⁸ Евангелие. Вильно: Печатник М. Т. Мстиславец, 1575; Ярославль, 2004. № 7.

⁹ Евангелие учительное. Вильно: Печатник В. М. Гарабурда, ок. 1580; МГУ, 2000. № 18.

¹⁰ Трефологион, третья четверть (март – май). М.: Печатный двор, 1638; Ярославль, 2004. № 343.

¹¹ Миней служебная, январь. М.: Печатный двор, 1691; Ярославль, 2009. № 643.

¹² Апостол. М.: Печатный двор, 1635; МГУ, 1980. № 235. Трактровка смысла слова «наложить» принадлежит И. В. Поздеевой.

Записей, подобных вышеприведенным, выявлено 123; точные даты (известны в 88 случаях) охватывают период с 1582 по 1822 г.

Третья группа: **послание проклятия**. Это записи, содержащие такие слова, как «проклятие», «анафема» или оба сразу.

Слово «проклятие» в формуле впервые встречается в 1621/1622 г.: «Лета 7130 году (1621/1622 г.) книгу охтаии положили в церков Рождество Христово игумень Еуфимей да Иван Яковлев сынъ Лапин, а хто сию книгу дерзнет продат или заложитъ да будет проклят. Подписал игумен Еуфимей своею рукою»¹³. Слово «анафема» впервые зафиксировано раньше – в 1602 г. Запись (сохранилась фрагментарно), сделанная в Смоленске или ближайших окрестностях неким мещанином Богданом (в крещении Сидором), более категорична: «николи не порушъно... храма Успения владычеца наша Богородица замъку... подъ анафемою и отлучениемъ в день второго пришествия от всих веръных избранных Божиих и зрения пресветлого»¹⁴. Здесь важно отметить, что изначальная запись сохранилась лишь до указания на место, где стоит храм. Уже слово Смоленск написано другим почерком. То есть сама охранный формула дописывалась в то время, когда Смоленск был занят поляками. Отсюда и указание: «при державе государя короля Жыкъмонта... за архиепископа Ипатия Потя».

Совместно слова «проклятие» и «анафема» встречаются 20 раз. Впервые в 1638 г.: «...мещане каменецкии поддании его мосце (!) пана Потоцкого старосты Галицкого воеводи Бреславскаго купили сию книгу на имя Ейангелие и з отцемъ Тимофиемъ за здравие свое и за отпущение грехов и придали ей ко храму Благовещения Пресвятой Богородици. А хто би ей мал отдалити от престола Благовещения или дьяк или дьякон или поп на них проклятие анафема року божего 1638 месяца априля дня 25»¹⁵. Последний раз сочетание двух слов, обозначающих сильнейшее наказание, встречается в 1755 г.

Записей третьего типа выявлено 82; точные даты (известны 26) охватывают период с 1602 по 1777 г.

Три типа охранных формул сложились к 1610-м гг. При этом наиболее радикальная разновидность фиксируется спустя 27 лет после первой и 20 лет после второй. Далее три разновидности охранных формул бытовали практически параллельно.

Рассмотрим наиболее ранние датированные записи с охранными формулами, чтобы проследить их генезис. При этом, в основном (кроме специально оговоренных случаев) для краткости, будем цитировать только формулы, а не записи целиком.

Записи XVI в. и 1602 г. мы уже рассмотрели. Следующие по хронологии – две записи 1608 г. Из них одна сделана в России, вторая – на Украине.

В первой записи (вклад Олифера Июдина сына Пастухова в церковь «Богоявления Христова и Введения пресвятей Богородицы и въ Екатерины Христовы мученици») сказано, что «кто изъ божественныя церкви без благословения вынесет сию книгу и мы разсудимся на страшном суде»¹⁶. То есть за ослушание виновнику грозит держать ответ на Страшном суде, однако сама охранный формула достаточно мягкая и вынос книги возможен.

Запись, сделанная на Украине, содержит похожее перечисление, но более категорична: «Еже аще бы кто дерзнулъ отворити аще ли ктиторъ или попъ причетникъ или тать или ин кто ж человек, таковая каждая особа суперника да имае пречистую Божию Матерь в день

¹³ Октоих, части I и II. Ч. II: гласы 5–8. М.: Печатный двор, печатники Н. Ф. Фофанов и П. В. Федьгин, 1618; Ярославль, 2004. № 82.

¹⁴ Апостол. Изд. 3-е. Вильно, после 1595; МГУ, 2000. № 46.

¹⁵ Евангелие (с сигнатурами). Вильно: Типография Л. и К. Мамоничей, 1600; МГУ, 2000. № 64.

¹⁶ Триодъ постная. М.: Печатник А. Т. Невежа, 1607; МГУ, 2000. № 83.

страшного вѣдания праведнаго судии Христа Спасителя нашего»¹⁷. Примечательна угроза, что те, кто ослушался указанного в записи запрета, на Страшном суде в качестве соперника будут иметь Богородицу. Это связано, видимо, с тем, что вклад был совершен «къ храму Покрову... Владычица наша Богородица приснодевы Марии».

Процитированные выше записи относятся к формулам второго типа.

В записи 1611 г. могилевского жителя сказано: «А хто смеет без благословения и позволения настоятелева сию книгу глаголемую Устав Око церковное из храма церкви Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа изнести... (срезано) на страшном суде»¹⁸. Другая запись (Симонова монастыря старца Сергия) того же года содержит похожую формулировку: «... И кто будет священник служащу, ис церкви никому не по... ни з[а]ложити ж под заклад ни в ыную церковъ не переносити, ни учениковъ по ней не учити. И которой священник или дьяк церковный или инъ продасть книгу сию или под заклад заложит или учеников по ней станет учити и мне с ним судится на господнемъ нашимъ Иисусовомъ Христовомъ пришествии...»¹⁹. Формулы обеих записей могут быть отнесены ко второму типу.

Следующая по хронологии запись, 1612 г., сделана в России и очень кратка. Старец Мисаил при вкладе книги в церковь Рождества Иоанна Предтечи и Николе чюдотворцу в Ярославле указал: «а не властвоватися сею книгою ни попу, ни дьякону не прихожан[а] ...»²⁰. Формула относится к первому типу.

В апреле 1613 г. видные деятели Смутного времени купцы Лыткины, совершившие вклад «въ Ярославле Поволскомъ на посаде в домъ пречистые Богородици честныя и славныя ея Похвалы і великихъ страсотерпцевъ Димитрия и Георгия», оставили лишь указание «и по своихъ родителехъ безотымочно во веки»²¹.

Запись 1613 г. князя Р. П. Пожарского о вкладе «в Стародубе Рязполовском в село Троецкое»: «а хто сию книгу возметъ от великого чюдотворца Николы и тот будет анафема»²². Мы видим, что, хотя и нет угрозы Страшного суда, но впервые звучит слово «анафема». Это означает, что перед нами формула третьего, наиболее категоричного, типа.

В записи 1614 г., которую составили «Антипа прозвище Гус [с] с<ы>ном своим с Козмою», сказано, что книга вложена к «Лазаревоу Воскресению... во граде во Твери на посаде» и до нее никому «дела нет ни роду моему ни племяни»²³. То есть перед нами формула первого типа, созданная в выделенном Западном регионе.

Запись 1618/1619 г. принадлежит известному политическому деятелю начала XVII в. – дьяку С. Ю. Раманчукову. Примечательно, что вклад скреплен еще более нейтральной формулой: «А тем Евангелием никому не покорыстоватца»²⁴.

Итак, четыре из 16 наиболее ранних записей (если брать еще и выше разобранные записи XVI в., включая две записи Козьмы Есипова) отличаются более жесткими формулировками, нежели остальные. Все четыре сделаны на Западе (Смоленск) и Юго-Западе (Белоруссия, Украина) русского православного мира.

Уже исходя из этого можно предположить, что мы имеем дело с разными региональными традициями. В конце XVI – начале XVII в. охранные формулы, бытовавшие на территории Российского государства, были более мягкими по сравнению с теми формулами, которые

¹⁷ Евангелие учительное. Крилос, 1606; МГУ, 2000. № 79.

¹⁸ Устав (Око церковное). М., 1610; МГУ, 2000. № 100.

¹⁹ Миней общия. М.: Печатник А. Т. Невежа, 1600; МГУ, 2000. № 65.

²⁰ Октоих. Ч. II. М.: Печатник А. Т. Невежа, 1594; МГУ, 1980. № 46.

²¹ Триодъ Постная. М., 1607; Ярославль, 2004. № 66.

²² Миней служебная, октябрь. М.: Печатник А. Т. Невежа, 1609; Ярославль, 2004. № 71.

²³ Евангелие. Вильно: Печатник П. Т. Мстиславец, 1575; МГУ, 1980. № 23.

²⁴ Евангелие. М.: Печатный двор, Нижний Новгород, 1613(?); Ярославль, 2004. № 90.

бытовали на Украине и Белоруссии. Потом, видимо, мода на более пространные и категоричные формулы распространилась (через западные города России, такие как Смоленск, Тверь) и в России.

Приведем также три записи конца XVIII – начала XIX в.

Охранная формула 1793 г. гласит: «Успения пр<есвя>стой вл<а>д<ы>ч<и>ци нашей Б<огороди>ци и присно М<а>рие аби не била отдалена сия книга глаголемаи ключъ под проклятием с<вя>тихот<е>цъ ...»²⁵. Последние две записи сопровождают вклады калязинского купца Василия Красильникова в церковь Николая Чудотворца: «аще кто сию книгу отметь от церкви святой то суди его господь бохъ въ будущемъ веке» (1802 г.)²⁶, «... а ежели кто оную книгу возметъ от той церкви, то его судить Бохъ в будущемъ веке ...» (1822 г.)²⁷. Запись 1793 г. может быть отнесена к третьему типу, 1802 и 1822 гг. – ко второму.

Мы видим, что поздние записи по своему характеру практически не отличаются от ранних.

В заключение раздела следует обратить внимание на то, против чего выступали вкладчики.

На первом месте стоит, как уже видно из приводившихся цитат, «изнесение» и извлечение «корысти» (продажа, заклад и проч.).

Кроме того, в охранных формулах встречается запрет на то, чтобы книгу возили по разным местам («а по деревням не таскат»²⁸). Иногда вкладчик пишет, что книгу надо «беречи и воскомъ не искапати...»²⁹, «священю не каплите, со всяким береженьемъ блюдите...»³⁰. На вкладной записи царя Михаила Федоровича (единственной с охранной формулой) значится, чтобы «по темъ книгом дети не учили и не пр[о]довали а хто пр[о]дасть да будет проклетъ»³¹.

Наблюдения за охранными формулами на рукописях

Охранные формулы появляются довольно рано на рукописных памятниках. Причем часто их ставят уже сами писцы – создатели рукописей, указывая цели и задачи их написания: такой-то человек заказал данную рукопись для такой-то церкви (наиболее наглядно это представлено в публикации А. С. Усачева³²).

Соответственно, обращение к записям с охранными формулами на рукописях позволяет проследить генезис данного явления. Однако мы обратились к рукописям уже после получения определенной картины на материале старопечатных книг, которого по определению (исходя из числа печатных книг) больше. Данный опыт носит характер проверки гипотезы. Были взяты два каталога, к созданию которых также были причастны археографы МГУ: тверского³³ и пермского³⁴ собраний.

Из 155 рукописей XIV–XVII вв., фигурирующих в двух каталогах (90 в Тверском и 65 в Пермском), охранные формулы содержат 12. Точные даты охватывают период с 1486

²⁵ Иоанникий Галатовский. Ключ разумения. Львов, 1663; МГУ, 1980. № 543.

²⁶ Евангелие учительное. Евь: Типография Братства Св. Духа, 1616; МГУ, 1980. № 99.

²⁷ Служебник. Изд. 2-е. М.: Печатный двор, 1656; Тверь, 2002. № 110. Интересно, что книги, находившиеся в церкви Николая Чудотворца, имели разную судьбу. Одна, видимо, попала в хранилище Калязинского монастыря и оттуда – в Тверской музей (ныне Тверской государственный объединенный музей), а другая – в библиотеку Института философии, литературы и истории, а затем – в обменный фонд библиотеки МГУ.

²⁸ Миния общая с праздничной. М.: Печатный двор, 1650; Ярославль, 2004. № 586.

²⁹ Евангелие. М.: Печатный двор, 1628; Тверь, 2002. № 24.

³⁰ Апостол. М.: Печатный двор, 1621; Верхотурье, 2013. № 5.

³¹ Миния служебная, май. М.: Печатный двор, 1626; МГУ, 2000. № 179.

³² В публикации А. С. Усачева выявлено 28 (из 733) записей XVI в., содержащих охранные формулы [Усачев]. Шесть относятся к 1530–1580-м гг. (по одной на десятилетие), 22 – к 1590-м гг.

³³ Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли. Каталог. Тверь, 2012.

³⁴ Кириллические рукописи XV–XVII вв. в хранилищах Пермского края. Пермь, 2014.

по 1662 г. Одна запись сделана в XVIII в., но она не имеет точной даты. При этом большинство наиболее ранних записей содержат явные привязки к региону. Запись 1486 г. сделана в Вильно, 1549/1550 г. – в Новгороде, 1569 г. – в Тирасполе, 1569 г. – в районе Браслова (Белоруссия), 1631 г. – в Бельске, 1634 г. – в Брянске.

Таким образом, из шести наиболее ранних записей, имеющих привязку к региону, только одна (1549/1550 г.) сделана в России (в Новгороде). Уже эта приблизительная статистика показывает, что в большей степени практика охранных формул в XV–XVI вв. была распространена в юрисдикции Киевской митрополии. Возможно, именно на западе православного мира она зародилась и затем перешла в Россию. Наиболее «мягкие» по своему содержанию формулы (из тех, чьи даты упомянуты выше) мы находим также в наиболее ранних записях. В 1486 г. виленинский мещанин Андрей Ноздрич писал: «...непорочно никим, а не поискивати тых Прелогов ни мне самому, а ни детям моим, а ни нашим ближним, а без наше воли не давати тых Прелогов»³⁵. В 1549/1550 г. вкладчик в церковь Николы на Липне отметил, что в случае выноса книги злоумышленник должен... каяться! Запись 1569 г., сделанная в районе Тирасполя, содержит угрозу Страшного суда тому, кто нарушит запрет не выносить книгу из церкви. Запись 1631 г., сделанная в Бельске, гласит, что книга от церкви «жадным способом никим отдана и отдалена быти не мает». Слово «проклятие» содержится в записи 1633 г., сделанной на территории Белоруссии³⁶, и в записи 1634 г., сделанной жителем Брянска³⁷. То есть самые категоричные формулы содержат записи, сделанные в 1630-е гг.

Примерно такую же статистику (в плане хронологии и географии распространения) дают и материалы записей на старопечатных изданиях. При этом наиболее радикальные формулы на рукописях также встречаются в 1630-е гг.

Хронология и география охранных формул

В таблице 1 Приложения приведены данные по распространению охранных формул. Формат статьи не дает возможности охарактеризовать каждое десятилетие отдельно. Отметим следующее.

Наибольшее количество датированных записей с охранными формулами приходится на 1630-е, 1640-е и 1650-е гг. Наиболее «массовыми» годами стали: 1635-й, 1643-й и 1654-й – на каждый из них приходится по восемь записей с охранными формулами.

В 1630-е гг. выявлено наибольшее число датированных записей – их выявлено 39: 12 относятся к первому типу, 18 – ко второму, 9 – к третьему. Увеличилось и число регионов в этот период: 7 записей относятся к региону «Украина, Белоруссия, Молдавия», 5 – к Ростово-Ярославскому и Московскому, 3 – к Северу, 2 – к Западному и Поволжью, 1 – к Черноземью. Итого семь регионов.

В 1650-е гг. наблюдается наибольший географический охват распространения записей с охранными формулами – девять регионов. Выявлена 31 запись: 11 – первого типа, 14 – второго, 6 – третьего. Из них 9 относятся к Ростово-Ярославскому региону, по три – к Вологодско-Костромскому и Черноземью, по две – к Московскому, Поволжью и региону «Украина, Белоруссия, Молдавия», по одной – к Владимиро-Суздальскому, Западному и Северному.

В XVIII–XIX вв. появление охранных формул носит единичный характер: выявлено 29 точно датированных записей (12 – первого типа, 6 – второго и 11 – третьего). Восемь относятся к Ростово-Ярославскому региону, пять – к региону «Украина, Белоруссия,

³⁵ Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли. № 12.

³⁶ Кириллические рукописи XV–XVII вв. в хранилищах Пермского края. № 7.

³⁷ Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли. № 81.

Молдавия», по четыре – к Западному и Московскому, три – к Черноземью, две – к Вятско-Уральскому.

Примечательна последняя датированная запись с формулой: «Сию книгу се Евангиліе жертвовалъ Иоиль Авдеевъ Апраксинъ въ моленную деревни Андрикова въ память жены своей Евдокии Семеновны Апраксиной, преставившейся 1-го августа 1898 года, с темъ, чтобы никто (зачеркнуто) никемъ не была присвоена, не заложена и не продана, а считалась бы собственностью моленной вечно. Въ томъ я и подписуюсь саморучно. Крестьянинъ деревни Андрикова Иоиль Авдеевъ Апраксинъ. Аминь»³⁸. Запись сделана старовером (видимо, по случаю построения новой моленной в селе Андриково Закобякинського прихода Любимского уезда Ярославской губернии) на дониконовском издании. Традиционализм, свойственный старообрядцам, привел к тому, что они воспроизводили охранные формулы как часть традиции, сложившейся еще во времена, предшествующие расколу.

Заключение

Традиция охранных формул перешла в старопечатную книжную традицию из рукописной. Уже в XVI в. прослеживаются разные региональные традиции (более радикальные на Западе и более мягкие в Центральной России). Однако наиболее категоричные формулы, которые содержат перечисления возможных вин, угрозы, а также последующие санкции, складываются только к 1620-м гг. Если наибольшее число записей с охранными формулами приходится на 1630-е гг. (таблица 1 Приложения), то наибольшее количество регионов, в которых представлены эти записи, – на 1650-е гг. В XVIII в. традиция ослабевает, а в XIX в. формулы и вовсе выглядят как исключение, а не как часть существовавшей практики. Наибольшее распространение охранные формулы получили в юрисдикции Киевской митрополии (Украина, Белоруссия, Молдавия), где на них приходится 17,5 % записей, наименьшее – в Вятско-Пермском регионе (0,7 %).

³⁸ Новый завет с псалтырью. Вильно: Типография Братства Св. Духа, ок. 1596; Ярославль, 2004. № 40.

Таблица 1
Распределение типов охранных формул по хронологии

	1570–1590-е	1600-е	1610-е	1620-е	1630-е	1640-е	1650-е	1660-е	1670-е	1680-е	1690-е	XVIII в., 1-я пол.	XVIII в., 2-я пол.	XIX в., 1-я пол.	XIX в., 2-я пол.
первый тип	3	0	2	5	12	13	11	6	9	1	4	8	1	1	1
второй тип	3	2	3	5	18	14	14	5	6	4	6	4	0	2	0
третий тип	0	1	1	3	9	9	6	4	0	3	1	6	5	0	0
Всего:	6	3	6	12	39	33	31	16	15	8	11	18	6	3	1

Таблица 2
Регионы, продолжительность бытования охранных формул и их процентное соотношение с общим числом записей

Регионы	Даты и продолжительность бытования	Всего	%	Общее число записей с привязкой региону	% записей с охранными формулами от общего числа записей
Ростово-Ярославский (Пошехонье, Ростов, Углич, Ярославль и др.)	1575–1785/1898 (210)	81	36,50 %	1086	7,2 %
Украина, Белоруссия, Молдавия (Густынь, Киев, Конотоп, с. Кунича, Оргеев, Усмань, Яблунев и др.)	1582–1793 (211)	31	14 %	177	17,5 %
Московский (Москва, Павлов Посад, Истра, Дмитров и др.)	1622–1777/1833 (155)	28	6 %	390	7,2 %
Западный (Тверь, Смоленск и др.)	1602–1822 (220)	18	8 %	158	11,4 %
Поволжье (Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов и др.)	1622–1661 (39)	13	5 %	95	13,6 %
Вологодско-Костромской (Вологда, Кострома, Сонгидич и др.)	1653–1665 (12)	12	4,5 %	82	14,6 %
Север (Великий Новгород, Псков, Санкт-Петербург, Холмогоры и др.)	1582–1682 (100)	11	4,5 %	54	20 %
Владими́ро-Сузда́льский (Владимир, Суздаль, Муром, Шуя и др.)	1613–1672 (59)	11	13 %	99	11,1 %
Черноземье (Белгород, Капута, Курск, Рязань и др.)	1640–1730 (90)	11	4,5 %	63	15,8 %
Вятка и Пермь (Вятка, Пермь, Слободской, Соликамск, Усолье, Чердынь и др.)	1596–1765 (169)	7	3 %	800	0,9 %
		223	100 %		

Литература

- Богданов В. П. Социальные аспекты бытования старопечатной кириллицы (по записям на экземплярах дониконовских изданий) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 1. С. 27–44.
- Богданов В. П., Высоцкий Н. А. Записи на книгах старопечатной кириллицы XV–XVIII вв.: живые цифры для социальной истории // Электронный научно-образовательный журнал «История» [Электронный ресурс]. 2017. № 8. С. 11–20. URL: <https://history.jes.su/s207987840001946-9-1> (дата обращения: 20.05.2021). DOI 10.18254/S0001946-9-1
- Кашианов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. 498 с.
- Поздеева И. В. Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга. М., 1978. С. 39–54.
- Поздеева И. В. Царь Алексей Михайлович, псковский помещик Василий Спякин и другие // Книга: Исследования и материалы. М., 1987. Сб. 55. С. 200–203.
- Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1. 469, [2] с.; Т. 2. 524, [1] с., [8] л. цв. ил., факс.
- Шапилова Е. В. Культурно-историческое значение вкладных записей на экземплярах московских изданий Евангелия XVII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Shapilova.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
- Шустова Ю. Э. Записи в изданиях типографии Львовского братства 1591–1644 годов из собрания научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ // Вивлиотека: История книги и изучение книжных памятников. М., 2011. Вып. 2. С. 44–79.

References

- Bogdanov, V. P. Sotsial'nye aspekty bytovaniya staropechatnoi kirillitsy (po zapisyam na ekzempliyakh donikonovskikh izdaniy) [Social Aspects of the Existence of the Old-Printed Cyrillic Books (According to the Inscriptions on Copies of pre-Nicon Publications)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 2012. No. 1. Pp. 27–44.
- Bogdanov, V. P., Vysotskii, N. A. Zapisi na knigakh staropechatnoi kirillitsy XV–XVIII vv.: zhivye tsifry dlya sotsial'noi istorii [Inscriptions on the Early Cyrillic Books (15–18 Centuries)]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [Electronic resource]. 2017. No. 8. Pp. 11–20. URL: <https://history.jes.su/s207987840001946-9-1> (accessed May 20, 2021). DOI 10.18254/S0001946-9-1
- Kashtanov, S. M. Ocherki russkoi diplomatiki [Essays on Russian Diplomacy]. Moscow, 1970. 498 p.
- Pozdeeva, I. V. Zapisi na staropechatnykh knigakh kirillovskogo shrifta kak istoricheskii istochnik [Inscriptions on Old Printed Books of the Cyrillic Font as a Historical Source]. In *Fedorovskie chteniya*. 1976. *Chitatel' i kniga*. Moscow, 1978. Pp. 39–54.
- Pozdeeva, I. V. Tsar' Aleksei Mikhailovich, pskovskii pomeshchik Vasilii Spyakin i drugie [Tsar Alexey Mikhailovich, Pskov Landowner Vasily Spyakin and Others]. In *Kniga: Issledovaniya i materialy*. Moscow, 1987. Issue 55. Pp. 200–203.
- Shapilova, E. V. Kul'turno-istoricheskoe znachenie vkladnykh zapisei na ekzempliyakh moskovskikh izdaniy Evangeliiya XVII v. [Cultural and Historical Significance of Contribution Inscriptions on Copies of Moscow Editions of the Gospel of the 17th Century] [Electronic resource]. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Shapilova.pdf> (accessed May 20, 2021).
- Shustova, Yu. E. Zapisi v izdaniyakh tipografii L'vovskogo bratstva 1591–1644 godov iz sobraniya nauchno-issledovatel'skogo otдела redkikh knig (Muzeya knigi) RGB [Inscriptions in the Publications of the Printing House of the Lviv Brotherhood of 1591–1644 from the Collection of the Research Department of Rare Books (Book Museum) of the Russian State Library]. In *Vivlioteka: Istoriya knigi i izuchenie knizhnykh pamyatnikov*. Moscow, 2011. Issue 2. Pp. 44–79.
- Usachev, A. S. Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei [Book Writing in Russia of the 16th Century: On the Materials of Dated Output Inscriptions]. Moscow; Saint Petersburg, 2018. Vol. 1. 469, [2] p.; Vol. 2. 524, [1] p., [8] l. of coloured il., facs.

Vladimir P. Bogdanov
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

SECURITY FORMULAS OF THE 16th – 19th CENTURIES
ON EXEMPLARS OF OLD PRINTED CYRILLIC EDITIONS:
EVOLUTION AND CLASSIFICATION OF TEXTS

“Security formulas” as used by the author shall mean speech patterns that regulate the usage of books. These are the components of inscriptions that fix the contributions of books to churches or monasteries, as well as the facts of ownership of these monuments. The subject of the analysis is inscriptions on old printed books of the 16th – 18th centuries. The author divided 334 inscriptions into three groups based on their content (from the most neutral, containing only phrases like “keep the book forever and no one will wear it out”, to the most emotionally colored, having the words “anathema” and “cursed”). The author shows that the top (peak) of their usage falls on the 1630s, but individual inscriptions are found up to the end of the 19th century.

Keywords: inscriptions on books, old printed Cyrillic editions, security formulas, churches, monasteries, ownership

В. С. Великанов

Фонд «Русские Витязи», Москва, Россия. vladvelikanov@inbox.ru

«ЗАДНЕПРОВСКИЙ ПОХОД 182 г.» ВОЙСК КНЯЗЯ Г. Г. РОМОДАНОВСКОГО И ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА 1674 г.

Переговоры с правобережным гетманом П. Д. Дорошенко о принятии им российского подданства закончились в конце 1673 г. неудачей, и в ноябре 1673 г. в Москве было принято решение о направлении на Правобережье царских войск князя Г. Г. Ромодановского и левобережного гетмана И. С. Самойловича. Ограниченной военной демонстрации оказалось достаточно для того, чтобы правобережная старшина приняла решение принести присягу на верность царю. На раде в Переяславле 17 марта 1674 г. гетманом «обеих сторон Днепра» был выбран И. С. Самойлович и подписаны Переяславские статьи, по которым Правобережье входило в состав Российского государства на правах широкой автономии.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1672–1681 гг., Дорошенко, Переяславская рада 1674 г.

Переяславская рада 1674 г. во многом незаслуженно забыта в российской историографии, хотя ее значение в условиях борьбы за Правобережную Украину в 1670-х гг. было достаточно весомо: казацкая старшина правобережных полков добровольно принесла присягу на верность царю и выбрала своим гетманом лояльного российскому престолу И. С. Самойловича, низложив протурецки настроенного П. Д. Дорошенко. Также отдельного внимания заслуживает и содержание Переяславских статей, на условиях которых правобережное казачество согласилось принять российское подданство. Эти события были достаточно кратко описаны в исследованиях классиков дореволюционной историографии: Д. Н. Бантыш-Каменским [Бантыш-Каменский, с. 293–294], Н. И. Костомаровым [Костомаров, с. 241–246] и С. М. Соловьевым [Соловьев, стб. 463–465]. Последующие исследователи, как правило, использовали именно их работы [Алмазов, с. 73, 121–122; Баранова, с. 166–172; Дорошенко, с. 493; Таирова-Яковлева, с. 321–322; Флоря, 2016, с. 78; Ходырева, с. 88–90; и др.]. Не дают дополнительных сведений и украинские нарративные источники – казацкие летописи. В «Летописи Самовидца» Переяславской раде 1674 г. уделено буквально несколько слов¹, а С. Величко в своей «Летописи» вообще не упомянул об этом событии. Наиболее полно указанные события описаны украинскими историками В. Смолием и В. Степанковым, однако авторы не использовали в своей работе российские архивные материалы [Смолий, Степанков, с. 486–495]. Ввод в оборот дополнительных источников, посвященных совместному зимнему походу 1673–1674 гг. царских войск под командованием князя Г. Г. Ромодановского и гетмана И. С. Самойловича, позволяет более подробно показать те условия, в которых в марте 1674 г. на раде в Переяславле принималось решение об объединении Украины «обеих сторон Днепра» под властью гетмана И. С. Самойловича.

В конце 1671 г. конфликт между Османской империей и Речью Посполитой за контроль над Правобережной Украиной перешел в открытую фазу: 10 декабря польскому королю Михаилу Корибуту Вишневецкому было вручено официальное объявление войны [Wagner, т. 2, с. 173–174]. Поляки с осени 1671 г. вели переговоры с российским правительством об антиосманском военном союзе, однако в Москве ставили непременным условием получение контроля над Правобережьем. В итоге российская сторона в апреле 1674 г. согласилась направить против Крыма своих вассалов, калмыков и донских казаков, а также потребовать от султана и хана прекратить войну с Речью Посполитой, угрожая в противном случае

¹ Летопис Самовидця / Видання підготував Я. І. Дзира. Київ, 1971. С. 119.

вмешательством России [Флоря, 2018, с. 79]. С соответствующей миссией в Стамбул выехал В. Даудов, а донским и запорожским казакам был отправлен царский указ готовиться к походу. Осенью 1672 г. Речь Посполитая понесла военное поражение и была вынуждена согласиться на подписание 8 (18) октября 1672 г. Бучачского договора, по которому Подолия становилась частью Османской империи, а остальное Правобережье (земли Киевского и Брацлавского воеводств) признавалось за султанским вассалом гетманом П. Д. Дорошенко. Несмотря на это, в Москве 27 ноября 1672 г. было принято официальное решение о начале войны против Османской империи².

Широкомасштабный поход на Украину царских войск во главе с царем был запланирован на весну 1673 г.³, однако затем от этих планов было решено отказаться. С одной стороны, польский сейм в апреле 1673 г. не утвердил условия мира с Турцией и проголосовал за продолжение войны. С другой стороны, начиная с зимы 1673 г. представители правобережной казацкой старшины и духовенства неоднократно сообщали представителям российских властей о своей готовности перейти в царское подданство. Часть старшины выражала недовольство протурецкой политикой П. Д. Дорошенко и заявляла о желании принести присягу царю и объединить под его властью левобережную и правобережную части Украины. В частности, дорошенковский генеральный есаул (заместитель гетмана) Яков Лизогуб говорил, что единственная причина, по которой правобережное казачество до сих пор поддерживает П. Д. Дорошенко, – это то, что они не имеют никакой другой альтернативы: «ныне кроме турецкого салтана детца им негде: царское де величество, по мирному постановлению с королевским величеством, под свою... руку принять их не изволит, а королевского величества под рукою быти они не хотят, потому что много досады учинили, будет им мстить»⁴. В то же время сам гетман П. Д. Дорошенко при посредничестве митрополита Киевского Иосифа Нелюбович-Тукальского и архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля также вступил через киевского воеводу князя Ю. П. Трубецкого в переговоры с российским правительством о возможном принятии им царского подданства [Эйнгорн, с. 900–928]. В этих условиях в Москве решили не спешить с отправкой войск и попытаться получить контроль над Правобережьем в ходе дипломатических переговоров, а также посмотреть за развитием польско-турецкого противостояния.

К ноябрю 1673 г. в Москве стало известно, что П. Д. Дорошенко параллельно пытается договориться с поляками и, кроме этого, не прерывает своих отношений с турецким султаном и крымским ханом. Дальнейшие переговоры с гетманом было решено прекратить и попытаться силовой демонстрацией убедить правобережное казачество принять царскую власть. Этому решению также способствовало полученное известие о поражении турецкой армии от поляков под Хотинем 1 (11) ноября 1673 г., которое означало, что П. Д. Дорошенко остался один без поддержки. В указе, данном белгородскому воеводе Г. Г. Ромодановскому и левобережному гетману И. С. Самойловичу, с одной стороны, предписывалось идти с войсками на правый берег Днепра «воевать» П. Д. Дорошенко и его сторонников («идти за Днепр и турецкого салтана над подданным гетманом Петром Дорошенко и его владениями над городами... чинить воинский промысл»), но, с другой стороны, если правобережная старшина изъявит готовность перейти под царскую власть, то российское правительство готово было согласиться на мирное урегулирование при условии низложения П. Д. Дорошенко и избрания вместо него нового гетмана. При этом им мог быть как И. С. Самойлович, так и любой другой кандидат, которого предложат казаки («учинить по их челобитью»)⁵. Интересна реакция самого П. Д.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. С. 914–915. № 535.

³ Там же. С. 914–915. № 535; С. 928. № 543.

⁴ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР). СПб., 1879. Т. 11. № 55.

⁵ Там же. № 118.

Дорошенко на эти известия: он сообщал в январе 1674 г. киевскому воеводе Ю. П. Трубецкому, что не желает прекращать переговоров о возможном подданстве царю, и одновременно угрожал пойти на Киев «с чужеземными войсками» [Эйнгорн, с. 950].

Основу армии Г. Г. Ромодановского должны были составить Белгородский (около 26,5 тыс. чел., включая 7 тыс. казаков-«черкас» слободских полков) и Севский (около 5,5 тыс. чел.) разрядные полки, усиленные четырьмя приказами московских стрельцов, И. Грибоедова и Р. Ефимьева (бывшими ранее в Рыльске), а также Б. Пыжова и А. Жукова из Киева, – всего около 34 тыс. чел.⁶ Товарищами воеводы были назначены его сын стольник князь Михаил Григорьевич Ромодановский, белгородский воевода окольный П. Д. Скуратов и стольник князь И. И. Вердеревский⁷. На место П. Д. Скуратова 16 декабря 1673 г. белгородским воеводой был назначен стольник князь Б. Е. Мышецкий («быть в Белгороде на Украинной черте для береженья городов»)⁸. Вместе с царскими ратными людьми должны были выступить казаки 10 левобережных полков И. С. Самойловича (около 15–20 тыс. чел.). Таким образом, всего в походе на Правобережье должны были принять участие чуть более 50 тыс. чел.

Кроме этого, Ромодановский мог рассчитывать на царские гарнизоны в Киеве и Переяславле, насчитывавшие около 5 тыс. чел. В распоряжении киевского воеводы Ю. П. Трубецкого после выделения в армию Ромодановского двух стрелецких приказов (Б. Пыжова и А. Жукова) имелось 4,7 тыс. чел.: 68 жилых рейтар, 50 комарицких драгун полка Н. Фанзалена, 557 солдат киевских жилых полков Ю. Фамендина и Ф. Мейера, 3965 стрельцов (московских стрелецких приказов И. Зубова, М. Уварова, Л. Изединова, И. Елагина, И. Ендогурова, П. Остафьева, А. Писарева и киевского жилого приказа Е. Вешнякова) и 40 киевских пушкарей. Однако с учетом значительной протяженности киевских укреплений и необходимости ежедневно выделять более 300 чел. в различные командировки и посылки этих сил, по словам воеводы, едва хватало на несение караулов⁹. Переяславский гарнизон воеводы князя В. И. Волконского состоял всего из 300 с небольшим человек (142 солдата в жилом полку Роберта Мейера и 167 стрельцов в жилом приказе Родиона Яцына).

Из-за наступления зимнего времени года сбор служилых людей проходил с большими задержками, кроме этого, войскам не было прислано денежного жалованья, что также сказалось на темпах мобилизации. Тем не менее уже 14 декабря, не дожидаясь приезда в Белгород своего сменщика Б. Е. Мышецкого (он прибудет только 8 января), П. Д. Скуратов выступил к Днепру с передовым отрядом, насчитывавшим 4,4 тыс. чел. (321 чел. Севского полка, белгородские рейтарские полки П. Скоржинского и Ф. Ульфа, солдатские полки М. Гаста и Ф. Ульфа и Острогожский черкасский полк Герасима Карабута)¹⁰. Сам Ромодановский выступил в поход с основными силами (14,9 тыс. чел.) 2 января 1674 г.¹¹ В Белгороде с Б. Е. Мышецким должны были остаться рейтарский полк П. Стромичевского (33 начальных человека, 880 рейтар), драгунская шквадрона Л. Вяземского (17 начальных людей, 445 драгун) и 320 черкас Сумского, Ахтырского и Острогожского полков «для скорых посылок» – всего 1,7 тыс. чел. Кроме этого, для «бережения Белгородской черты городов» были оставлены 2726 черкас: 2126 Харьковского полка полковника Григория Донца и 600 Балаклеевского полка полковника Якова Черниговца¹². Левобережные казаки собирались на службу в резиденции гетмана И. С. Самойловича

⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ, Москва). Оп. 12. Ед. хр. 758. Л. 153, 553–556.

⁷ Там же. Л. 399–400.

⁸ Там же. Л. 587.

⁹ Синбирский сборник. М., 1845. Т. 1. Малороссийские дела. С. 78–79.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 758. Л. 660–664.

¹¹ Там же. Л. 616–624.

¹² Там же. Л. 603–606.

Батурине, лишь Переяславскому полку полковника Дмитрия Райча и Киевскому полковника Константина Солонины было приказано стать возле днепровских переправ у Переяславля.

К этому моменту ситуация на Правобережье была следующей. Гетман П. Д. Дорошенко находился в своей резиденции Чигирине, где в начале января 1674 г. собрал правобережную старшину. Там он объявил о письме от турецкого султана, в котором тот заявлял о своей готовности продолжить войну, несмотря на болезненное поражение от поляков под Хотинном. Казацкая старшина на словах сообщила гетману о своей лояльности, но в кулуарах говорили о нежелании воевать с поляками на стороне «иноверцев» – турецкого султана и крымского хана, хотя в то же время соглашались, что самостоятельно противостоять им не могут¹³. От мобилизации под знамена П. Д. Дорошенко правобережные казаки под разными предлогами отказывались, и в распоряжении гетмана в окрестностях Чигириня имелось лишь около 5 тыс. вербованных казаков («серденят») и казаков Чигиринского полка. Крымским татарам султан осенью 1673 г. велел зимовать в Валахии, но большая часть орды во главе с самим ханом и калгой-султаном ушли все-таки в Крым, и под Яссами зимой 1673–1674 гг. оставался только ханский сын с несколькими тысячами татар¹⁴. На Правобережье в окрестностях Бара действовала небольшая орда численностью около тысячи человек, и еще несколько сотен татар и липок (бывших литовских татар, перешедших на сторону турок) находились при П. Д. Дорошенко. Польские войска разместились на зимние квартиры в окрестностях Львова, и на Правобережье находились лишь небольшие отряды в районе Меджибожа (около 1 тыс. чел.), Белой Церкви (около 600 чел.) и местечка Дымер в 45 км к северу от Киева (около 2–2,5 тыс. поляков и казаков «польского» гетмана Михайло Ханенко) [Wagner, т. 2, s. 21].

К 8 января Г. Г. Ромодановский прибыл в местечко Веприк в окрестностях Гадяча. В свою очередь И. С. Самойлович выступил 31 декабря 1673 г. из Батурина и также подошел к Гадячу 8 января 1674 г. В это время пришли известия о волнениях в Полтавском полку, где полковник Демьян Гуджол объявил о поддержке П. Д. Дорошенко. Самойлович отправил против него отряд в 600 казаков Черниговского полка, но мятежные казаки разгромили этот отряд в местечке Зинькове («отошли от них толко со сто человек»), и гетман был вынужден сам выступить на подавление мятежа. Его войска легко взяли штурмом Зиньков, захватив в плен большую часть мятежников¹⁵. Полтавский полковник поспешил повиниться и вновь принести присягу царю, но гетман сместил его, поставив новым полковником Прокопа Левенца. Наведя порядок на Полтавщине, Самойлович вновь соединился с Г. Г. Ромодановским в окрестностях Гадяча, и объединенная армия 14 января выступила к Днепру. 29 января их войска начали переправу на правый берег Днепра под Бужином. Жители близлежащих правобережных городков Бужин и Крылов поспешили присягнуть царю¹⁶. При первых известиях о походе царских войск П. Д. Дорошенко объявил сбор правобережных полков в Косуни и отправил 29 января гонца в Стамбул с просьбой о скорейшей присылке турецких войск и крымских татар [Дорошенко, с. 485].

К Чигирину Г. Г. Ромодановский выслал передовой отряд под командованием П. Д. Скуратова и Д. Райча («посылал Переясловского полковника Дмитрияшку Райчу с полком переясловским и при нем других полковников, черниговского, прилуцкого, нежинского, стародубского и гадицкого с полками» [Петровский, с. 407]) общей численностью около 15–20 тыс. чел., который 30 января разбил на подступах к городу небольшой отряд дорошенковцев. Захваченные пленные сообщили, что у П. Д. Дорошенко имелось около 6 тыс. чел. и «всякими

¹³ АЮЗР. Т. 11. № 113.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Синбирский сборник. Т. 1. С. 88.

¹⁶ Там же. С. 85.

запасами озапасился довольно»: 350 казаков Чигиринского полка, тысяча сердюков полковника Ивана Пригары, 30 островских татар и казаки Торговицкого, Уманьского и Подольского полков со своими полковниками. Также пленные рассказали, что гетман еще ранее отправил к крымскому хану за помощью своего брата Григория и скоро ожидает подхода калги-султана с ордой¹⁷. Ромодановский получил эти известия на пути к Чигирину в местечке Боровица в 15 верстах от Бужина. К этому времени его войска уже начали испытывать недостаток в конских кормах («от бескормицы лошади померли, потому конных кормов нигде нет, в которых местах за Днестром... казаки сена пожгли») и продовольствии («и с хлебными запасами пусто... тамошних городов жители... упрятали по ямам»), а организовать снабжение с Левобережья «за дальним расстоянием» и из-за бездорожья было невозможно. Кроме этого, из-за резко наступивших сильных холодов и недостатка дров («лесов в ближних местах не добудут») в войсках начались обморожения и болезни¹⁸.

С учетом уже имевшихся проблем со снабжением и полученных известий о наличии в Чигирине крупного гарнизона и скором подходе крымских татар Ромодановский решил отказаться от планов по взятию дорошенковской столицы и обеспечить себе плацдарм на правом берегу Днестра, заняв Черкассы и Канев. На смотре 2 февраля Белгородский полк насчитывал 19 тыс. (подробнее см. табл. 1). С учетом севских ратных людей (2,2 тыс. чел.) и приказов Б. Пыжова и А. Жукова всего в распоряжении воеводы имелось около 22 тыс. чел. Малороссийские казаки гетмана И. С. Самойловича насчитывали 15–20 тыс. чел. Таким образом, всего в походе на Правобережье приняли участие 35–40 тыс. чел.

Таблица 1

Смотр Белгородского полка князя Г. Г. Ромодановского 2 февраля 1674 г.¹⁹

Категории ратных людей	Списочная численность по наряду	Налицо на смотре 2 февраля 1674 г.	Процент явки
есаулов, завоеводчиков, городских дворян и детей боярских сотенной службы	586	514	88 %
начальных людей полков «нового строя»	416	315	76 %
копейщиков (копейный полк И. Саса)	1030	549	53 %
рейтар 7 полков (полковники М. Гопт, А. Цей, М. Дромонт, Г. Полтев, П. Скоржинский, Ф. Ульф и полк/шквдрона Е. Марлета)	6912	4491	65 %
солдат 6 полков (Белгородский – полковник Е. Кро, Яблоновский – А. Росформ, Усердский – В. Крыгер, Карповский – С. Вестов, Усманьский – Ф. Ульф, Козловский – И. Гаст)	8378	5117	61 %
донских, орешковских и яицких казаков	252	89	35 %
московских стрельцов в 3 приказах (головы И. Грибоедов, Р. Ефимов и И. Левшин)	2037	2061	101 %
черкас 3 полков (Острогожский Герасима Карабута, Сумской Герасима Кондратьева, Ахтырский Демьяна Зиновьева)	6986	5881	84 %
ВСЕГО	26597	19017	72 %

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 758. Л. 692–694.

¹⁸ Там же. Л. 698–699.

¹⁹ Источник: Там же. Л. 758.

Царские войска подошли к Черкассам 3 февраля. Дорошенковский генеральный обозный Иван Гулак и черкасский полковник Филипп Григорьев (Григорович) вместе с казаками и мещанами отказались открыть ворота и «сели в осаду». На следующий день, 4 февраля, царские ратные люди пошли на штурм «Нижнего города» и после непродолжительного боя ворвались в город. После этого черкасские казаки и мещане, запершиеся в замке («Верхнем городе»), видя бесполезность дальнейшего сопротивления, поспешили сдаться и вместе с И. Гулаком и Ф. Григорьевым торжественно принесли присягу на верность царю («под великодержавную Великого Государя нашего руку склонились»)²⁰.

Через день, 6 февраля, Г. Г. Ромодановский и И. С. Самойлович с войсками выступили к Каневу. В гарнизоне Черкасс были оставлены Землянская сотня Острогжского слободского полка сотника Якова Алексева (от царских войск) и Прилуцкий полк полковника Якова Горленко (от гетмана). Свежеприсягнувший Черкасский полк вместе с И. Гулаком и Ф. Григорьевым воевода на всякий случай «забрал с собой»²¹. Из-за начавшихся оттепели и дождей дороги на правом берегу Днепра раскисли, и войска были вынуждены идти по замерзшему Днепру, несмотря на то, что «лед во многих местах обломался»²². Царские войска подошли к Каневу 9 февраля, и в тот же день из города выехали генеральный есаул Я. Лизогуб и каневский полковник Иван Гурский с казацкой старшиной, сообщившие о готовности принять царское подданство. На следующий день в Каневе состоялась торжественная церемония принесения присяги и целования креста на верность царю. Кроме каневских жителей присягу также принесли находившиеся в городе Лодыженская сотня Уманьского полку, Синицкая сотня Каневского полку и сердюцкий (охочепеший) полк Харитона Счуренко (Шкуренко). В Каневе И. С. Самойлович разместил 4 тыс. левобережных казаков²³.

Киевский воевода князь Ю. П. Трубецкой, несмотря на ограниченность имевшихся у него ресурсов, также провел успешную операцию против дорошенковцев в окрестностях Киева. Узнав, что в Триполье находятся 400 сердюков и 500 казаков Каневского полка под командой генерального есаула Я. Лизогуба (на самом деле он со своим отрядом ушел за несколько дней до этого в Канев и 9 февраля уже был там), воевода выслал против них 13 февраля сводный отряд киевского гарнизона численностью около 1,4 тыс. чел., который утром 14 февраля подошел к местечку. Дорошенковские сердюки (120 чел.) заперлись вместе с мещанами в городке и отказались открывать ворота. Однако после короткого обстрела из двух полковых пищалей и мушкетов, от которого было побито несколько десятков человек, трипольцы поспешили сдаться и принести присягу на верность царю. От Триполья царский отряд выступил к Мотовиловке и затем к Черногородку и Хвастову. Жители этих городков при приближении царских войск также поспешили принести присягу на верность царю. Наведя порядок в окрестностях Киева, отряд вернулся 19 февраля в город²⁴.

Несмотря на взятие Черкасс и Канева, царские войска продолжали испытывать большие сложности со снабжением продовольствием и конскими кормами, так как все Правобережье было разорено, а вслед за короткой оттепелью и дождями ударили сильные морозы, погубившие многие запасы. Это привело к болезням и бегству со службы большого количества как царских ратных людей, так и казаков И. С. Самойловича, не имевших централизованных запасов и занимавшихся своим снабжением самостоятельно. Гетман сетовал, что вскоре ему «промыслу

²⁰ Там же. Л. 702–703; Синбирский сборник. Т. 1. С. 96–97.

²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 758. Л. 703.

²² АЮЗР. Т. 11. № 113.

²³ Там же. № 112.

²⁴ Синбирский сборник. Т. 1. С. 94–95, 98–103.

чинить будет не с кем»²⁵. В связи с этим 11 февраля Ромодановский и Самойлович перешли на левый берег Днепра и встали лагерем напротив Канева, надеясь организовать снабжение своих войск из левобережных районов. На правом берегу Днепра был оставлен наказной гетман генеральный есаул Иван Лысенко с 4 тыс. казаков (выборные казаки Черниговского, Лубенского, Переяславского и Киевского полков, а также охочеконный полк полковника Михайло Кияшко)²⁶.

Сообщение о занятии Канева было доставлено в Москву 24 февраля, и уже на следующий день обратно к Ромодановскому был отправлен гонец с указанием ввести царских воевод и гарнизоны в Канев и Черкассы. В Каневе воеводой был назначен М. Г. Ромодановский, с ним приказы московских стрельцов Б. Пыжова и А. Жукова. В Черкассы – И. Вердеревский, с приказами И. Грибоедова и Р. Ефимьева. Кроме этого, своих казаков в указанных городах мог разместить и И. С. Самойлович («сколко человек пригоже по своему рассмотрению»). Остальные войска Г. Г. Ромодановского и И. С. Самойловича должны были быть отведены на левый берег Днепра²⁷. Царское правительство знало о том, что многие представители правобережной старшины склоняются к тому, чтобы перейти в царское подданство, и хотело добиться этого путем переговоров, не прибегая к воинской силе.

Оставленные на Правобережье царские войска во второй половине февраля попытались расширить зону своего контроля. Полковник М. Кияшко со своим полком подошел к Корсуну, но жители города закрыли ворота и приготовились к обороне («сели в осаду»), вынудив его отойти²⁸. Вскоре к Корсуну прибыли основные силы верных П. Д. Дорошенко казаков под командованием наказного гетмана генерального есаула Григория Гамалея (Корсунский полк Михайло Соловоя, Торговицкий Ефрема Уманца, Уманский Григория Белогруда, Паволоцкий Андрея Дорошенко, Брацлавский Григория Дорошенко, Подольский Остапа Гоголя и Кальницкий Андрея Субоцкого). Кроме этого, П. Д. Дорошенко ожидал подхода нескольких тысяч крымских татар. Узнав о концентрации в Корсуне крупных сил противника, «царский» наказной гетман И. Лысенко переместился в район Богуслава, прикрывая дорогу на Киев. Однако бо́льшая часть правобережной старшины и казаков была не готова воевать за П. Д. Дорошенко и турецкого султана и воздерживалась от каких-либо активных действий. 17 февраля в Переяславль прибыл гетман М. Ханенко с 2-тысячным отрядом верных ему казаков и сообщил, что готов принести присягу на верность царю и сдать булаву «польского» гетмана. Также на сторону Москвы перешел белоцерковский полковник Павел Бутенко, который лично целовал крест царю в присутствии И. С. Самойловича. Царскую власть признали Ржищев, Стеблов, Каменный Брод и другие соседние городки и местечки [Костомаров, с. 243].

В конце февраля И. Лысенко получил известия, что брат П. Д. Дорошенко брацлавский полковник Григорий Дорошенко движется со своими казаками и небольшим отрядом крымских татар из Брацлава к Корсуну, и 27 февраля выступил из Богуслава на его перехват на юг к Лисянке. К его отряду присоединились «польский» гетман М. Ханенко со своими казаками, а также небольшой отряд поляков Э. Новицкого – всего союзники насчитывали около 6 тыс. чел. На подходе к Лисянке татары и казаки Г. Д. Дорошенко (около 2 тыс. казаков и 500 татар) успешно атаковали союзный авангард, но затем попали под удар основных сил И. Лысенко и после непродолжительного боя бежали. Татары отступили на юг к Чигирину, а Г. Д. Дорошенко с сердюками отошел в Лисянку, где попытался организовать оборону в самом

²⁵ АЮЗР. Т. 11. № 113.

²⁶ Там же. № 112.

²⁷ Там же. № 114.

²⁸ Там же. № 113.

городке («сел в осаде во дворе, а не в городе»), но был разбит и попал в плен. Кроме казаков в плен попали также татарский мурза и 15 крымских татар²⁹.

После поражения Г. Д. Дорошенко жители Умани и Корсуни поспешили известить российское командование о своей готовности признать царскую власть. Собравшиеся в Корсуни казаки правобережных полков 3–4 марта провели войсковую раду (общее собрание старшины и казаков для обсуждения и принятия решений по ключевым вопросам), на которой присутствовали полковники и старшина 10 из 11 правобережных полков (Черкасский, Каневский, Белоцерковский, Корсунский, Браславский, Уманьский, Кальницкий, Подольский, Торговицкий и Паволоцкий), а также генеральный обозный Иван Гулак (второй человек в иерархии правобережного гетманата, отвечавший за войсковой реестр и финансирование войска), генеральный судья Яков Петров (третий человек в иерархии, отвечавший за все судопроизводство) и оба генеральных есаула (заместители гетмана) Яков Лизогуб и Григорий Гамалей, то есть фактически почти все правобережное войско и все ключевые представители войсковой администрации, кроме самого гетмана. Примечательно, что в раде приняли участие как представители старшины, уже принесшие присягу царю (И. Гулак, Я. Лизогуб, Ф. Григорьев, И. Гурский и др.), так и те, кто еще оставался верен П. Д. Дорошенко. Царские и королевские представители, так же как представители И. С. Самойловича, в раде участия не принимали. В итоге после длительных споров правобережная старшина приняла решение принести присягу царю и избрать вместо П. Д. Дорошенко нового гетмана. Как справедливо отмечает Б. Н. Флоря, земли большинства полков (кроме Корсунского, Черкасского и Каневского) не были затронуты походами царских войск, и, кроме этого, основные силы Ромодановского и Самойловича к этому моменту уже были уведены на левый берег Днепра, то есть решение принять царское подданство было вызвано не силовым давлением, а несогласием с политикой П. Д. Дорошенко и отказом большей части старшины и казачества признавать власть турецкого султана [Флоря, 2016, с. 78]. Там же, на раде в Корсуни, было принято решение об избрании новых полковников. Вместо плененного в Лисянке Г. Дорошенко новым брацлавским полковником оперативно был выбран Павел Лисица, а вместо оставшегося верным гетману торговицкого Е. Уманца – Степан Щербина.

После рады к Ромодановскому и Самойловичу с письмом о готовности правобережного казачества принести присягу царю отправились подольский полковник О. Гоголь и брацлавский П. Лисица, а оставшиеся верными П. Д. Дорошенко генеральный есаул Г. Гамалей и еще несколько представителей старшины уехали к гетману в Чигирин. В Переяславль казацкие посланники прибыли 5 марта, и Ромодановский в тот же день подтвердил готовность провести выборную раду, но в целях безопасности было решено Днепр не переходить, а наоборот, провести собрание на левом берегу там же, в Переяславле. Причем Ромодановский и Самойлович настаивали на проведении рады как можно скорее, до наступления весенней распутицы («не дожидаясь зимнему пути разрушения и водного расположения»)³⁰, опасаясь, что задержка может привести к приходу на Правобережье крымских татар или поляков и тогда настроение казацкой старшины может в очередной раз поменяться.

Сообщение о готовности правобережных казаков принести присягу на верность царю и выбрать нового гетмана было доставлено в Москву 15 марта. Уже 17 марта обратно в Переяславль был отправлен царский посланник В. Солохов со знаменем, булавой и крестом для будущего новоизбранного гетмана, которые должны были символизировать сюзеренитет царя над Украиной. Также ему было дано царское письмо к И. Самойловичу, в котором гетмана

²⁹ Синбирский сборник. Т. 1. С. 114.

³⁰ АЮЗР. Т. 11. № 118.

уговаривали принять выбор будущей рады и подчиниться избранному там новому гетману, а также передать ему знаки власти³¹. Однако эти приготовления оказались излишни: царский гонец прибыл в Переяславль не ранее 27 марта, спустя 10 дней после проведения рады.

Уже 15 марта в Переяславле собрались казацкая старшина и выборные казаки правобережных полков, и 17 марта при участии Г. Г. Ромодановского и И. С. Самойловича состоялась выборная рада, на которой присутствовали генеральный обозный И. Гулак, генеральный судья Я. Петров, один из двух генеральных есаулов Я. Лизогуб и 8 полковников. Подольский полковник О. Гоголь в последний момент уклонился от поездки и остался на Правобережье, выжидая, как развернутся события, но прислал своих представителей. Позднее он своим письмом от 19 марта 1674 г. подтвердил согласие с решением Переяславской рады³², но «Летопись Самовидца» упоминает, что он также сразу же вступил в переговоры с П. Д. Дорошенко («не хотячи полковництва утратити, держался при руці Дорошенкової, и до турчина чрез него поселство отпраовалося»)³³. От Паволочского полка, где полковником был брат П. Д. Дорошенко Андрей, на раде присутствовало лишь несколько представителей. Одиннадцатый правобережный полк – столичный Чигиринский сохранил верность П. Д. Дорошенко и своих представителей не прислал. Также в раде принял участие и польский гетман М. Ханенко, который сложил свои клейноды и принес присягу на верность царю.

Вопреки имевшимся у российского правительства опасениям, что у правобережного казачества будет свой кандидат вместо П. Д. Дорошенко, на общем сходе гетманом «обеих сторон Днепра» был избран И. С. Самойлович («не желяем иметь многих начальников, от них пришли мывразорение... лучшебытьодномугетманунаобеихсторонахДнепра») [Бантыш-Каменский, с. 294]. Также на раде были приняты Переяславские статьи 1674 г., которые регулировали условия, на которых правобережное казачество согласилось принять царское подданство³⁴. Принося присягу царю, правобережная старшина, так же как и левобережная, обязалась отказаться от самостоятельных сношений с любыми иностранными государствами и особами и вести всю переписку с ними исключительно через Москву. При этом казаки отказались от звучавших ранее требований об обязательном присутствии их представителей на переговорах царских властей с иностранными посланниками, ограничившись договоренностью, что если вопросы будут касаться Украины, то их уведомят о результатах царской грамотой. В условиях продолжавшейся войны между Речью Посполитой и турками правобережные казаки должны были воздерживаться от какого-либо участия в боевых действиях без прямого согласия и указа из Москвы, но в случае любого нападения на Правобережье российское правительство обязалось прислать на защиту царские войска и левобережных казаков. При этом в походе на правый берег Днепра царские ратные люди должны были размещаться на постой у мещан, а все казацкие дворы и владения были освобождены от этой повинности. Значительное внимание было уделено деятельности и полномочиям гетмана. Казаки попросили царские власти быть арбитром в возможных спорах между гетманом и старшиной («чтоб он над ними войсковою старшиною никакой справедливости, без совету всей старшины, безвинно не чинил... не по воле своей, но по суду и праву посполитому поступал») и сохранить за ними право самостоятельного выбора нового гетмана в случае смерти действующего. В свою очередь старшина пообещала в случае возможной измены гетмана продолжать хранить верность данной царю присяге, а также не смещать самостоятельно гетмана без согласования с царским правительством. Размер казацкого реестра был определен в 20 тыс. казаков, причем

³¹ Там же. № 116.

³² Там же. № 120.

³³ Літопис Самовидця. С. 119.

³⁴ СГД. М., 1828. Ч. 4. С. 301–304; АЮЗР. Т. 11. № 118.

старшина сразу оговорила, что если указанного количества в наличии на смотре не окажется, то «в то число принимать в казаки мещанских и поселянских детей». Данное условие наглядно показывает пределы реальной численности правобережного казачества и его мобилизационных возможностей (для сравнения: на Левобережье размер согласованного реестра составлял 30 тыс. чел.³⁵). Финансирование казацкого войска должно было осуществляться исключительно за счет доходов, собиравшихся со всего Правобережья, кроме монастырских земель. Никаких дополнительных налогов и сборов в царскую казну или, наоборот, дотаций за счет центрального бюджета предусмотрено не было. Также были определены размеры жалования старшине и казакам, аналогичные левобережным. Рядовому казаку в год должно было даваться по 30 польских золотых, что примерно соответствовало 6 российским рублям. Для сравнения царские солдаты и пушкарки в 1670-х гг. получали по 4 рубля годового жалования, стрельцы – по 5 рублей, драгуны и городовые казаки – по 6, рейтары и помещики, служившие в сотенной службе, – по 10³⁶. Еще одним болезненным для старшины вопросом были ранее полученные ими аренды и вотчины. Царское правительство подтвердило права собственности на них, а также гарантировало права их наследования.

В целом Переяславские статьи 1674 г. соответствовали тем условиям, на которых Москва договаривалась с Б. М. и Ю. Б. Хмельницкими (Переяславские статьи 1654 и 1659 гг.), а также актуальным условиям, на которых на тот момент существовало Левобережье (Гадяцкие статьи 1669 г. и Конотопские статьи 1672 г.). Войско Запорожское полностью сохраняло широкую внутреннюю автономию, с собственным самоуправлением, судопроизводством, армией (казацким реестром) и бюджетом. Российское правительство также гарантировало право собственности на приобретенные старшиной и казачеством имущество и земли и все права православной церкви. Все это выгодно отличало условия, предлагаемые казачеству Москвой, от условий, выдвигаемых Варшавой, которые содержали обязательный возврат коронной власти и прежних землевладельцев (шляхты), а также униатов и католической церкви. Вопрос постоянного царского военно-административного присутствия на Правобережье в Переяславских статьях 1674 г. отражен не был.

П. Д. Дорошенко ожидаемо не признал решений Переяславской рады, однако, не имея сил и средств для вооруженного противостояния с царскими войсками, вступил в переговоры с Г. Г. Ромодановским, надеясь выиграть время до прихода обещанных ему турецко-татарских подкреплений³⁷. Видимость переговорного процесса поддерживалась до апреля 1674 г., когда к гетману прибыли 5 тыс. крымских татар и он открыто заявил о своей верности султану и неприятии решений рады 17 марта. Польское правительство также не признало перехода Правобережья под царскую власть, но в условиях продолжавшейся войны с турками и периода «бескоролья» (предыдущий польский король Михаил Вишневецкий скончался 10 ноября 1673 г., а выборы нового короля состоялись только в мае 1674 г.) уклонилось от каких-либо открытых враждебных действий [Флоря, 2016, с. 79].

Таким образом, зимой 1673–1674 гг. российское правительство, используя несогласие основной массы правобережных старшины и казачества с проводимой П. Д. Дорошенко протурецкой политикой, смогло, сочетая дипломатические методы и военное давление, добиться принесения ими присяги на верность царю и избрания впервые с 1660 г. гетмана, который формально объединил вновь правобережную и левобережную Украину. При этом царскую власть признали как большинство правобережных полков («аж по самый Дністр»³⁸),

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. С. 809. № 447.

³⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ед. хр. 310. Л. 528.

³⁷ АЮЗР. Т. 11. № 170.

³⁸ Літопис Самовидця. С. 118.

формально находившихся под властью П. Д. Дорошенко, так и «польский» гетман М. Ханенко. Однако решения Переяславской рады не означали автоматического и безболезненного перехода Правобережья под российскую власть: они не были приняты ни П. Д. Дорошенко, ни турецким султаном и крымскими татарами, ни Речью Посполитой, и для их реализации Российскому государству было необходимо силой утвердить свои права на эти земли. И в первую очередь добиться фактического низложения гетмана П. Д. Дорошенко, все еще продолжавшего сидеть в Чигирине, что российское правительство и попыталось сделать летом того же 1674 г.

Литература

- Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. 287 с.
- Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России от водворения Славян в сей стране до уничтожения Гетманства. Изд. 4-е, печатано с 3-го без изменения. СПб.; Киев, 1903. [8], IX, 609 с., [11] л. ил.
- Баранова О. В. Российско-украинские договоры в XVII–XVIII веках. Дис. ... канд. истор. наук. Брянск, 2002. 252 с.
- Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко: огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985. 704 с.
- Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. 815 с.
- Петровський М. Нариси історії України XVII – початку XVIII століть (Досліди над Літописом Самовидця). Харків, 1930. 454 с.
- Смолій В., Степанков В. Петро Дорошенко. Політичний портрет: наукове видання. Киев, 2011. 632 с.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1856. Кн. 3. Т. 12. 800 с.
- Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. М., 2011. 333 с.
- Флоря Б. Н. Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 76–90.
- Флоря Б. Н. Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 74–88.
- Ходырева Г. В. Украинский вопрос во внешней политике России в 1673–1676 гг. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 11. С. 86–95.
- Эйнгорн В. О. О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича. Глава 7-я (1672–1676 гг.) // ЧОИДР. М., 1899. Кн. 1. С. 795–922; Кн. 2. С. 923–1104.
- Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. T. 1. 408 s.; T. 2. 376 s.

References

- Almazov, A. S. Politicheskii portret ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v kontekste russo-ukrainskikh otnoshenii (1672–1687 gg.) [Political Portrait of the Ukrainian Hetman Ivan Samoylovich in the Context of Russian-Ukrainian Relations (1672–1687)]. Moscow, 2012. 287 p.
- Bantysh-Kamenskii, D. N. Istoriya Maloi Rossii ot vodvoreniya Slavyan v sei strane do unichtozheniya Getmanstva [History of Little Russia from the Settlement of the Slavs in This Country to the Destruction of the Hetmanate]. Ed. 4th, printed from the 3rd without modification. Saint Petersburg; Kiev, 1903. [8], IX, 609 p., [11] l. of il.
- Baranova, O. V. Rossiisko-ukrainskie dogovory v XVII–XVIII vekakh [Russian-Ukrainian Treaties in the 17th – 18th Centuries]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Bryansk, 2002. 252 p.
- Doroshenko, D. Get'man Petro Doroshenko: oglyad iogo zhittya i politichnoi diyal'nosti [Hetman Pyotr Doroshenko: An Overview of His Life and Political Activities]. New York, 1985. 704 p.
- Eingorn, V. O. O snosheniyakh malorossiiskogo dukhovenstva s Moskovskim pravitel'stvom v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha. Glava 7-ya (1672–1676 gg.) [On the Relations of the Little Russian Clergy with the Moscow Government during the Reign of Alexei Mikhailovich. Chapter 7 (1672–1676)]. In *Chteniya*

v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Moscow, 1899. Book 1. Pp. 795–922; Book 2. Pp. 923–1104.

Florya, B. N. Rossiya, Rech' Pospolitaya i Pravoberezhnaya Ukraina v poslednie gody getmanstva P. Doroshenko (1673–1677 gg.) [Russia, Rzeczpospolita (Polish-Lithuanian Commonwealth) and the Right-bank Ukraine in the Late Years of P. Doroshenko's Hetmanship (1673–1677)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2016. No. 3 (65). Pp. 76–90.

Florya, B. N. Pokhod osmanov na Rech' Pospolituyu v 1672 g. i Rossiya [The Ottoman Empire Campaign to Polish-Lithuanian Commonwealth in 1672 and Russia]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 1 (71). Pp. 74–88.

Khodyreva, G. V. Ukrainskii vopros vo vneshnei politike Rossii v 1673–1676 gg. [The Ukrainian Question in Russia's Foreign Policy in 1673–1676]. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 1999. No. 11. Pp. 86–95.

Kostomarov, N. I. Sobranie sochinenii. Istoricheskie monografii i issledovaniya [Collected Works. Historical Monographs and Researches]. Saint Petersburg, 1905. Book 6. 815 p.

Petrov'skii, M. Narisi istorii Ukraini XVII – pochatku XVIII stolit' (Doslidi nad Litopisom Samovidtsya) [Essays on the History of Ukraine of the 17th – Early 18th Centuries (Observations on the Chronicle of Samovidets)]. Kharkov, 1930. 454 p.

Smolii, V., Stepankov, V. Petro Doroshenko. Politichnii portret: naukove vidannya [Pyotr Doroshenko. Political Portrait: Scientific Publication]. Kiev, 2011. 632 p.

Solov'ev, S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia since Ancient Times]. Saint Petersburg, 1856. Book 3. Vol. 12. 800 p.

Tairova-Yakovleva, T. G. Getmany Ukrainy. Istorii o slave, tragediyakh i muzhestve [Hetmans of Ukraine. Stories of Glory, Tragedy and Courage]. Moscow, 2011. 333 p.

Wagner, M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. T. 1. 408 s.; T. 2. 376 s.

Vladimir S. Velikanov

"Russkiye Vityazi" Foundation, Moscow, Russia

ROMODANOVSKY'S CAMPAIGN OF 182
AND PEREYASLAVL RADA ON MARCH 17, 1674

In November of 1673 the Russian government decided to send an army under Prince G. Romodanovsky and Hetman I. Samoylovich on the right bank of the Dnepr. The short campaign resulted in Pereyaslavl Rada, where leaders of right-bank Cossacks agreed to take an oath to Tzar.

Keywords: Russian-Turkish war of 1672–1681, Doroshenko, Pereyaslavl Rada of 1674

К. Н. Станков
ИРИ РАН, Москва, Россия, centfeod-iriran@yandex.ru

ГЕНЕРАЛ ПАТРИК ГОРДОН И БОРЬБА ЗА АЗОВ В КОНЦЕ XVII в.

В статье на основе архивных и опубликованных источников раскрывается роль генерала Патрика Гордона в Азовских походах 1695 и 1696 гг. и последующей борьбе за Азов в 1697 г., когда русским войскам удалось предотвратить новый захват этой крепости турками. Автор считает, что именно Гордон убедил Петра I направить основной удар против турок и крымских татар не на Крым, а на Азов. Всеми осадными работами также командовал Гордон. Он же возглавил русские войска, отправленные под Азов в 1697 г.

Ключевые слова: Патрик Гордон, Петр I, Азовские походы, Османская империя, осада, штурм

В отечественной историографии едва ли найдется работа об эпохе Петра I, в которой не затрагивалась бы борьба за Азов в конце XVII в. Основательно изучены обстоятельства Первого Азовского похода, причины его неудачи, осады и штурмы в ходе обоих походов, роль в них русского флота, артиллерии, отдельных полков, служилых людей, казаков [Богословский, с. 203–347; Елагин; Лукин, Потапов; Майноленко; Никитин, Трибунский; Павленко, 2007, с. 39–45; Романов; Скобелкин; Соловьев, с. 511–521; Тарле, с. 115–521]. В последние годы разрабатываются новые аспекты темы. Азовские походы в контексте внешней политики России рассматривались В. Н. Виноградовым [Виноградов]. Влияние Азовских походов на судьбу населения юга России и роль в них отдельных стратегических пунктов затронуты в работах Д. В. Сеня, Т. В. Тепкеева, А. Г. Чепухина [Сень; Тепкеев; Чепухин, 2017; Чепухин, 2019]. С. М. Шамин изучил торжества и панегирики по случаю взятия Азова в 1696 г. [Шамин].

В научный оборот активно вводятся новые источники по истории борьбы за Азов¹. В распоряжении историков появилось полное научное издание «Дневника» П. Гордона в шести томах, осуществленное в 2000–2018 гг. Д. Г. Федосовым. Еще в XIX в. исследователи обратили внимание на «Дневник» Патрика Гордона, рассматривая его как основной источник по истории Азовских походов. Генерал-майор П. Гордон, командовавший военными соединениями в Первом и Втором Азовских походах, ежедневно заносил в свой «Дневник» подробные записи, которые воспроизводили события обоих походов с большей полнотой, чем «Походные журналы» Петра I. Выдающийся отечественный историк Н. Г. Устрялов, знакомый с оригиналом этого источника, писал о нем: «Сокровище неоцененное, материал по преимуществу исторический, не уступающий никакому акту в достоверности, исполненный множества любопытнейших подробностей!» [Устрялов, т. 1, с. LXXXV].

Впервые издание «Дневника» было предпринято М. Ф. Посселем в 1849–1853 гг. Однако данное издание было осуществлено на немецком языке и опиралось не на англоязычный подлинник, а на более ранний и во всех отношениях весьма неудачный перевод этого текста на немецкий язык И. Штриттера. По словам Д. Г. Федосова, «его познания в английском языке и палеографии XVII в. оставляли желать лучшего» [Федосов, 2000, с. 235]. Кроме того, И. Штриттер фактически вместо перевода источника ограничился его весьма вольным

¹ Базарова Т. А. «Пришла почта ис-под Азова...»: письма участников Азовских походов (1695 и 1696 гг.) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН // История военного дела: исследования и источники [Электронный ресурс]. 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. 1. С. 1–22. URL: <http://www.milhist.info/2019/07/18/bazarova> (дата обращения: 20.05.2021); Лифшиц Г. М. Из истории Азовского похода 1696 г. // Исторический архив. 1959. № 2. С. 157–163; Херд Г., Некрасов А. М. Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I // Исторический архив. 1997. № 3. С. 195–205.

пересказом, оставляя лишь то, что сам он считал наиболее важным и опуская все прочее. М. Ф. Посселят существенно сократил текст. При этом ему не удалось избежать новых ошибок [Федосов, 2000, с. 238–239]. Д. Г. Федосов осуществил полный перевод «Дневника» с оригинала, снабдив его подробными комментариями и сопроводительными статьями, уточнив многие факты и исправив неточности в изданиях предшественников. События борьбы за Азов отражены в V и VI томах «Дневника»².

Целью настоящей статьи является установление роли генерала Патрика Гордона в Азовских походах 1695–1696 гг. и изучение его противодействия попыткам турок вернуть Азов в 1697 г.

В основу статьи легли материалы РГАДА, в частности документы Разрядного приказа за 1695–1697 гг.³, делопроизводственные документы и корреспонденция Петра I и его соратников, опубликованные в первом томе «Писем и бумаг Петра Великого»⁴, «Походные журналы» 1695 и 1696 гг.⁵, личные документы Ф. Лефорта⁶, «Дневник» П. Гордона⁷, анонимный отчет об осаде Азова в 1695–1696 гг., обнаруженный Г. Хердом и А. М. Некрасовым в библиотеке Британского музея в Лондоне⁸, и «Записки» И. А. Желябужского⁹.

Патрик Гордон (1635–1699) был одним из наиболее способных специалистов в области военного дела в России при Петре I. Уроженец Шотландии, Гордон с юности служил в войсках разных стран и лишь благодаря личным заслугам возвысился от рядового рейтара до генерала. До приезда в Россию он получил опыт боевых действий в лучших армиях Европы: шведской, славившейся своей пехотой, и польской, вошедшей в историю благодаря своей коннице – знаменитым крылатым гусарам. В Московском государстве П. Гордон прошел школу Крымских и Чигиринских походов. Он был комендантом Чигирина и покинул его едва ли не последним под мощным натиском турок – известных мастеров осадной войны. Участие в борьбе с османами позволило Гордону получить определенный опыт в военно-инженерном деле, что столь пригодилось русской армии в ходе Азовских походов. Как уже упоминалось, Патрик Гордон достиг чина полного генерала и не смог продвинуться далее по военной лестнице, так как звания фельдмаршала в России при его жизни еще не существовало, а воеводой он не мог стать как иностранец и иноверец-католик [Федосов, 2018, с. 212]. П. Гордон был намного опытнее и способнее второй фигуры в ближайшем окружении Петра I, принявшего участие в борьбе за Азов, – швейцарца Франца Лефорта. С. М. Соловьев характеризовал женева как человека, который «не имел прочного образования, не мог быть учителем Петра ни в какой науке, не был мастером никакого дела» [Соловьев, с. 455]. Невысоко оценивал его способности и выдающийся дипломат петровской эпохи князь Б. И. Куракин: «Человек забавной и роскошной, или назвать дебошан французской»¹⁰. Примечательно, что в то же время Куракин, не без едкой критики характеризовавший многих своих современников, не говорит ничего плохого о Гордоне.

В историографии давно ведутся споры о том, кто явился инициатором Азовских походов. Н. Г. Устрялов утверждал, что это был Петр I [Устрялов, т. 2, с. 219–221]. Эту точку зрения поддерживают Б. В. Лукин и Н. И. Потапов (см. подробнее: [Лукин, Потапов,

² Гордон П. Дневник, 1690–1695. М., 2014; *Его же*. Дневник, 1696–1698. М., 2018.

³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ, Москва). Оп. 12. № 1406–1407, 1415, 1433, 1460, 1610, 1644, 1821, 1927.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1.

⁵ Походные и путевые журналы императора Петра I. 1695–1708 годов. СПб., 1853.

⁶ Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М., 2006.

⁷ Гордон П. Дневник, 1690–1695; *Его же*. Дневник, 1696–1698.

⁸ Херд Г., Некрасов А. Н. Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I. С. 196–205.

⁹ Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840.

¹⁰ Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 66.

с. 13]). С. М. Соловьев полагал, что эта идея принадлежала Лефорту [Соловьев, с. 507]. М. М. Богословский отмечал, что план похода на Азов возник в ходе обсуждения его Петром I с Гордоном и Лефортом в конце 1694 г. [Богословский, с. 201–202]. Это подтверждает письмо Патрика Гордона И. И. Куртцу от 21 декабря 1694 г.: «Верю и уповаю, что сим летом мы свершим нечто важное для блага Христианства и общего союза»¹¹. Н. И. Павленко предполагает, что именно П. Гордон, а не Ф. Лефорт подал идею, что «не у Перекопа, а у стен Азова заложен успех в прекращении набегов крымцев на русские и украинские территории» [Павленко, 2009, с. 13].

В то же время в историографии бытует и другая точка зрения. Т. Г. Таирова-Яковлева считает, что Петра I на борьбу за Азов вдохновил И. С. Мазепа [Таирова-Яковлева, с. 11, 48, 256]. Несостоятельность этой гипотезы доказал П. А. Аваков [Аваков]. Кроме того, он подчеркивает, что решение Петра I о походе на Азов имело свою предысторию. Еще в 1684 г. с этим предложением перед правительницей Софьей выступали имперские послы бароны И. Г. Жировский и С. Блюмберг. Позднее с этой же идеей к русскому правительству обращался польский король Ян III Собеский [Аваков, с. 197–198]. Поэтому применительно к походу 1695 г. правильнее говорить не о возникновении самой идеи, а о ее реальном воплощении.

20 января 1695 г. русское правительство приняло решение о походе на Азов, а 6 февраля на военном совете в Москве был выдвинут план военной операции (подробнее см.: [Богословский, с. 202]). Одновременно для отвлечения внимания турок был провозглашен другой поход – в Крым [Богословский, с. 202]. Патрик Гордон в Первом Азовском походе командовал одной из трех дивизий. Другими двумя командовали Ф. Лефорт и боярин А. М. Головин. Петр I удовлетворился скромным званием первого бомбардира, но фактически руководил всей операцией [Устрялов, т. 2, с. 224].

Зимой и в начале весны 1695 г. Гордон был занят заготовкой провизии и других материалов для похода¹². Генерал командовал группой войск, которую в своем «Дневнике» он называет «армией». Под его руководством было 8 тысяч человек, причем ядром дивизии был личный полк генерала (Бутырский, или Второй выборный московский) – один из лучших в вооруженных силах России того времени¹³. В частности, именно из него во многом пополнялись Преображенский и Семеновский полки. В то же время в дивизию Гордона входило несколько стрелецких полков, отличавшихся более слабой дисциплиной и боеспособностью, на что Гордон неоднократно сетует в своем «Дневнике»¹⁴.

Дивизия Гордона должна была идти в авангарде. 27 января ему было объявлено о начале сбора войск, а 7 марта он выступил в поход¹⁵. В среднерусских землях движение колонн затнулось: стояли морозы, оставался снежный покров. В связи с этим Гордон писал через Лефорта Петру I о невозможности продолжения похода: «Я должен остаться здесь до весны и травы»¹⁶.

1 апреля Гордон получил грамоту от Петра I, в которой говорилось о призыве на царскую службу донских казаков, которые должны были присоединиться к его дивизии, а самому Гордону предписывалось поставить пикеты на всех дорогах, ведущих на юг России, дабы в Азов

¹¹ Письмо П. Гордона к И. И. Куртцу от 21 декабря 1694 г. Оригинал на латыни: *Гордон П. Дневник, 1690–1695*. С. 311–312. Перевод на русский язык: Там же. С. 564–565.

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1406. Л. 742–748; № 1407. Л. 196–197, 371–381; *Гордон П. Дневник, 1690–1695*. С. 319, 326.

¹³ *Лефорт Ф. Сборник материалов и документов*. С. 157–158.

¹⁴ *Гордон П. Дневник, 1690–1695*. С. 353.

¹⁵ *Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709*. С. 46. Подробнее о движении войск Гордона к Азову см.: [Богословский, с. 209–220].

¹⁶ *Гордон П. Дневник, 1690–1695*. С. 331.

не проникли известия о движении на него крупных сил противника¹⁷. В конце мая – начале июня 1695 г. Гордон со своими войсками подошел к окрестностям Азова и разбил укрепленный лагерь¹⁸. В письме от 21 июня Петр I просил его найти удобную и безопасную пристань на Дону для стругов из Воронежа со всем необходимым для армии, «где бы лутче и безопасней людем, паче же артиллерии»¹⁹.

Дивизии Лефорта и Головина выступили из Москвы только в середине мая²⁰. 29 июня они прибыли на р. Койсуг, «от Азова в верстах семи мерных»²¹. Гордон намеревался «указать другим генералам удобное место для лагеря»²². Однако его советы не были приняты. Лефорт и Головин сами выбрали позиции, причем, как показали последующие боевые действия, весьма неудачно, «тогда как генерал Гордон наметил гораздо более подходящие и не такие опасные позиции»²³.

1 июля Гордон, дивизии которого по приказу царя было придано еще три полка, двинулся непосредственно под стены Азова. В ходе этой передислокации на его войска напали крымские татары, в стычках с которыми, как это сообщает в письме Петру I князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский, солдаты Гордона показали примерную выучку и обошлись без потерь. В тот же день генерал овладел двумя валами, окружавшими окрестности Азова²⁴. Укрепившись в лагере, 3 июня Гордон отправил приданные ему полки с обозом обратно в ставку царя. По пути на русские войска вновь налетели татары. Полки понесли незначительные потери (6 убитых и несколько раненых), в то время как «неприятеле[й] побито человек шездесят, а раненых ведать невозможно»²⁵.

На военном совете, состоявшемся 14 июня, несмотря на противодействие казацких атаманов и некоторых командиров, Гордон настоял на продвижении войск непосредственно к укреплениям самого города, хотя большинство высказалось за предложение дожидаться подхода основных сил²⁶. На следующий день, когда Петр I произвел рекогносцировку в устье Дона, а Гордон на суше, выяснилось, что турки не существенно укрепили прежние оборонительные сооружения, а лишь углубили и расчистили ров, починили рavelин и т. д. Но тогда же стало известно, что гарнизон Азова с моря постоянно снабжался продовольствием и боеприпасами, а также новыми турецкими частями, в том числе янычарами. Как Гордон выяснил у грека, взятого в плен его солдатами, турецкий гарнизон составлял 4,5 тысячи человек, причем из Константинополя еще ожидалось 13 судов с подкреплениями. От того же «языка» генералу стало известно, что обороной Азова командуют паша Муртаза и Мустафа-бей. Таким образом, уже с самого начала осады Азова генерал пришел к выводу, что без помощи морского флота крепость взять невозможно²⁷.

К концу июня после множества проволок и несогласованностей под Азов прибыли все русские дивизии (см. подробнее: [Устрялов, т. 2, с. 228–232]). Устанавливая блокаду, Петр I, начальствовавший на военном совете, распределил участки между генералами, причем Гордону был предоставлена ключевая позиция – он занял центр русских войск, справа от него

¹⁷ Там же. С. 334.

¹⁸ Там же. С. 351–352.

¹⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 33.

²⁰ Там же. С. 29–30.

²¹ Там же. С. 35.

²² Херд Г., Некрасов А. М. Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I. С. 196.

²³ Там же.

²⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 35.

²⁵ Там же; Походный журнал 1695 года // Походные и путевые журналы императора Петра I. 1695–1708 годов. С. 20.

²⁶ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 356.

²⁷ Там же. С. 357–358.

расположился Головин, а слева – Лефорт²⁸. В ходе боевых действий генерал Гордон лично, во главе небольшого количества русской пехоты и казаков, ходил в наступление и отбивал вылазки турецкого гарнизона. Причем, несмотря на паническое отступление русских солдат в ходе одной из вылазок турок, Гордон лично оставался на позиции во главе малочисленных храбрецов и успешно отбивал атаки османов²⁹. Н. Г. Устрялов упоминает о действиях Петра I на центральных позициях, но молчанием обходит тот факт, что верховное командование здесь принадлежало Гордону [Устрялов, т. 2, с. 233–234].

Во время первого «азовского сидения» фактически именно Гордон руководил всеми окопными и инженерными работами, так как остальные командиры в этом мало смыслили³⁰. Кроме того, благодаря успешным действиям артиллерии на центральной позиции, которая находилась в ведении Гордона, удалось нанести значительный урон азовской крепости, в то время как деятельность Лефорта и Головина была гораздо менее результативной³¹.

Гордон сталкивался с множеством проблем: неопытностью и слабой дисциплиной солдат, нерадением стрельцов, не желавших заниматься непривычными для них земляными работами, своенравием казаков, которые в самый решительный момент боя могли оказаться все до одного пьяны, но самое главное – с противодействием остальных генералов: Лефорта и Головина³². Как отмечает американский историк Р. Мэсси, они «ревниво относились к превосходящему военному опыту генерала Гордона и были склонны объединяться на советах, чтобы превзойти ветерана-шотландца» [Massie, p. 140]. Эта точка зрения подтверждается замечанием М. М. Богословского, что уже в начале осады Гордон выступил с развернутым планом действий, однако из него был одобрен на военном совете лишь один пункт. Но его принятие, не учитывавшее всей совокупности мер, не имело смысла, что подтвердилось последующими событиями [Богословский, с. 229–231].

Как следует из «Походного журнала» 1695 г., основные вылазки азовским гарнизоном проводились на позиции Гордона и Лефорта, причем Гордон часто приходил на помощь последнему³³, о чем женеваец умалчивает в своих письмах на родину, ссылаясь лишь на помощь Провидения в отбитых турецких атаках³⁴.

Войска Лефорта понесли большие потери. Так, об одной из таких битв он сообщает: «Я потерял отважных офицеров, мой лагерь был покрыт стрелами. Несколько сот солдат было убито и ранено»³⁵. В другом месте о своих потерях в результате одной из атак Азова Лефорт пишет: «Из тысячи пятисот моих солдат 900 было убито или ранено»³⁶.

Единственный военный успех русских войск, о котором, в частности, сообщает в письме брату-соправителю Иоанну V Романову Петр I, – взятие двух каланчей, запиравших вход в устье Дона со стороны реки, – также связан с именем Гордона. Хотя царь приписывает эту победу себе³⁷, а Н. Г. Устрялов [Устрялов, т. 2, с. 235–237], а вслед за ним и советские историки Б. В. Лукин и Н. И. Потапов – мужеству донских казаков [Лукин, Потапов, с. 30], в действительности, она принадлежит умелому руководству генерала Гордона и храбрости

²⁸ Там же. С. 368.

²⁹ Там же. С. 370–371.

³⁰ Там же. С. 371–382, 385–388.

³¹ Там же. С. 372.

³² Там же. С. 374–376, 378–381, 395; Херд Г., Некрасов А. М. Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I. С. 197.

³³ Походный журнал 1695 года. С. 22–24, 27, 29; Херд Г., Некрасов А. М. Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I. С. 197.

³⁴ Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. С. 163–164.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 164.

³⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 38.

его солдат³⁸. Помимо стратегического значения этих укреплений, Петр I обращает внимание на взятие больших трофеев: «медяных великих и средних и менших две пушки, кроме всякого мелкого ружья, пороху же, ручных гранат, ядер и всяких припасов многое число, да три знамя»³⁹. О взятии каланчей в своей корреспонденции упоминает и Лефорт, однако говорит об этом военном успехе царских войск безлично, не указывая решающую роль в нем Гордона⁴⁰.

И генерал-шотландец, и его соратник-швейцарец сообщают о мощной вылазке турок против позиций центра русской армии 15 июля. К чести Гордона Лефорт пишет: «Моему шурина Гордону не повезло, но не до такой степени, как пишут в “Курантах”», «он потерял 9 пушек, несколько знамен и несколько больших заклепанных пушек»⁴¹. Между тем в своем «Дневнике» П. Гордон отмечает, что бой был проигран не столько из-за неумелого командования, сколько из-за недисциплинированности его солдат, которые в момент вылазки турок «в смятении бежали через траншеи мимо редута, где стояли орудия... в таком беспорядке и паническом ужасе, подобных коим я никогда не видал»⁴². В том же месте генерал сетовал: «Если хотя бы сотня людей заняла редут, они бы остановили турецкий прорыв и спасли орудия»⁴³. Тот бой был настолько жарким, что в нем едва не погиб сам Гордон⁴⁴.

15 августа, как сообщается в «Походном журнале» Петра I, русскими войсками был предпринят генеральный штурм Азова⁴⁵, против чего всячески выступал Гордон, видя недисциплинированность солдат, неопытность и малое число отряженных на дело офицеров, а также нежелание наступавших использовать осадные приспособления. Перу Гордона принадлежит и наиболее подробное описание этого штурма.

Как и предупреждал генерал, атака закончилась полным провалом, причем русские в ходе наступления потеряли более двух третей рядового состава⁴⁶. Как сообщает сам Гордон, если накануне «не было иных речей, как о штурме и взятии города», то после неудачного штурма на военном совете «не было ничего, кроме скорбных взоров и мрачных лиц»⁴⁷.

25 сентября 1695 г. последовал второй штурм русскими Азова, в котором на этот раз принял активное участие генерал Гордон, однако и этот штурм оказался неудачным⁴⁸. Петр I сообщает в «Походном журнале»: «Бой был жестокий, только отступили наши»⁴⁹. 12 октября, видя бесперспективность дальнейшей борьбы и ожидая смены сезона, русские войска снялись с лагеря и отправились на зимние квартиры⁵⁰. Генералу Гордону было дано ответственное поручение командовать аръергардом и отбивать многочисленные наскоки на русские войска крымской конницы⁵¹.

В письме к Ф. М. Апраксину от 30 ноября 1695 г. Петр I сообщает о военном совете – «консилие господ генералов», на котором было принято решение в следующем году повторить попытку взять Азов, но на этот раз с использованием флота⁵².

³⁸ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 376.

³⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 38.

⁴⁰ Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. С. 163.

⁴¹ Там же. С. 164.

⁴² Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 377.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Походный журнал 1695 года. С. 25.

⁴⁶ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 384–387.

⁴⁷ Там же. С. 387.

⁴⁸ Походный журнал 1695 года. С. 33.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 35.

⁵¹ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 407–414, 416–424.

⁵² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 53.

Зима 1695–1696 гг. прошла в хлопотах по подготовке к новому походу на Азов. Полки Гордона заготавливали оружие, осадное снаряжение, хлеб, сено, овес и другие припасы⁵³.

Учитывая неудачный опыт многоначалия в Первом Азовском походе, окончившемся провалом, Петр I в 1696 г. во главе войска поставил боярина и воеводу А. С. Шеина⁵⁴. Под его командованием находилось три дивизии. Во главе одной из них вновь был назначен генерал Гордон. Ему было приказано идти в авангарде и первым подойти к Азову. 8 марта его дивизия выступила из Москвы⁵⁵. На этот раз ее ядром стал тамбовский полк численностью 4,1 тысячи человек⁵⁶. Среди офицеров был средний сын генерала – Джеймс Гордон, который отличился еще во время первого «азовского сидения»⁵⁷.

Сам царь уехал руководить постройкой флота в Воронеж. 23 марта туда прибыл Гордон и на следующий день вместе с Петром I отправился инспектировать строящиеся галеры⁵⁸.

8 мая Гордон со своей дивизией выступил из Воронежа и в конце мая прибыл в окрестности Азова. Царь приказал ему занять обе взятые в прошлом году каланчи, где был оставлен русский гарнизон, и наблюдать за противником. Однако Гордон не проводил время в столь пассивном ожидании. Генерал «ездил на взморье» и взял с захваченных казаками турецких судов богатые трофеи: «бомбы турецкие сто сорок одна, ручных гранат девяносто пять»⁵⁹. 27 мая генерал-шотландец сообщил Петру I, «сколь много я добыл бомб и ручных гранат»⁶⁰. Н. Г. Устрялов ошибочно приписывает захват снарядов казакам [Устрялов, т. 2, с. 275], которые в действительности оставили боеприпасы, удовлетворившись захватом турецкой казны⁶¹.

По прибытии к Азову Петр I часто советовался с Гордоном⁶². Вновь, как и во время Первого Азовского похода, фактически всеми окопными и прочими инженерными работами руководил «Петрушка Иванович» Гордон. Действиями последнего царь был весьма доволен. Так, 11 июня он писал князю-кесарю Ф. Ю. Ромодановскому: «А о здешнем возвещаю, что, слава Богу, все идет добрым порядком, и обозом город обняв кругом и после в шанцы в одну ночь вступили так близко, что из мелкого ружья стрелятца стали»⁶³. Схожая оценка дана и Желябужским в его «Записках»: «Азов осадили накрепко, и в шанцах засели, и неприятельским людям не мочно ни к городу, ни из города пройти ни которыми делы»⁶⁴.

Под начало Гордона были переданы и некоторые флотские операции, но в последних он, хотя и имел чин контр-адмирала, полученный за Кожуховский поход, не считал себя вполне компетентным, а потому постепенно уступил первенство в морских делах Петру I⁶⁵. Царю удалось не допустить прибытия в Азов подкреплений по морю. В частности, в «Дневнике» Гордона сохранились данные, что прибывшие в помощь турецкому гарнизону 4 тысячи янычар во главе со своим офицером – турначи-пашой – так и остались на море⁶⁶.

⁵³ См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1415. Л. 5, 14, 17–18, 28, 30, 34, 36–38, 40–41, 49–55 об.

⁵⁴ Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. С. 166.

⁵⁵ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 12.

⁵⁶ Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. С. 166–167.

⁵⁷ Подробнее см.: Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 376–377.

⁵⁸ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 14; Походный журнал 1696 года // Походные и путевые журналы императора Петра I. 1695–1708 годов. С. 55–56.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1415. Л. 278.

⁶⁰ Гордон П. Дневник, 1696–1699. С. 30.

⁶¹ Херд Г., Некрасов А. М. Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I. С. 201.

⁶² Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 28–31.

⁶³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 71.

⁶⁴ Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. С. 70.

⁶⁵ Походный журнал 1696 года. С. 9–20.

⁶⁶ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 34.

Генерал не только заботился о безопасности регулярных частей, чьи позиции он всячески укреплял, но и консультировал военные части из казаков, где им лучше разбить лагерь, и посылал своих солдат «укрепить и окопать оное»⁶⁷.

В корреспонденции Петра I содержатся сведения о почти ежедневных атаках крымской конницы на позиции русских войск⁶⁸. Против последних эффективно выступали русские регулярные части и казаки. И здесь успешнее других военачальников действовал Патрик Гордон. В фонде № 210 РГАДА сохранился список крымских татар, взятых за время Второго Азовского похода генералом. Всего им было пленено 25 татарских воинов, причем из них трое – весьма влиятельных: стремени и два бея, в том числе один турок. Для сравнения можно привести подобный же список пленных крымцев, взятых Головиным. Он скромнее как по численности, так и по составу: русскому воеводе не удалось полонить ни одного знатного воина⁶⁹.

В значительной степени успех во второй попытке взятия Азова принадлежит самому русскому войску: «нижние чины» армии просили военное руководство возвести земляной вал выше укреплений города, установить на нем артиллерию и таким образом взять город. Совет был принят, и его непосредственное осуществление было возложено на Гордона как наиболее опытного в инженерном деле военачальника⁷⁰. Кроме того, Гордон добился принятия решения на состоявшемся 3 июля военном совете о строительстве второго земляного вала, чтобы «обрушить их (турок. – К. С.) вновь повышенные укрепления и каменную стену»⁷¹.

Б. В. Лукин и Н. И. Потапов пишут о необычайном энтузиазме царских войск в возведении насыпи [Лукин, Потапов, с. 76], однако «Дневник» Гордона свидетельствует об ином. Генерал сетует на нерадение казаков, которыми «ничего не сделано». Не обошлось и без сопротивления среди русского военного командования, о чем Гордон лаконично сообщает: «Казалось, многие этому противятся»⁷². Кроме того, не все работы продвигались успешно из-за неопытности солдат и большинства офицеров петровской армии, которая фактически только начала формироваться. Так, например, Гордон сообщает, что 9 июля солдаты, заваливая ров, бросили слишком много связок сухого тростника и мешков навоза, чем немедленно воспользовались турки, спалив весь этот материал⁷³.

Под одну из стен турецкой крепости стали вести минную галерею. Согласно официальным документам, советниками Петра I (а с ним и Гордона) в этом деле были присланные курфюрстом Бранденбургским – союзником России в борьбе с Портой – военные специалисты. Ожидались также офицеры – военные инженеры от императора Священной Римской империи⁷⁴. В «Дневнике» Гордона сообщается об их прибытии лишь в конце осады – 11 июня: «Инженеры, минеры и фейерверкеры, присланные Римским императором, прибыли»⁷⁵. Анонимный британский автор отчета об Азовских походах отмечает: «Несколько инженеров и фейерверкеров прибыло в лагерь водным путем от курфюрста Бранденбургского, но для них уже почти не нашлось работы: русские продвигались к городу совершенно новым способом, которого те никогда не видели и не слыхали»⁷⁶.

⁶⁷ Там же. С. 32.

⁶⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 77.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1460. Л. 58.

⁷⁰ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 37.

⁷¹ Там же. С. 40.

⁷² Там же. С. 37–40.

⁷³ Там же. С. 42.

⁷⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 77.

⁷⁵ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 42.

⁷⁶ Херд Г., Некрасов А. М. Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I. С. 202.

Немецкие военные специалисты помогли в лучшей организации артиллерии⁷⁷, которой главным образом и наиболее успешно распоряжался Гордон, что привело к серьезным разрушениям турецких укреплений и пожарам в самом Азове⁷⁸. Когда русские войска вошли в город, то обнаружили, что он весь представляет «грудю щебня, в нем ни одного целого дома или хижины»⁷⁹.

18 июля азовский гарнизон капитулировал, и на следующий день русские войска с триумфом вступили в Азов. В письме боярину Т. Н. Стрешневу о сдаче османов Петр I кратко сообщает: «Вчерашнего дни Азовцы, видя конечную свою беду, здалися»⁸⁰. Более развернуто это событие представлено в «Дневнике» Гордона: турки потребовали почетную капитуляцию, а именно гарантировать им свободный выход из крепости «с их женами, детьми, оружием и имуществом», а также со знаменами⁸¹. Это описание сдачи гарнизона Азова полностью совпадает со сведениями И. А. Желябужского, получившего их с места боевых действий почтой⁸². Русское командование приняло условия капитуляции, однако в ходе ее осуществления сказалась недисциплинированность иррегулярных частей. Запорожские казаки массами повалили грабить город. Остановить их не смогли, и Гордон был вынужден приставить к наиболее именитым туркам охрану из своих солдат, дабы им не причинили ущерба⁸³. В городе русских ждали богатые военные трофеи – одних артиллерийских орудий было взято более 90. Кроме того, в руки петровской армии попали большие запасы пороха, олова, съестных припасов⁸⁴.

После того как Азов был взят, встал вопрос о срытии окружающих его русских траншей и фортов и укреплении самого города. Это ответственное дело Петр I поручил Гордону. Последний посчитал нужным привлечь к созданию нового плана укреплений имперских и бранденбургских офицеров и инженеров⁸⁵. Окончив все работы, Патрик Гордон вместе со своей дивизией и прочими русскими силами отправился в Москву, и на этот раз, как и во время Первого Азовского похода, возглавляя арьергард⁸⁶. Составление плана переустройства Азова и руководство строительными работами были поручены двум царским военным инженерам – барону Э. Ф. фон Борск Дорфу и французу на австрийской службе А. де Лавалю [Андрющенко, с. 80].

Традиционно в историографии освещение борьбы за Азов оканчивается его взятием. Вне поля зрения исследователей остаются события 1697 г. Весной этого года, когда Петр I уже отбыл в «Великое посольство», турки предприняли попытку вернуть себе Азов. В Темреке и Керчи высадился крупный османский десант под командованием Али-паши⁸⁷. На р. Кубани начали собираться отряды союзных Порте кочевников – ногайцев и др. Постепенно их число достигло 20 тысяч всадников⁸⁸.

1 апреля 1697 г. в Москве состоялся военный совет в отсутствие царя. Боярин и воевода Шеин поручил Патрику Гордону совершить быстрый марш-бросок через средние

⁷⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 77; Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. С. 73.

⁷⁸ Походный журнал 1696 года. С. 17.

⁷⁹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 47.

⁸⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 95.

⁸¹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 45.

⁸² Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. С. 79–80.

⁸³ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 45.

⁸⁴ Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. С. 83–84, 88.

⁸⁵ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 48–50.

⁸⁶ Там же. С. 52–54, 56–59.

⁸⁷ Там же. С. 89.

⁸⁸ Там же. С. 95.

и южные русские земли и не допустить взятия Азова⁸⁹. Уже 6 апреля, получив у католических священников, находившихся в Немецкой слободе, благословение, генерал с армией направился на юг страны⁹⁰. Как и ранее, ядро сил генерала Гордона составили бутырцы, которым было придано несколько тамбовских полков.

25 мая Гордон со своей пехотой прибыл в устье Дона. Вскоре к генералу пришла диспозиция от Шеина из Москвы, которую он считал не вполне удачной. Гордон «изменил оный, определяя кавалерию ближе к флангам»⁹¹.

Между тем захваченные Гордоном «языки» сообщили о подходе к Азову 300 конников противника. Русская кавалерия и казаки запаздывали, поэтому генерал посадил на коней своих пехотинцев и разослал по всей окружающей местности пикеты, дабы следить за передвижениями врага⁹². Вновь Гордону пришлось руководить инженерными работами, поскольку коменданты Азова стольник князь П. Г. Львов, а затем сменивший его в июне 1697 г. князь А. П. Прозоровский мало в том смыслили. Обозрев укрепления города, Гордон приступил к их расширению и формированию внешней линии обороны. Так, 25 мая, немедленно после прибытия на место, Гордон велел построить 3 укрепленных редута рядом с каланчами, «дабы служили внешней обороной и стерегли мосты»⁹³. 11 июня был намечен на противоположном от Азова берегу Дона форт, позднее именованный «Городом св. Петра». 14 июня по приказу Гордона русские солдаты «начали работать над горнверком, равелином и контргардой перед городом», а 28 июня он «установил штурмфалы»⁹⁴.

По сообщениям Гордона, в это время Шеин, пожалованный за взятие в прошлом году Азова чином генералиссимуса, получил инструкции из Москвы, в которых генерал именовался его первым товарищем. В то же время, не полагаясь лишь на свой собственный опыт, Гордон по поводу строительства новых укреплений консультировался с главным военным специалистом, прибывшим из Священной Римской империи годом ранее, инженер-генералом Антониусом де Лавалем⁹⁵. Как показывают многочисленные свидетельства «Дневника» Гордона, он учился не только у признанных европейских специалистов, но и у врагов, используя против них их же методы. По татарскому обычаю Гордон приказал «выжечь траву в полях, где неприятель должен пройти или разбить стан»⁹⁶.

Турки также не бездействовали. От пойманных «языков» стало известно, что командующий османами Али-паша с 10 тысячами своих солдат строит форт на устье р. Кубани. Кроме того, он собрал еще 27 тысяч кочевников и со всеми этими силами может обрушиться на Азов⁹⁷. Однако последнее турки так и не осуществили, а двинулись на Тавань. Крымский хан Селим-Гирей собрал все свои силы и вместе с янычарами и другой пехотой Али-паши двинулся к Тавани, стремясь отрезать стоявшие в этом районе русские силы. Возникла ситуация, что «когда эти силы сойдутся, они могут атаковать Тавань или, поскольку наши войска на другом берегу Днепра, хан с его силами может напасть на Украину и разорить страну»⁹⁸. По решению русского правительства, Гордон со своими силами был немедленно переброшен

⁸⁹ Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. С. 104.

⁹⁰ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 77.

⁹¹ Там же. С. 88.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 87.

⁹⁴ Там же. С. 90–91.

⁹⁵ Там же. С. 89, 92.

⁹⁶ Там же. С. 95.

⁹⁷ Там же. С. 96–97.

⁹⁸ Там же. С. 98.

на новое направление⁹⁹. Окончив боевые действия здесь, Гордон получил похвальную грамоту и вскоре со своей армией вернулся в Москву.

Таким образом, Патрик Гордон внес значительный вклад во взятие и удержание Азова. Безусловно, ключевая роль здесь принадлежит царю Петру I, однако царь во многом опирался на советы и действия своего «шкоцкого» генерала как наиболее талантливого из всех военачальников русской армии того времени. В этом случае сказался огромный опыт Гордона, который тот получил при обороне Чигирина в 1678 г., когда он тщательно изучил действия османов, обладавших в то время лучшими инженерными войсками. Сказалась также служба шотландца в ходе других военных кампаний в составе шведской, затем польской и, наконец, русской армий. Во многом из-за состояния источников надолго забытой оказалась заслуга генерала и в операциях на юге России в 1697 г., когда едва не был потерян лишь годом ранее завоеванный Азов. Единственным источником, подробно освещающим эти события, является «Дневник» самого Патрика Гордона.

Литература

- Аваков П. А. И. С. Мазепа и Азовские походы Петра I: историографические мифы и реальность прошлого // Украинский кризис: предпосылки, формы и проявления. Ростов-на-Дону, 2014. С. 191–205.
- Андрющенко О. В. Население и администрация города Азова в 1697–1711 годы. Воронеж, 2008. 282 с.
- Богословский М. М. Петр Великий: материалы для биографии: В 6 т. М., 2005. Т. 1. 535 с.
- Виноградов В. Н. Азовские походы, Великое посольство и мир с Турцией // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 60–70.
- Елагин С. И. Рождение русского флота. Азовский период. 1695–1711 гг. М., 2017. 368 с.
- Лукин Б. В., Потапов Н. И. Азовские походы Петра I (1695–1696 гг.). Ростов-на-Дону, 1940. 103 с.
- Майноленко Ю. Е. Русская артиллерия в Азовских походах Петра I и осаде Азова в 1736 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 56–61.
- Никитин А. О., Трибунский П. А. Рязанские солдатские полки в Азовском походе 1696 г. // Рязанская старина. Рязань, 2019. С. 58–67.
- Павленко Н. И. Петр I. М., 2007. 428 с.
- Павленко Н. И. Лефорт. М., 2009. 232 с.
- Романов М. Ю. «И на боях бились, не щадя голов своих...» (опыт реконструкции истории 18-го Московского стрелецкого полка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 149–160.
- Сень Д. В. Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (На примере ногайской Кубани) // Ногайцы. XXI век. История. Язык. Культура. Ростов-на-Дону, 2016. С. 87–92.
- Скобелкин О. В. Азовские походы Петра Великого и судьбы служилого населения Воронежского края // Воронеж – колыбель российского военно-морского флота. Воронеж, 1996. С. 52–54.
- Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. 7. Т. 14. 701 с.
- Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства». М., 2011. 525 с.
- Тарле Е. В. Сочинения: В 12 т. М., 1962. Т. 12. 534 с.
- Тепкеев В. Т. Калмыцко-донские отношения в период Азовских походов 1695–1696 гг. // Magna Absurgit. 2017. № 2. С. 7–13.
- Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого: В 6 т. СПб., 1858. Т. 1. 405 с.; Т. 2. 589 с.
- Федосов Д. Г. Летопись русского шотландца // Гордон П. Дневник, 1635–1659. М., 2000. С. 229–245.
- Федосов Д. Г. Последние походы // Гордон П. Дневник, 1696–1698. М., 2018. С. 211–250.
- Чепухин А. Г. Роль Валуек в Азовских походах 1695–1696 гг. // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2017. № 2. С. 74–78.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1644. Л. 615–625.

Чепухин А. Г. К истории Азовских походов Петра I: «Сергиев город, что на Дону у калачинских башен» // История военного дела: исследования и источники [Электронный ресурс]. 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. 1. С. 23–68. URL: http://www.milhist.info/2019/12/23/chevuxin_2 (дата обращения: 20.05.2021).

Шамин С. М. Торжества и панегирики по случаю взятия Азова в 1696 г. как фактор формирования европейской идентичности политической элиты России // Чтобы не переставала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла. К 75-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 290–304.

Massie R. K. Peter the Great. His Life and His World. New York, 1981. 543 p.

References

Andryushchenko, O. V. Naselenie i administratsiya goroda Azova v 1697–1711 gody [Population and Administration of Azov in 1697–1711]. Voronezh, 2008. 282 p.

Avakov, P. A. I. S. Mazepa i Azovskie pokhody Petra I: istoriograficheskie mify i real'nost' proshlogo [Mazepa and the Azov Campaigns of Peter I: The Myths of Historiography and the Reality of the Past]. In *Ukrainskii krizis: predposylki, formy i proyavleniya*. Rostov-on-Don, 2014. Pp. 191–205.

Bogoslovskii, M. M. Petr Velikii: materialy dlya biografii: V 6 t. [Peter the Great: Materials for the Biography: In 6 vol.]. Moscow, 2005. Vol. 1. 535 p.

Chepukhin, A. G. Rol' Valuek v Azovskikh pokhodakh 1695–1696 gg. [The Role of Valuiki in the Azov Campaigns of 1695–1696]. In *Belgorodskaya cherta: sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty*. Belgorod, 2017. No. 2. Pp. 74–78.

Chepukhin, A. G. K istorii Azovskikh pokhodov Petra I: “Sergiev gorod, chto na Donu u kalachinskikh bashen” [To the History of the Azov Campaigns of Peter the Great: “Sergiev City on the Don near the Lookout Towers”]. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [website]. 2019. Special Issue X. The Azov Campaigns of 1695 and 1696. Part 1. Pp. 23–68. URL: http://www.milhist.info/2019/12/23/chevuxin_2 (accessed May 20, 2021).

Elagin, S. I. Rozhdenie russkogo flota. Azovskii period. 1695–1711 gg. [The Emergence of the Russian Fleet. The Azov Period. 1695–1711]. Moscow, 2017. 368 p.

Fedosov, D. G. Letopis' russkogo shotlandtsa [The Annals of the Russian Scot]. In *Gordon P. Dnevnik, 1635–1659*. Moscow, 2000. Pp. 229–245.

Fedosov, D. G. Poslednie pokhody [The Last Campaigns]. In *Gordon P. Dnevnik, 1696–1698*. Moscow, 2018. Pp. 211–250.

Lukin, B. V., Potapov, N. I. Azovskie pokhody Petra I (1695–1696 gg.) [Azov's Campaigns of Peter I (1695–1696)]. Rostov-on-Don, 1940. 103 p.

Mainolenko, Yu. E. Russkaya artilleriya v Azovskikh pokhodakh Petra I i osade Azova v 1736 godu [The Russian Artillery in the Azov Campaigns of Peter I and the Siege of Azov in 1736]. In *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2011. No. 11. Pp. 56–61.

Massie, R. K. Peter the Great. His Life and His World. New York, 1981. 543 p.

Nikitin, A. O., Tribunskii, P. A. Ryazanskie soldatskie polki v Azovskom pokhode 1696 g. [Ryazan's Solders Regiments in the Azov Campaign of 1696]. In *Ryazanskaya starina*. Ryazan, 2019. Pp. 58–67.

Pavlenko, N. I. Petr I [Peter I]. Moscow, 2007. 428 p.

Pavlenko, N. I. Lefort [Lefort]. Moscow, 2009. 232 p.

Romanov, M. Yu. “Inaboyakhbilis', neshchadyagolovsvoikh...” (opyt rekonstruktsii istorii 18-go Moskovskogo streletskogo polka) [“On the Battles they Fought, not Sparing their Own Heads...” (The Experience of Reconstructing the History of the 18th Moscow Strelets Regiment)]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. Vol. 20. No. 2. Pp. 149–160.

Sen', D. V. Azovskie pokhody i ikh posledstviya v istorii Krymskogo khanstva. Rubezh XVII–XVIII vv. (Na primere nogaiskoi Kubani) [The Azov Campaigns and Their Consequences in the History of the Crimean Khanate. The Turn of the 17th – 18th Centuries (On the Example of the Nogai Kuban)]. In *Nogait'sy. XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kul'tura*. Rostov-on-Don, 2016. Pp. 87–92.

Shamin, S. M. Torzhestva i panegiriki po sluchayu vzyatiya Azova v 1696 g. kak faktor formirovaniya evropeiskoi identichnosti politicheskoi elity Rossii [Celebrations and Eulogies on the Occasion of the Capture of Azov in 1696 as a Factor in the Formation of the European Identity of the Political Elite of Russia]. In *Chetoby ne*

- perestavala pamyat' roditelei nashikh i nasha, i svecha by ne ugasla. K 75-letiyu Nikolaya Mikhailovicha Rogozhina.* Moscow, 2019. Pp. 290–304.
- Skobelkin, O. V. Azovskie pokhody Petra Velikogo i sud'by sluzhilogo naseleniya Voronezhskogo kraia [The Azov Campaigns of Peter the Great and the Fates of Military Population of the Voronezh Region]. In *Voronezh – kolybel' rossiiskogo voenno-morskogo flota.* Voronezh, 1996. Pp. 52–54.
- Solov'ev, S. M. Sochineniya: V 18 kn. [Works: In 18 books]. Moscow, 1991. Book 7. Vol. 14. 701 p.
- Tairova-Yakovleva, T. G. Ivan Mazepa i Rossiiskaya imperiya: istoriya "predatel'stva" [Ivan Mazepa and the Russian Empire: The History of the "Betrayal"]. Moscow, 2011. 525 p.
- Tarle, E. V. Sochineniya: V 12 t. [Works: In 12 vol.]. Moscow, 1962. Vol. 12. 534 p.
- Tepkeev, V. T. Kalmytsko-donskie otnosheniya v period Azovskikh pokhodov 1695–1696 gg. [The Relations between the Kalmyks and the Population of the Don in the Period of the Azov Campaigns]. In *Magna Absurgit.* 2017. No. 2. Pp. 7–13.
- Ustryalov, N. G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo: V 6 t. [The History of the Reign of Peter the Great: In 6 vols.]. Saint Petersburg, 1858. Vol. 1. 405 p.; Vol. 2. 589 p.
- Vinogradov, V. N. Azovskie pokhody, Velikoe posol'stvo i mir s Turtsiei [The Azov Campaigns, the Grand Embassy and the Peace with Turkey]. In *Slavyanskije narody Yugo-Vostochnoi Evropy i Rossiya v XVIII v.* Moscow, 2003. Pp. 60–70.

Kirill N. Stankov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

GENERAL PATRICK GORDON AND THE FIGHT FOR AZOV
AT THE END OF THE 17th CENTURY

Based on archival and published documents, the author of the article investigates the role of General Patrick Gordon in the Azov Campaigns of 1695 and 1696 and in the further fight for Azov in 1697 when the Russian troops stopped the Turks' attacks. Besides, the author of the article believes that it was Gordon who persuaded Peter I to attack Azov and not the Crimea in the fight against Turks and Crimean Tatars. The author states that Gordon commanded all the military works during these campaigns. He was a commander of the Russian troops sent to Azov in 1697.

Keywords: Patrick Gordon, Peter I, Azov Campaigns, Osman Empire, siege, onslaught

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.3+904 ББК 63.4(2) D ОI 10.25986/IRI.2021.86.4.007

А. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. labeliaev@bk.ru

С. Ю. Шокарев

РГГУ, Москва, Россия. shokarevs@yandex.ru

С. Г. Шуляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. firangel@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ РОДА КНЯЗЕЙ КУБЕНСКИХ В ПОДКЛЕТЕ СОБОРА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

В статье публикуются два надгробия и семь саркофагов (из них пять с надписями) рода князей Кубенских, ветви Ярославского княжеского дома, захиревшего после середины XVI в. Ранее они были известны не полностью, чтения надписей содержали ошибки, ряд биографий не прорабатывался, саркофаги оставались неизученными. Погребения занимают две ячейки в подклете Смоленского собора, где похоронены в одном ряду: Ульяна-Евпраксия, дочь князя Андрея Васильевича Углицкого, жена князя Ивана Семеновича Кубенского; ее сын Иван Иванович, казненный Иваном Грозным; его вдова Анна-Александра (в девичестве Воротынская). В другой ячейке погребены жена брата И. И. Кубенского, Михаила, Мария с их дочерью Еленой-Гликерией, женой известного боярина Петра Васильевича Морозова. Дано археологическое описание контекста, памятников и саркофагов как предметов, эпиграфический анализ, а также очерк генеалогии погребенных.

Ключевые слова: Москва, XVI век, археология монастырей, некрополь, эпиграфика, надгробия, саркофаги, генеалогия, русская знать

Статья написана в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение».

Работы Новодевичьей экспедиции Института археологии РАН в 2017–2020 гг. в подклете Смоленского собора поставили ряд вопросов по генеалогии, развитию исторической памяти и церковного поминания в Московском царстве. Они решаются путем анализа конкретных плит и саркофагов (см. обзор: [Беляев, Григорян, Шуляев]; отдельные сюжеты: [Беляев, Топычканов; Беляев, Шокарев, Шуляев; Беляев, Корзинин]). Данная статья посвящена рассмотрению самой крупной серии памятников второй трети XVI в., принадлежащих роду князей Кубенских. Они заполнили западную и центральную части северного нефа в подклете. Всего саркофагов семь (пять подписаны, два безымянные), но мы рассмотрим девять объектов, поскольку при двух древнейших погребениях сохранились надгробия.

Надгробия не раз описаны, включены в своды, использованы как источник по истории собора. Их знали уже Г. Ф. Миллер и его помощники, впервые опубликовавшие списки погребенных¹. Они вошли в «Московский некрополь»², а позже – в свод ранних надписей Москвы [Гиршберг, с. 3–77] и на план, восходящий к чертежу 1887 г. [Трубникова, рис. 1].

Саркофаги, напротив, были доступны обзору лишь однажды, при реставрации 1880-х гг. Их видел А. А. Мартынов и архитекторы-реставраторы (см.: [Подсоборный склеп]), составившие план погребений. Сами гробы до работ экспедиции Института археологии РАН не обмеряли, не фотографировали и не публиковали. Поэтому начнем с планиметрии, описания сооружений и эпиграфики, а затем дадим историко-генеалогический комментарий.

Топографически саркофаги рода князей Кубенских делятся на две группы, вписанные в ячейки, ограниченные фундаментными лентами: четыре гроба в центральном поперечном нефе и три в западном. Саркофаги вкопаны в предматериковую темно-серую почву и в материк, от пола их отделял тонкий слой подсыпки и подбутовки. Все они антропоморфны. Надписи по графье, вязью, врезным шрифтом; буквы вытянутых пропорций; канавки маcht трехгранные, подсечки выраженные и читаются ясно. Из надгробий в одном, князя И. И. Кубенского, использована обронная резьба.

Саркофаги не вскрывали ни мы, ни наши предшественники. Надгробия же перемещали при ремонтах подклета и перекладке полов (первый пол – из кирпича завода А. Гусарева на извести, 1880-х гг.; второй – советская стяжка на бетоне). Мы нанесли все саркофаги и памятники на обмерный план, присвоив учетные номера (если погребение имеет и плиту, и саркофаг, то получает единый номер с литерой *n* или *c*). Эти номера указываем, другие топографические привязки (участки, квадраты и т. п.) опускаем. Описание начнем с объектов более древних, сосредоточенных в центральном нефе. Это четыре саркофага и две плиты.

Первой из Кубенских похоронили Ульяну/Евпраксию, дочь князя Андрея Васильевича Углицкого, супругу князя Ивана Семеновича. Ее плита лежала у северной стены собора, на подставке из кирпича конца XIX в., на известковом растворе в два слоя. Под ней открылся саркофаг с надписью. На обоих указана дата смерти: 15 мая 7045 (= 1537) г. (Рис. 1, объекты 62п и 62с).

Надгробие есть на плане О. А. Трубниковой (№ 4) и в каталоге В. Б. Гиршберга (№ 33). Его особенности важны для хронологии, рассмотрим их подробнее. В 1950-х гг., описывая ранние плиты подклета, В. Б. Гиршберг отнес камень к введенному им же типу брусковых, то есть таких, у которых ширина и высота близки, а длина намного их превышает³. Это не совсем так. Согласно В. Б. Гиршбергу, размеры плиты 163 × 29 × 27 см. На самом деле, длина (133 см) и высота (от 17 до 13 см) гораздо меньше, а ширина в изголовье на четверть больше – 38 см (в ногах 28 см)⁴. Это лишь немногим короче и уже, чем типовой камень XVI–XVII вв. Перед нами не «брусок», а обычная трапециевидная невысокая плита. Размер продиктовала теснота подклета: плиты не должны мешать движению, оставляя место новым погребениям. Эта логика в целом прослеживается: в подклете мало плит «уличного» размера. Что касается

¹ Надписи, находящиеся в Новодевичьем монастыре в церквах и в разных местах над умершими // Древняя российская вивлиофика. СПб., 1791. Ч. 19. С. 293–304 (далее – ДРВ).

² Московский некрополь / Николай Михайлович, вел. кн. (автор предисл. и изд.); Саитов В. И., Модзалевский Б. А. СПб., 1907. Т. 1.

³ Далее размеры плит указываем в последовательности: длина – ширина в изголовье – ширина в ногах – высота в головах – высота в ногах (если отличается). Для саркофагов так же, но дается максимальная ширина (по линии плеч).

⁴ В. Б. Гиршберг описывает надгробия как сделанные из песчаника, в то время как использован белый камень, то есть известняк.

типа брусовых надгробий, то он, кроме двух камней в подклете Смоленского собора, нигде не встречен – это не тип, а девиация.

Более значим другой отличительный признак – отсутствие орнамента: искусно выполненная надпись в 8 строк заняла лицевую грань целиком. Характерные признаки в эпиграфике: ромбические кузовки для аз; умеренное применение лигатур и выносных букв; отточия между буквами в дате.

В. Б. Гиршберг отметил как особенности «подстрочную» букву *о* в третьей строке («Иванова») и последнюю в седьмой строке *ять*, треугольный кузовок которой повернут в левую сторону. На самом деле, *о* вписана в строку на ее нижнем уровне, а для концевой *ять* просто не осталось места: ее выдвинули из строки, уменьшили и начертили почти как граффито, упростив и повернув кузовок. Оформление дат с разделением точками и промежутками тоже довольно обычно во второй трети XVI в. Это все обычные приемы в эпиграфике XVI–XVII вв., эпиграфика отвечает дате 1537 г., и нет оснований ставить вопрос о более позднем исполнении надписи или всего камня, как это делали (см.: [Кавельмахер]).

Текст:

ЛБ^Т(а) · З · М · Е · МАІ
 Я · ЕІ · ПРЕ^СТАВИ^С(я)
 КН(я)ЖЕ ИВАНОВА
 СЕМЕНОВИЧА
 КУБЕ^НСКОГО КНЯ
 ГИН^А ІУЛИЯНА
 ІНОКА ЕУПРА^ЗѢ
 Я

Второй элемент погребения – саркофаг. В плане это выраженный трапециод; изголовье плавного рисунка, округлое, но в верхней части спрямленное; плечи широкие; размеры 192 × 71/44 см. Крышка составная, надпись в шесть строк покрывает ее почти целиком от линии плеч, кроме оглавья и части изножья. Графья верхних строк проложена под углом, и резчик сделал широкий пробел между четвертой и пятой строками, чтобы миновать стык крышки, но это не удалось: выносные элементы пятой строки попали на верхнюю половину, как бы связав части крышки.

Текст:

ЛБ^Т(а) ЗМЕ МАЯ ЕІ ПРЕ^С
 ТАВИ^С(я) КНЯ^З(я) ИВАНОВА СЕМЕ
 НОВИ^Ч(а) КУБЕ^НСКО^Г(о) ІНОКА КН(я)ГИН(я)
 ЕУПРА^ЗѢЯ ДОЧИ КНЯ^З(я)
 АНДР^ЪЯ ВАСИ^ЛЕВИ^Ч(а)
 УГЛЕ^ЦКО^Г(о)

Два надгробных текста близки, но не тождественны: на крышке указано иноческое имя (Евпраксия), но нет мирского (Ульяна), зато оно есть на плите; на плите есть только имя мужа (князь Иван Семенович Кубенский), но имя отца (князь Андрей Васильевич Углицкий) – только на саркофаге. Дата смерти (15 мая 7045 = 1537 г.) одинакова на обоих.

Эпиграфически надписи саркофага и плиты сходны, что устанавливает хронологическое соответствие обоих камней друг другу и дате, указанной в надписях. Отметим удвоенное *твердо*: буква с тремя мачтами проставлена во второй строке, но добавлена и выносная надстрочная с одной мачтой.

Рядом с плитой княгини Ульяны лежало надгробие ее сына, князя Ивана Ивановича Кубенского, хорошо известного источникам (Рис. 1, объекты 63п и 63с). На плите указана точная

дата его смерти: князя казнили, согласно летописи, 21 июля 7054 (= 1546) г. Плита и правда необычна: она длиннее и уже, чем плита матери, это действительно брусок: 140 × 28 × 16 см. В. Б. Гиршберг (№ 42) не указал размер, подчеркнув лишь, что это брусчатое надгробие и один из первых могильных камней, где надпись нарезана выпуклой рельефной резьбой.

Согласимся с этим. В литературе второй половины XX в. утвердилось мнение, что обронная резьба появилась на плитах только в XVII в., но это лишь время наибольшего распространения. На нашей плите оброном выполнены отдельные строки, в то время как у надписей XVII в. всегда углублено поле целиком. Примеры же «построчной» обронной резьбы дает пока только первая половина XVI в.: фрагмент из Спасского собора Андроникова монастыря [Гиршберг, № 104, с. 48, табл. 6, рис. 1]; из пригорода Москвы (Народная улица) с датой: 1519 г. [Беркович, Егоров, с. 591–593] и др. [Беляев, Топычканов, с. 95].

Обронные плиты часто несут нестандартные элементы декора. Есть они и здесь. Перед словом ЛЕТА нарезана колонка с двумя овально-гранеными бусинами и тремя квадратно-ромбическими перехватами. Она декорирует начало текста, служа «буквицей». Похожая колонка, но с уменьшенным числом элементов разделяет в третьей строке слова ПРЕСТАВИСЯ и КНЯЗЬ. Чтобы заподозрить в них декоративные буквы (в первом случае – *веди*, во втором – *йота*) нет грамматических оснований. В московской эпиграфике такие вставки не приняты, но витая колонка открывает надпись на плите Анфисы Годуновой 1603 г. [Беляев, Корзинин]. Возможно, резчик вставил ее, подражая искусно выполненному образцу на соседней плите.

Далее последняя строка подчеркнута сплошной линией в виде валика, а чуть ниже середины камня искусно вырезан рельефный равноконечный крест с процветшими концами и перехватами на ветвях; в полях между ветвями – циркульные выпуклые бусины. Знак креста на плитах в XVII в. встречается редко, но примеры есть: плита инок Епифания 1512 г. из Высоко-Петровского монастыря [Беляев, Григорян, Савельев, с. 22, рис. 7].

Текст нарезан с большим тщанием, но логичнее смотрелся бы в вертикальной позиции: надпись в пять широких строк заняла лишь верхнюю половину плиты. Буквы нарезаны толстыми валиками и расставлены шире чем обычно. Признаки вязи немногочисленны: лигатуры, надстрочные и вписанные друг в друга элементы. Возможно, резчик учел манеру надписи на лежавшей рядом плите княгини Ульяны: он ввел нижние О, ромбические кузовки на мачтах для буквы аз и выделил отдельные слова и цифры в дате пробелами.

Текст:

■ ЛѢТА ⁂З Н Д
Ю^А(я) КА Д(е)НЬ ПРЕ
СТАВИ^С(я) ■ КНЯЗЬ(ь)
ИВАНЪ ИВАНОВИ^Ч
КУБЕНЬСКО^И

+

По непонятной причине (объяснений чтения не приведено) В. Б. Гиршберг разделил вполне слитно написанные цифры КА, трактуя их отдельно: «в А день», и получил дату смерти 1 июля, хотя тут же цитирует слова Постниковского летописца о казни князя И. И. Кубенского «июля в 21 день»⁵ и указывает, что в ДРВ (С. 301) стоит дата 21 июля.

Брусковые надгробия подозревают в анахронизме, что, с учетом недавно доказанного и бесспорно существовавшего обычая повторения плит [Беляев, 2018а], следует принять во внимание. В. В. Кавельмахер полагал, что брусковые надгробия в соборе изготовлены гораздо позже совершения погребений, ссылаясь на необычный размер и обронную резьбу.

⁵ Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Изд. М., 1954. Т. 46. С. 286.

Он использовал это допущение, подбирая аргументы для поздней датировки Смоленского собора (чему даты камней явно мешали). Не возвращаясь к вопросу о дате закладки здания, отметим, что поздних признаков у камня нет. Обронная резьба, вставка-колонка, крестик – редкие детали, но указывают они скорее на особое внимание к камню, чем на позднюю дату.

Трудно принять и мысль о единовременном переоформлении камней: надгробие матери, лежащее рядом, нарезано в совершенно ином стиле и явно аутентично. У камней есть особенности, это не типовые кладбищенские плиты – но они имеют аналоги именно в XVI, а не в XVII в. Легко допустить, что родные заказали казненному дорожное и богато украшенное надгробие. Вполне отвечают второй трети XVI в. формы букв.

Точно под надгробием находился саркофаг (208 × 64/43 см) с двухчастной крышкой, округлым оглавием и спрямленными плечами. Надпись на крышке в три строки обычными врезанными буквами. Текст тот же, что на плите, за одним исключением: князь назван благоверным. Отметим, что и здесь дана верная дата: 21 июля. Читается:

ЛѢ^Т(а) ЗНД . Ю^А(я) . КА . ПРЕСТАВИ^С(я) БЛ(а)ГО
ВѢ^РНЫЙ КНЯ^З(ь) ИВА^Н ИВАНОВИ^Ч
КУБЕ^НСКОЙ

В отношении эпиграфики надпись мало отличается от начертания на крышке саркофага матери, княгини Ульянии, та же уверенная рука резчика. Отметим щегольское исполнение оук в родовом имени *Кубенской*.

Третий саркофаг в ряду князей Кубенских принадлежит вдове князя Ивана Ивановича, в иночестве Александре: она пережила мужа примерно на пять лет и умерла 18 июня 7059 (= 1551) г. (Рис. 1, объект 64). Ее каменный гроб, как и гроб свекрови, короче саркофага мужа (186 × 68/43 см), очертания изголовья мягче. Крышка из двух частей. Надпись в три строки нанесена в абсолютно той же манере и близким почерком, что предыдущие. Читается:

ЛѢ^Т(а) ЗНѠ Ю^Н(я) ИИ ПРЕ^СТАВИ^С(я) КНЯ^Ж
ИВАНА ИВАНОВИ^Ч(а) КУБЕ^НСКО^Г(о) КН(я)ГИН^Я
ИНОКА АЛЕ^ѦНДРА

Плиты над саркофагом, по крайней мере в XVIII в., не было: в ДРВ она не учтена. О погребении узнали в 1880-х гг., при перекладке пола. «Московский некрополь», по записям А. А. Мартынова и со ссылкой на него, указывает: «Кубенская, княгиня Александра, инокиня, жена князя Ивана Ивановича Кубенского, ум. 18 июня 7078 (1570) г. (Новодевичий монастырь. – Записи А. А. Мартынова, ркп. у А. А. Титова)»⁶. Видимо, его обозначили на плане 1878 г., и О. А. Трубникова поместит его на свой план под номером 41, кратко подписав: «Княгиня А. Кубенская. 1570 г.» В сводку В. Б. Гиршберга оно не попадет, почему – не ясно.

Очевидно, что везде описано одно и то же погребение. Разница в дате смерти на 20 лет (вместо 1551 г. – 1570-й) объяснима. На плите *после земли* (7000), идут два знака, расположенные друг над другом: *иже* сверху, *фита* снизу. Прочерченная линия графы над двумя мачтами *иже*, а также попавший в ее косую планку раствор заставили, видимо, принять букву за *покой*. У *фиты* внутри нет планки, и, хотя боковые засечки вполне ясны, при слабой расчистке букву могли принять за *он*, вместо 7059 получив 7078, и вместо 1551 г. 1570-й. К тому же письменные источники позволяли считать, что инокиня жила еще в конце 1560-х гг. Вообще, идентификация инокини Александры (в миру Анны) потребовала дополнительных исследований (см. ниже).

Последний из четырех в этом ряду, южнее саркофага Анны/Александры, каменный гроб, вероятно, принадлежал члену той же семьи (Рис. 1, объект 65). У него трапециевидное оглавье, а линия плеч прямая, без округлостей; размер близок двум женским саркофагам:

⁶ Московский некрополь / Николай Михайлович, вел. кн. (автор предисл. и изд.); Саитов В. И., Модзалевский Б. Л. СПб., 1907. Т. 2. С. 116.

183 × 64/38 см. Крышка, в отличие от предыдущих, цельная; ее поверхность повреждена, но надписи нет. В описаниях подклета гроб не упомянут. Топография и морфология указывают, что это последнее по времени захоронение в ряду: угловатые изголовья пока не отмечались ранее середины – второй половины XVI в. [Беляев, 20186].

Сделаем промежуточный вывод. Следует отказаться от идеи разрыва саркофагов и надгробий: они синхронны. Все пять надписей, а особенно на крышках саркофагов, эпиграфически близки. Общий строгий строй вязи, тонкая графья, вытянутый характер букв. Ромбические кузовки для аз с углом у середины мачты повторяются с известной назойливостью, они обычны в надписях с 1530-х гг. Все это, однако, не свидетельство переоформления, но указание на устойчивость приемов резьбы в монастырской мастерской. Ведь промежуток, когда нарезаны надписи, всего 14–15 лет (1537–1551).

Обратимся к погребениям второй группы рода князей Кубенских, в северо-западном углу подклета. Здесь рядом друг с другом стоят два более крупных саркофага с округлыми оглавьями. Между северным и стеной храма уложен третий, детский или младенческий, по форме не отличающийся от взрослых (Рис. 1, объект 74). Ранее он известен не был. Толщина его крышки 5 см; несмотря на небольшой размер, 78 × 36/30 см, она состоит из двух частей и на 6 см длиннее саркофага, выступая в головной части; края в оглавье сильно окатаны. Небольшие саркофаги для младенцев хорошо известны на кладбищах знати XVI–XVII вв. в Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале, Знаменской церкви Новоспасского монастыря [Беляев, 2013; Беляев, Медникова] и др.

Саркофаг вкопан в верхнюю часть более ранней могильной ямы, врезанной в материк параллельно стене собора и заполненной темно-серой супесью с желтоватым песком и редкими включениями крошки извести. Эта могила (объект 82, в плане 180 × 50 см) тоже относится к некрополю подклета и следует его ориентации, а не унаследована от предшествующего кладбища. Вполне вероятно, что это погребение кого-то из семьи князей Кубенских. Сам саркофаг стоит между фундаментом собора и объектом 61, к которому прислонен краем. Таким образом, всего в ячейке не менее четырех погребений.

Саркофаг дочери М. И. Кубенского, Гликерии Морозовой [Гиршберг, № 101; Трубникова, № 6], крупный (201 × 70/42 см), крышка составная, толщиной 17 см (Рис. 1, объект 61). Надпись в 4 строки. Текст:

КНЯ^Ж МИХАИЛОВА ДО^Ч КУБЕ^Н
СКО^Г(о) ГЛИК^Ь^Р(и)А ПЕТРО
ВА ЖЕНА ВАСИ^АЕВИ^Ч(а)
МОРОЗОВА

Вплотную к нему с юга стоит саркофаг матери Гликерии, Марии, супруги М. И. Кубенского [Гиршберг, № 102; Трубникова, № 7]. Размер 201 × 69/38 см, крышка составная, толщиной 15 см (Рис. 1, объект 60). Надпись в 3 строки. Текст:

КНЯ^Ж МИХАИЛОВА ИВА
НОВИ^Ч(а) КУБЕ^НСКО^Г(о) КНЯГИН(я)
МА^Р(и)Я

Саркофаги отличает массивность. Они длиннее и шире, длиной более 2 м и шириной около 70 см, в то время как из первых четырех самый длинный – 190 см при ширине всего 40 см. Отличаются и надписи: они не содержат дат, формул упокоения и указаний на иночество (постриг не был принят?), но отмечены имена и родственная принадлежность. Известно, что саркофаги иногда помечали только именем или частью надписи, видимо, чтобы не спутать при перемещении [Некрополь русских великих княгинь]. Смысл полноценной надписи на крышке вообще до сих пор не вполне ясен, поскольку она была недоступна после погребения.

Эпиграфически обе надписи похожи, но не тождественны: аз с ромбическим кузовком и выносы одинаковы, зато я пишутся очень по-разному.

Надгробий, видимо, не было. В XVIII в. их не отметили, а в «Московский некрополь» и на план 1887 г. Мария и Гликерия попали потому, что крышки увидели при перекладке пола и оставили доступными обозрению через общую ячейку в полу, оконтуренную трапециевидной в плане кирпичной кладкой размером 205 × 170 (запад) / 130 (восток) см из кирпича 29 × 15 × 8 см на цементном растворе, частью из кирпичей вторичного использования.

Скажем о планиметрии и хронологии. Точных сведений, как развивался некрополь, нет. Основной стороной для погребений была северная, а не южная, как обычно. Вряд ли начали хоронить от западного угла на восток – этому противоречит размещение погребений Ульяны Захарьиной (1533 г.) и Ульяны, княгини Кубенской (1537 г.). К тому же два крупных саркофага на западе похожи на поздние модели, а не на ранние, да и письменные источники (о них ниже) не позволяют видеть здесь первые погребения.

Не удается уточнить хронологию развития некрополя и через анализ строительных элементов. Даты закладки собора и фундаментных лент для усиления несущей способности стен и столбов неизвестны. При реставрационных исследованиях достигнут консенсус: здание датировать 1540-ми гг. Но закладка подклета могла произойти раньше, а ленты появились позже начала строительства. Погребая Кубенских, эти ленты учитывали: саркофаги четко вписаны в их ячейки, слегка задевая края. Так, для погребения инокини Александры (1551 г.) у ее изголовья подрубили край западной ленты, чуть тронув и восточный. Саркофаг Ульянии Кубенской уложен не строго по оси стены, он следует уступу фундамента и явно положен после закладки собора [Беляев, Григорян, Фролов, Шуляев]. Если так, то фундамент подклета заложен до 1537 г., а ленты – до 1551 г. В центральном нефе, к югу, в фундаментную ленту между столбами врублена могила Анфисы Годуновой (1605 г.), а к западу – Турунтаевой-Пронской (1570 г.). Это надежный, но слишком поздний *terminus ante quem*, к 1570 г. некрополь князей Кубенских уже сформировался.

Подчеркнем, что высказанная в прошлом В. В. Кавельмахером мысль о позднем происхождении надгробий князей Кубенских и «брусовых надгробий», а также о перезахоронении саркофагов не подтверждается: комплекс следует датировать как возникший в 1537–1551 гг. Соотношение погребений князей Кубенских и фундаментов, синхронность их плит и саркофагов – новые факты в хронологии собора и его некрополя.

Отметим, что 7 каменных гробов семьи князей Кубенских – почти половина от отмеченных 15. Неучтенные саркофаги могут стоять в некоторых склепах из кирпича, но гробы Кубенских все равно составят не менее трети (в глубоких могилах саркофагов, видимо, нет). На других некрополях XV–XVII вв. число саркофагов обычно от двух-трех до одного-двух десятков.

Итак, в нашем распоряжении три датированных саркофага представителей двух поколений одной семьи князей Кубенских, погребенных за срок менее 15 лет (1537, 1546, 1551 гг.), плюс один без надписи, видимо, после 1551 г., и, в отдельной группе, еще три недатированных, но принадлежащих к линии князя Михаила.

Чтобы прояснить картину, обратимся к источникам по генеалогии. Кубенские – удельная ветвь Ярославских князей, их родовой удел, Кубена и Заозерье, перешел к великим князьям московским в середине XV в.⁷, что, возможно, было возмещено землями в других уездах, где они могли получить широкий, «напоминающий княжеский иммунитет» [Кобрин, с. 67].

⁷ ДДГ. М., 1950. С. 128, 146, 195; Родословная книга по трем спискам, с предисловием и азбучным указателем // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. Материалы. С. 57, 58; Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 50.

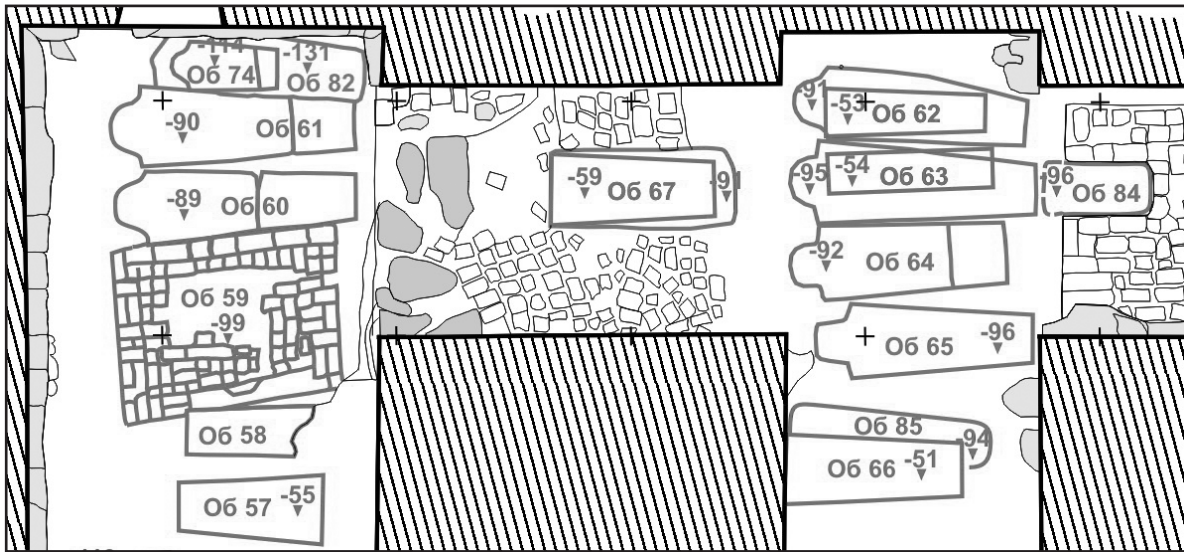

Рис. 1. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северный неф: западная угловая и центральная ячейка. Схема по обмерному плану 2017/2018 гг.

В родословных первыми Кубенскими князьями называются Андрей (св. Иоасаф Каменский) и Семен, сыновья князя Дмитрия Васильевича Заозерского (умер до 1436 г.); их сестра Софья была замужем за князем Дмитрием Шемякой. Согласно родословцам, Кубенский удел перешел к Семену Дмитриевичу от тестя, князя Ивана Дмитриевича Дея Ярославского (вариант: на дочери Дея женился князь Андрей)⁸.

Известны два сына князя С. Д. Кубенского: князь Иван Большой и князь Иван Меньшой Шалуха (Шолуха, Шелуха). Один из них писал данную грамоту В. Б. Тучко Морозова на земли в Нерехотской волости Костромского уезда, пожалованные в Троице-Сергиев монастырь (дата документа: 1467–1474 гг.). И. С. Кубенский (также неясно – Большой или Меньшой) в походе на Вятку в 1489 г. был вторым воеводой судовой рати. В феврале 1500 г. И. С. Кубенский Большой участвовал в церемонии свадьбы князя В. Д. Холмского и княжны Феодосии, дочери Ивана III («ходил у саней»). В апреле того же года Иван Большой был направлен послом к крымскому хану Менгли-Гирею и вскоре умер в Крыму. Иван Меньшой в 1495 г. был в числе князей и детей боярских, сопровождавших Ивана III в походе на Новгород. В духовной В. Б. Тучко Морозова (до 27 января 1497 г.) он упоминается в числе заимодавцев и как душеприказчик⁹.

Видимо, оба князя Ивана не проявляли активности и мало продвинулись на великокняжеской службе. Но Иван Большой состоял в близком родстве с великокняжеской династией, женившись на дочери князя Андрея Васильевича Большого Углицкого (1446–1493), брата Ивана III (см. о ее надгробии и саркофаге выше). Андрей Углицкий был арестован по приказу старшего брата в 1491 г. и умер в заточении. До или после ареста удельного князя заключен этот брак? Вероятно, до ареста. Об этом косвенно свидетельствует различие в судьбе дочерей и сыновей углицкого князя. Дочери, в замужестве княгиня Кубенская и княгиня Курбская, не подверглись преследованиям и не были пострижены в монахини, как это бывало в случае опалы с девушками из знатных семейств. Сыновья, Иван и Дмитрий, несмотря

⁸ Родословная книга по трем спискам, с предисловием и азбучным указателем. С. 57, 58; ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 21; Памятники истории русского служилого сословия. С. 50; [Семячко, с. 166].

⁹ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 272, 273, 523, 524; Разрядная книга 1475–1598 / Подгот. текста, ввод. ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 17, 21, 25; [Зимин, с. 94].

на отроческий возраст, были заключены в темницу, где выросли, состарились, а затем умерли: первый – в монашестве, второй – вскоре после освобождения [Панова].

Согласно надгробной надписи, княгиня Ульяна Кубенская скончалась 15 мая 1537 г. Косвенно можно определить дату ее рождения. Брак родителей, князя Андрея Углицкого и княжны Елены Романовны Мезецкой, состоялся 27 мая 1470 г., а 2 апреля 1483 г. княгиня Елена умерла¹⁰. Н. К. Голейзовский [Голейзовский, с. 22, 23] рассчитал даты рождения сыновей углицкого князя Ивана и Дмитрия как 1480 и 1482 гг. Значит, дочери Андрея Большого родились в 1470-е гг., причем в родословной книге старшей именуется супруга князя А. Д. Курбского, а младшей – Ульяна, супруга князя И. С. Кубенского Большого¹¹. Это говорит также о том, что брак был заключен до опалы на Андрея Углицкого, к 1491 г. они уже достигли брачного возраста.

Судя по тому, что Ульяна приняла в монашестве имя Евпраксия, ее крестильное имя («прямое» или «молитвенное») начиналось на букву «Е», а имя Ульяна было публичным. Вкладная книга Новодевичьего монастыря содержит поминовения княгини-инокини Евпраксии Кубенской: «на годину» 15 мая и на память преподобномученицы Евдокии 1 марта. Те же даты поминовения княгини внесены и во вкладную книгу Кирилло-Белозерского монастыря¹². Итак, в крещении Ульяна носила имя Евдокия, а публичное имя получила в честь Ульяны, день поминания которой 4 марта находится в непосредственной близости от памяти преподобномученицы Евдокии.

Сыновья князя И. С. Кубенского Большого и княгини Ульяны-Евдокии – Михаил и Иван Ивановичи – крупные деятели времен малолетства и юности Ивана IV Грозного.

Князь Иван Иванович с февраля 1524 г. занимал должность дворецкого Большого дворца. В 1526 г. он ездил в свите Василия III в Тихвин. Во время предсмертной болезни Василия III князь Иван Иванович упоминается в летописи как приближенный великого князя. По мнению Н. Е. Носова и М. М. Крома, князь являлся одним из наиболее влиятельных лиц при Елене Глинской [Носов, с. 294, 295, 298; Кром, с. 109]. Однако А. Л. Корзинин установил, что чин боярина князь Иван Иванович получил не ранее 23 мая 1540 г., сохранив должность дворецкого [Корзинин, с. 71, 72]. К 1535 г. относятся серебряный ковш князя (хранится в Оружейной палате); та же дата и имя «князя Ивана Ивановича» (очевидно, Кубенского) на подсаадачном ноже из собрания ГИМ. Скорее всего, эти предметы оказались в казне после опалы князя И. И. Кубенского, о которой – далее [Постникова-Лосева, с. 168, 169; Пчелов]. После смерти правительницы (+ 4 апреля 1538 г.) Кубенский продолжал занимать видное положение при дворе, примыкая к боярской группировке князей Шуйских [Кром, с. 235, 250, 265; Кубенский Иван Иванович, князь // Правящая элита Русского государства]. К этому периоду относятся детские воспоминания Ивана IV о том, как князь Кубенский сопровождал его во время богомолья в Троице-Сергиев монастырь¹³.

16 декабря 1544 г. «положил князь велики опалу свою на князя на Ивана Кубенского за то, что они великому государю не доброхотствовали и его государству многие неправды чинили, и великое мздоимство учинили и многие мятежи, и бояр без великого государя веления

¹⁰ ПСРА. Т. 12. С. 123, 124, 214.

¹¹ Памятники истории русского служилого сословия. С. 22.

¹² Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря: [в 2 вып.] / АН СССР, Институт истории СССР; под ред. В. И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. Ч. 1. С. 186, 196; Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4 (19/20). С. 32.

¹³ Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, пер. и коммент. Я. С. Лурье; Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 2005 (репринт. воспроизведение издания 1951 г.). С. 360.

многих побили»¹⁴. Князя отправили в заточение в Переяславль, причем в ту же тюрьму, где незадолго до этого сидели братья его матери, князья Иван и Дмитрий Углицкие. Опала продолжалась полгода, в мае 1545 г. Иван IV Кубенского «пожаловал... изъ нятства выпустил». Князь Иван Иванович занял прежнее положение, однако 5 октября 1545 г. Иван IV вновь наложил на него и других бояр опалу: «за ихъ неправду». Вскоре, в декабре того же года, Иван IV бояр «пожаловал», простил¹⁵. Непонятно, были ли эти опалы следствием придворной борьбы или гневливого характера юного государя. Загадкой окружена и гибель князя И. И. Кубенского в 1546 г.

В мае 1546 г. Иван IV отправился «на Коломну» и расположился в Голутвине монастыре. Молодой государь проводил время весьма своеобразно: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры и сеял гречиху; и иныя потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался», – свидетельствует Пискаревский летописец¹⁶ (подробнее об этом: [Мазуров, с. 22–31]). Во время «стояния» на Коломне разгорелся конфликт в войске – в драке между новгородскими пищальниками и дворянами, охранявшими царя, были убиты несколько человек. Иван IV поручил расследовать этот инцидент дьяку В. Г. Захарову-Гнильевскому. Возможно, что дьяк (или кто-то за его спиной) воспользовался этим, чтобы устранить конкурентов из среды высшего боярства. Захаров «оклеветал ложными словесы» бояр Кубенского, Ф. С. и В. М. Воронцовых, и 21 июля бояр казнили: «всем трем головы посекали, а отцов духовных у них перед их концем не было» [Кром, с. 319–323]. Лишив опальных предсмертной исповеди, Иван IV все же разрешил похоронить их в родовых усыпальницах: «и взявша их по повеленью по великого князя приятели их и положиша их, где же которой род кладетца»¹⁷. В результате этого распоряжения князь И. И. Кубенский оказался похоронен в Смоленском соборе, рядом с матерью.

М. М. Кром замечает, что расправа над Кубенским стала шоком для родных князя. Сохранилось утешительное послание инок Иосифо-Волоцкого монастыря Фотия, адресованное вдове князя. В нем Фотий именует князя Кубенского мучеником и говорит, что Бог «кровию мученическою вся грехи его омыл» [Кром, с. 318].

Князь И. И. Кубенский был женат на княжне Анне Ивановне, дочери служилого князя и воеводы Ивана Михайловича Воротынского. После смерти мужа Анна стала монахиней с именем Александра, вероятно, в Новодевичьем монастыре. В 7050 (1541/1542) г. она «положила» Евангелие в Нилову пустынь [Шевченко, с. 52, 59]. В Кирилло-Белозерский монастырь внесла по душе И. И. Кубенского 50 рублей, с дополнением: «А Бог пошлет по душу княгини Александры, ино княгиню Александру написати в оба сенаника без выкладки и поминати на тех же кормех, доколе и монастырь стоит»¹⁸. Известен также ее вклад в Троице-Сергиев монастырь в 30 рублей (1548 г.); ранее сам князь И. И. Кубенский внес в монастырь 100 рублей (1534 г.)¹⁹.

¹⁴ ПСРА. СПб., 1904. Т. 13. С. 146; М., 1965. Т. 29. С. 46. По мнению В. Д. Назарова, князь Кубенский был наказан за своевольное убийство юноши князя Михаила Богдановича Трубецкого, совершенное по его приказу 15 декабря 1544 г. (Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII вв. М., 1998. С. 480–482 (комментарий к акту)). В доказательство этого указано, что село Семеновское Бартенево в Можайском уезде из вотчин Кубенскому было отдано на помин души князя М. Б. Трубецкого. Однако эта «дача» может быть объяснена тем, что Трубецкой приходился Ивану Ивановичу племянником по жене, его мать княгиня Евдокия Ивановна, урожденная княжна Воротынская, сестра княгини Анны Кубенской (Памятники истории русского служилого сословия. С. 59).

¹⁵ ПСРА. Т. 13. С. 146, 147; Т. 29. С. 47.

¹⁶ ПСРА. М., 1978. Т. 34. С. 189.

¹⁷ Там же. С. 27.

¹⁸ Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.). С. 32.

¹⁹ Там же; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Калитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 69.

Старший брат князя И. И. Кубенского, Михаил Иванович, по образному выражению А. А. Зимина, «светил как бы отраженным светом своего младшего брата». С 1518 г. он известен как воевода в разных походах, в том числе в 1530 г. в неудачном Казанском походе возглавлял артиллерию в судовой рати. В 1524 и 1528 гг. – наместник в Торопце, в 1533–1535 гг. – в Пскове. Получил боярство к августу 1538 г. и вместе с братом упоминается в числе видных бояр в малолетство Ивана IV [Зимин, с. 95; Кром, с. 235, 252, 265; Корзинин, с. 70].

Как и Иван Иванович, Михаил Иванович принадлежал к партии князей Шуйских; в некоторых источниках братья упоминаются вместе, как некий единый политический деятель. Князь М. И. Кубенский умер 9 июня 1548 г. и был похоронен в Кирилло-Белозерском монастыре, в паперти Успенского собора (дата смерти вычисляется на основании анализа записей во вкладных книгах – см. далее) [Никольский, с. 48; Приложения, с. XLVI, LVI]. Душеприказчики дали по его душе в Кириллов монастырь село Куликово в Дмитровском уезде и 200 рублей деньгами. За этот вклад монахи должны были поминать весь род князя Михаила и его самого – 8 ноября на именины и 9 июня (вероятнее всего, на преставление). В 1543 г. сам князь М. И. Кубенский дал в Троице-Сергиев монастырь вклад в 50 рублей, а 20 июня 1548 г. его душеприказчик князь Д. Ф. Палецкий дал еще 50 рублей²⁰.

Происхождение супруги князя М. И. Кубенского, Марии, упокоившейся в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря, неизвестно.

О дочери князя М. И. Кубенского, Гликерии, эпитафия сообщает, что она была замужем за Петром Васильевичем Морозовым (отметим дружеские связи Кубенских с другим представителем этого рода – В. Б. Тучко Морозовым, о которых говорилось выше). Во вкладной книге Новодевичьего монастыря упоминается «князь Михайлова Кубенского княжна Елена». Ее поминали дважды: 30 мая на «годину» (то есть годовщину кончины) и 13 мая на «память»²¹. Однако 13 мая отмечается день памяти мученицы Гликерии, а это означает, что дочь князя Михаила Ивановича носила крестильное имя Гликерия и публичное Елена. Исследователи феномена христианской многоименности отмечают, что сочетание этих имен встречается неоднократно – это связано с календарной близостью празднований св. Гликерии Траянопольской и св. царицы Елены (13 мая и 21 мая) [Литвина, Успенский, с. 140, 141].

Установленное тождество Гликерии Морозовой и «княжны Елены» рождает новое противоречие: почему во вкладной книге Гликерия-Елена фигурирует по-прежнему как княжна, в то время как она уже замужем за Морозовым? С тем же титулом Гликерия присутствует в синодике Чудова монастыря²². Но при этом в родовых помянниках Кубенских в синодиках Успенского собора «Гликерия» поминалась без титула «княжны»²³. Таким образом, единообразия в обозначении статуса Гликерии-Елены Кубенской-Морозовой нет. Это наводит на мысль, что брак был кратковременным и родственники, оформлявшие поминальные вклады в Новодевичий и Чудов монастыри, могли записать ее как «княжну». К сожалению, дата кончины Гликерии-Елены в эпитафии не указана, однако ее супруг, П. В. Морозов, прожил сравнительно долгую жизнь. Он упоминается как воевода с 1547 г., получил боярство в 1553/1554 г., а умер после июня 1579 г.²⁴ [Веселовский, с. 201]. Дополнительным, косвенным свидетельством того, что его брак с Гликерией был кратковременным, является отсутствие ее

²⁰ Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.). С. 31, 32; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 69.

²¹ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. ... Ч. 1. С. 196, 199.

²² Алексеев А. И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4 (55/56). С. 104.

²³ По копии из фонда С. Б. Веселовского: АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 173. Л. 138, 139; Д. 174. Л. 105 об.

²⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. / Под ред. и с предисл. д-ра ист. наук В. И. Буганова. М., 1977. Т. 2. Ч. 2. С. 330, 436.

имени в помянниках П. В. Морозова и его потомков²⁵. Потомки эти были людьми известными в XVII в. – деятель Смутного времени, боярин Василий Петрович Морозов, братья Борис Иванович и Глеб Иванович Морозовы. Расположение рядом с саркофагом Гликерии-Елены младенческого (детского) погребения заставляет предположить, что она могла умереть от родов или послеродовой болезни; тогда же умер и ребенок.

Рис. 2. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Центральный неф. Вид с юга на группу погребений князей Кубенских (на первом плане - надгробие Анфисы Годуновой).

²⁵ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 174. Л. 54 об.; Алексеев А. И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле. С. 32, 33, 36, 39, 55, 61, 65, 81, 86.

Рис. 3. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северная ячейка центрального нефа. Надгробия и саркофаги князей Кубенских, вид с юга.

Рис. 4. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северная ячейка центрального нефа. Надгробия и саркофаги князей Кубенских, вид с востока.

Рис. 5 а. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северная ячейка центрального нефа:
слева - надгробия княгини Ульяны Кубенской и ее сына Ивана, вид с юга; справа - надгробие князя Ивана
Ивановича Курбского.

Рис. 6. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Северная ячейка центрального нефа: саркофаги князей Кубенских после снятия надгробий, вид сверху.

Рис. 7. Надпись на крышке саркофага княгини Ульяны/Евпраксии Кубенской, 1537 г.

Рис. 8. Надпись на крышке саркофага князя Ивана Ивановича Кубенского, 1546 г.

Рис. 9. Надпись на крышке саркофага княгини Анны (инокини Александры), вдовы И.И. Кубенского. 1551 г.

Рис. 10. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, вид с юго-запада на саркофаги Кубенских.

Рис. 11. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, вид с северо-запада на саркофаги Кубенских.

Рис. 12. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, вид сверху с востока на саркофаги Кубенских.

Рис. 13. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, Детский саркофаг.

Рис. 14. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Подклет. Западная ячейка северного нефа, Надписи на саркофагах: слева - Марии, жены Михаила Ивановича Кубенского; справа - Гликерии, дочери Марии, жены Петра Васильевича Морозова.

Литература

- Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013. 260 с.
- Беляев Л. А. Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. 2018. № 3 (99). С. 2–6. [Беляев, 2018a]
- Беляев Л. А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 252. С. 219–232. DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.252.219-232 [Беляев, 2018б]
- Беляев Л. А., Корзинин А. Л. Надгробие старицы Анфисы (Годуновой) в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3 (85). С. 91–110. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.008
- Беляев Л. А., Медникова М. Б. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. М., 2018. Вып. 1. 300 с.
- Беляев Л. А., Топычканов А. В. Надгробие Ф. А. Голицыной и другие плиты князей Голицыных XVI–XVII в. в Новодевичьем монастыре // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 91–108. DOI 10.25986/IRI.2020.80.2.005

- Беляев А. А., Григорян С. Б., Савельев Н. И. Высоко-Петровский монастырь (г. Москва) // Города. Поселения. Некрополи. Раскопки 2016 года. М., 2017. (Материалы спасательных археологических исследований. 19). С. 20–25.
- Беляев А. А., Григорян С. Б., Фролов В. С., Шуляев С. Г. Дополнительные конструкции фундаментов Смоленского собора XVI в. в Новодевичьем монастыре. Предварительная публикация // Архитектурная археология. 2021. № 2. С. 137–147.
- Беляев А. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 112–127. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009
- Беляев А. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г. Саркофаг княгини Анастасии Бельской в подклете Смоленского собора Московского Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 83–98. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.008
- Беркович В. А., Егоров К. А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017. 768 с.
- Веселовский С. Б. Очерки истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 582 с.
- Гиришберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 1. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 3–77.
- Голейзовский Н. К. Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 20–27.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 348 с.
- Кавельмахер В. В. Когда мог быть построен собор Смоленской Одигитрии Новодевичьего монастыря? // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 154–179.
- Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. 279 с.
- Корзинин А. Л. О составе Боярской думы и дворцовой администрации в период боярского правления в 30–40-е годы XVI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 5. С. 67–85. DOI 10.15688/jvolsu4.2019.5.5
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв. // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1. С. 133–161. DOI 10.31168/2305-6754.2019.8.1.5
- Мазуров А. Б. Коломенские «потехи» Ивана Грозного в 1546 г.: новые штрихи к портрету юного великого князя // Российская история. 2018. № 1. С. 22–31.
- Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: материалы исследований в 4 т. М., 2018. Т. 3. Ч. 1. 396 с.
- Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1897. Т. 1. Кн. 1. 529 с.
- Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. 408 с.
- Панова Т. Д. Между Угличем и Прилуками: заключение длиною в жизнь // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Мединцевой. М., 2019. С. 352–366.
- Подсоборный склеп в Московском Ново-Девичьем монастыре // Исторический вестник. М., 1886. Т. 25. № 7. С. 199–201.
- Постникова-Лосева М. М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 137–216.
- Правящая элита Русского государства последней четверти XV – середины XVI в.: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование [Электронный ресурс]. URL: <https://ruling-elite.srbu.ru/> (дата обращения: 18.05.2021).
- Пчелов Е. В. Подсадачный нож 1535 года из собрания ГИМ и его владелец // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей Международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года. СПб., 2012. Ч. 3. С. 84–87.

Семячко С. А. Иоасаф Каменский // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 166–168.

Трубникова О. А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. – 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана). М., 1991. С. 106–123.

Шевченко Е. Э. Нило-Сорский монастырь как центр книжности. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 274 с.

References

Belyaev, L. A. Rodovaya usypal'nitsa knyazei Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya [Ancestral Tomb of the Princes Pozharsky and Khovansky in the Spaso-Evfimiev Monastery of Suzdal: 150 Years of Study]. Moscow, 2013. 260 p.

Belyaev, L. A. Pominat' i pomnit': traditsiya obnovleniya nadgrobii v Moskve XVI–XVII vv. [To Commemorate and Remember: The Tradition of Updating Tombstones in Moscow of the 16th – 17th Centuries]. In *Zhivaya starina*. 2018. No. 3 (99). Pp. 2–6. [Belyaev, 2018a]

Belyaev, L. A. Kkhronologii antropomorfnykh sarkofagov Rusi XV–XVII vv. [Chronology of Anthropomorphic Sarcophagi in Medieval Russia of the 15th – 17th Centuries]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2018. Issue 252. Pp. 219–232. DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.252.219-232 [Belyaev, 2018b]

Belyaev, L. A., Korzinin, A. L. Nadgrobie staritsy Anfisy (Godunovoi) v podklete Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya [Tombstone of Eldress Anfisa Godunova in Smolensky Catholicon Funerary Vault of Moscow Novodevichy Convent]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 3 (85). Pp. 91–110. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.008

Belyaev, L. A., Mednikova, M. B. V poiskakh boyar Romanovykh: mezhdistsiplinarnoe issledovanie usypal'nitsy XVI–XVIII vv. v Znamenskoi tserkvi Novospasskogo monastyrya v Moskve [In Search of the Romanov Boyars: An Interdisciplinary Study of the Tomb of the 16th – 18th Centuries in the Znamenskaya Church of the Novospassky Monastery in Moscow]. Moscow, 2018. Issue 1. 300 p.

Belyaev, L. A., Topychkanov, A. V. Nadgrobie F. A. Golitsynoi i drugie plity knyazei Golitsynykh XVI–XVII v. v Novodevich'em monastyre [Tombstones of the Princely Family of Golitsyn in the Novodevichy Convent (Moscow), 16th – 17th Centuries]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 2 (80). Pp. 91–108. DOI 10.25986/IRI.2020.80.2.005

Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Savel'ev, N. I. Vysoko-Petrovskii monastyr' (g. Moskva) [Vysoko-Petrovsky Monastery (Moscow)]. In *Goroda. Poseleniya. Nekropoli. Raskopki 2016 goda*. Moscow, 2017. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy. 19). Pp. 20–25.

Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Frolov, V. S., Shulyaev, S. G. Dopolnitel'nye konstruksii fundamentov Smolenskogo sobora XVI v. v Novodevich'em monastyre. Predvaritel'naya publikatsiya [Reinforcing Constructions in the Foundation of the 16th Century Cathedral of Our Lady of Smolensk in Novodevichii Convent: A Preliminary Publication]. In *Arkhitekturnaya arkheologiya*. 2021. No. 2. Pp. 137–147.

Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Shulyaev, S. G. Nekropol' Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya XVI–XVII vv. Issledovaniya 2017–2018 g.: metody i rezul'taty [The Grave Vault of the Catholicon of the Novodevichy Convent, 16th – 17th cc.: The Results of Field Research (2017–2018)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 112–127. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009

Belyaev, L. A., Shokarev, S. Yu., Shulyaev, S. G. Sarkofag knyagini Anastasii Bel'skoi v podklete Smolenskogo sobora Moskovskogo Novodevich'ego monastyrya [Sarcophagus of Princess Anastasia Bel'skaya Found in Smolensky Cathedral Funerary Vault of Moscow Novodevichy Convent]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 4 (82). Pp. 83–98. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.008

Berkovich, V. A., Egorov, K. A. Moskovskoe belokamennoe nadgrobie. Katalog [Moscow White Stone Tombstone. Catalog]. Moscow, 2017. 768 p.

Girshberg, V. B. Materialy dlya svoda nadpisei na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv. Ch. 1. Nadpisi XIV–XVI vv. [Materials for the Corpus of Inscriptions on Stone Slabs of Moscow and the Moscow Region of the 14th – 17th Centuries. Part 1. Inscriptions of the 14th – 16th Centuries]. In *Numizmatika i epigrafika*. Moscow, 1960. Vol. 1. Pp. 3–77.

Goleizovskii, N. K. Nachalo deyatelnosti Kassiana Uchemskogo po pis'mennym istochnikam [The Beginning of the Activity of Kassian Uchinsky according to Written Sources]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2002. No. 4 (10). Pp. 20–27.

- Kavel'makher, V. V. *Kogda mog byt' postroen sobor Smolenskoj Odigitrii Novodevich'ego monastyrya?* [When could the Cathedral of the Smolensk Odigitria of the Novodevichy Monastery have been Built?]. In *Novodevichii monastyr' v russkoi kul'ture. Materialy nauchnoi konferentsii 1995 g.* Moscow, 1998. Pp. 154–179.
- Kobrin, V. B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoi Rossii (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Medieval Russia (15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1985. 279 p.
- Korzinin, A. L. *O sostave Boyarskoi dumy i dvortsovoi administratsii v period boyarskogo pravleniya v 30–40-e gody XVI veka* [About the Structure of the Boyar Duma and Palace Administration in the Period of Boyar Ruling in the 30–40s of the 16th Century]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 24. No. 5. Pp. 67–85. DOI 10.15688/jvolsu4.2019.5.5
- Krom, M. M. *“Vdovstvuyushchee tsarstvo”: politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [“The Dowager Kingdom”: The Political Crisis in Russia of the 30–40s of the 16th Century]. Moscow, 2010. 888 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. *Muzhskoe vs zhenskoe v kontekste svetskoi khristianskoi dviimennosti na Rusi XVI–XVII vv.* [Male vs Female in the Mirror of Russian Dual Christian Naming (16th–17th Centuries)]. In *Slověne*. 2019. Vol. 8. No. 1. Pp. 133–161. DOI 10.31168/2305-6754.2019.8.1.5
- Mazurov, A. B. *Kolomenskie “potekhi” Ivana Groznogo v 1546 g.: novye shtrikhi k portretu yunogo velikogo knyazya* [Kolomna “Fun” of Ivan the Terrible in 1546: New Touches to the Portrait of the Young Grand Duke]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2018. No. 1. Pp. 22–31.
- Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya: materialy issledovaniy v 4 t. [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin: Research Materials in 4 volumes]. Moscow, 2018. Vol. 3. Part 1. 396 p.
- Nikol'skii, N. K. *Kirillo-Belozerskii monastyr' i ego ustroistvo do vtoroi chetverti XVII veka (1397–1625)* [The Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure until the Second Quarter of the 17th Century (1397–1625)]. Saint Petersburg, 1897. Vol. 1. Book 1. 529 p.
- Nosov, N. E. *Ocherki po istorii mestnogo upravleniya Russkogo gosudarstva pervoi poloviny XVI veka* [Essays on the History of Local Government of the Russian State in the First Half of the 16th Century]. Moscow; Leningrad, 1957. 408 p.
- Panova, T. D. *Mezhdru Uglichem i Prilukami: zaklyuchenie dlinoyu v zhizn'* [Between Uglich and Priluki: A Life-long Imprisonment]. In *Zvuchat lish' Pis'mena. K yubileyu A. A. Medyntsevoi*. Moscow, 2019. Pp. 352–366.
- Pchelov, E. V. *Podsaadachnyi nozh 1535 goda iz sobraniya GIM i ego vladelets* [A 1535 under Saadak Knife from the State Historical Museum Collection and Its Owner]. In *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Tret'ei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 16–18 maya 2012 goda*. Saint Petersburg, 2012. Part 3. Pp. 84–87.
- Podsobornyi sklep v Moskovskom Novo-Devich'em monastyre [Cathedral Grave Vault in the Moscow Novodevichy Monastery]. In *Istoricheskii vestnik*. Moscow, 1886. Vol. 25. No. 7. Pp. 199–201.
- Postnikova-Loseva, M. M. *Zolotyie i serebryanye izdeliya masterov Oruzheinoi palaty* [Gold and Silver Products of the Masters of the Armory Chamber]. In *Gosudarstvennaya Oruzheinnaya palata Moskovskogo Kremlya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Gosudarstvennoi Oruzheinoi palaty*. Moscow, 1954. Pp. 137–216.
- Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva poslednei chetverti XV – serediny XVI v.: elektronnyaya baza dannykh i istoriko-genealogicheskoe issledovanie [The Ruling Elite of the Russian State of the Last Quarter of the 15th – Middle of the 16th Century: Electronic Database and Historical and Genealogical Research] [Electronic resource]. URL: <https://ruling-elite.spbu.ru/> (accessed May 18, 2021).
- Semyachko, S. A. *Ioasaf Kamenskii* [Joasaph Kamensky]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2010. Vol. 25. Pp. 166–168.
- Shevchenko, E. E. *Nilo-Sorskiy monastyr' kak tsentr knizhnosti* [Nilo-Sorsky Monastery as a Center of Writings]. Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Saint Petersburg, 2009. 274 p.
- Trubnikova, O. A. *Istoriya nekropolya Novodevich'ego monastyrya (30-e gg. XVI v. – 30-e gg. XX v.)* [History of the Novodevichy Monastery Necropolis (the 30s of the 16th Century – the 30s of the 20th Century)]. In *Moskovskii nekropol' (istoriya, arkheologiya, iskusstvo, okhrana)*. Moscow, 1991. Pp. 106–123.

Veselovskii, S. B. *Ocherki istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Essays on the History of the Class of Serving Landowners]. Moscow, 1969. 582 p.

Zimin, A. A. *Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v.* [Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – First Third of the 16th Century]. Moscow, 1988. 348 p.

Leonid A. Belyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Sergey Yu. Schokarev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Seraphim G. Schulyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

FUNERARY MONUMENTS OF THE KUBENSKY PRINCES IN THE BURIAL VAULT OF THE MAIN CHURCH OF THE NOVODEVICHY CONVENT

The article comprises a publication of two tombstones and seven sarcophagi (five of them with inscriptions) of Princes Kubenskys, a branch of Yaroslavl princely house, which died out after the middle of the 16th century. Earlier they were not well known; readings of inscriptions contained errors; a number of biographies were not studied. The burials occupy two cells in the funerary vault of the main church of the convent. They are buried in a row there: Ulyana/Evpraxia, a daughter of Prince Andrey Vasilievich Uglitsky, a wife of Prince Ivan Semenovich Kubensky; her son, Ivan Ivanovich executed in 1546 by Ivan the Terrible; his widow, Anna/Alexandra (maiden name Vorotynskaya). The other cell contains burials of Maria, a wife of I. I. Kubensky's brother Mikhail, and their daughter Elena/Glikeria, a wife of the famous boyar Peter Vasilievich Morozov. The article presents an archaeological description of the context, monuments and sarcophagi as objects, an epigraphic analysis, and an outline of the genealogy of the buried.

Keywords: Moscow, monastic archaeology, 16th century, a cemetery, epigraphy, tombstones, sarcophagi, genealogy, Russian nobility

А. Л. Потравнов

Проект «Регионавтика», Санкт-Петербург, Россия. canonir7@gmail.com

Т. Ю. Хмельник

Проект «Регионавтика», Санкт-Петербург, Россия. regionavtica@gmail.com

О НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КАМЕННЫХ КРЕСТОВ В ГРАНИЦАХ КОПОРСКОГО И ЯМСКОГО УЕЗДОВ ВОДСКОЙ ПЯТИНЫ

В статье представлены результаты исследования по выявлению факторов, оказавших влияние на распространение каменных крестов по территории Копорского и Ямского уездов. Базовыми исходными данными для исследования послужили: информация о местоположении каменных крестов, сведения из писцовых книг Водской пятины конца XV – начала XVI в. и материалы по геологии территории. На основе локализации авторами 494 населенных пунктов указанных уездов, владений новгородских монастырей и служилых людей-ивангородцев, а также ряда других данных, учтенных в геоинформационной системе, был выявлен целый ряд зависимостей. По итогам анализа полученных результатов сделаны выводы о влиянии различных факторов и высказано предположение о дискретности периодов изготовления каменных крестов на данной территории.

Ключевые слова: каменный крест, геоинформационная система, Водская пятина, Копорский уезд, писцовая книга

Введение

Несмотря на значительное количество работ, посвященных описанию средневековых монументальных каменных крестов, изучению особенностей их географического распространения обычно уделялось недостаточное внимание. Так сложилось, но практически для всех исследователей ([Седов; Панченко, 2005–2009; Хухарев] и др.) карта с указанием мест обнаружения крестов в лучшем случае служила иллюстративным материалом, а не объектом изучения. В связи с этим подробного анализа многочисленных факторов, которые могли оказывать влияние на развитие и распространение традиции изготовления и установки каменных крестов, с использованием геоинформационных систем практически никем не проводилось.

Ранее на основе разработанной и предложенной нами типологии каменных крестов мы смогли выявить различные закономерности в распространении этих артефактов по территориям исторических земель северо-запада России. Об этом, в частности, мы писали в статье «О географии распространения монументальных каменных крестов на северо-западе России» [Потравнов, Хмельник, 2018а]. В этой работе нами были опубликованы «теплокарты» распространения разных подгрупп каменных крестов, на которых прослеживается явная неравномерность в их распределении [Потравнов, Хмельник, 2018а, с. 75]. Оказалось, что в одних местах встречаются крупные скопления артефактов, в других – единичные находки, в третьих – наблюдается полное их отсутствие. Такая особенность, очевидно, должна зависеть от целой совокупности причин, характерных для каждой конкретной территории, и выявлены эти причины могут быть только в ходе целенаправленного изучения.

Данная статья посвящена первым результатам такого исследования, проводимого на территории бывших Копорского и Ямского уездов Водской пятины.

Выбор этих уездов был обусловлен тем, что, по нашему мнению, для полноценного исследования необходимо учесть сразу несколько условий. Во-первых, территория должна иметь свои вполне явные исторически прослеживающиеся границы. Во-вторых, она на протяжении длительного времени должна была развиваться в единых политических и социально-экономических условиях. В-третьих, желательно иметь документы того же периода времени, что и изучаемые объекты. В-четвертых, на этой территории должно находиться достаточное

количество аутентичных каменных крестов. Всем этим условиям выбранная территория полностью соответствует.

В качестве исходных материалов о каменных крестах на указанной территории были использованы данные, полученные из двух разных групп источников. Первая группа – это публикации XVIII–XX вв., содержащие соответствующие сведения¹. К сожалению, в значительной части этих работ отсутствуют прорисовки крестов, не указан точный материал (гранит, известняк, туф и т. д.), порой даже нет указаний на их точное количество в отмеченном месте. В связи с этим количество каменных крестов, которое нами было использовано из этой группы источников, составило 66 экземпляров, находящихся в 21 географической точке.

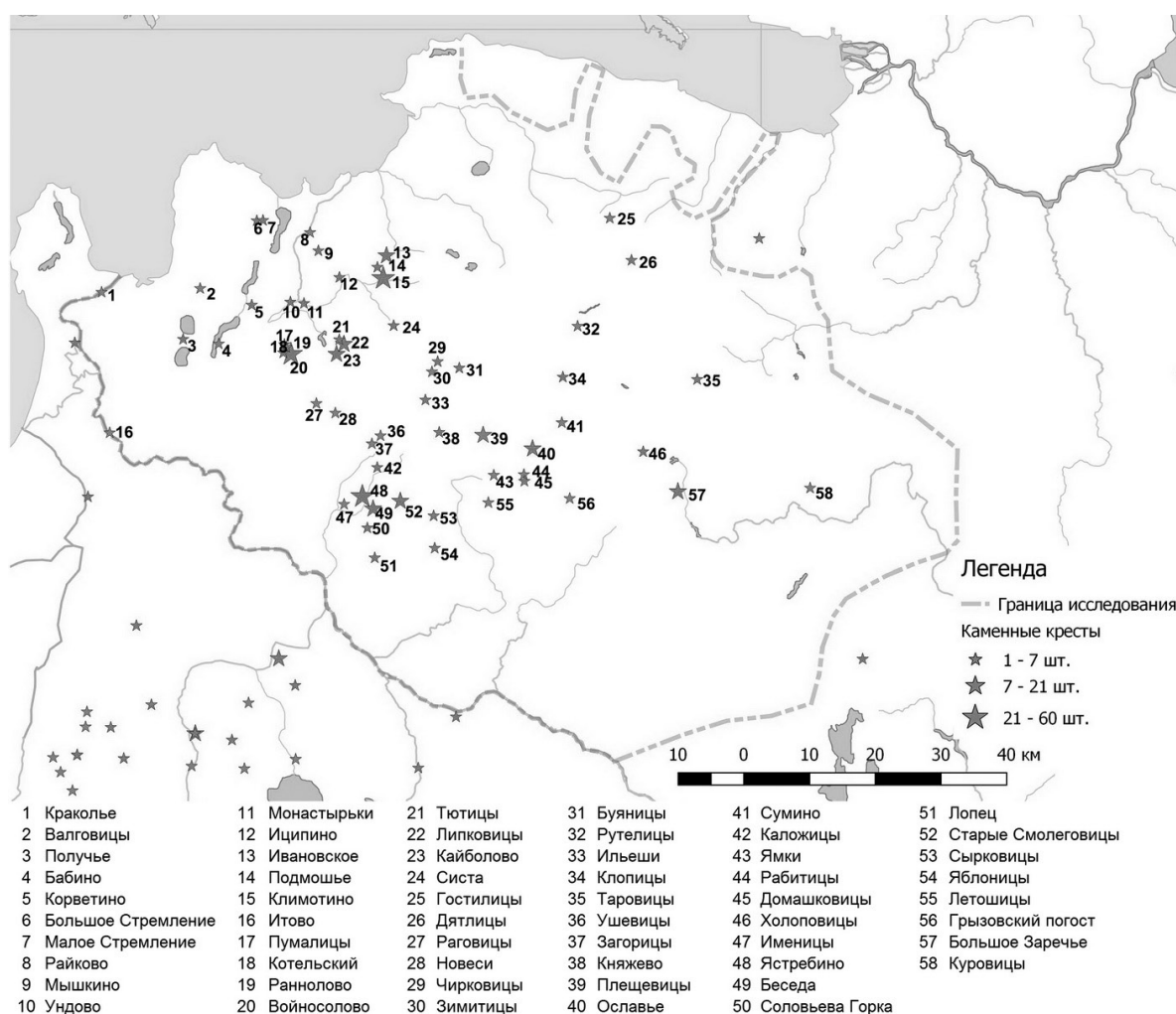

Рис. 1. Места обнаружения каменных крестов в XIX–XXI вв.

Ко второй группе мы относим данные о сохранившихся каменных крестах на местности, включающие как результаты собственных натурных обследований без проведения раскопок, так и сведения из недавно проведенных археологических раскопок [Панченко, 2005–2009;

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1898. Т. 8. 1733–1734 гг. С. 193; [Пушкарев, с. 43–44; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, 1884, с. 89; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, 1885, с. 386; Кольчатов; Лапшин; Ингерманландия глазами Самуи Паулахарью, с. 77, 95–96] и т. д.).

Панченко, 2018]. В этой группе нами учитываются следующие сведения о 240 сохранившихся каменных крестах:

- места их первоначального обнаружения (37 мест);
- современное расположение (некоторые объекты были перемещены в музеи);
- материал, из которого они изготовлены (доломит, туф, песчаник и т. д.);
- изображения (фотографии) этих крестов;
- видимые размеры (если крест был заглублен в землю, то раскопки не проводились).

Указанные в настоящей статье места расположения каменных крестов (58 географических точек) можно структурировать следующим образом:

- действующее деревенское кладбище без явных признаков средневекового могильника – 19 мест;
- действующее деревенское кладбище, на котором расположен средневековый могильник, – 12 мест;
- на средневековых могильниках, которые находятся вне современных кладбищ, – 15 мест;
- на территории деревни (частный двор, улица и т. д.) – 6 мест;
- около (либо внутри) деревенской часовни (в том числе бывшей) – 5 мест;
- в поле – 1 место.

Места обнаружения каменных крестов с указанием названий населенных пунктов приведены на рис. 1.

В случаях, когда происходило явное дублирование сведений об объектах из письменных источников и натурных обследований, мы отдавали предпочтение последним.

Мы допускаем, что указанное нами суммарное количество рассматриваемых в настоящей статье каменных крестов (включая идентифицируемые как крест обломки) не является полным и может со временем изменяться.

Методы исследования

В основе исследования лежит набор исходных данных, внесенных в геоинформационную систему в разных слоях на единую картографическую подоснову.

Для обработки геоданных использовалась открытая геоинформационная платформа QGIS. Нанесение на карту каменных крестов осуществлялось по GPS-координатам, которые определялись на местности с помощью портативного навигатора GarminGPSmap 62stc. В случаях группового расположения объектов на небольшой площади (обычно это сельское кладбище) выбиралась только одна точка.

В качестве исходных данных служат:

- сведения по 306 каменным крестам в 58 географических точках;
- сведения из «Книги Вотской пятины, письма Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Губы Семенова сына Моклокова. 7008 года»²;
- сведения из «Отрывка писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504 – 1505 г., содержащего в себе опись части дворцовых земель этой пятины»³;
- геогностическая карта Санкт-Петербургской губернии, составленная профессором С. Куторгой в 1852 г.⁴;

² Новгородские писцовые книги (далее – НПК). СПб., 1868. Т. 3. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. Первая половина.

³ Гневушев А. М. Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504 – 1505 г., содержащий в себе опись части дворцовых земель этой пятины. Киев, 1908.

⁴ Геогностическая карта Санкт-Петербургской губернии / Сост. проф. С. Куторга. СПб., 1852.

- сведения из книги «Геология и полезные ископаемые Ленинградской области» [Киселев, Проскуряков, Саванин].

Учитывая, что многие сведения, в том числе упоминания о каменных крестах XIX–XX вв., являются неполными, а сохранившиеся объекты в большей части оказались перемещенными с мест их первоначальной установки, при проведении настоящего исследования мы, кроме ранее указанных, делали следующие допущения.

1. Используемые в исследовании опубликованные в XIX–XX вв. материалы, в которых фигурируют оценочные суждения «несколько каменных крестов» или просто «каменные кресты» по отношению к конкретной географической точке, отмечаются нами как упоминание о трех экземплярах в одном месте.

2. Места, указываемые в опубликованных в XIX–XX вв. материалах, которые, если специально не оговаривается иное, воспринимаются точными и аутентичными по отношению к ближайшему указанному населенному пункту.

3. Кресты, которые, по разным свидетельствам, считаются вторично перемещенными, в случаях, когда нет точных указаний об их первоначальном местонахождении, переносились от него не более чем на 10 км.

4. Соотношение сохранившихся (включая упомянутые в опубликованных источниках) крестов, которые учтены в настоящей работе, со всеми ранее установленными каменными крестами (количество которых нам неизвестно) приблизительно одинаково на всей исследуемой территории.

В результате предварительной обработки исходных данных в виде отдельных слоев в геоинформационную систему были внесены:

- места обнаружения каменных крестов на исследуемой территории с указанием количества зафиксированных на каждом месте артефактов (с учетом указанных допущений);
- границы залегания геологических слоев, из которых изготавливались каменные кресты, и данные о местах добычи этих материалов по состоянию на середину XIX в.;
- данные о расположении локализованных населенных пунктов на конец XV – начало XVI в.;
- сведения о некоторых типах землевладельцев на указанной территории;
- сведения о производствах, которые могли иметь отношение к обработке камня, на основе писцовых книг и летописей.

Использование геоинформационных систем для наглядного отображения с целью дальнейшего анализа сведений из писцовых книг и сопоставления их с данными археологических находок на изучаемой территории применял И. В. Стасюк [Стасюк, 2008; Стасюк, 2020]. В отношении каменных крестов подобное исследование на данной территории ранее не проводилось.

Выявление влияния различных факторов на неравномерность распределения каменных крестов

1. Геологический фактор

Одним из факторов, который может существенно повлиять на возникновение неравномерности в распределении каменных крестов, оказывается геология местности. Все сохранившиеся кресты сделаны из материалов, которые имеются на рассматриваемой территории. Подавляющее большинство (166 экземпляров) сделаны преимущественно из доломитизированных известняков, 70 крестов высечены из известкового туфа (травертина), 3 креста – из слоистого, с глинистыми прослойками известняка, один – из гранита.

Чтобы выявить какую-либо зависимость влияния залегания горных пород, из которых были сделаны каменные кресты, на их распределение по территории, мы нанесли на карту необходимые для этого данные:

- места обнаружения каменных крестов;
- границы залегающих близко к поверхности карбонатных пород ордовикского периода (известняки и доломиты);
- места карьеров (плитных ломок) по добыче карбонатных пород на 1852 г.;
- выявленные месторождения известковых туфов (травертинов).

Результаты такого совмещения исходных данных представлены на рис. 2. Пунктирной линией обозначена граница Копорского и Ямского уездов Водской пятины исходя из выполненной нами локализации 494 отмеченных в писцовых книгах селений. Сплошной толстой линией обозначена ориентировочная граница залегания карбонатных пород ордовикского периода, представляющая собой протяженную возвышенность (Ордовикское плато). Западная часть Ордовикского плато называется Ижорской возвышенностью с максимальной высотной отметкой 168 м над уровнем моря около д. Бегуницы [Киселев, с. 27]. Протяженность Ижорской возвышенности в границах Копорского и Ямского уездов по линии запад – восток составляет около 80 км, а по линии север – юг – около 50 км.

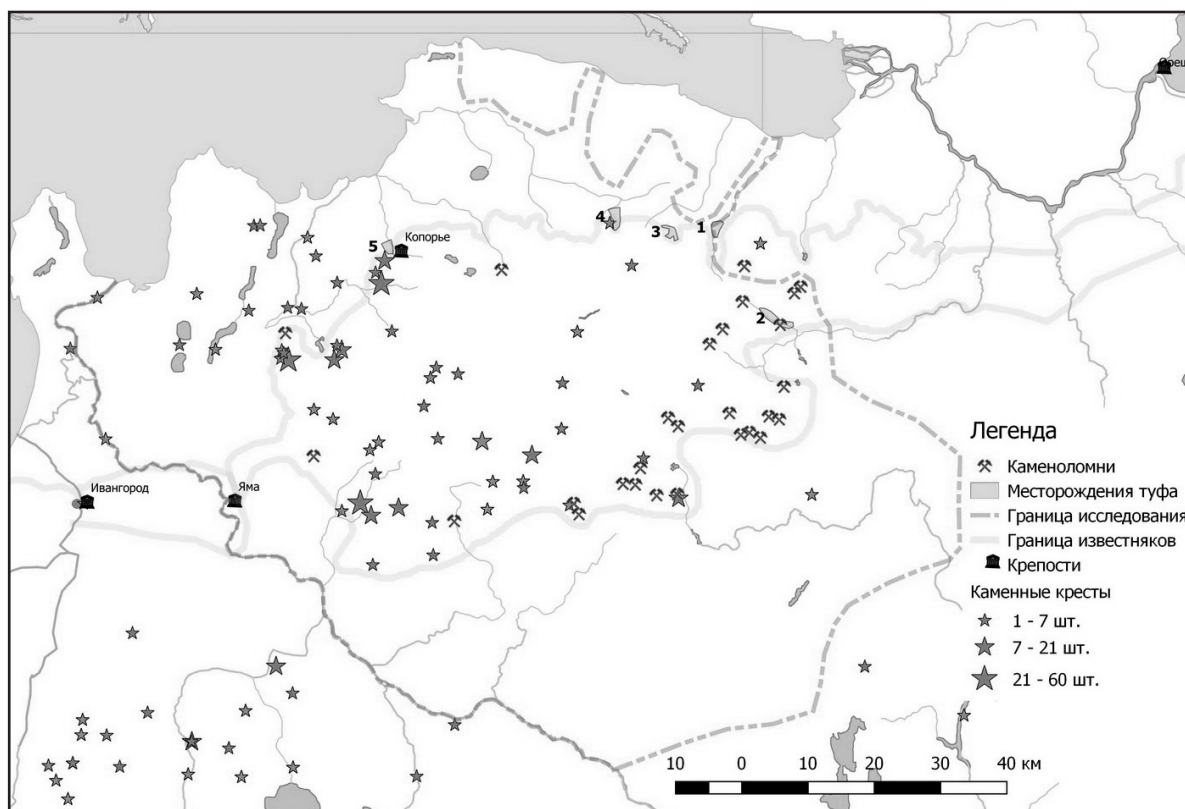

Рис. 2. Расположение каменных крестов, карьеров и границы залегания карбонатных пород ордовикского периода

Значки, отображающие месторасположения каменных крестов, в зависимости от численности объектов в данном месте имеют разный размер:

- малый (от 1 до 7 экземпляров);
- средний (от 7 до 21);
- большой (свыше 21).

Места «плитных ломок» из геогностической карты 1852 г. отмечены специальным знаком (каменоломни).

Как видно из представленной на рис. 2 ситуации, значительная часть учтенных в исследовании каменных крестов (87,25 %) находится на территории Ижорской возвышенности в границах залегания карбонатных пород ордовикского периода. Но это распределение неравномерное, поскольку 91,4 % от всех крестов в границах Ижорской возвышенности оказались в западной и юго-западной ее частях (западнее условной линии Копорье – Ославье – Извара).

Выявленная диспропорция не может быть объяснена исключительно геологическими особенностями местности, поскольку условия залегания известняков, доломитов и травертинов практически на всей территории оказываются одинаковыми. В частности, отмеченные в середине XIX в. карьеры по добыче карбонатных пород находились в основном в восточной части Ижорской возвышенности, то есть там, где каменные кресты практически не отмечались. При этом крупные карьеры по добыче известняков в западной и центральной частях Ижорской возвышенности, где фиксируется большинство объектов, появились преимущественно в XX в. [Киселев, с. 86–88].

Еще одним подтверждением отсутствия прямой зависимости от геологического фактора служит размещение всех каменных крестов, изготовленных из травертина (осадочного туфа), практически в одном месте – юго-западнее крепости Копорье, около месторождения туфа под номером 5. Об обнаружении около других наиболее крупных месторождений туфа (отмеченных номерами 1–4) крестов из этого материала нам не известно. Хотя мы вполне допускаем, что именно из туфа могли быть изготовлены некоторые кресты, которые отмечались в 1880-х гг. около Гостилиц. Под номером 2 на карте отмечено самое известное и крупное месторождение «пудостского туфа», которое активно эксплуатировалось с 1720-х гг. до середины XX в. Этот туф использовался при многочисленных постройках в Санкт-Петербурге (Казанский собор, Ростральные колонны), в Царском Селе, Гатчине и т. д. Важная особенность этого материала заключается в легкости его добычи – в естественной среде месторождения он очень легко режется даже ножом и только потом, после нахождения на воздухе, твердеет. Но и в этом случае сведений о существовании каменных крестов поблизости от указанного месторождения у нас также нет.

Теперь обратим внимание на наличие каменных крестов между Финским заливом и Ижорской возвышенностью в западной части исследуемой местности. На этой территории нет известняков и доломитов, а залегают различные морские, озерно-речные и ледниковые отложения (пески, глины и т. д.). Тем не менее здесь мы также встречаем кресты, изготовленные из тех же материалов, что и объекты, обнаруженные на Ижорской возвышенности (известняки, доломиты, туфы). То есть они были перемещены на расстояние от 10 до 20 км.

Таким образом, получается, что, несмотря на схожие геологические условия территории, в одних местах встречается большое количество каменных крестов, а в других их практически нет. Кроме того, оказывается, что в разных геологических условиях могут находиться каменные кресты из одних и тех же материалов.

Анализ геологических условий и данных о местонахождении каменных крестов позволяет сделать вывод, что геологические особенности территории, безусловно, важны

для изготовления объектов, но это не тот фактор, который оказывает определяющее влияние на параметры их распределения в границах Копорского и Ямского уездов Водской пятины.

2. Фактор расположения населенных пунктов

В ходе предварительной работы нами было, с определенной степенью достоверности, локализовано 494 населенных пункта (около 72 %) Копорского и Ямского уездов Вотской пятины, отмеченных в «Книге Вотской пятины, письма Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Губы Семенова сына Моклокова. 7008 года»⁵, в «Отрывке писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504 – 1505 г., содержащем в себе опись части дворцовых земель этой пятины»⁶ и в работе К. А. Неволлина «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты» [Неволин]. В качестве дополнительных материалов, использованных нами для определения местоположения этих селений, послужили сведения из шведских писцовых книг Ижорской земли 1618–1621 гг.⁷ и различные картографические материалы – как шведские⁸, так и российские⁹.

Еще одно допущение, которые мы приняли, было связано с тем, что при публикации в 1868 г. книги Вотской пятины письма Китаева оказались утрачены описания Спасского Орлинского, Никольского Грезневского и части Богородицкого Дягиленского погостов. В работе К. А. Неволлина указываются населенные пункты из этих погостов, но без подробного описания (количество дворов, имена владельцев, виды оброков и т. д.). Часть этих селений мы смогли локализовать и внести в геоинформационную систему, но при этом их размеры указали ориентировочные.

По нашему мнению, эти допущения не окажут сильного влияния на итоговые результаты, поскольку целью исследования служит выявление зависимостей, характерных для всей территории в целом.

Исходя из этого, мы полагаем, что внесенные нами данные о 494 селениях Копорского и Ямского уездов представляют собой репрезентативную выборку, характеризующую структуру распределения населенных пунктов на указанной территории по состоянию на начало XVI в.

Для наглядности восприятия мы сгруппировали селения по количеству дворов в три группы:

- от 1 до 8 дворов – малые;
- от 8 до 22 – средние;
- более 22 дворов – большие.

⁵ НПК. Т. 3.

⁶ Гневушев А. М. Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504 – 1505 г., содержащий в себе опись части дворцовых земель этой пятины.

⁷ Jordeböcker öfver Ingermanland. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. Годы 1618–1623. СПб., 1859. Отд. 1; СПб., 1862. Отд. 2.

⁸ *Wassander P. Denna LandCarta Öfwer nagna Pogoster Ole: Ingermanland äü... Karta: som Anno 1679 Geometrice aflagit af renoverat... datta format... Martio A° 1699 // БАН. Сектор картографии ОФО. V рт / 126-14; Andersin Anders. General Charta öfwer Provincien Ingermanneland Hwilken Helt noga Uthwijsar Hela Dhes Situation Jämte alle der uthi Belägne Kyrkior, Häff, Bjär och Torp, Tillijka medh alle derigenom sträckande större och mindre Wägar samt Pass Item Siöar, Åar och Bäcker, såsom och Lähne samt Pogoste skilldnaderne. af Copierat Här widh Kongl. Maj:ts Landtmäterij Contoir Anno 1704 af det ifrån Narfwen årh 1703 öfwersände Conceptet Sammandraget af sahl. Ingenieuren Erich Beling så wäll af 1678 åhrs Geomet. Commissions Arbete såsom och alle senare Tijders Mätningar öfwer Nötheborgs Lähns Norra dehl Renoverat aff m[anu] p[ropria]. Kungliga biblioteket. Handritade kartor. Kartsamlingen, S 50 nr 733, stort format.*

⁹ Географический чертеж над Ижорскою землею со своими городами, уездами, погостами, церквями, часовнями, дворами и деревнями, со всеми стоящими озерами, реками и потоками, хлебными и пильными мельницами и рыбными ловлями и корабельными пристанищи и протчая / Грыд. Адриан Шхонбек. 1704–1705 // БАН. Сектор картографии ОФО. V рк / 38.

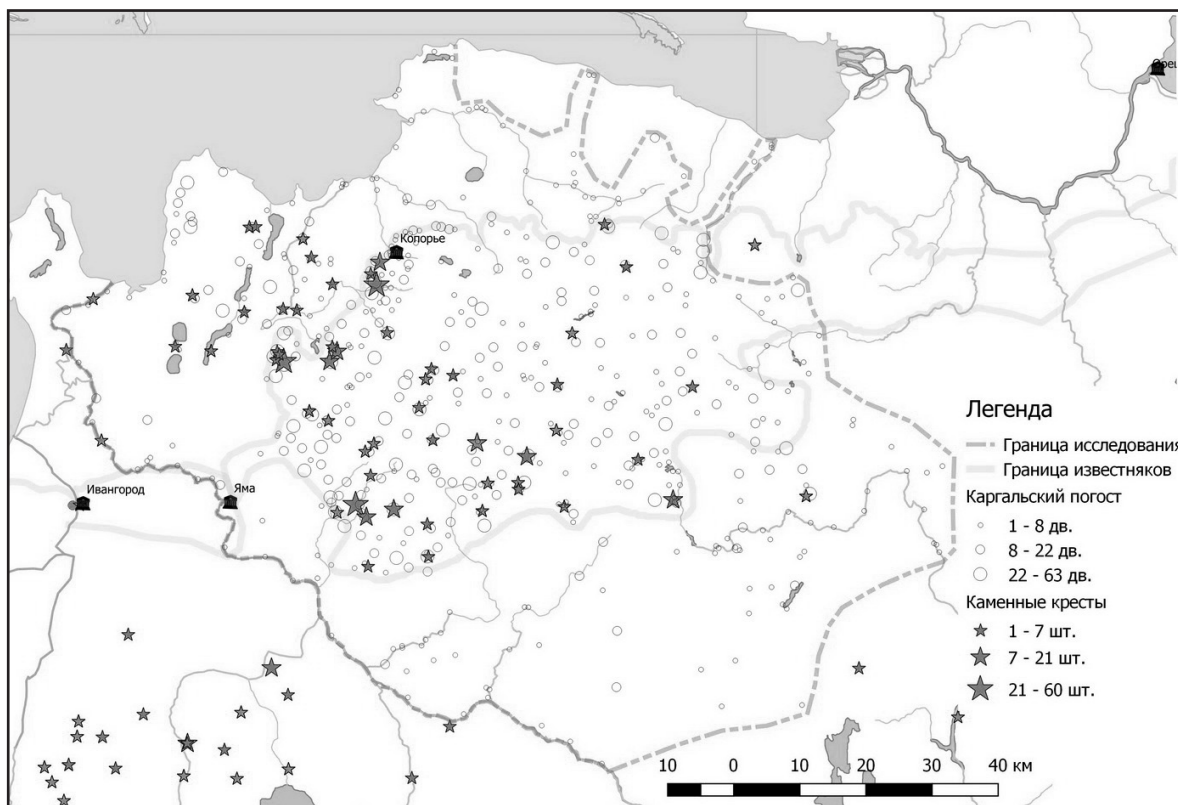

Рис. 3. Расположение каменных крестов и населенных пунктов Копорского и Ямского уездов Водской пятины

На рис. 2 показано совмещение слоев с данными о каменных крестах и идентифицированных населенных пунктах.

На представленной на рис. 3 карте видно, что селения достаточно равномерно распределены по всей территории, как в границах Ижорской возвышенности, так и за ее пределами. Исключения составляют заболоченные участки в западной, северной и юго-восточной частях территории. При этом, что неудивительно, все находки объектов были сделаны вблизи селений.

Сравнительный анализ распределения мест обнаружения каменных крестов и структуры сгруппированных по количеству дворов населенных пунктов в Копорском и Ямском уездах Водской пятины по состоянию на 1500 г. не выявил каких-либо явных зависимостей.

В частности, оказалось, что каменные кресты не располагаются вблизи какой-то определенной группы селений (мелкие, средние, крупные). То есть около одних крупных сел можно встретить скопления крупные (более 11 шт.) каменных крестов (Войносолово (71 двор), Смолиговичи (57), Воиславль (43) и т. д.), а около других их нет (Нос (63), Суйда (49), Речица (46) и т. д.). С другой стороны, объемные скопления крестов встречаются и у селений меньшего размера: Климятино (26), Кайбала (25), Плешевицы (7) и т. д. Также нет явно выраженной зависимости расположения каменных крестов от плотности распределения населенных пунктов.

Отсутствие явной зависимости могильников с каменными крестами от общей структуры расселения и ее иерархии (крупные, средние и малые поселения) позволяет сделать вывод, что традиция установки каменных крестов в XV–XVI вв. не была характерной и типичной для всего населения Копорского и Ямского уездов Водской пятины в целом.

3. Факторы структуры землевладения

В писцовых книгах содержатся сведения не только о количестве и размерах населенных пунктов, но и о владельцах, причем как на момент составления текущей переписи («новое письмо»), так и по состоянию на ранее составленную («старое письмо»). По мнению А. М. Гневушева, предыдущая перепись («старое письмо») была сделана в 1489 г., до проведения очередной конфискации новгородских земель Иваном III [Гневушев, с. 8].

Структура новгородского землевладения на исследуемой территории, по данным А. М. Гневушева [Гневушев, с. 264], выглядела так:

	Государственная земля (в %)	Церковная земля (в %)	Частновладельческая земля (в %)
Копорский уезд	0	17,2	82,8
Ямской уезд	1,6	8,1	90,3

Для начала рассмотрим населенные пункты, которые по «старому письму» полностью или частично в изучаемых уездах числились за монастырями из Великого Новгорода, а также за новгородским архиепископом (владычные земли). При этом мы намеренно не стали рассматривать структуру землепользования местных монастырей (Спасского из Ямы, Спасского и Рождественского из Копорья, Елисеевой пустыни, Никольского из Суйды).

Сведения о монастырских владениях нам важны, поскольку после присоединения Великого Новгорода к Москве в 1478 г. земли новгородских монастырей не увеличивались, а постоянно сокращались. Поэтому зафиксированные в писцовой книге сведения «старого письма» 1489 г. о владении новгородских монастырей, на наш взгляд, были актуальны и по состоянию на 1478 г., и даже раньше. Таким образом, данные из одной книги позволяют нам делать выводы не только по ситуации на 1500 г., но и с учетом более раннего периода.

В результате анализа писцовой книги¹⁰ мы выявили владения 14 новгородских монастырей и владыки (архиепископа) в 49 локализованных нами населенных пунктах Копорского и Ямского уездов Водской пятины и внесли их в геоинформационную систему. На рис. 4 показано совмещение слоев с данными о каменных крестах и слоя с теми селениями, где находились владения новгородских монастырей и владыки.

Оказалось, что монастырские и владычные владения распространены по территории уездов неравномерно. При совмещении слоя каменных крестов со слоем селений, в которых находились владения новгородских монастырей и архиепископа, проявилась слабая, но вполне очевидная корреляция. За исключением местности, тяготеющей к крепости Копорье и около истоков Оредежа, практически на всех остальных территориях, где были выявлены каменные кресты, рядом оказались и монастырские владения. Из 49 населенных пунктов, принадлежавших монастырям и новгородскому архиепископу, 32,6 % от всего числа таких селений (16) вплотную (менее 1 км) примыкают к местам, где было зафиксировано 37,6 % (115 экземпляров) от всех учтенных в данном исследовании каменных крестов Копорского и Ямского уездов. Для выяснения дальнейшей зависимости мы решили увеличить «зону тяготения» (расстояние от центра населенного пункта до места обнаружения креста) до 5 км. В результате число селений с монастырским и владычным владением, попадающих в эти зоны, увеличилось до 71,4 % (35). При этом доля крестов, находящихся в них, возросла до 58,8 % (180 экземпляров) от всех крестов на изучаемой территории.

¹⁰ НПК. Т. 3.

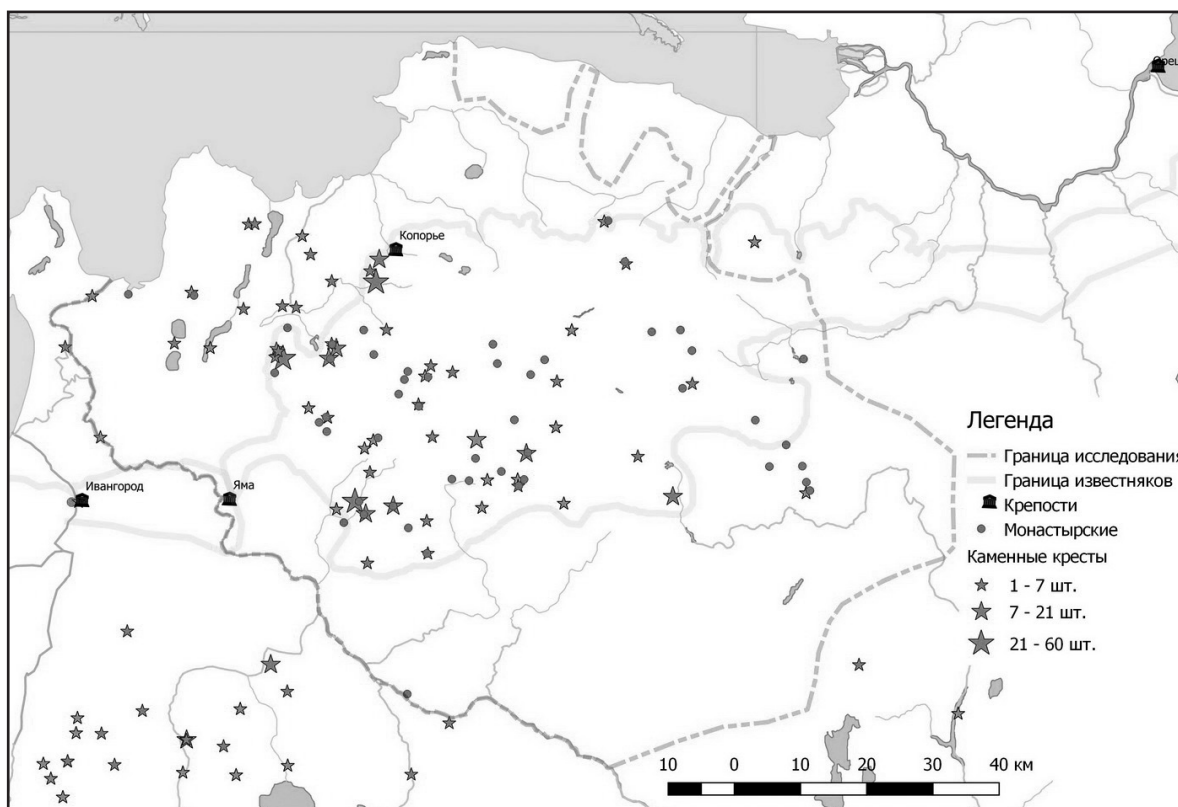

Рис. 4. Расположение каменных крестов и владений новгородских монастырей и владыки (архиепископа)

Таким образом, выявленные корреляции во взаимном расположении объектов не могут быть чистой случайностью, и, вполне вероятно, существует причинно-следственная связь, которую следует изучить более подробно.

На следующем этапе анализа структуры землевладения мы выбрали параметр, который смог весьма наглядно передать особенности частного землевладения, доминировавшего на территории этих уездов.

Размеры частных владений «старого письма» были небольшими. Так, в Копорском уезде из общего числа 252 частных владений – 152 (60,3 %) составляли от 1 до 10 обжей, 77 владений (30,6 %) – от 10 до 30 обжей и только 23 владения (9,1 %) можно было назвать крупными – свыше 30 обжей. В Ямском уезде доля мелких владений была еще выше: из 204 частных владений 187 (91,7 %) были мелкими – от 1 до 10 обжей [Гневушев, с. 327–328].

Под обжей в целях установления тягловой повинности в новгородских землях понимался доход, который мог получить один земледелец, обрабатывая участок земли с одной лошадью. Поэтому между обжей и количеством обрабатываемой земли связь была, но она не была линейной. Фактический размер земли, которую обрабатывал земледелец, чаще определялся другим показателем – количеством коробей ржи (разные злаки требуют разной плотности посева), которые могли быть на нем засеяны [Гневушев, с. 62]. Исходя из этого параметра средний размер земли под крестьянскую запашку на один двор в Водской пятине составлял около 8,5 десятин (9,3 га) [Гневушев, с. 231].

В дальнейшем, при передаче земель от новгородцев служилым московским людям, число самых мелких землевладений стало резко сокращаться вследствие объединения нескольких мелких в одно среднее землевладение (от 20 обжей). Как мы показали выше, каких-либо закономерностей между распределением мест обнаружения каменных крестов и населенными пунктами, сгруппированными по количеству дворов «нового письма», выявлено не было.

Но такое сравнение не было связано непосредственно с характеристиками частного владения, поскольку в одном земельном наделе могло находиться несколько селений, расположенных на удалении друг от друга.

В связи с этим и учитывая фактор «чересполосицы», мы решили выбрать один важный параметр, который позволяет идентифицировать расположение фактического землевладельца (помещика). При анализе писцовой книги оказалось, что в ней часто встречается одна характеристика частного владения – «большой двор» землевладельца. Не во всех случаях этот «большой двор» был, поскольку владелец земли мог проживать на территории другого погоста, уезда и т. д. Но там, где он был, практически во всех случаях указывалось, что в нем проживал либо сам землевладелец, либо его доверенное лицо: «Волость Казимировская, за Иваном за Кобылою, да за Федком за Олександровыми детьми Сухого: Село Кумолово: дв. в большом сам Иван, дв. человек его Рог; а хрестьян: дв. Демешко Ивашков...»¹¹.

В некоторых случаях, когда происходило, к примеру, объединение двух землевладений (поместий), фиксировалось два «больших двора». При этом каждый из них часто занимал один из совладельцев объединенного владения (брат, сын и т. д.). В писцовой книге встречаются примеры, когда после смерти одного из совладельцев такого объединенного участка происходил его новый раздел с передачей доли умершего во владение другому владельцу, вместе с относящимся к этому поместью «большим двором».

Таким образом, сведения о наличии «больших дворов», то есть по своей сути усадеб, позволяют нам представить структуру проживания наиболее зажиточной части населения уездов.

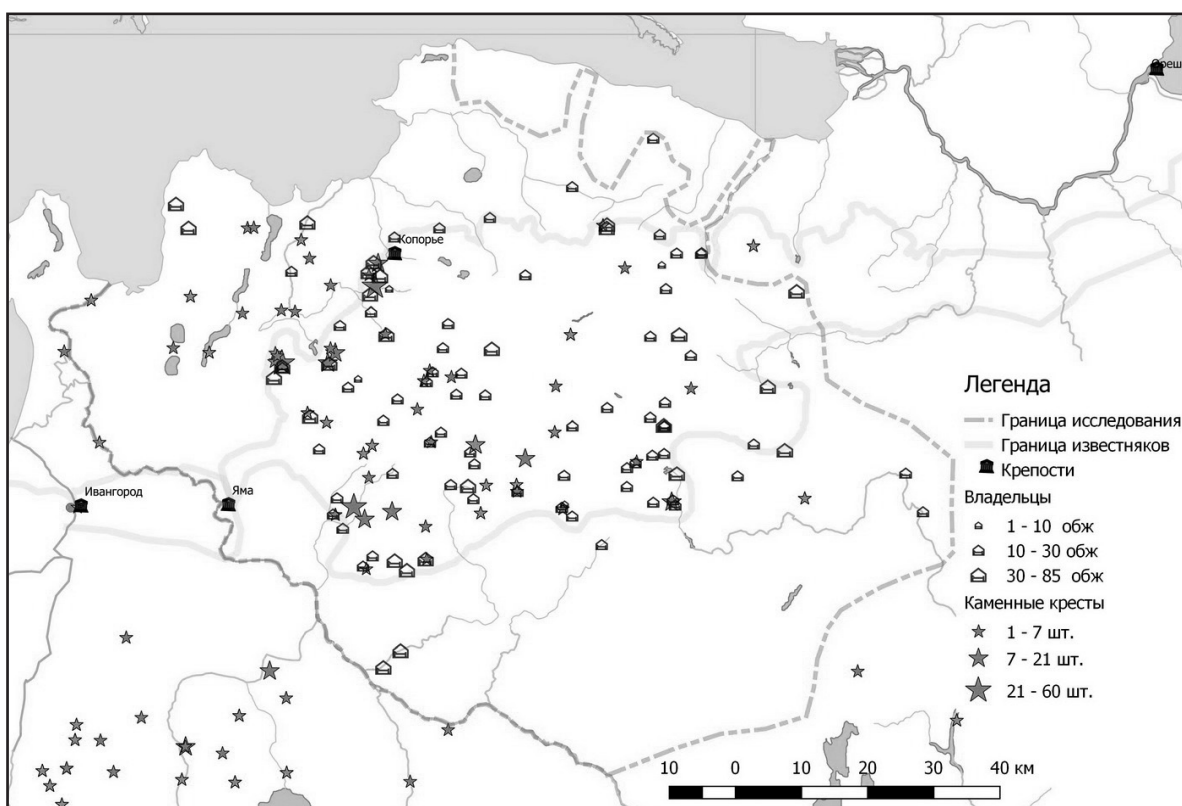

Рис. 5. Расположение каменных крестов и «больших дворов» землевладельцев

¹¹ Там же. С. 497.

В результате анализа писцовой книги нами было выявлено и локализовано на местности 94 «больших двора» землевладельцев. Для наглядности мы их разделили на три группы, в зависимости от размера землевладений, относящихся к конкретному «большому двору»:

- малые (от 1 до 10 обжей) – 4;
- средние (от 10 до 30 обжей) – 63;
- крупные (более 30 обжей) – 27 «больших дворов».

К сожалению, эта информация неполная, поскольку целиком отсутствуют сведения о «больших дворах» на территориях Спасского Орлинского, Никольского Грезневского и части Богородицкого Дягиленского погостов из-за утери листов писцовой книги после ее изучения К. А. Неволным.

На рис. 5 представлено совмещение слоев с данными о местах выявления каменных крестов и расположения «больших дворов» землевладельцев.

В непосредственной близости (менее 1 км) от мест обнаружения каменных крестов оказалось 20,2 % (19) от всех «больших дворов». При этом в пяти случаях эти усадьбы располагались в селениях, ранее принадлежавших новгородским монастырям. При увеличении «зоны тяготения» до 5 км доля таких «больших дворов» возрастает до 39,4 % (37). То есть остальные 60,6 % (57) «больших дворов» оказываются удалены от каменных крестов более чем на 5 км. Эти результаты, с учетом того, что сведения о «больших дворах» были неполными, говорят о весьма слабой зависимости.

Еще одной группой владельцев, которые фигурируют в писцовой книге, оказываются жители двух городов – Ямы (ямляне) и Ивангорода («служилые люди Ивангородцы»). Эти владельцы учитываются отдельно, и, что самое важное, они либо сами обрабатывают землю без подати (в основном, это практиковалось для ямлян), либо положенный на приписанных крестьян оброк берут себе.

Вот несколько примеров таких записей, имеющих отношение к ямлянам: «А дохода Ямлянам 130 и пол-осмы бочки пива, 80 сыров, 150 ковриг, а хлеба четверть»¹²; «а доход Филке четверть из хлеба; а Олексейко, да Костко, да Смешко свой жребий сами пашут»¹³.

Записи, касающиеся ивангородцев, немного отличаются: «А великого князя оброку положено и за хлеб 1 1/2 рубля, oprичь обежной дани, и того оброку не имати, дано им с оброком»¹⁴; «И тот доход им имати себе по обжам: и Федюне имати дохода с 7 обей, а Сидорику имати с сыном с 10 обей»¹⁵. В среднем, одна ивангородская семья получала себе доход с 5–6 крестьянских обжей.

Жителям города Ямы (239 дворов) еще с новгородского времени принадлежали земли, составившее Ямское Окологородье – 20 населенных пунктов вдоль правого берега реки Луги и село Ямская Весь (52 двора). В 5-километровой зоне притяжения этих селений зафиксировано всего семь каменных крестов (которые не сохранились), находившихся в двух местах на правом берегу реки Луги. На левом берегу Луги, за границами исследования, но в пределах 5-километровой зоны, нам достоверно известно только о двух каменных крестах.

Теперь рассмотрим сведения о владениях ивангородцев. В результате анализа писцовой книги мы смогли локализовать 35 селений (из 37 известных), где 90 ивангородским семьям были отданы владения, с которых они получали оброк. При этом в 19 случаях это были те же самые населенные пункты и те же обжи, которые ранее принадлежали новгородским монастырям и владыке.

¹² Там же. С. 956.

¹³ Там же. С. 888.

¹⁴ Там же. С. 539.

¹⁵ Там же. С. 792.

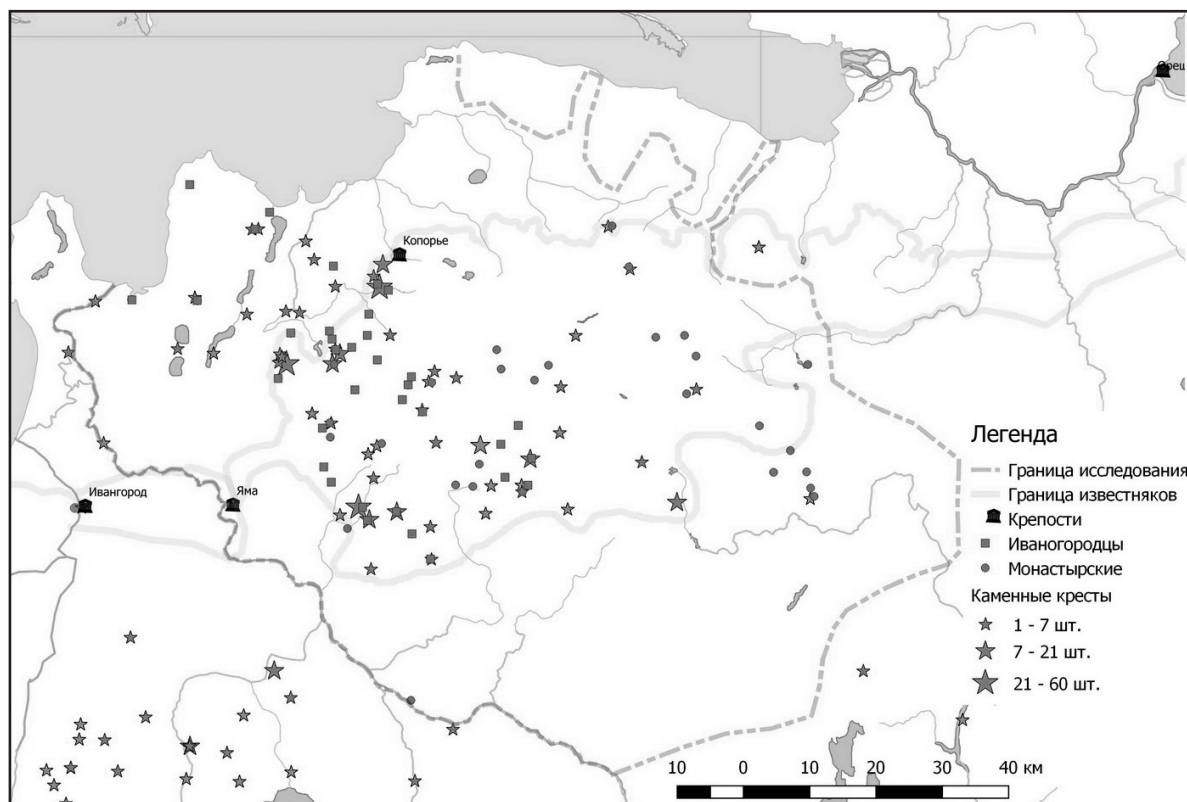

Рис. 6. Расположение каменных крестов, владений новгородских монастырей и ивангородцев

Вплотную (на расстоянии менее 1 км) к каменным крестам из этих 35 селений оказались расположены 31,43 % (11), а в пределах 5-километровой «зоны тяготения» – уже 82,8 % (29). Доля каменных крестов, находящихся в 5-километровой зоне этих селений, составила 79,7 % (244 экземпляра) от всех известных каменных крестов на территории исследуемых уездов.

На наш взгляд, эта очевидная зависимость не может объясняться случайностью.

Важно обратить внимание и на следующий факт. По данным В. Н. Бернадского, из глав этих 90 семей ивангородцев «86 были несомненно людьми новгородских бояр (или, если учесть их взрослых сыновей, из 121 человека взрослых служилых 114 были слугами новгородских бояр или детьми боярских слуг). Эти вновь испеченные помещики были в большинстве своем слугами влиятельнейших новгородских бояр, «великих бояр», хорошо известных по летописи» [Бернадский, с. 328].

Действительно, в переписной книге упоминаются ивангородцы как бывшие люди новгородских посадников Богдана Есипова, Луки Федорова, Григория Тучина и Якова Селезнева, тысяцкого Михаила Берденева и т. д. [Янин, с. 403, 407].

Так что подавляющее большинство этих служивых людей, ивангородцев, оказались не чужими пришельцами, это, вероятнее всего, бывшие жители Великого Новгорода, где они были хорошо знакомы с традицией установки каменных крестов (только в стенах 28 новгородских храмов нам известно 126 сохранившихся крестов) [Потравнов, Хмельник, 20186, с. 244].

Учитывая все эти сведения, мы полагаем, что если совместить (исключая дублирование) данные о наделах ивангородцев с владениями новгородских монастырей и владыки, то мы получим более точное представление о структуре этих владений с учетом временного диапазона, включающего в себя как минимум несколько десятков лет.

В результате такого совмещения данных (Рис. 6) оказалось, что доля каменных крестов, попадающих в 5-километровую зону тяготения 45 селений, которыми владели новгородские монастыри, владыка и ивангородцы, возросла до 83,98 % от всей совокупности, учитываемой в настоящем исследовании.

На наш взгляд, в результате объединения двух слоев проявилась очень сильная корреляция, которая позволяет сделать вывод о наличии явной зависимости (причины возникновения которой необходимо дополнительно изучать) между фактом расположения почти 84 % от учтенных в данном исследовании каменных крестов на расстоянии до 5 км от 70,3 % селений, которыми в разное время владели новгородские монастыри, владыка, а также ивангородцы.

4. Фактор вида деятельности

Еще один информационный слой, который содержится в писцовых книгах, относится к указанию вида экономической деятельности учтенного населения. Увы, нельзя назвать эти данные полными, но игнорировать такие сведения при анализе мы считаем недопустимым.

Основным видом деятельности местного населения, безусловно, было земледелие. Однако применительно к изучению каменных крестов нам важнее исследовать промышленные виды деятельности населения на рассматриваемой территории. В результате анализа выясняется, что основным промышленным видом деятельности в Копорском уезде было железоделательное производство. На территории Каргальского, Толдожского и Дятелинского погостов мы насчитали упоминания о 110 домницах. Кроме производства первичного железа из болотной руды, на данной территории была развита и железообработка, о чем свидетельствует большая концентрация кузнецов в Толдожском погосте (Рис. 7). Так, из упомянутых в переписной книге 60 кузнецов 39 мастеров проживали исключительно в этом погосте (Пилола – 19 человек, Войносола – 10 человек, Рудьела – 4 человека, и т. д.).

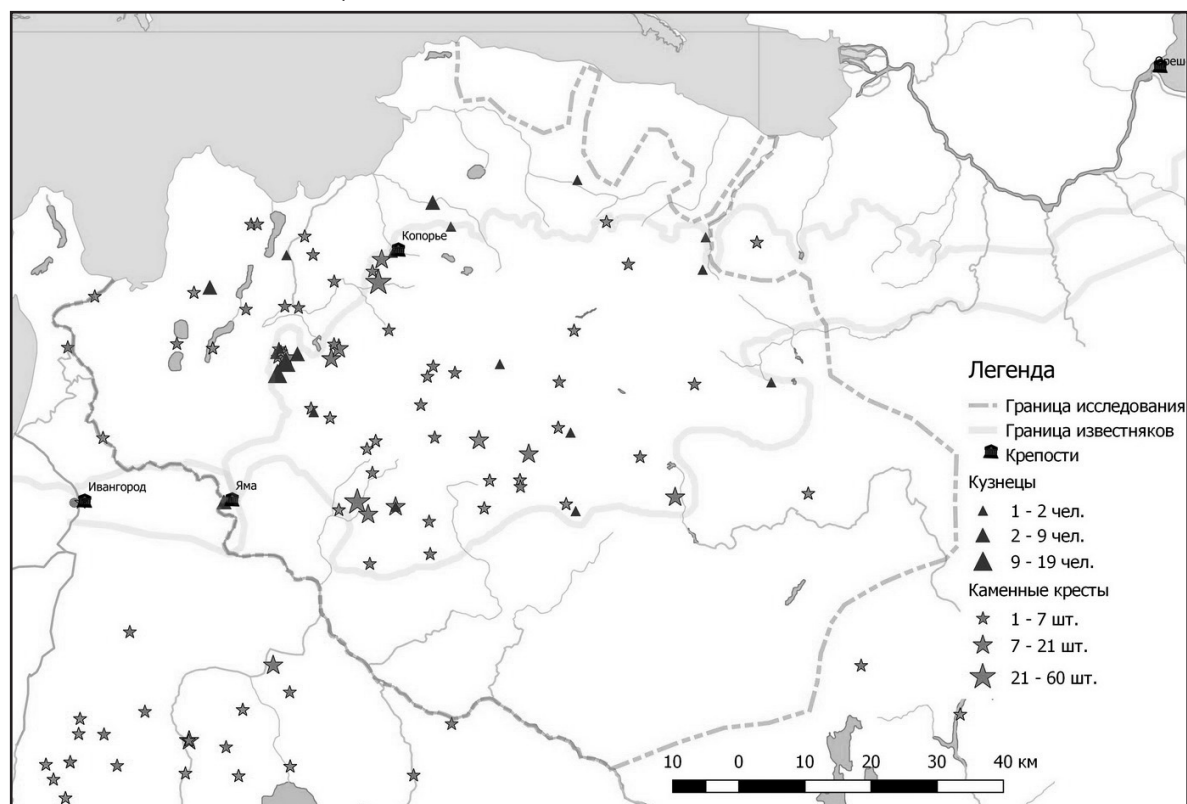

Рис. 7. Расположение каменных крестов и местожительство кузнецов

Рис. 8. Крест Ильи Онцифорова на Ястребинском погосте

Кроме того, в писцовой книге в этих двух уездах встречаются в весьма ограниченном количестве следующие специальности: решетник, плотник, ведерник, швец, колпачник, сапожник, седельник, кожевник, москотинник, пивовар, пастух, коневой лекарь и даже скоморохи! При этом среди всего перечисленного нигде не упоминается деятельность, связанная с обработкой камня. То есть у нас нет документально подтвержденных оснований заявлять, что в 1500 г. на исследуемой территории постоянно проживали некие мастера-каменотесы.

В связи с этим возникает вопрос: если нам не известно о существовании устойчивого местного промысла, связанного с камнеобработкой, то кто же тогда изготавливал многочисленные каменные кресты, зафиксированные на этой территории? Крестьяне-землепашцы? Кузнецы?

Уровень художественного мастерства, продемонстрированный на многих крестах, исключает возможность их изготовления непрофессиональным камнерезом. В качестве наглядного примера уровня сложности резьбы по камню может служить крест из д. Ястребино (Рис. 8).

Кстати, вырезанное на этом кресте имя – «Илья Онцифоров» – встречается в числе имен крестьян сельца Гора Ястребинского погоста: «дв. Илейка Онцыфоров, да брат его Исачко, дв. Перша Онцыфоров...» в переписной книге в 1500 г.¹⁶

Таким образом, на территории существуют каменные кресты с высоким уровнем исполнительского мастерства, а других объектов из камня (домов, мостов и проч.) здесь практически нет. Единственное, но весьма серьезное исключение составляют каменные крепости: Копорье (1297 г.), Яма (1384 г.) и находящийся рядом Ивангород (1492 г.).

Строительство каменных крепостей Копорье в 1297 г.¹⁷ и Яма в 1384 г.¹⁸ явно осуществлялось прибывшими из Новгорода мастерами. В 1448 г. Яму, после боев с Орденом, под личным контролем архиепископа Евфимия серьезно перестроили, значительно увеличив: «Заложиша городок нов, камен, охабень болши старого»¹⁹. Судя по всему, на эту работу также присылали мастеров из Великого Новгорода. Затем крепость перестраивали в начале XVI в., вероятно, с привлечением новгородских и псковских каменотесов, которые работали в это же время в Ивангородской крепости [Кирпичников, с. 201–202].

Ивангородская крепость была построена в 1492 г. с привлечением, по мнению В. В. Косточкина, псковских и, возможно, новгородских каменщиков [Косточкин, с. 253–254]. При расширении крепости в 1496–1499 гг. также упоминаются новгородские и псковские мастера [Косточкин, с. 256]. Затем, в 1507–1509 гг., расширением Ивангородской крепости занимались новгородский староста Владимир Торкан (Торокан) и Маркус Грек, а каменные работы, вероятнее всего, также исполняли новгородские и псковские мастера [Косточкин, с. 296].

Учитывая эти факты, вполне возможно, что и перестройку Копорской крепости в 1520-е гг. также выполняли псковские и новгородские мастера.

Таким образом, на рассматриваемой территории на рубеже XV–XVI вв. проводились масштабные строительные работы с привлечением высококвалифицированных мастеров по обработке камня из тех мест, где традиция изготовления и установки каменных крестов была хорошо известна, то есть из новгородских и псковских земель.

Кроме специалистов-каменщиков и хорошего строительного материала (известняка), требовалось большое количество инструмента для обработки камня. Вполне вероятно, что кузнецы Толдожского погоста как раз и могли изготавливать необходимый для постройки крепостей железный инструмент. На наш взгляд, большое количество кузнецов (35 человек), которое отмечает переписная книга на территории в 18 квадратных километров (Пилово – Войносолово – Пумалицы – Рудилово), говорит о повышенном спросе на готовую металлопродукцию именно в этом месте.

Исходя из имеющихся у нас предварительных сведений, включая некоторые результаты данного исследования, мы считаем одним из вероятных следующее предположение: изготовление каменных крестов на рассматриваемой территории могло быть связано с присутствием мастеров-каменотесов, привлекавшихся к постройке (реконструкции/ремонту) каменных крепостей Копорье, Яма и Ивангород. Мы полагаем, что традиция

¹⁶ Там же. С. 785.

¹⁷ ПСРА. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. С. 384.

¹⁸ Там же. С. 484.

¹⁹ ПСРА. СПб., 1889. Т. 16. С. 192.

создания и установки каменных крестов должна была быть известна и понятна не только тем заказчикам, кто проживал на территории, но и мастерам-изготовителям. Вполне возможно, что в некоторых случаях определенные навыки изготовления каменных крестов могли быть получены и отдельными местными жителями.

Такое предположение, с учетом ранее выявленных зависимостей, приводит нас к следующему предварительному выводу: изготовление каменных крестов в Копорском и Ямском уездах не носило постоянного характера в течение длительного времени. Оно имело дискретный характер и происходило во время присутствия мастеров-каменотесов, приглашенных на работы в указанные крепости, и, в некоторых случаях, могло продолжаться какое-то время и после отъезда этих мастеров – теми местными жителями, кто мог привлекаться в качестве помощников каменотесов.

Для дальнейшего изучения этого предположения необходимо провести специальное исследование с учетом целого ряда дополнительных факторов: данные о работах в крепостях, различия в форме изображений и надписей на каменных крестах, техника исполнения и т. д.

По этой причине мы считаем, что окончательно вопрос о том, кто и когда изготавливал каменные кресты на исследуемой территории, пока остается нерешенным.

Выводы

В ходе исследования по выявлению факторов, оказавших влияние на проявление неравномерности в распределении каменных крестов по территории Копорского и Ямского уездов Водской пятины, были получены следующие результаты.

1. На территории Копорского и Ямского уездов Водской пятины 87,25 % учтенных в исследовании каменных крестов оказались расположены на Ижорской возвышенности в границах залегания карбонатных пород ордовикского периода. При этом 91,4 % из них находятся западнее условной линии Копорье – Ославье – Извара, разделяющей возвышенность приблизительно на две равные части.

2. Почти 84 % от учтенных в исследовании монументальных каменных крестов оказались расположены на расстоянии до 5 км от 70,3 % селений, которыми в разное время владели 14 новгородских монастырей, новгородский архиепископ (владыка), а также 90 семей ивангородцев.

3. Зависимости расположения могильников с каменными крестами от общей структуры расселения Копорского и Ямского уездов Водской пятины и ее иерархии (крупные, средние и малые поселения) (локализовано 494 населенных пункта) выявлено не было.

4. Зависимость расположения «больших дворов» (помещичьих усадеб) от мест обнаружения каменных крестов оказалась очень слабой: 20,2 % «больших дворов» (19) находятся в непосредственной близости (до 1 км) и 39,4 % дворов (37) – на удалении не более 5 км.

5. В писцовых книгах не было выявлено никаких сведений об осуществлении какой-либо деятельности тяглого населения, связанной с обработкой камня, в то время как на работы по устройству крепостей Ивангорода и Ямы были привлечены каменотесы с других территорий.

На основании этого мы можем сделать следующий вывод.

На неравномерность распределения каменных крестов на территории Копорского и Ямского уездов Водской пятины оказала влияние целая совокупность факторов, среди которых наиболее важными мы считаем:

- существование традиции изготовления и установки каменных крестов в Великом Новгороде в период XII–XVI вв.;

- владение монастырями из Великого Новгорода и новгородским архиепископом до конца XV в. земельными наделами в 49 населенных пунктах на исследуемой территории;
- строительство и реконструкция крепостей Копорье, Яма и Ивангород в период с конца XIII по середину XVI в.;
- владение по состоянию на 1500 г. 90 семьями ивангородцев (бывших слуг новгородских знатных бояр) земельными наделами в 37 населенных пунктах на исследуемой территории.

Литература

- Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. 395 с., 1 л. портр.
- Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг. Ч. 1. 783 с. разд. паг.
- Ингерманландия глазами Самули Паулахарью. Велозэкспедиция летом 1911 года. СПб., 2014. 110, [1] с.
- Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. 8. [4], IV, 513 с.
- Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1885. Вып. 10. 514 с. разд. паг., 2 л. карт., табл.
- Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. 275 с.
- Киселев И. И., Проскуряков В. В., Саванин В. В. Геология и полезные ископаемые Ленинградской области. СПб., 2002. 234 с.
- Кольчатов В. А. Раскопки могильника у д. Плещевицы // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 14.
- Косточкин В. В. Крепость Ивангород // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М., 1952. Т. 2. Крепостные сооружения Древней Руси. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 31). С. 224–317.
- Латишин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. СПб., 1990. Ч. 1. 123 с.
- Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853. (Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 8). XII, 236, 415 с., 1 л. карт.
- Панченко В. Б. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. 2005–2009. № 5. С. 420–438.
- Панченко В. Б. Работы Археологической экспедиции государственного Эрмитажа по изучению культовой архитектуры малых форм // Археологические открытия 2016 года. М., 2018. С. 22–24.
- Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. О географии распространения монументальных каменных крестов на северо-западе России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 64–76. [Потравнов, Хмельник, 2018a]
- Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты. М., 2018. 367 с. [Потравнов, Хмельник, 2018b]
- Пушкарев И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1842. Ч. 4. [4], II, 193 с.
- Седов В. В. Восточные славяне в VIII–XIII вв. М., 1982. 327 с.
- Стасюк И. В. Историко-археологический очерк средневекового расселения в Дягиленском погосте Водской пятины. СПб., 2008. 40 с.
- Стасюк И. В. Средневековое расселение на западе Ижорского плато: Ратчинский и Лъешский погосты Водской пятины // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2020. Вып. 33. С. 148–154.
- Хухарев В. В. Стерженский крест и каменные кресты Тверского края // Вопросы эпиграфики. М., 2013. Вып. 7. Ч. 2. С. 147–163.
- Янин В. А. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 511 с.

References

- Bernadskii, V. N. Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke [Novgorod and the Novgorod Land in the 15th Century]. Moscow; Leningrad, 1961. 395 p., 1 l. of portr.
- Gnevushev, A. M. Ocherki ekonomicheskoi i sotsial'noi zhizni sel'skogo naseleniya Novgorodskoi oblasti posle prisoedineniya Novgoroda k Moskve [Essays on the Economic and Social Life of the Rural Population of the Novgorod Region after the Annexation of Novgorod to Moscow]. Kiev, 1915. Vol. 1. Sel'skoe naselenie Novgorodskoi oblasti po pistovym knigam 1495–1505 gg. [The Rural Population of the Novgorod Region according to the Scribal Books of 1495–1505]. Part 1. 783 p. separate pagination.
- Ingermanlandiya glazami Samuli Paulakharyu. Veloekspeditsiya letom 1911 goda [Ingermanland through the Eyes of Samuli Paulaharyu. Bicycle Expedition in the Summer of 1911]. Saint Petersburg, 2014. 110, [1] p.
- Istoriko-statisticheskie svedeniya o Sankt-Peterburgskoi eparkhii [Historical and Statistical Information about the Saint Petersburg Diocese]. Saint Petersburg, 1884. Issue 8. [4], IV, 513 p.
- Istoriko-statisticheskie svedeniya o Sankt-Peterburgskoi eparkhii [Historical and Statistical Information about the Saint Petersburg Diocese]. Saint Petersburg, 1885. Issue 10. 514 p. separate pagination, 2 l. of maps, tabl.
- Khukharev, V. V. Sterzhenskii krest i kamennye kresty Tverskogo kraja [The Sterzhensky Cross and Stone Crosses of the Tver Region]. In *Voprosy epigrafiki*. Moscow, 2013. Issue 7. Part 2. Pp. 147–163.
- Kirpichnikov, A. N. Kamennye kreposti Novgorodskoi zemli [Stone Fortresses of the Novgorod Land]. Leningrad, 1984. 275 p.
- Kiselev, I. I., Proskuryakov, V. V., Savanin, V. V. Geologiya i poleznye iskopaemye Leningradskoi oblasti [Geology and Minerals of the Leningrad Region]. Saint Petersburg, 2002. 234 p.
- Kol'chatov, V. A. Raskopki mogil'nika u d. Pleshchevitsy [Excavations of the Burial Ground at the Village of Pleshchevitsy]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda*. Moscow, 1981. P. 14.
- Kostochkin, V. V. Krepost' Ivangorod [Ivangorod Fortress]. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov*. Moscow, 1952. Vol. 2. Krepostnye sooruzheniya Drevnei Rusi. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 31). Pp. 224–317.
- Lapshin, V. A. Arkheologicheskaya karta Leningradskoi oblasti [Archaeological Map of the Leningrad Region]. Saint Petersburg, 1990. Part 1. 123 p.
- Nevolin, K. A. O pyatinakh i pogostakh novgorodskikh v XVI veke, s prilozheniem karty [About Novgorod Pyatinas and Pogosts in the 16th Century, with the Application of the Map]. Saint Petersburg, 1853. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Book 8). XII, 236, 415 p., 1 l. of maps.
- Panchenko, V. B. Kamennye kresty Izhorskogo plato (katalog) [Stone Crosses of the Izhora Plateau (Catalog)]. In *Stratum plus*. 2005–2009. No. 5. Pp. 420–438.
- Panchenko, V. B. Raboty Arkheologicheskoi ekspeditsii gosudarstvennogo Ermitazha po izucheniyu kul'tovoi arkhitektury malykh form [Works of the Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum on the Study of Cult Architecture of Small Forms]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2016 goda*. Moscow, 2018. Pp. 22–24.
- Potravnov, A. L., Khmel'nik, T. Yu. O geografii rasprostraneniya monumental'nykh kamennykh krestov na severo-zapade Rossii [On the Geography of the Distribution of Monumental Stone Crosses in North-West Russia]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 3 (73). Pp. 64–76. [Potravnov, Khmel'nik, 2018a]
- Potravnov, A. L., Khmel'nik, T. Yu. Bezmolvnye strazhi proshlogo. Monumental'nye kamennye kresty [Silent Guardians of the Past. Monumental Stone Crosses]. Moscow, 2018. 367 p. [Potravnov, Khmel'nik, 2018b]
- Pushkarev, I. Opisanie Sankt-Peterburga i uездnykh gorodov Sankt-Peterburgskoi gubernii [Description of Saint Petersburg and the County Towns of Saint Petersburg Province]. Saint Petersburg, 1842. Part 4. [4], II, 193 p.
- Sedov, V. V. Vostochnye slavyane v VIII–XIII vv. [Eastern Slavs in the 8th – 13th Centuries]. Moscow, 1982. 327 p.

Stasyuk, I. V. Istoriko-arkheologicheskii ocherk srednevekovogo rasseleniya v Dyagilenskom pogoste Vodskoi pyatiny [Historical and Archaeological Essay of the Medieval Settlement in the Dyaghilev Pogost of the Vodskaya Pyatina]. Saint Petersburg, 2008. 40 p.

Stasyuk, I. V. Srednevekovoe rasselenie na zapade Izhorskogo plato: Ratchinskii i L'eshskii pogosty Vodskoi pyatiny [Medieval Settlement in the West of the Izhora Plateau: Ratchinsky and L'yeshsky Pogosts of the Vodskaya Pyatina]. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya*. Velikii Novgorod, 2020. Issue 33. Pp. 148–154.

Yanin, V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod Posadniks]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 2003. 511 p.

Alexander L. Potravnov
The Regionavtica Project, Saint Petersburg, Russia
Tatyana Y. Khmel'nik
The Regionavtica Project, Saint Petersburg, Russia

ABOUT IRREGULARITY OF PLACEMENT OF STONE CROSSES
WITHIN THE BOUNDARIES OF COPORYE AND YAMA COUNTIES OF VODSKAYA PYATINA

The article presents the results of a study aimed at identifying factors that influenced the spread of stone crosses in the Coporye and Yama counties. The basic initial data for the study were as follows: information on the location of stone crosses, information from scribe books of the Vodskaya Pyatina of the late 15th – early 16th centuries and materials on the geology of the territory. Based on the localization by the authors of 494 settlements of the indicated districts, the possessions of Novgorod monasteries and military settlers – Ivangorodts, as well as a number of other data recorded in the geographic information system, a number of dependencies were revealed. Based on the analysis of the results obtained, conclusions were drawn about the influence of various factors, and an assumption was made about discreteness of the periods of manufacture of stone crosses in this territory.

Keywords: a stone cross, Geoinformation system, Vodskaya Pyatina, Coporye County, scribe books

УДК 821.161.1(091) ББК 63.2:83.3(2Рос=Рус)1 DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.009

А. В. Духанина
ИРИ РАН, Москва, Россия, sakhara@yandex.ru

«ПРЕЛОЖЕНИЕ ГРАМОТАМ»:
ОТРЫВОК ИЗ ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО В СОСТАВЕ «ЗЛАТОЙ ЦЕПИ»

Не позднее 60-х гг. XV в. из главы «О азбуке пермской» Жития Стефана Пермского был извлечен отрывок, который под заголовком «Преложение грамотам» вошел в сборник энциклопедического состава «Златая цепь» и образовал самостоятельную рукописную традицию, прослеживающуюся до конца XVIII в. На данный момент выявлены 13 списков текста, встречающихся в составе «Златой цепи» и фрагментов из нее, а также выписанных отдельно; их география достаточно широка и связана в первую очередь с крупными книгописными центрами. Обращение к «Преложению грамотам» позволяет уточнить как ранний этап рукописной традиции Жития Стефана Пермского, так и некоторые особенности рукописной традиции «Златой цепи».

Ключевые слова: агиография, текстология, Житие Стефана Пермского, «Златая цепь», «Преложение грамотам»

Житие Стефана Пермского (далее – ЖСП) – выдающийся памятник древнерусской литературы, написанный иноком Епифанием Премудрым вскоре после преставления святителя, в конце XIV – начале XV в.¹ Одним из малоразработанных аспектов изучения Жития является его рукописная традиция.

Списков, близких ко времени создания сочинения, не сохранилось. Наиболее ранний известный сегодня список полного текста Жития датируется 70-ми гг. XV в. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н. П. Лихачева). Оп. 1. № 161 (далее – Лих. 161)²); наряду с ним был известен до недавнего времени еще только один список XV в. – ОР РНБ. Собрание П. П. Вяземского. Q.10 (далее – Вяз. Q.10), датирующийся 90-ми гг. столетия.

Однако помимо функционирования в качестве агиографического произведения Житие распространялось также в виде отрывков, которые могли образовывать самостоятельные рукописные традиции. Этот аспект бытования текста на данный момент почти не изучен, хотя может предоставить много новой интересной информации о месте и роли сочинения в русской книжности.

¹ Единого мнения о датировке текста пока не сложилось, см. историографию вопроса: [Житие Сергия Радонежского, с. 560–561].

² Список выявлен Б. М. Клоосом [Клоос, с. 98]. Описание и историю рукописи см.: [Духанина, Карбасова, Башнин, 2020а; Духанина, Карбасова, Башнин, 2020б].

Одним из таких отрывков является небольшой текст, вошедший под заголовком «Преложение грамотам»³ в «Златую цепь» – сборник энциклопедического характера и неустойчивого состава.

Первые исследователи, обратившиеся к тексту «Преложения грамотам», не отождествляли его с Житием Стефана Пермского. В научный оборот «Преложение грамотам» из «Златой цепи» ввел О. М. Бодянский, в своей работе о происхождении славянских писем охарактеризовавший текст как «свободную переделку» Сказания «О письменах» черноризца Храбра и опубликовавший его по списку из июльского тома Успенского комплекта Великих Миней Четьих, куда под 31 июля была включена «Златая цепь» [Бодянский, с. 94–95, LV–LVII]. П. А. Лавров, перепечатав публикацию О. М. Бодянского, озаглавил текст «Сказание о Пермской грамоте» и дал ему такую характеристику: «интересный образчик того, как повлияло на него Сказание Храбра» [Лавров, с. XLIV, 167–168]. Со ссылкой на О. М. Бодянского «Преложение грамотам» как вариант Сказания «О письменах» указано при описании содержащего его сборника ОР ГИМ. Собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. № 103 [Амфилохий (Сергиевский), с. 139]. Как извлечение из Сказания «О письменах» черноризца Храбра охарактеризован этот отрывок при описании включающей его рукописи ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 951 [Горский, Невоструев, с. 585].

Впервые на то, что рассматриваемый текст является отрывком из Жития Стефана Пермского, указал Д. И. Абрамович при описании рукописи ОР РНБ. Софийское собрание. № 1454, куда текст был включен без заголовка [Абрамович, с. 222–223]. Как отрывок из ЖСП этот текст определен также при описаниях еще трех содержащих его рукописей: ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 948 [Протасьева, 1973, с. 60]; ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 951 [Баранкова, 2015, с. 45]; ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 71 [Анисимова, 2017, с. 192].

Л. С. Ковтун привлекла «Преложение грамотам» в качестве лексикографического источника, охарактеризовав текст как статью, взятую из ЖСП [Ковтун, с. 14]. Как самостоятельное произведение, являющееся отрывком из ЖСП, «Преложение грамотам» (по списку ОР РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). № 573) впервые кратко рассмотрела А. Ю. Степанова в своей диссертационной работе, посвященной русским редакциям Сказания «О письменах» черноризца Храбра [Степанова, с. 113–119].

Таким образом, «Преложение грамотам» накопило на данный момент некоторую библиографию, состоящую из отдельных упоминаний в рамках описания рукописей или в связи с анализом других сочинений. Однако системному изучению текст не подвергался. В настоящей статье мы предполагаем восполнить этот пробел.

«Преложение грамотам» как отдельное произведение

Текст представляет собой извлечение из главы «О азбуке пермской» Жития Стефана Пермского и посвящен непосредственно сюжету о создании азбук, поэтому он начинается их перечислением в порядке появления: Прѣжѣ^д жѣ^е всѣ^х грамотъ бы^с жидовска^а грамота. с то^а снаша елиньстин грамотичници. тачѣ по си^х римска^а. и прочии нини мнози. по мнозѣ^х же лѣтѣ^х руска^а. || послѣ^х же всѣ^х перьска^а. (Син. 951. Л. 276–276 об.)⁴.

Далее текст Жития цитируется дословно, при этом в нем сделаны три сокращения, убирающие риторические отступления Епифания Премудрого.

³ Текст имеет в списках и другие заголовки (см. ниже), однако в литературе закрепился именно этот. Мы также будем использовать этот вариант как наиболее частотный.

⁴ Здесь и далее текст «Преложения грамотам» цитируется по старшему списку: ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 951 (далее – Син. 951). Л. 276–279 (о списке см. ниже).

Первое из них касается пермской азбуки: опущен фрагмент с пермским алфавитом и пространным рассуждением Епифания, в котором он приводит доводы «неких скудоумных», сомневающихся в необходимости создания пермской азбуки (здесь и далее в таблицах этого раздела опущенные фрагменты подчеркнуты):

ЖСП (Лих. 161)	«Преложение грамотам» (Син. 951)
<p>мнози бо соутъ грамоты и мнози азъбоуѣны. <u>но се имена словомъ азъбоуѣны пермьскыя.</u> <u>а боуръ. ган. дон. є жон. джон. зата. зита. и.</u> <u>коке. лен. мено. нено. во. пѣн. реи. син. таи. цю.</u> <u>черы. шюн. ы. є ю ѡ. нѣции же скоуднии сѣще</u> <u>ѡмомъ [рѣша]⁵. почто ли сътворени соутъ</u> <u>книгы пермьскыя. или что ради съставлена</u> <u>бысть азъбоуѣ пермьскыя грамоты. и преже^д</u> <u>сего издавна въ перми не бывало грамоты.</u> <u>пошлина соущии такова не имоушимъ имъ</u> <u>издавна ѡ себе грамоты. и тако изъжившимъ</u> <u>имъ вѣкъ свои без неѣ. нынѣ же въ скончание</u> <u>лѣтъ въ послѣднѣмъ днѣ. на исходъ числа</u> <u>седмыа тысящи, паче же мала ради времени.</u> <u>точною. за. р. и. к. лѣтъ. до скончания вѣку.</u> <u>грамота замышлати. аще ли и се требѣ есть.</u> <u>достояше паче роуѣскаѣ готова соущии</u> <u>грамота. юже бы предати имъ и наоучити ѣ.</u> <u>соутъ бо писмена книжнаѣ, ихъже издавна</u> <u>и по пошлинѣ имоуще ѣзыци оу себе. такоже</u> <u>се жидовьскыи елѣньскыи. римъскыи. к нимъ</u> <u>же что достонть реци. или что подобаетъ</u> <u>ѡвѣ щати. ѣвѣ же есть такоже наоучаемсѣ</u> <u>ѡ писаниѣ. а не инако како (Л. 246–247)</u></p>	<p>мнози бо сѣ^т грамоты. и мнози азъбуѣны. Сѣ^тть бо писмена книжнаѣ. ихъже издавна. и по пошлинѣ имоуще ѣзыци оу себе. ^жако се жидовьскыи елѣньскыи римьскыи к нимъ же что достонть реци. или что подобаетъ^т ѡвѣщати. ѣвѣ^ж есть ^жако наоучаемсѣ^м ѡ писаниѣ, а не инако како (Л. 276 об.)</p>

Как отмечает А. Ю. Степанова, при сокращении текста Жития автор «Преложения грамотам» непоследователен – удалив вопрос «неких скудоумных», он оставил в ответе отсылку к нему: к нимъ же что достонть реци. или что подобаетъ^т ѡвѣщати (Син. 951. Л. 276 об.), так что читателю не ясно, кому и на какое возражение нужно отвечать [Степанова, с. 116]. Однако логика автора понятна. Если не учитывать указанную отсылку в ответе, то сокращение можно признать вполне удачным: сообщая о существовании «многих грамот» и «многих азбук», автор плавно переходит к рассказу о «письменах книжных», которые «издавна и по пошлине имоуще ѣзыци у себе». Удаление подробностей о пермской азбуке также логично – в рассказе о составлении азбук они, если можно так выразиться, не на месте: пермская азбука создана последней по времени из упоминаемых и потому рассуждения о ней и тем более ее полный алфавит здесь оказываются как бы забеганием вперед.

Второе сокращение связано с риторическим отступлением, которое опять же касается пермской азбуки:

⁵ Слово отсутствует в списке Лих. 161, восстановлено по списку Вяз. Q.10.

ЖСП (Лих. 161)	«Преложение грамотам» (Син. 951)
<p>и тако по многа лѣта мнози философи. едѣа събрали соутъ азъбоукоу греческою. словъ числомъ. ли. потомъ же многымъ лѣтомъ мимошедшимъ. бѣжимъ промысломъ ѡбрѣтошасѣ сѣмьдесятъ мужъ мудрець. иже преложили книги ѡ жидовскаго языка на греческыи. коль много лѣтъ мнози философи единьстѣи свирали съставлявали грамоту греческою. и едѣа оуставили мнозиѣми трѣды. и мнозиѣми времени едѣа сложили. а пермскою грамотоу единъ чернецъ сложилъ. единъ составилъ. единъ счинилъ. единъ калоуѣрь. единъ мнихъ. единъ инокъ. стефанъ гла приснопомнимыи епѣ. единъ въ едно время. а не по многа времена и лѣта. такоже и ѡни. но единъ инокъ. единъ въ оуединении оуединиласѣ. единъ оуединеныи. единъ. единого бѣа на помощь призываѣа. единъ единому бѣоу молашѣ и гла. бѣе и гн. иже премудрости наставниче и смыслоу давче. несмысленымъ казателю. и нишимъ застоупниче. оутверди въ разѣмѣ срѣце мое. и данъ же ми слово ѡчѣе слово. да тѣа прославляю въ вѣкы вѣкомъ. и сице единъ инокъ къ единому бѣоу помоласѣ. и азъбоукоу сложилъ. и грамотоу сътворилъ. и книги перевелъ. въ малыхъ лѣтѣхъ бѣоу помогающѣи емоу. а ѡни мнози философи многыми лѣты. сѣмь философовъ. едѣа азъбоукоу оуставили. а. ѡ. мужъ мудрець. преложение преложили перетолмачили книги ѡ жидовскаго на греческыи языкъ переведоша (Л. 248–249)</p>	<p>и тако по многа лѣтѣ. мнози философи. едѣа собрали сѣ азъбукѣ грескую. словъ числомъ. ли. Потомъ же мнози лѣто мимошедшимъ. бѣи промысломъ ѡбрѣтоша. ѡ. мужъ мудрець. иже преложили книги ѡ жидовскаго языка на грескыи. коль много лѣтѣ мнози философи единьстѣи свирали съставлявали грамоту греческою. и едѣа оуставили мнозиѣми трѣды. и мнозиѣми времени едѣа сложили. сѣмь философѣ. едѣа азъбукѣ съставили. а. ѡ. мужъ мудрець преложение. преложили. перетолмачили книги ѡ жидовскаго на грескыи языкъ переведоша (Л. 277 об.–278)</p>

Здесь убирается рассуждение Епифания Премудрого, в котором книжник противопоставляет труд Стефана, единолично создавшего пермскую азбуку и переведшего на нее богослужебные книги за короткое время, длительной истории греческой азбуки, в создании которой принимали участие много «философов». В итоге текст последовательно повествует только о греческой азбуке, однако и в этом случае правку нельзя признать удачной (хотя именно так ее характеризует А. Ю. Степанова [Степанова, с. 117]): в результате сокращения текст содержит едва ли не прямой повтор – дважды, причем частично одинаковыми словами, сообщается о том, что греческую азбуку «мнози философи многими времени едѣа составили», а «70 муж-мудрецъ» «преложили книги» с «жидовска» языка на греческий. Это снова указывает на явно механический характер правки, где автору было важно прежде всего удалить сообщение о пермской азбуке, – при более внимательном отношении к тексту он должен был бы опустить и вторую из двух параллельных фраз (сѣмь философѣ. едѣа азъбукѣ

сѣставили. а. ѿ. мѹжь мѹдрецъ преложениѣ. преложили. перетолмачили книги ѿ жидѹскаго на грескыи азъы^к преведоша⁶.

Наконец, третье сокращение также убирает риторическое отступление Елифания Премудрого:

ЖСП (Лих. 161)	«Преложение грамотам» (Син. 951)
<p>тѣмже мною тако рѹскаѧ грамота честнѣиши естъ паче еллинскоѣ. сѣтъ бо моужь сѣтворилъ ю естъ. кирила рекоу философа. а греческоюу алфавитѹ. еллини некрѣпени погани соущѣ сѣставлявали соутъ. такоже и потомѹ же пермьскаѧ грамота. паче еллиньскыѧ. юже стефанъ сѣтвори. тамо кирилъ. зѧѣ же стефанъ. ѡба снѧ моужа добра и моудра быста. и равна соуща моудрованнѣ. ѡба одинако равенъ подвигъ ѡбависта, и подѣаста. и бѣ ради ѡба потроужастасѧ. ѡво сѣсениѧ ради словѣномъ. ѡво же перманомъ, тако двѣ свѣтилѣ свѣтлѣ азъыкъ просвѣтиста. ѡ каковыѧ похвалы достонна быста. памѧтъ бо рече праведныхъ с похвалами бываеъ, и похваляемоу праведникоу възвеселѧтсѧ людѣ. си бо бѣ прослависта. и бѣтъ еѹ прослави. славащаѧ бо ма рече прославлю. но кирилоу философу спосаблаше многожды братъ его мефодъ. или грамотѹ сѣкладывати. или азъвоукоу сѣставлявати. или книги переводити. стефанѹ же никтоже ѡбрѣтесѧ помощникъ. развѣ токмо единъ гѣ бѣтъ нашъ приѡбѣжище и сила. помощникъ въ скорбехъ ѡбрѣтъши ны зѣло (Л. 249–249 об.)</p>	<p>Тѣмже мною тако рѹскаѧ грамота чѣтнѣиши естъ па еллиньскыѧ. сѣтъ бо мѹ сѣтвори ю естъ. кирила реку философа. а грескую алфавитѹ еллини некрѣпени сѹще сѣставлявали сѹ. та и потомѹ же перьскаѧ грамота па еллиньскыѧ, юже стефанъ сѣтвори. но кирилѹ философу сѣпосаблаше многожды бра^т его мефодъ. или грамотѹ сѣкладывати. или азъвѹкѹ сѣставлявати. или книги переводити. стефанѹ же никто^ж ѡбрѣтѣ^с помощникъ^к. развѣ токмо единъ гѣ бѣтъ нашъ. приѡбѣжище и сила. помощникъ^к въ скорбѣхъ ѡбрѣ^т тших ны зѣло (Л. 278–278 об.)</p>

Автор «Преложения грамотам» опускает сравнение Стефана Пермского с Кириллом, в котором Елифаний подчеркивает единство миссионерского подвига двух святых-просветителей. В итоге получается логичный переход от противопоставления славянской и пермской азбук, составленных святыми Кириллом и Стефаном, «еллинской» азбуке, составленной «еллинами некрещеными», – к противопоставлению Стефана, в одиночку создавшего пермскую азбуку, Кириллу, которому в его трудах помогал его брат Мефодий (указание на сходство Стефана и Кирилла здесь оказывается отступлением).

Таким образом, «Преложение грамотам» являет собой образец чисто механического редактирования, в рамках которого из текста источника – Жития Стефана Пермского – убираются риторические отступления, посвященные пермской азбуке, слишком пространные и стилистически украшенные и, кроме того, не укладывающиеся в логику повествования.

Как можно видеть, «Преложение грамотам» оказывается своего рода справкой – небольшим последовательным рассказом о создании трех азбук, где основное внимание

⁶ Видимо, этот повтор попытался устранить писец списка Соф. 1454 (см. ниже).

уделено истории греческой азбуки. Текст начинается сообщением о существовании множества азбук. Далее подробно повествуется о создании греческой азбуки, а затем с ней и между собой сопоставляются славянская и пермская азбуки. Завершается текст пассажем, посвященным датировке славянской азбуки (заключительные слова: ...въ кня³ж^тн^нн^не (sic!) кн^а велик^а все^а р^уси лю^рика погана с^ущи и нек^рщ^ена. за. р^к, л^ѣ до к^рщ^нн^на р^уськ^иа з^ѣла. а ѿ соз^да^на мир^у в л^ѣто. ꙗ.ѣ.ѣг (Син. 951. Л. 279)). Это соответствует содержанию: несмотря на упоминание пермской азбуки, в тексте ей отведено меньше места, чем славянской и тем более греческой. Такое завершение можно рассматривать как своеобразный четвертый пропуск, где снова опускается информация о пермской азбуке – на сей раз о времени ее создания. Впрочем, быть может, автор «Преложения грамотам» просто не смог механически сократить тот немалый фрагмент о пермской азбуке на нескольких листах, который следует в Житии за указанием года составления славянской азбуки.

Отчасти «Преложение грамотам» по своему содержанию и завершению приближается к Сказанию «О письменах» черноризца Храбра, которое лежит в основе главы «О азбуке пермской» ЖСП⁷. Возможно, это и стало причиной того, что некоторые ученые рассматривали текст как переделку Сказания.

Однако для составления этой справки об истории «грамот» в качестве источника был выбран именно текст Жития, а не лежащее в его основе Сказание «О письменах». Как кажется, это может объясняться тем, что глава «О азбуке пермской» ЖСП содержит дополнительные сведения – о новой, пермской, азбуке, созданной на Руси.

«Преложение грамотам» и «Златая цепь»: рукописная традиция

На данный момент выявлено 13 списков «Преложения грамотам», которые приводятся ниже в хронологическом порядке:

- 1) ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 951. Сборник. 50–60-е гг. XV в. Л. 276–279 (описание рукописи: [Горский, Невоструев, с. 569–589]; датировка по филиграмм⁸);
- 2) ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 948 (далее – Син. 948). Сборник. 70-е гг. XV в. Л. 220 об.–223 об. (описание рукописи: [Кучкин, с. 243–245; Протасьева, 1973, с. 60]);
- 3) ОР ГИМ. Собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. № 103 (далее – Воскр. 103). Сборник. 70-е гг. XV в. Л. 20 об.–22 об. (описание рукописи: [Амфилохий (Сергиевский), с. 139–141]; датировка по филиграмм⁹);
- 4) ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 367 (далее – Епарх. 367). Златая цепь с дополнениями. Конец XV – начало XVI в. Л. 38 об.–40 об. (описание рукописи: [Дианова, Костюхина, Поздеева, с. 376–377]; датировка по филиграмм¹⁰);

⁷ Епифаний Премудрый, взяв текст Сказания, переработал его в рассказ о составлении пермской азбуки, сохранив общую структуру, многие фразы и стилистические обороты источника (см.: [Куев, с. 172–175; Баранкова, 1998]).

⁸ Филиграмм: 1) корона, типа *Лихачев* № 1036 – 1460 г., № 2599 – 1460-е гг.; 2) корона, типа *Лихачев* № 2597 – 1460-е гг.; 3) гроздь винограда, типа *Пикар (фрукты)* I № 559, 602 – 1456 г., типа *Лихачев* № 1019 – 1456 г.; 4) гроздь винограда, типа *Пикар (фрукты)* I № 582 – 1455 г., № 587 – 1458–1459 гг.; 5) корона, типа *Лихачев* № 1035 – 1460 г., № 2601 – 1460-е гг.; 6) ключи, типа *Брике* № 3868 – 1427–1458 гг.; 7) голова быка, типа *Пикар (голова быка)* XII № 674 – 1457–1460 гг. Ср. датировку 60-ми гг. XV в. бумаги с филиграммами 1 и 5, на которой читается фрагмент из сборника Син. 951, попавший в другую рукопись – ОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 562 [Анисимова, 2019].

⁹ Рукопись является конволютом, включающим несколько разновременных частей. Часть, куда входит «Преложение грамотам» (Л. 1–131), имеет филиграмм: 1) голова быка, 2) варианта, типа *Пикар (голова быка)* XII № 747 – 1471–1473 гг.; 2) голова быка, типа *Пикар (голова быка)* XI № 233 – 1475–1477 гг.; 3) голова быка, 2 варианта, типа *Пикар (голова быка)* XIII № 513 – 1477 г., № 514 – 1476–1477 гг.; 4) голова быка, типа *Пикар (голова быка)* XI № 231 – 1473–1476 гг.; 5) голова быка (нижняя часть, л. 109), не отожд.

¹⁰ Филиграмм: литера Р, типа *Брике* № 8904 – 1494 г., типа *Пикар (литера Р)* I № 174 – 1518–1519 гг.

5) ОР РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). № 573 (далее – Волок. 573). Сборник. 30–40-е гг. XVI в. Л. 423 об.–427 (описание рукописи: [Иосиф, с. 221–228; Дмитриева, с. 305–306]);

6) ОР РНБ. Софийское собрание. № 1454 (далее – Соф. 1454). Сборник. Вторая четверть XVI в. Л. 159 об.–162 (описание рукописи: [Абрамович, с. 220–228]; датировка по филиграням наша¹¹);

7) ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 996 (далее – Син. 996, ВМЧ). Великие Минеи Чети, Успенский комплект, июльский том. 40-е – начало 50-х гг. XVI в. Л. 967г–968г (описание рукописи: [Протасьева, 1970, с. 185–186]; о датировке см.: [Ляховицкий, Шибаев, с. 264–265]);

8) ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 71 (далее – Егор. 71). Сборник. Третья четверть XVI в. Л. 247 об.–251 об. (описание рукописи: [Анисимова, 2017, с. 190–194]);

9) ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 860/970 (далее – Сол. 860/970). Сборник. Конец XVI – начало XVII в. (до 1603 г.). Л. 18–21 об. (описание рукописи: [Крушельницкая]);

10) ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 924/1034 (далее – Сол. 924/1034). Сборник. Вторая четверть XVII в. Л. 15–18 (описание рукописи: [Крушельницкая, с. 391; 397, примеч. 53, 55–57]);

11) ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.I.1013 (далее – Q.I.1013). Сборник. 50-е гг. XVII в., после 1653 г. Л. 223–226 (содержит список Кормчей редакции патриарха Никона, напечатанной в 1653 г.; датировка с учетом филиграней наша¹²);

12) ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.XVII.305 (далее – Q.XVII.305). Сборник. 60-е гг. XVII в. Л. 14–18 об. (описание рукописи: [Крушельницкая, с. 391; 397, примеч. 54, 55, 58]);

13) НИОР БАН. Собрание Н. Я. Колобова. № 283 (23.9.27) (далее – Колоб. 283). Сборник. 80–90-е гг. XVIII в. Л. 136–138 (датировка по филиграням наша¹³).

Рукописная традиция «Преложения грамотам» тесным образом связана со «Златой цепью». Такие сборники, объединенные общим названием (при вариативности заглавия оно всегда содержит элемент: «книга, глаголемая Златая цепь»), включали разнообразные слова, поучения и более мелкие статьи разного содержания (богословские, исторические, естественно-научные), набор которых в рукописях существенно различался.

¹¹ Филигранные: 1) литера Р, типа *Пикар* (литера Р) XV № 508 – 1536 г.; 2) литера Р, типа *Пикар* (литера Р) XV № 500 – (1532 г.); 3) литера Р, типа *Пикар* (литера Р) XV № 509 – 1530 г.; 4) щит под короной с розеткой, на щите литера Р, под щитом литера Р, аналог без короны и литеры Р – *Лихачев* № 1497 – 1520 г., аналог крупнее и с другой короной – *Лихачев* № 2879 – 1530–1550-е гг.; 5) литера Р, типа *Пикар* (литера Р) II № 254 – 1521 г.; 6) литера Р, типа *Пикар* (литера Р) II № 211 – 1531–1532 гг.; 7) литера Р, типа *Лихачев* № 1598–1599 – 1534 г.; 8) перчатка под звездой, не отожд.; 9) кувшин, типа *Брике* № 12796 – 1543 г.; 10) единорог, типа *Пикар* (животные) III № 1876 – 1535 г.; 11) единорог, типа *Пикар* (животные) III № 1875 – 1535–1536 гг.; 12–13) рука в манжете под розеткой, типа *Тромонин* № 1598 – 1521 г.; 14) рука в манжете под розеткой, типа *Лихачев* № 2869–2870 – 1530-е гг.; 15) кувшин, типа *Лихачев* № 2950 – 1541 г.; 16–17) единорог, не отожд.; 18–19) перчатка под звездой, не отожд.; 20) перчатка под короной, типа *Пикар* (рука) VI № 1821 – 1532 г.; 21) перчатка под короной, типа *Пикар* (рука) V № 1562 – 1537 г.; 22) рука в манжете под короной, не отожд.; 23) перчатка под короной, типа *Пикар* (рука) VI № 1957 – 1539 г.

¹² Филигранные: 1) дом под крестом, обвитым змеей, типа *Дианова*, *Костюхина* № 541 – 1655 г.; 2) голова шута с контрамаркой, типа *Дианова*, *Костюхина* № 303 – 1658 г.; 3) щит с перевязью, типа *Герасимов* № 290 – 1648–1649 гг.

¹³ Филигранные: 1–2) герб Ярослава с литерами ЯМСЯ и «белыми датами» 1780 и 1781 гг.; 3–4) герб Ростова с литерами РФЯ, с «белой датой» 1788 г. и без «белой даты»; 5) герб Ростова с литерами РФСЯ, типа *Участкина* № 783 – с «белой датой» 1784 г.; 6) литеры РМ и ДМ в лавровых венках, типа *Участкина* № 515 – 1792 г.

М. С. Крутова выделила три типа сборников «Златая цепь», с тремя разновидностями последнего (см.: [Крутова, 1988; Крутова, 1990а]). По этой классификации, I группа III типа представлена списками полной редакции: Епарх. 367, Воскр. 103 и Син. 996 (ВМЧ) – все они содержат «Преложение грамотам» [Крутова, 1990в, с. 208]. Поскольку старший из этих списков Син. 951, как мы выяснили, датируется 50–60-ми гг. XV в., очевидно, что рассматриваемый текст должен был появиться и войти в состав «Златой цепи» не позднее этого времени¹⁴.

Остальные выявленные нами списки «Преложения грамотам» также связаны со «Златой цепью».

Прежде всего, необходимо отметить сборник Син. 951. М. С. Крутова указала лишь, что он содержит выписки из «Златой цепи» I группы III типа [Крутова, 1990а, с. 47]. Более внимательное изучение рукописи показало, что в ней читается довольно значительный фрагмент этой разновидности «Златой цепи»: он начинается с 4-й статьи «О философии» и заканчивается 44-й статьей, содержащей мелкие выписки из Григория Богослова (в статью 39 входит «Преложение грамотам»), кроме того, рукопись включает статьи 73, 75, 87, 95–98, причем некоторые статьи пропущены или переставлены, а некоторые даны дважды (например, статьи 24 «О Пасцѣ», 73 «Что есть ефудъ...» и др.)¹⁵.

Три сборника – Син. 948, Егор. 71 и Колоб. 283 – содержат небольшой комплекс статей из «Златой цепи», восходящий к одному протографу. По условному членению М. С. Крутовой, это статьи 36–39, состоящие из нескольких десятков разнородных выписок [Крутова, 1988, с. 51–52]. В более полном виде этот комплекс отражен в сборниках Егор. 71 и Колоб. 283, где начинается фрагментом из «Притчи Соломона о огни»¹⁶ (№ 1593 по указателю статей из «Златой цепи» М. С. Крутовой [Крутова, 1990б]) и заканчивается как раз статьей «Преложение грамотам» (№ 2074 по указателю [Крутова, 1990в]), причем часть статей по сравнению с полным текстом «Златой цепи» пропущена. В рукописи Син. 948 этот комплекс дан в сокращенном виде – первые три статьи из него опущены, он начинается статьей соломѣ. ^нИѣбра ѿ ^мтѣ. понеже выше слова и разоума показася ѿ двѣхъ того рѣтво... (Л. 218) (№ 1163 по указателю [Крутова, 1990б]), и далее приводится весь комплекс, включая «Преложение грамотам». О едином протографе говорит также текстологическая близость этих трех списков (см. ниже). Можно было бы предположить, что данный комплекс является не извлечением, а, наоборот, отдельным набором выписок, которые вошли в дальнейшем в данную разновидность «Златой цепи», однако наличие ряда вторичных чтений в списках «Преложения грамотам» в его составе позволяет отвергнуть это предположение.

Остальные шесть списков переписаны в рукописях отдельно, без конвоя из статей «Златой цепи», однако в отношении пяти из них (Волок. 573, Q.I.1013, Сол. 860/970, Сол. 924/1034, Q.XVII.305) можно уверенно говорить об их извлечении из этого сборника – такой вывод позволяет сделать текстологическое изучение списков. Список Соф. 1454 находится в энциклопедическом сборнике, где читаются несколько статей из разных видов «Златой цепи» III типа, помещенных среди других сочинений и не образующих единого комплекса¹⁷. Этот

¹⁴ М. С. Крутова относил старшие известные ей списки этой разновидности «Златой цепи» (Воскр. 103, Епарх. 367) к концу XV в. [Крутова, 1990а, с. 13].

¹⁵ Нумерация статей условна, дана по работе М. С. Крутовой [Крутова, 1988, с. 49–61].

¹⁶ Нѣкто родиса на лицѣ пола. ѣ ноши тмоа пеленами не повитъ. водою не мытъ. и слнце на него не восѣтъ. и возрастоу же его миръ радоуется (Егор. 71. Л. 244).

¹⁷ Л. 110 об. – «Правило събора Антиохийскаго» – статья 92 по условному членению М. С. Крутовой, входит в I и II группы III типа «Златой цепи» [Крутова, 1988]; л. 153–154 – «Толкование святаго Исидора Пилусиота о дньи Христова въскресеніа» – статья 26, входит в I группу III типа; л. 162–164 – «О колѣнопрѣклонении...» – статья 103, входит во II группу III типа; л. 180 об.–181 – «Что бѣше ефудъ...» – статья 73, входит в I и III группы III типа.

список «Преложения грамотам» занимает особое место в рукописной традиции текста, о чем будет сказано ниже.

География распространения «Преложения грамотам» довольно широка, будучи связанной с рукописной традицией «Златой цепи».

Так, известно, что сборник Син. 948 с набором статей из «Златой цепи» принадлежал библиотеке митрополита Макария, который оставил в нем запись (Л. I об.), а также находился в XVII в. в Патриаршей библиотеке [Кучкин, с. 243–244; Протасьева, 1973, с. 60].

Новгородско-московское происхождение имеет список в составе «Златой цепи» из июльского тома Успенского комплекта ВМЧ (Син. 996)¹⁸.

Сборник Син. 951 с большим фрагментом «Златой цепи» связан с Кирилло-Белозерским монастырем: хотя место его создания не известно, несомненно его пребывание в обители в конце XV или начале XVI в. (см.: [Новикова, с. 160, примеч. 19]). Кирилловским является и другой сборник – Соф. 1454, имеющий номер монастырской библиотеки [Абрамович, с. 220], но включенный в него список «Преложения грамотам» генетически не связан с Син. 951 (см. ниже).

Два списка происходят из Иосифо-Волоколамского монастыря. Библиотеке обители принадлежала рукопись «Златой цепи» Епарх. 367 конца XV – начала XVI в. с «Преложением грамотам». Как будет показано ниже, с нее инок монастыря Фотий сделал копию в составленный им в 30–40-е гг. XVI в. сборник Волок. 573¹⁹.

Еще три списка связаны с Соловецким монастырем: в конце XVI или на рубеже XVI–XVII вв. «Преложение грамотам» было выписано по заказу Исидора, в бытность его соборным старцем либо игуменом Соловецкой обители, в сборник Сол. 860/970, с которого в XVII в. были сделаны две копии: Сол. 924/1034 и Q.XVII.305 (см.: [Крушельницкая]).

Данных о месте создания остальных рукописей, содержащих «Преложение грамотам», нет. Однако есть сведения о бытовании некоторых из них. Так, одна из ранних рукописей – Воскр. 103 – впоследствии оказалась в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. А рукопись Егор. 71, согласно владельческой помете на л. II, в 1755 г. находилась в Чебоксарском Троицком монастыре [Анисимова, 2017, с. 193].

Как видим, интерес к «Златой цепи» и статье из нее «Преложение грамотам» проявляли в крупных книгописных центрах: Москве, Кирилло-Белозерском, Иосифо-Волоколамском, Соловецком монастырях, причем можно даже говорить о формировании местных рукописных традиций текста – в Иосифо-Волоколамской и Соловецкой обителях.

Текстологическая характеристика списков

Как было показано выше, «Преложение грамотам» представляет собой дословно воспроизведенный отрывок из Жития Стефана Пермского с тремя механическими сокращениями текста. Это позволяет, с одной стороны, выявить список Жития, наиболее близкий к тому, который был использован в качестве источника при составлении «Преложения грамотам», а с другой – определить особенности архетипа нового текста и взаимосвязи между списками.

Текстологическое изучение списков «Преложения грамотам» в сопоставлении со списками ЖСП показало, что в качестве источника для составления «Преложения грамотам» был взят список Жития, текстуально близкий к старшему полному списку Лих. 161, сохранившему авторское заглавие, но при этом имеющему еще целый ряд особых чтений,

¹⁸ Софийский и Царский комплекты ВМЧ «Златую цепь» не содержат.

¹⁹ О том, что сборник составлен Фотием, см.: [Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, с. 125; Рукописные собрания, с. 143].

не отмеченных в других списках Жития (за исключением двух восходящих к Лих. 161 списков, переписанных в Кирилло-Белозерском монастыре), причем многие из таких чтений вторичны либо их первичность неочевидна²⁰.

В тексте «Преложения грамотам» встречаются некоторые особые чтения списка Лих. 161 (другие глагольные формы, вариативное написание имени собственного, дополнительные лексемы)²¹, что видно при сопоставлении их текста с другим ранним списком Жития Вяз. Q.10:

ЖСП (Вяз. Q.10)	ЖСП (Лих. 161)	«Преложение грамотам»
ѣллино ^М же достасѧ граматикѧ и ритторикѧ и философѧ (Л. 176)	ѣллиномъ же досталасѧ грамотикиѧ. и ритторикиѧ. и философиѧ (Л. 247 об.)	ѣлиномъ же досталасѧ грамотикиѧ. и ритторикиѧ. и философиѧ (Син. 951. Л. 277)
потомъ ^М же по нѣколицѣхъ ^Х лѣтѣхъ ^Х инѣ книжнѣ именемъ кадо ^М милисиѣ приложи имѣ три слова писменаѧ (Л. 176)	потомъ же по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ. инѣ книжникъ именемъ кадонъ ^М милисини приложи имѣ три слова писменаѧ (Л. 247 об.)	потомъ же по неколицѣхъ (sic!) лѣтѣхъ инѣ книжникъ, именѣ ^М кадонъ ^М милисини. приложи и. г. слова писменаѧ (Син. 951. Л. 277–277 об.)
тѣмже мною тако рѣскаѧ грамота чѣтѣши ^С е ^С ѣлинскѣхъ. сѣтъ бо мѣ створи ^А ю е ^С . кирила рекѣ философа (Л. 177)	тѣмже мною тако роуѣскаѧ грамота чѣстѣши ^С е ^С сть паче ^С ѣлинскѣхъ. сѣтъ бо моужь сѣтворилъ ю е ^С сть. кирила рекоу философа (Л. 249)	Тѣмже мною тако роуѣскаѧ грамота чѣтѣши ^С е ^С сть па ^С ѣлинскѣхъ. сѣтъ бо мѣ створи ^А ю е ^С сть. кирила рекѣ философа (Син. 951. Л. 278)
и еше тѣмъ к си рѣмъ. и грѣскѣю грамотѣ тако ^Ж мнози починиваша. акѣла. и сѣмахова ча ^Д . и нинѣ мнози (Л. 177)	и еше тѣмъ к симъ рѣчѣмъ. и грѣчскоу грамотѣ такоже ^Ж мнози починивали. акоула и соумахова ча ^Д . и нинѣ мнози (Л. 250)	и еше тѣмъ к си рѣчѣ. и грѣчскоу грамотѣ тако ^Ж мнози починивали. акѣла. и сѣмахова ча ^Д . и нинѣ мнози (Син. 951. Л. 278 об.)
сѣтъ конѣстѣнти ^Н (sic!) философъ нарицаемѣ кири ^А . тѣ на грамотѣ створи ^А . и книги преложи ^А . сѣ грѣскаго	сѣтъ конѣстѣнтинъ философъ нарицаемѣ кирилъ. тои на грамотѣ сѣтворилъ, и книги	сѣтъ конѣстѣнти ^Н . филосо ^Ф нарицаемѣ кири ^А . тои на ^М грамотѣ створи ^А . и книги преложи ^А сѣ грѣческаго ѧзыка
ѧзыка на рѣскѣи. сѣ братѣ ^М си прѣно мефедѣ. иже бы послѣди ^Д епѣ мораскѣи (Л. 177 об.)	преложилъ сѣ грѣчскаго ѧзыка на роуѣсѣ скѣи. сѣ братомъ си сѣ приснымъ мефедомъ. иже бысть послѣди епѣ моравскѣи (Л. 250–250 об.)	на роуѣскѣи. сѣ братѣ ^М си сѣ приснымъ мефедѣ. иже бы послѣ ^Д епѣ моравскѣи (Син. 951. Л. 278 об.)
тѣче ѿ адама до потопа прѣнде лѣтъ. ѿ бѣ. и. сѣ. мѣ. и. мѣ. и (Л. 176)	тѣче ѿ адама до потопа. прѣнде лѣтъ. ѿ бѣ. и. сѣ. и. мѣ. и два лѣта (Л. 247)	тѣче ѿ адама до потопа прѣнде лѣтъ. ѿ бѣ. и. сѣ. мѣ. и. лѣта (Соф. 1454. Л. 160)

²⁰ О списке ЖСП Лих. 161 подробно см.: [Духанина, 2020].

²¹ В данном случае их первичность или вторичность по отношению к оригиналу Жития не важна, поэтому специально мы на этом вопросе здесь не останавливаемся, однако можно отметить, что явно вторичны варианты имени Кадонъ, а также дополнительное слово лѣта в конструкции: прѣнде лѣтъ. ѿ бѣ. и. сѣ. и. мѣ. и два лѣта. Остальные чтения списка Лих. 161 могут быть как первичными, так и вторичными.

Следовательно, «Преложение грамотам» восходит к списку Жития, близкому к антиграфу списка Лих. 161.

Все выявленные списки содержат также набор чтений, свойственных именно тексту «Преложения грамотам», что позволяет предполагать вторичный характер таких чтений:

ЖСП (Лих. 161)	«Преложение грамотам» (Син. 951)
а оу гречьскои азъбоуки первоу словоу има, алфавита. а оу <u>соурыаньскыа</u> алефъве (Л. 246)	а оу грѣскои азъвѣки первоу слову има алфавита. а оу <u>сѣрьскыа</u> . алефъве (Л. 276 об.)
есть пазыкъ егѣпетескъ. емоу же досталоса <u>землемѣрье</u> (Л. 247)	Есть пазы ^к егѣпетескъ. ему ^ж досталоса <u>земномѣрие</u> (Л. 277)
жидовомъ же сѣта книги. понеже тѣ наоучени соуше, еоу же грамотою. и монѣи потомъ писаше ѿ бытии всего мира. бытинскыа книги, в нихже есть писано, тако бѣ сътворилъ нбо и землю. и вса таже на ней. и чѣка и прочее все по радѣ. такоже <u>пишетъ въ бытии</u> (Л. 247–247 об.)	жидовомъ же сѣта книги. понѣ ^ж тѣ наоучени сѣше. еоу же грамотою и монѣи потѣ ^м писаше. ѿ бытии всего мира бытинскыа книги. в нихже писано, тако бѣ створи ^л нбо и землю. и вса таже на ней. и чѣвка и прочее все по радѣ, тако ^ж <u>въ бытии пише</u> ^т (Л. 277)
тѣмже и по многа лѣта. девятнадесятью словъ свою азъбоукоу своимъ пи смены ноу жахѣса <u>писати</u> (Л. 247 об.–248)	тѣмже и по многа лѣ ^т . ѿ ^т ю словъ свою азъвѣку. своимъ писмены нѣ жахѣса <u>написати</u> (Л. 277 об.)
епихарии же нѣкто сказатель сын книгамъ. сии изъверѣте и приложи имъ три слова писменнаа (Л. 248)	епихарии же нѣкто сказатѣ ^л сы книг ^а . сии изъверѣте приложи и ^м . г. слова писменнаа (Л. 277 об.)
коль много лѣтъ мнози философи елиньстни събиралѣ и съставлявали грамотоу гречьскою. и едва оуставили многѣми трѣды. и многѣми времени едва съложили (Л. 248 об.)	коль много лѣ ^т мнози философи елиньстѣи събирали съставлявали грамоту гречьскую. и едва оустав ^и ли многими трѣды. и многими времени едва сложили (Л. 278)
тѣмже мноу тако роуьскаа грамота честнѣиши есть паче елиньскоѣ. сѣ бо моу же сътворилъ ю есть. кирила рекоу философа. а гречьскою алфавитоу. елинии некѣрщени <u>погани</u> соуше съставлявали соутъ (Л. 249)	Тѣмже мноу тако роуьскаа грамота чѣтнѣиши есть па ^ч елиньскыа. сѣ бо му ^ж створи ^л ю есть. кирила реку философа. а грѣскую алфавиту елинии некѣрщении сѣше съставлявали сѣ ^т (Л. 278)
въ княжение князѣа велѣкаго всеа роуьска. <u>рюрика</u> погана соуца. и некрещена (Л. 250 об.)	въ княжение (sic!) кня ^з велика ^г всеа рѣси <u>люрика</u> погана сѣши и некѣрщена (Л. 279)

Очевидно, что ошибочное написание имени князя Рюрика – люрикъ, – которое повторяется в 8 из 13 списков, явно не могло быть самостоятельной ошибкой каждого из 8 писцов этих списков – они воспроизводили чтение антиграфа (лишь в двух списках (Епарх. 367 и Сол. 860/970) писцы восстановили имя Рюрик; это же верное чтение находим и в переписанных с них списках). Остальные чтения могут быть признаны непоказательными для выводов о текстуальной близости списков «Преложения грамотам» (наличие/отсутствие союза и, перестановки слов, добавление приставки (написати), вариативное написание соурыаньскыа/сѣрьскыа, в котором можно увидеть гаплографию, пропуск синонима (некѣрщени погани)). Однако совокупность всех этих чтений, повторяющаяся в выявленных

списках «Преложения грамотам», обращает на себя внимание и, как представляется, может рассматриваться как принадлежность архетипа текста²².

Рукописная традиция выявленных списков «Преложения грамотам» может быть показана стеммой.

Список Соф. 1454 имеет особый статус в рукописной традиции текста.

С одной стороны, этот список текстуально практически тождественен другим спискам «Преложения грамотам»: это отрывок из ЖСП, начинающийся и заканчивающийся теми же словами, что и остальные списки; в нем имеются все сокращения текста Жития, причем два из них (первое и последнее) совпадают полностью, а второе несколько шире, чем в других списках.

«Преложение грамотам» (Син. 951)	«Преложение грамотам» (Соф. 1454)
<p>Потом же многи ^млѣто ^ммимоше^дшимъ. бни ^мпромысло ^мверѣтоша. ѿ. мужь ^ммудрецъ. иже ^мпреложили ^мкнигы ѿ ^мжидовьскаго ^ма^чзыка ^мна ^мгрескын. коль много ^млѣ ^ммнози ^мфилософи ^мелиньстѣ ^мсбирали ^мсѣставляли ^мграмоту ^мгречьскую. и едва ^моуставли ^ммнози ^мтруды. и ^ммнози ^мвремены ^медва ^мсложили. ^мсѣмь ^мфилософъ. едва ^мазъбукъ ^мсѣставили. а. ѿ. мужь ^ммудрецъ ^мпреложениѣ. ^мпреложили. ^мперетолмачили ^мкнигы ѿ ^мжидовьскаго ^мна ^мгрескын ^мазы ^мпреведоша (Л. 277 об.–278)</p>	<p>Пштомъ ^жмноги ^млѣто ^ммимоше^дши. б^жни ^мпромысло ^мверѣтошася. ѿ. м^жжь ^мм^ждрецъ. иже ^мпреложениѣ ^мпреложили. ^мперетолмачили ^мкнигы ѿ ^мжидовьскаго ^мна ^мгреческын ^мазыкъ ^мперевѣдоша (Л. 161)</p>

Выше уже отмечалось, что сокращение текста Жития в этом случае было не слишком удачным: были исключены сведения только о пермской азбуке, и в результате получился почти прямой повтор. Он достаточно очевиден и мог привлечь внимание писца списка Соф. 1454 (либо его антиграфа), который его легко устранил. Впрочем, возможно также, что здесь не было редактирования и перед нами случай гаплографического пропуска.

Общими с другими списками «Преложения грамотам» у списка Соф. 1454 оказываются также текстологические особенности: он восходит к тому же списку ЖСП (близкому к Лих. 161) и содержит тот же набор особых чтений, которые мы рассматриваем как принадлежность архетипа.

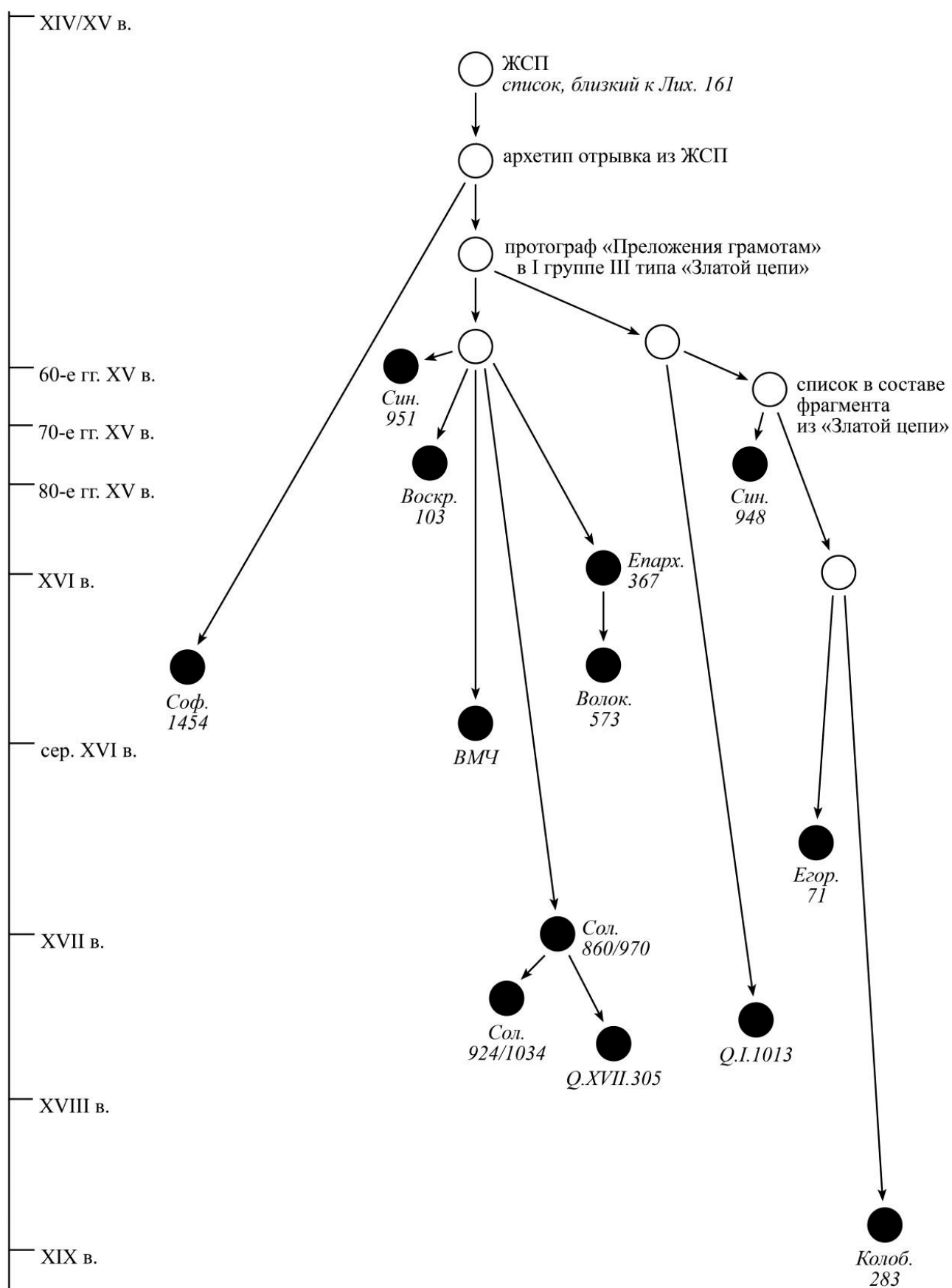
С другой стороны, список Соф. 1454 характеризуется некоторыми текстуальными особенностями, отличающими его от других списков произведения. Он, единственный из выявленных, не имеет заголовка, и нет текстологических указаний на его извлечение из «Златой цепи» – в нем не обнаружены чтения, позволяющие связать его с какими-то отдельными списками, входящими в ее состав или переписанными с таковых.

Кроме того, в этом списке достаточно много особых чтений. Их можно подразделить на два типа. Разумеется, в нем есть ряд явно вторичных чтений, которые легко выявляются при сопоставлении как с другими списками, так и с текстом ЖСП. В Соф. 1454 отмечены пропуски, например гаплографический пропуск: и в ^млѣта ^мбориса ^мкн^за ^мволгарьскаго. и ^мрастница [кн^за ^мморавьска. и ^мкостелѣ] ^мкн^за ^мвлатѣвскаго... (Соф. 1454. Л. 162)²³, и вставки слов: сѣ ^мв ^мписани ^мписмена ^мкнижна. и ^жхъ ^жиздавна ^ми по ^мпошлинѣ ^мимѣще ^мазыци ^мѿ ^мсебе (Соф. 1454. Л. 159 об.); встречаются случаи замен слов, ср.: а ^мперсѣ. и ^мхалдѣимъ. и ^масириѣ ^мастрономіе. ^мзвѣздохъ ^мчетіе. ^мволшевание ^ми чарование. и ^мпроча ^мсѣтныа ^мхитрости ^мчлвческыа (Соф. 1454. Л. 160) – в других

²² По крайней мере на данном этапе изучения «Преложения грамотам» – пока не найден список, в котором все эти чтения или их часть отсутствуют, что не может сбрасываться со счетов.

²³ Утраченное чтение восстановлено в квадратных скобках по списку Син. 951.

списках текста и в ЖСП здесь читается **вошвение**. Ср. также изменение в следующей фразе с пропуском слова: **так^ж и в бытн пишется. да тако же раздѣлишася ѿзыци тако же и нрави...** (Соф. 1454. Л. 160) – первичное чтение: **так^ж и в бытн пише^т. да тако^ж раздѣлиша^с ѿзыци. тако^ж раздѣлиша^с и нрави...** (Син. 951. Л. 276 об.).

Однако особый интерес вызывают несколько разночтений списка Соф. 1454 с другими списками «Преложения грамотам» – в этих случаях Соф. 1454 оказывается ближе к тексту Жития²⁴, ср.:

ЖСП (Лих. 161)	«Преложение грамотам» (Соф. 1454)	«Преложение грамотам» (другие списки)
потом же по мнозѣхъ лѣтѣхъ. дишнисъ нѣкто ѡѣло граматикъ шесть двогласныхъ словъ изъверѣте (Л. 248)	потомъ же по мнозѣхъ лѣтѣхъ дишнисъ нѣкто, ѡ. грамотни ^к шесть двогланы ^х словъ изъверѣте (Л. 161)	потомъ же по мнозѣхъ лѣтѣхъ дишнисъ нѣкто грамоти ^к . шесть двогласны ^х словъ изъверѣте (Син. 951. Л. 277 об.)
еюже грамотою. и монѣи потомъ писаше в бытн всего мира. бытнискыа книги. в нихъ же естъ писано. тако бѣ сътвори нѣо и земаю... (Л. 247–247 об.)	ю грамотою. и моу ^м си пот ^м писаше в бытн всег ^м у м ^р а. бытнискыа книги, в нихъ ^ж е ^с писано, тако бѣ сътвори нѣо и земаю... (Л. 160)	еюже грамотою и монѣи пот ^м писаше. в бытн всего мира бытнискыа книги. в нихъ же писано, тако бѣ створи ^л нѣо и земаю... (Син. 951. Л. 277)
и оуже слагаетса число словъ ихъ. ка (Л. 248)	и оуже слагаетса число словъ и ^х . ка (Л. 160 об.)	и оуже слагает ^с число ^м словъ ихъ. ка (Син. 951. Л. 277 об.)
дивна бо естъ готового починити. оудѣе бо естъ послѣди постраати, паче нежели исперва начати и сътворити (Л. 250)	дивна бо естъ г ^у тового починивать. оудѣе бо е ^с последи постраати паче нежели исперва начати и сътворити (Л. 161 об.)	дивна бо е ^с готового починити. оудѣе бо е ^с послѣди ^и ди постраати ²⁵ паче нежели исперва начати и створити (Епарх. 367. Л. 40–40 об.)

Заметим, что пример с разночтением **число/числомъ** нельзя считать надежным: форма **числомъ**, хотя и вторичная, могла в таком виде попасть в архетип «Преложения грамотам», а писец списка Соф. 1454 мог восстановить верное чтение. Что касается слова **есть** во втором примере, то его утрата может быть связана с невнимательностью писца: слово могло быть написано, как в Соф. 1454, с подтитловым сокращением, и писец протографа «Преложения грамотам» мог его «проскочить». Но гораздо интереснее первый пример: на месте слова **ѡѣло**, читающегося в тексте Жития, в списке Соф. 1454 обнаруживается **.ѡ**. В данном случае это не цифра, а сокращение слова **ѡѣло**, связанное с названием кириллической буквы. Такой прием был известен русской письменности (этот способ сокращения подробно рассмотрен Г. С. Баранковой, которая приводит в своей работе значительное число примеров, в том числе с сокращением слова **ѡѣло**, из рукописей XIV–XVII вв. [Баранкова, 2013]). Данное разночтение позволяет понять, как развивался текст: вероятно, архетип содержал сокращенный вариант слова **ѡѣло**, то есть такое чтение, как мы видим в списке Соф. 1454, но писец протографа

²⁴ Еще один случай – с удвоением слова **лѣто** – упоминался выше, при анализе чтений, общих со списком ЖСП Лих. 161.

²⁵ В списке Син. 951 правка: **постра^ити**; очевидно, изначально была пропущена выносная **д** антиграфа (ср. Воскр. 103: **постра^дти**) либо был сделан пропуск (или исходной буквы **д**, или слога **да**) – ошибку писец исправил, написав буквы **и** **д** над строкой.

«Преложения грамотам» в «Златой цепи» воспринял его как ошибочно написанную кириллическую цифру и удалил, поэтому во всех списках текста в составе «Златой цепи» слова нет. Появление разночтения *пострапати/пострадати*, вероятно, связано с пропуском буквы *п*, которую в протографе «Преложения грамотам» в «Златой цепи» восстановили до ошибочного *пострадати*.

Эти чтения в списке Соф. 1454 также можно рассматривать как особенность архетипа текста «Преложения грамотам», а их варианты в остальных списках характеризуют уже протограф текста в составе «Златой цепи».

Таким образом, список Соф. 1454 позволяет пролить свет на историю «Преложения грамотам».

Маловероятно, что из одного и того же списка ЖСП (или двух списков, текстуально близких к Лих. 161) был дважды извлечен одного объема отрывок, в котором к тому же в обоих случаях оказались общие чтения со списками «Преложения грамотам» в составе «Златой цепи».

Здесь представляется более логичным другое развитие событий. Отрывок в описанном объеме был извлечен из главы «О азбуке пермской» Жития Стефана Пермского (из некоего списка, протографичного по отношению к списку Лих. 161). Изначально этот отрывок не имел заголовка и в некоторых чтениях был ближе к тексту Жития, чем 12 известных сегодня списков «Преложения грамотам» из «Златой цепи». К этому списку-архетипу восходят, с одной стороны, список Соф. 1454, сохранивший такие его особенности, как отсутствие заголовка и некоторые общие чтения с текстом Жития, а с другой – протограф списков, входящих в I группу III типа «Златой цепи», где отрывок получил заголовок («Преложение грамотам»), но утратил некоторые чтения Жития, сохраненные в Соф. 1454²⁶. При этом и архетип всех 13 рассматриваемых списков (включая Соф. 1454), и протограф 12 списков из «Златой цепи» должны были появиться не позднее 60-х гг. XV в. – верхней границы создания рукописи Син. 951.

В «Златую цепь» рассматриваемый текст вошел под названием «Преложение грамотам» – именно такой заголовок он имеет в полных списках «Златой цепи» Воскр. 103 и ВМЧ, в рукописи Син. 951, содержащей большой фрагмент из нее, а также в трех отдельных списках, образующих соловецкую рукописную традицию (Сол. 860/970, Сол. 924/1034, Q.XVII.305), что указывает на связь последних со «Златой цепью». В некоторых рукописях находим вторичные варианты этого заголовка – с изменением второго слова или его формы. Так, в полном списке «Златой цепи» Епарх. 367 читается ошибочное *преложѣнїе грамѣ*^{до}; список Син. 948 дает вариант *преложѣнїе грамоты*; в списке Егор. 71 находим *преложѣнїе грамѣ*^{ть}; в списке Колоб. 283 текст имеет заголовок *преложѣнїе грамотѣ*. О том, что варианты с разными формами слова *грамота* вторичны, говорит не только их наличие в текстах в составе комплекса отрывков из «Златой цепи», но и текстологические особенности этих списков – более удаленных от архетипа «Преложения грамотам». У отдельных списков текста заголовки отстоят от первичного варианта, читающегося в «Златой цепи», гораздо дальше либо вообще с ним не связаны. Так, существенно расширен, хотя и четко указывает на источник, заголовок в списке

²⁶ Полагаем, что наличие в рукописи нескольких статей из разных видов «Златой цепи» III типа (см. выше, примеч. 17) этому предположению не противоречит – они необязательно выписаны непосредственно из списков «Златой цепи». Впрочем, нельзя исключать возможность, что в I группу III типа «Златой цепи» вошел уже архетип всех списков этого отрывка из ЖСП и в рукописи Соф. 1454 он просто не был озаглавлен, но в таком случае он свидетельствует о существовании какой-то разновидности III типа «Златой цепи», предшествующей вариантам, отраженным списками Син. 951, Воскр. 103, Епарх. 367 и ВМЧ, что укладывается в предложенную реконструкцию развития текста.

Волок. 573: ѿ златыхъ чепи ѿ преложенїи грамотъ. котораа преже бы. В списке же Q.I.1013 находим уже самостоятельный вариант: О грамотахъ которю в которое время обрѣли.

Разночтения позволяют уверенно выстроить связи между выявленными списками «Преложения грамотам».

В 8 списках, включая два старших (Син. 951, Воскр. 103, Епарх. 367, Волок. 573, ВМЧ, Сол. 860/970, Сол. 924/1034, Q.XVII.305), обнаруживается одно чтение, отдаляющее их от предполагаемого протографа «Преложения грамотам» в «Златой цепи» – в них читается вариант с другой приставкой: сѣмь философъ. едѣа азъвукъ състави. а. б. мужь мудрецъ преложенїе. преложили (Син. 951. Л. 278), тогда как 4 списка (Син. 948, Q.I.1013, Егор. 71 и Колоб. 283) сохранили здесь первичное чтение Жития: оуставили²⁷. Это позволяет предполагать у всех 8 списков общий протограф, который в остальном оказывается ближе к предполагаемому протографу «Преложения грамотам» в «Златой цепи», чем другие 4 списка.

При этом каждый из списков текста в сборниках «Златая цепь» (Син. 951, Воскр. 103, Епарх. 367, ВМЧ), восходя к этому общему протографу 8 списков, имеет ряд вторичных чтений. Наименьшее их число обнаруживается в старшем списке Син. 951 50–60-х гг. XV в. Фактически они исчерпываются несколькими вариантами форм слов (сы вместо сын, мнози философии вместо мнози философи, и некоторые другие), гаплографическим пропуском слов и девятьсотное во фразе: ... шестое тавъ и девѣдѣсѣтное. [и девѣдѣсѣтное.] (Син. 951. Л. 277 об.)²⁸, а также вариантом постра^{ива}ти на месте явно ошибочного пострадати остальных списков (см. примеч. 25).

В списке Воскр. 103 вторичных чтений гораздо больше, и они, если можно так выразиться, серьезнее, в частности, здесь отмечены пропуск слова астрономїе в перечне доставшегося «персом, и халдеем, и асурием»; гаплографический пропуск: ... еѣа раздѣлиша ѿзыци, [такоже и въ выгнїи пише. да ѿ раздѣлиша ѿзыци] тако раздѣлиша и ѿрави... (Воскр. 103. Л. 21)²⁹; вставка: по си же дрѣгнїи философъ. ѣ. словъ изъоверѣте и приложи (Воскр. 103. Л. 21 об.).

Свои особенности имеет и список Епарх. 367. Помимо явно ошибочного заголовка, где читается грамъ вместо грамотамъ, в списке есть пропуск (возможно, механического происхождения – пропуск строки?): по си же дрѣгнїи философъ. ѣ. словъ приложи. [а ннѣ книжнїи. г. слова] имиже числа пишѣтсѣ... (Епарх. 367. Л. 39 об.)³⁰; замены: стъ оубо мѣ створилъ ю ѣ (Епарх. 367. Л. 40) – в других списках здесь читается бо; в том числе порча текста с заменой слова в синонимичной конструкции: мнози бо сѣ грамотики. и мнози азъвѣки (Епарх. 367. Л. 38 об.) – другие списки и текст ЖСП дают здесь грамоты. Эти чтения повторяет отдельный список из рукописи Волок. 573, переписанной в 30–40-х гг. XVI в. иноком Иосифо-Волоколамского монастыря Фотием. Учитывая, что в заголовке книжник указал источник (ѿ златыхъ чепи ѿ преложенїи грамотъ. котораа преже бы), очевидно, что текст переписывался именно с рукописи Епарх. 367. Отметим, что некоторые ошибочные чтения своего антиграфа Фотий исправил (например, восстановил форму естъ вместо ѣ во фразе достоинно ѣ починивати еѣ (Волок. 573. Л. 426)), а также сделал небольшие вставки: И аще ли же въпросиши рѣскаа грамотики глѣ... (Волок. 573. Л. 426 об.); стѣ константинъ фѣлосоѣ нарицаемыи кирилъ, тон на грамотѣ створилъ. и книги переложилъ ѣ греческаго ѿзыка на рѣскѣ. съ братѣмъ своимъ с присны мѣфодѣмъ (Волок. 573. Л. 426 об.) – выделенное слово приписано на поле под знаком вставки. Любопытна также глосса в одном случае к слову еѣлино^м – на поле исправлено: [гре]ко^м (Волок. 573. Л. 424 об.)³¹.

²⁷ В списке Соф. 1454 чтения нет – см. выше таблицу с примером гаплографического пропуска.

²⁸ Утраченное чтение восстановлено в квадратных скобках по списку Епарх. 367.

²⁹ Утраченное чтение восстановлено в квадратных скобках по списку Епарх. 367.

³⁰ Утраченное чтение восстановлено в квадратных скобках по списку Воскр. 103.

³¹ Слово частично срезано при обрезании полей.

Есть в списке и свои ошибки, например, Фотий «потерял» первую букву в названии букв «угорской» азбуки, дав факавасака (Волок. 573. Л. 423 об.) вместо афакавасака.

Гораздо больше расхождений с другими списками «Преложения грамотам» наблюдается в списке из ВМЧ. Здесь находим ряд пропусков: Прѣжѣ же всѣхъ [грамотъ] бы жидовьскаа грамота (Син. 996. Л. 697г)³² и др. Встречаются также замены слов и форм, например: Потомъ же многы лѣтомъ мимошеши. вѣимъ славѣмъ оверѣтоша. ѿ мужъ мѣрецъ... (Син. 996. Л. 698б–в) – в остальных списках и в тексте ЖСП здесь читается промысломъ; тако нѣ горадо оустроена грамота си... (Син. 996. Л. 698в) – в других списках и ЖСП находим азбука; и др. Ср. также порчу текста на границе столбцов: но исперва еллинѣ не имѣахъ || оу себе не имѣаху грамоты (Син. 996. Л. 698а–б) – вторая глагольная форма ошибочно дана вместо слов: своимъ языкомъ. Обращает на себя внимание нередко встречающееся в списке изменение порядка слов, что другим спискам, как правило, несвойственно.

Ряд вторичных чтений находим в списке Сол. 860/970. Его писец допустил несколько гаплографических пропусков, ср.: а персѣмъ халдѣмъ, а соурѣмъ астрономіе. [звѣздочетне. влѣшвеніе]. и чарованіе... (Сол. 860/970. Л. 19)³³ и др.; неверно передал названия некоторых букв: буквы «сурьского» алфавита написал как алѣеве вместо алефѣе, буквы «угорского» алфавита – как фалкавасака вместо афакавасака; заменил некоторые слова, например, использовал вместо слова грамотичници – книжницы: Прѣже всѣхъ грамѣ бы, жи всѣа грамота. с тоа снѣша еллинѣтѣи книжницы (Сол. 860/970. Л. 18); и даже в некоторых случаях редактировал текст, ср.: да тако и раздѣлишася языцы; тако и раздѣлишася нравѣ и обычаи, и оуставѣи и законѣи. и хытрости. на кѣижи язы по своему чинѣ (Сол. 860/970. Л. 19) – в протографе «Преложения грамотам» и в ЖСП выделенной фразе соответствует краткое на языки. Все вторичные чтения списка Сол. 860/970 повторяются в его копиях в сборниках Сол. 924/1034 и Q.XVII.305.

Остальные 4 списка (Син. 948, Q.I.1013, Егор. 71 и Колоб. 283), помимо упомянутого выше сохраненного первичного чтения оуставили, имеют одинаковый гаплографический пропуск: Прѣжѣ же всѣхъ грамѣ бы жидовьскаа грамота. с тоа снѣша еллинѣтѣи грамотичници. та по си рѣмьскаа. и прочѣи ни мнози. по мнозѣхъ же лѣтѣхъ рѣскаа. [послѣ же всѣхъ перѣскаа] (Син. 948. Л. 220 об.)³⁴, а также общую перестановку слов: и тако по многа лѣтѣ мнози философѣ. едва собрали соу. азѣвкоу греческю. число. ли. сло (Син. 948. Л. 222) – в списках ЖСП и других списках «Преложения грамотам» читается: словъ число. ли (Син. 951. Л. 277 об.). Кроме того, в них представлена -л-форма (юже стефанъ сътворилъ (Син. 948. Л. 222 об.)) вместо аориста остальных списков и ЖСП. Лишь эти чтения объединяют отдельный поздний список Q.I.1013 (с особым заголовком – см. выше) со списками Син. 948, Егор. 71 и Колоб. 283, переписанными в составе небольшого отрывка из «Златой цепи». При этом список Q.I.1013 отличается исключительно большим числом вторичных чтений, многие из которых явно ошибочны и приводят к порче текста. Приведем лишь несколько ярких примеров: но обаче в писанѣи сице естъ глѣтъ еже ѿ адама первозданнаго. глѣю... (Л. 223 об.); название первых букв «сурьской» азбуки в этом списке алефѣе вместо алефѣе, а имя греческого книжника Кандогъ вместо

³² Утраченное чтение восстановлено в квадратных скобках по списку Син. 951.

³³ Утраченное чтение восстановлено в квадратных скобках по списку Син. 951.

³⁴ Утраченное в этих списках чтение восстановлено в квадратных скобках по списку Син. 951.

Кадонъ других списков; и т. д. Отметим также замену числа – в этом списке перевод Библии делали не 70, а 270 (ѣо) человек³⁵.

Несколько новых вторичных чтений появилось в общем протографе Син. 948, Егор. 71 и Колоб. 283, еще больше отдалив их от текста-архетипа, что надежно доказывает факт извлечения фрагмента из «Златой цепи», в составе которого в этих рукописях читается статья «Преложение грамотам», и невозможность обратного процесса. Укажем некоторые общие пропуски: еюже грамотою [и] мѡѡсѣ [потѡ^М] писае. ѡ бытїи всего мира. бытїиския книги... (Син. 948. Л. 221 об.); тѣмже мню іако роуѣскаа грамота чѣтѣиши ѣ па еллинскыа. сѣтъ во моуѣ створилъ ю ѣ. кѣрила рекъ философа. а греческѣю алфавитѣ еллинїи некрещенїи сѣще [сѣставляли сѣ^Т] (Син. 948. Л. 222 об.)³⁶; и др. В этих списках есть вставка: дивья бо ѣ ти готового починити (Син. 948. Л. 223), а также ошибочные замены форм слов. Как уже отмечалось выше, старший из этих списков Син. 948 вошел в рукопись в составе сокращенного по сравнению со сборниками Егор. 71 и Колоб. 283 отрывка из «Златой цепи», что однозначно свидетельствует о его невозможности быть антиграфом для них.

Ряд своих вторичных чтений появляется и в протографе списков Егор. 71 и Колоб. 283. Среди них имеются пропуски, например: сотвори елиномъ азѡукоу наченъ сице алѣфа вита. и положи [словъ] числомъ. ѣї (Егор. 71. Л. 249); стефаноу же никтоже ѡбрѣтеса помощникъ. развѣ токмо единъ [гѣ³⁷] бѣтъ нашъ. приѣѣжище и сила. помощникъ во скорѣхъ [ѡбрѣтших ны] зило (Егор. 71. Л. 250 об.)³⁸. Любопытна замена в этих двух списках промежуточного числа изобретенных славянских букв: и оуже слагаетса числомъ сло^М (sic!) словъ ихъ. ѣѣ (Егор. 71. Л. 249) – в остальных списках и ЖСП ѣа (в тексте выше упоминаются 16 + 3 + 2 = 21 изобретенная буква). Какими соображениями здесь руководствовался писец, заменяя число, не ясно, однако имеющиеся в тексте числа он явно проигнорировал. Еще одно общее чтение, надежно объединяющее рассматриваемые списки, – порча текста из-за дважды написанной строки: во княженїе кнѣа великаго всеа роуѣнскыа земла. а ѡ созданїа мирѣ люрика погана соуци и некрѣена. за. рѣ. лѣтѣ. до крѣнїа роуѣскыа || земля. а ѡ созданїа мироу. в лѣтѣ, ѣ ѣ. ѣг (Егор. 71. Л. 251–251 об.). Список Егор. 71 имеет несколько особых чтений, не отмеченных в более позднем списке Колоб. 283, что, на наш взгляд, не позволяет говорить об отношениях антиграфа и копии между этими списками³⁹.

Не позднее 60-х гг. XV в. отрывок под названием «Преложение грамотам» из главы «О азбуке пермской» Жития Стефана Пермского был включен в состав «Златой цепи» (I группы III типа, по классификации М. С. Крутовой). Епифаниевский текст был сокращен и превратился в своеобразную энциклопедическую статью, посвященную истории составления

³⁵ Кроме того, список Q.I.1013 содержит разрывающую текст большую вставку (Л. 224 об.–225 об.), помещенную после слов то вси вѣдають і вскорѣ ѡвѣщають рекъце и перед вводимой этими словами репликой сѣи константинъ философъ нарицаемыи кѣрилъ тон намъ грамотѣ сотворилъ... и не имеющую прямой связи с текстом «Преложения грамотам». Она состоит из 3 выписок: о иереях (из 8-й Беседы Иоанна Златоуста на 1-е Послание коринфянам (3: 1–3)) и о «почитании книжном» (из Слова о живых учителях и из «Беседы, когда Евтропий, найденный вне церкви, был схвачен, и о садах и писаниях, и на слова: “Стала царица одесную Тебя” (Пс 44: 10)» Иоанна Златоуста).

³⁶ Утраченные в этих списках чтения восстановлены в квадратных скобках по списку Син. 951.

³⁷ Слово господь отсутствует также в списке ВМЧ, однако там оно является самостоятельным пропуском.

³⁸ Утраченные в этих списках чтения восстановлены в квадратных скобках по списку Син. 951.

³⁹ Однако материал незначителен и допускает возможность восстановления верных чтений в списке Колоб. 283. К сожалению, более надежными аргументами в пользу прямой связи списков Егор. 71 и Колоб. 283 мы не располагаем (кодинологическое исследование рукописей не дает таких сведений), поэтому на данном этапе изучения мы возводим их к общему протографу.

греческой, славянской и пермской азбук. Вероятно, наличие новых лингвистических данных о буквах других алфавитов и новой – пермской – азбуке и стало причиной того, что составители «Златой цепи» обратились к сочинению Епифания, а не к лежащему в его основе Сказанию «О письменах» черноризца Храбра. Известно, что среди русских авторов, сочинения которых в отрывках были помещены в «Златую цепь», были Серапион Владимирский, Кирилл Туровский, Феодор Тверской. Теперь к их числу можно отнести и Епифания Премудрого, хотя отрывок из его сочинения помещен в сборнике анонимно. По-видимому, это одно из наиболее поздних русских сочинений в составе «Златой цепи».

Этот отрывок из Жития образовал самостоятельную рукописную традицию: на данный момент выявлены 13 его списков XV–XVIII вв., причем не только в составе полных списков «Златой цепи», но и отдельно в других сборниках. Распространение текста на раннем этапе (XV–XVI вв.) связано в первую очередь с крупными книгописными, главным образом монастырскими, центрами (Москва, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский, Соловецкий монастыри), что объясняется его связью со «Златой цепью».

Обращение к этому отрывку из Жития позволило также уточнить некоторые моменты рукописной традиции I группы III типа сборника «Златая цепь»: как выяснилось, рукопись 50–60-х гг. XV в. Син. 951 содержит большой фрагмент из этой разновидности «Златой цепи», которая, таким образом, сформировалась не позднее 60-х гг. XV в. Некоторые фрагменты из «Златой цепи» вызвали особый интерес и могли образовывать свои рукописные традиции – один из них, обнаруженный в сборниках Син. 948, Егор. 71 и Колоб. 283, включал «Преложение грамотам» и переписывался с 70-х гг. XV в. до конца XVIII в.

Три ранних списка «Преложения грамотам» датируются 50–70-ми гг. XV в. Тем самым обращение к этому отрывку из Жития Стефана Пермского расширяет перечень старших списков Жития и наши представления о раннем этапе его рукописной традиции: с учетом двух полных списков 70-х гг. XV в. (Лих. 161) и 90-х гг. XV в. (Вяз. Q.10), а также двух комплексов выписок из Жития в составе сборников ОР РГБ. Ф. 247 (Собрание Рогожского кладбища). № 253, середины XV в., и ОР ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 1395, последней трети XV в. (см.: [Духанина, 2021]), можно говорить о внимании древнерусских книжников к сочинению Епифания Премудрого во второй половине XV в. Причем видно, что Житие могло вызывать интерес и как агиографический текст, и как авторитетный источник сведений, в частности, о создании письменности для разных народов.

Справочники филиграней

- Брике – *Briquet C. M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907. Т. 1–4.*
- Герасимов – *Герасимов А. А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения М., 1963.*
- Дианова, Костюхина – *Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России. По материалам Отдела рукописей ГИМ. М., 1980.*
- Лихачев – *Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3.*
- Пикар (голова быка) – *Piccar G. Die Ochsenkopfwasserzeichen. Stuttgart, 1966.*
- Пикар (животные) – *Piccard G. Wasserzeichen Fabeltiere. Greif. Drache. Einhorn. Stuttgart, 1980.*
- Пикар (литера Р) – *Piccar G. Wasserzeichen Bushstabe P. Stuttgart, 1977.*
- Пикар (рука) – *Piccar G. Wasserzeichen Hand und Handschun. Stuttgart, 1997.*
- Пикар (фрукты) – *Piccar G. Wasserzeichen Frucht. Stuttgart, 1983.*
- Тромонин – *Тромонин К. Изъяснение знаков видимых в писчей бумаге. М., 1844.*
- Участкина – *Uchastkina Z. V. A History of Russian Hand Paper-Mills and Their Watermarks. Hilversum, 1962. (Monumenta Chartae Papyraceae Historiam Illustrantia. Vol. 9).*

Литература

- Абрамович Д. И. Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3. 408 с.
- Амфилохий (Сергиевский), архим. Описание Воскресенской Ново-Иерусалимской библиотеки. М., 1875. 9, II, 214, [6] с.
- Анисимова Т. В. Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова. М., 2017. Т. 1. № 1–100. 374 с.
- Анисимова Т. В. Фрагменты Хроники Георгия Амартола в рукописи 60-х годов XV века // Румянцевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (23–24 апреля 2019 г.): в 3 ч. М., 2019. Ч. 1. С. 34–37.
- Баранкова Г. С. От черноризца Храбра к Стефану Пермскому // Русская речь. 1998. № 4. С. 65–69.
- Баранкова Г. С. Редкий способ сокращения слова, связанный с названиями кириллических букв // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2012–2013. М., 2013. С. 115–134.
- Баранкова Г. С. Статья «О нравѣх, и возрастѣх и образѣх члвчѣких» в Синодальном сборнике № 951 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2015. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. С. 44–68.
- Бодянский О. [М.] О времени происхождения славянских письмен. М., 1855. [4], III, [3], 381, [3], CXV, [5] с.
- Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Ч. 3. [2], VIII, 844 с.
- Дианова Т. В., Костюхина Л. М., Поздеева И. В. Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 122–415.
- Дмитриева Р. П. Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со смертью» // ТОДРА. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 303–317.
- Духанина А. В. Старший полный список Жития Стефана Пермского с авторским заглавием // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2020. Вып. 8. Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996). С. 566–586.
- Духанина А. В. Ранний этап рукописной традиции Жития Стефана Пермского: комплекс отрывков в сборниках середины – последней трети XV в. // ТОДРА. СПб., 2021. Т. 68. С. 173–210. DOI 10.31860/0130-464X-2021-68-173-210
- Духанина А. В., Карбасова Т. Б., Башнин Н. В. Агиографический сборник 70-х годов XV в. СПбИИ РАН. Кол. Н. П. Лихачева. № 161: история создания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 143–169. DOI 10.25986/IRI.2020.98.24.012 [Духанина, Карбасова, Башнин, 2020a]
- Духанина А. В., Карбасова Т. Б., Башнин Н. В. Агиографический сборник 70-х годов XV в. СПбИИ РАН. Кол. Н. П. Лихачева. № 161 – «Толстый сборник» Кирилло-Белозерского монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 131–144. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.011 [Духанина, Карбасова, Башнин, 2020b]
- Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подгот. текста, пер., коммент., исслед. А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015. (Patrologia Slavica. Вып. 3). 637 с.
- Иосиф, иером. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. [2], II, 316, XIV с.
- Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. 564 с.
- Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963. 445 с.
- Крутова М. С. «Златая цепь» как тип сборника // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 39–62.
- Крутова М. С. Сборники «Златая цепь» в русской письменности // Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5. Ч. 1 («Златая цепь»). С. 3–61. [Крутова, 1990a]
- [Крутова М. С.] Указатель начал сборников «Златая цепь» // Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5. Ч. 1 («Златая цепь»). С. 62–184. [Крутова, 1990b]

[Крутова М. С.] Указатель начал сборников «Златая цепь» [продолжение] // Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5. Ч. 2 («Златая цепь»). С. 185–352. [Крутова, 1990в]

Крушельницкая Е. В. Келейный сборник новгородского митрополита Исидора Соловецкой библиотеки № 860/970: опыт изучения одной энциклопедической компиляции конца XVI века // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006. С. 379–398.

Куев К. Черноризец Храбър. София, 1967. 454 с.

Кучкин В. А. Из литературного наследия Пахомия Серба (Старшая редакция жития митрополита Алексея) // Источники и историография русского Средневековья. М., 1967. С. 242–257.

Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. (Труды Славянской комиссии. Т. 1). [6], L, 200 с.

Ляховицкий Е. А., Шибаев М. А. Великие Миней Четъи // ПЭ. М., 2017. Т. 45. С. 262–267.

Новикова О. С. Летописец русский в рукописях и в истории русского летописания XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 156–205.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. № 577–819. IX, 211, XXV с., 19 л. факс.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. № 820–1051. 163 с.

Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. 381 с.

Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. Ф. 113. М., 1972. Т. 2 (№ 1–237). Дополнительная опись к печатному описанию иером. Иосифа «Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии». М., 1882. 155 с. (машинопись).

Степанова А. Ю. Русские редакции Сказания черноризца Храбра «О письменах» в литературном контексте XIV–XVII вв. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999. 195, 105 с.

References

Abramovich, D. I. Opisanie rukopisei Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii. Sofiiskaya biblioteka [Description of Manuscripts of the Saint Petersburg Theological Academy. The Sofia Library]. Saint Petersburg, 1910. Issue 3. 408 p.

Amfilokhii (Sergievskii), archimandrite. Opisanie Voskresenskoi Novo-Ierusalimskoi biblioteki [Description of the Resurrection New Jerusalem Library]. Moscow, 1875. 9, II, 214, [6] p.

Anisimova, T. V. Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig iz sobraniya E. E. Egorova [Catalog of Slavic-Russian Handwritten Books from the E. E. Egorov's Collection]. Moscow, 2017. Vol. 1. No. 1–100. 374 p.

Anisimova, T. V. Fragmenty Khroniki Georgiya Amartola v rukopisi 60-kh godov XV veka [Fragments of the Chronicle of George Hamartolos in the Manuscript of the 1460s]. In *Rumyantsevskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (23–24 aprelya 2019 g.)*. In 3 parts. Moscow, 2019. Part 1. Pp. 34–37.

Barankova, G. S. Ot chernoriztsa Khrabra k Stefanu Permskomu [From Chernorizets Hrabar to Stephen of Perm]. In *Russkaya rech'*. 1998. No. 4. Pp. 65–69.

Barankova, G. S. Redkii sposob sokrashcheniya slova, svyazannyi s nazvaniyami kirillicheskich buk [A Rare Way of Shortening a Word Associated with the Names of Cyrillic Letters]. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. 2012–2013*. Moscow, 2013. Pp. 115–134.

Barankova, G. S. Stat'ya «O нравѣхъ, i vrazstѣхъ i obrazѣхъ chlvchŝkykh» v Sinodal'nom sbornike No. 951 [The Article «On Human Tempers, and Ages, and Images» in the Synodal Collection No. 951]. In *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Moscow, 2015. Issue 5. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. 2014–2015. Pp. 44–68.

Bodyanskiĭ, O. [M.] O vremeni proiskhozhdeniya slavyanskikh pis'men [About the Time of the Origin of Slavic Letters]. Moscow, 1855. [4], III, [3], 381, [3], CXV, [5] p.

Dianova, T. V., Kostyukhina, L. M., Pozdeeva, I. V. Opisanie rukopisei biblioteki Iosifo-Volokolamskogo monastyrja iz Eparkhial'nogo sobraniya GIM [Description of Manuscripts of the Iosifo-Volokolamsk

- Monastery Library from the Diocesan Collection of the State Historical Museum]. In *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti*. Leningrad, 1991. Pp. 122–415.
- Dmitrieva, R. P. Russkii perevod XVI v. Pol'skogo sochineniya XV v. "Razgovor magistra Polikarpa so smert'yu" [Russian Translation of the 16th-century Polish Work of the 15th Century "Master Polycarp's Conversation with Death"]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1963. Vol. 19. Pp. 303–317.
- Dukhanina, A. V. Starshii polnyi spisok Zhitiya Stefana Permskogo s avtorskim zaglavie[m] [The Earliest Full Copy of the Life of St. Stephan of Perm with the Authorial Title]. In *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisei BAN*. Saint Petersburg, 2020. Issue 8. Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Amosova (1948–1996). Pp. 566–586.
- Dukhanina, A. V. Rannii etap rukopisnoi traditsii Zhitiya Stefana Permskogo: kompleks otryvkov v sbornikakh serediny – poslednei treti XV v. [The Early Manuscript Tradition of the Life of St. Stephen of Perm: A Selection of Excerpts in Miscellanies from the Middle and the Last Third of the 15th Century]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2021. Vol. 68. Pp. 173–210. DOI 10.31860/0130-464X-2021-68-173-210
- Dukhanina, A. V., Karbasova, T. B., Bashnin, N. V. Agiograficheskii sbornik 70-kh godov XV v. SPbII RAN. Kol. N. P. Likhacheva. № 161: istoriya sozdaniya [Hagiographic Collection No. 161 from the N. P. Likhachev's Collection of the Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 1470s: History of Creation]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 3 (81). Pp. 143–169. DOI 10.25986/IRI.2020.98.24.012 [Dukhanina, Karbasova, Bashnin, 2020a]
- Dukhanina, A. V., Karbasova, T. B., Bashnin, N. V. Agiograficheskii sbornik 70-kh godov XV v. SPbII RAN. Kol. N. P. Likhacheva. № 161 – "Tolsty sobornik" Kirillo-Belozerskogo monastyrya [Hagiographic Collection No. 161 from the N. P. Likhachev's Collection of the Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 1470s – "Thick Sobornik" of the Kirillo-Belozersky Monastery]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 4 (82). Pp. 131–144. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.011 [Dukhanina, Karbasova, Bashnin, 2020b]
- Gorskii, A. V., Nevostuev, K. I. Opisanie slavyanskikh rukopisei Moskovskoi sinodal'noi biblioteki [Description of Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal Library]. Moscow, 1862. Chapter 2. Part 3. [2], VIII, 844 p.
- Iosif, hieromonk. Opis' rukopisei, perenesennykh iz biblioteki Iosifova monastyrya v biblioteku Moskovskoi dukhovnoi akademii [Inventory of Manuscripts Transferred from the Joseph Monastery Library to the Moscow Theological Academy Library]. Moscow, 1882. [2], II, 316, XIV p.
- Kloss, B. M. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow, 1998. Vol. 1. Zhitie Sergiya Radonezhskogo [The Life of St. Sergius of Radonezh]. 564 p.
- Kovtun, L. S. Russkaya leksikografiya epokhi srednevekov'ya [Russian Lexicography of the Middle Ages]. Moscow; Leningrad, 1963. 445 p.
- Krushel'nitskaya, E. V. Keleinyi sbornik novgorodskogo mitropolita Isidora Solovetskoi biblioteki № 860/970: opyt izucheniya odnoi entsiklopedicheskoi kompilyatsii kontsa XVI veka [The Cell Collection of the Novgorod Metropolitan Isidore of the Solovetsky Library No. 860/970: The Experience of Studying One Encyclopedic Compilation of the End of the 16th Century]. In *Istoriya v rukopisyakh i rukopisi v istorii. Sbornik nauchnykh trudov k 200-letiyu Otdela rukopisei RNB*. Saint Petersburg, 2006. Pp. 379–398.
- Krutova, M. S. "Zlataya tsep" kak tip sbornika [The "Golden Chain" as a Type of Collection]. In *Literatura Drevnei Rusi. Istochnikovedenie*. Leningrad, 1988. Pp. 39–62.
- Krutova, M. S. Sborniki "Zlataya tsep" v russkoi pis'mennosti [Collections "Golden Chain" in Russian Writing]. In *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniyu slavyanorusskikh rukopisei dlya Svodnogo kataloga rukopisei, khranyashchikhsya v SSSR*. Novosibirsk, 1990. Issue 5. Part 1 ("Zlataya tsep"). Pp. 3–61. [Krutova, 1990a]
- [Krutova, M. S.] Ukazatel' nachal sbornikov "Zlataya tsep" [Index of the Beginnings of the Collections "Golden Chain"]. In *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniyu slavyanorusskikh rukopisei dlya Svodnogo kataloga rukopisei, khranyashchikhsya v SSSR*. Novosibirsk, 1990. Issue 5. Part 1 ("Zlataya tsep"). Pp. 62–184. [Krutova, 1990b]

- [Krutova, M. S.] Ukazatel' nachal sbornikov "Zlataya tsep'" [prodolzhenie] [Index of the Beginnings of the Collections "Golden Chain" [continued]]. In *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniyu slavyanorusskikh rukopisei dlya Svodnogo kataloga rukopisei, khranyashchikhsya v SSSR*. Novosibirsk, 1990. Issue 5. Part 2 ("Zlataya tsep'"). Pp. 185–352. [Krutova, 1990v]
- Kuchkin, V. A. Iz literaturnogo naslediya Pakhomiya Serba (Starshaya redaktsiya zhitiya mitropolita Aleksey) [From the Literary Heritage of Pakhomius Serb (Senior Redaction of the Life of Metropolitan Aleksey)]. In *Istochniki i istoriografiya russkogo Srednevekov'ya*. Moscow, 1967. Pp. 242–257.
- Kuev, K. Chernorizets Khrab'r [Chernorizets Hrabar]. Sofiya, 1967. 454 p.
- Lavrov, P. A. Materialy po istorii vozniknoveniya drevneishei slavyanskoi pis'mennosti [Materials on the History of the Old Slavic Writing]. Leningrad, 1930. (Trudy Slavyanskoi komissii. Vol. 1). [6], L, 200 p.
- Lyakhovitskii, E. A., Shibaev, M. A. Velikie Minei Chet'i [The Great Menaion Reader]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2017. Vol. 45. Pp. 262–267.
- Novikova, O. S. Letopisets russkii v rukopisyakh i v istorii russkogo letopisaniya XV v. [The Russian Chronicle in Manuscripts and in the History of the Russian Annals of the 15th Century]. In *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniya. 2011–2012*. Moscow; Saint Petersburg, 2012. Pp. 156–205.
- Protas'eva, T. N. Opisaniye rukopisei Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisaniye A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva) [Description of Manuscripts of the Synodal Collection (not Included in the Description of A. V. Gorsky and K. I. Nevostruev)]. Moscow, 1970. Part 1. No. 577–819. IX, 211, XXV p., 19 l. of faks.
- Protas'eva, T. N. Opisaniye rukopisei Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisaniye A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva) [Description of Manuscripts of the Synodal Collection (not Included in the Description of A. V. Gorsky and K. I. Nevostruev)]. Moscow, 1973. Part 2. No. 820–1051. 163 p.
- Rukopisnye sobraniya Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V. I. Lenina. Ukazatel' [Manuscript Collections of the State Library of the USSR Named after V. I. Lenin. Index]. Moscow, 1986. Vol. 1. Issue 2. 381 p.
- Sobranie Iosifo-Volokolamskogo monastyrya. F. 113 [The Iosifo-Volokolamsk Monastery Collection. Collection 113]. Moscow, 1972. Vol. 2 (No. 1–237). Dopolnitel'naya opis' k pechatnomu opisaniyu ierom. Iosifa "Opis' rukopisei, perenesennykh iz biblioteki Iosifova monastyrya v biblioteku Moskovskoi dukhovnoi akademii" [An Additional Inventory to the Printed Description of Hieromonk Joseph "Inventory of Manuscripts Transferred from the Joseph Monastery Library to the Moscow Theological Academy library"]. Moscow, 1882. 155 p. (typescript).
- Stepanova, A. Yu. Russkie redaktsii Skazaniya chernoriztsa Khrabra "O pis'menakh" v literaturnom kontekste XIV–XVII vv. [Russian Redactions of the Story "On the Letters" by Chernorizets Hrabar in the Literary Context of the 14th – 17th Centuries]. Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Novosibirsk, 1999. 195, 105 p.
- Zhitie Sergiya Radonezhskogo (Prostrannaya redaktsiya) [The Life of St. Sergius of Radonezh (Extensive Redaction)]. Text preparation, translation, comments, research by A. V. Dukhanina. Moscow; Brussels, 2015. (Patrologia Slavica. Issue 3). 637 p.

Alexandra V. Dukhanina
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

"CREATING ALPHABETS":
AN EXCERPT FROM THE LIFE OF ST. STEPHEN OF PERM
AS PART OF THE "GOLDEN CHAIN"

No later than the 1460s, an excerpt was extracted from the chapter "On the Perm Alphabet" of the Life of St. Stephen of Perm, which, under the heading of "Creating Alphabets", was included in the encyclopedic collection of the "Golden Chain" and formed an independent manuscript tradition that can be traced to the end of the 18th century. At the moment, 13 copies of the text have been found that occur a part of the "Golden Chain" and fragments from it, as well as written out separately; their geography is quite wide and is primarily associated with large book-writing centers. The referral to the "Creating Alphabets" allows us to clarify both the early stage of the handwritten tradition of the Life of St. Stephen of Perm, and some features of the handwritten tradition of the "Golden Chain".

Keywords: hagiography, textual criticism, Life of St. Stephen of Perm, "Golden Chain", "Creating Alphabets"

И. В. Федорова

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. irirad@mail.ru

К ВОПРОСУ О РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО АПОКРИФА
«ХОЖДЕНИЕ ЗОСИМЫ К РАХМАНАМ»:
НОВАЯ СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ ПАМЯТНИКА

Переводной апокриф «Хождение Зосимы к рахманам» известен в науке в двух списках XIV и XVII вв. В статье в научный оборот вводится еще один список памятника – ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 93. Несмотря на его позднюю датировку – 1784 г. – список представляет интерес для литературной истории апокрифа и его бытования в русской книжной культуре. Текстологический анализ показал, что в Тихонравовском списке сохранилась стилистическая редакция апокрифа, имеющая ряд индивидуальных чтений в сравнении с сокращенной и пространной версиями его текста.

Ключевые слова: апокриф, «Хождение Зосимы к рахманам», список, редакция

Переводной апокриф «Хождение Зосимы к рахманам» (далее – Хождение Зосимы или Хождение) рассказывает о путешествии отца Зосимы в землю блаженных людей. Исследователи отмечают, что центральная часть памятника, повествующая о земном рае, состоит из двух сюжетов: легендарной истории переселения за мифическую реку рехавитов, потомков библейского Рехавы, и рассказа о стране блаженных, брахманах [Ванеева, с. 490; Мильков, с. 44]. Хождение в науке известно в двух списках: в составе так называемого Сильвестровского сборника конца XIV в. РГАДА. Ф. 381 (Синодальная типография). Оп. 1. № 53, поэтому список в науке называют Сильвестровским, и в списке середины XVII в. – ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 817 (далее – Синодальный список) [Ванеева, с. 489; Мильков, с. 45]. Текстуально списки различаются. В Сильвестровском списке сохранилась сокращенная версия памятника, так как в тексте отсутствует история рехавитов, а в Синодальном списке читается его пространственный вариант [Мильков, с. 45]. По обоим спискам текст апокрифа впервые опубликовал Н. С. Тихонравов в 1863 г.¹ С того времени памятник был переиздан и переведен на современный русский язык². В рукописи 1784 г. ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 93 нам известен еще один список Хождения Зосимы (Л. 50–59)³. К изучению литературной истории апокрифа он не привлекался, поэтому остановимся подробнее на его тексте.

Принимая во внимание то, что в Тихонравовском списке Хождения передана история рехавитов, можно говорить, что он текстуально близок к пространному варианту памятника, известному по Синодальному списку. Однако в передаче апокрифа между списками обнаруживаются различия. Так, в Тихонравовском списке получила развитие тема продолжения рода блаженных людей. После сообщения о «разлучении» праведных мужей с женами читаем: «Ащели которая жена неплодна будет, то с тою женою не совокупаемся. А с плодовыми, совокупившись, по трех лѣтъх расходимся о себѣ и пребываем в великой чистотѣ, без смѣшения.

¹ Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Николаем Тихонравовым. М., 1863. Т. 2. С. 78–92.

² [Мильков, с. 46–61]; Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования / Отв. ред. и сост. В. В. Мильков. М., 1997. С. 105–115.

³ Далее – Тихонравовский список. Символичным кажется то, что именно в собрании академика Н. С. Тихонравова, который ввел в научный оборот Хождение Зосимы, оказался еще один список этого апокрифа. Почему историк литературы не воспользовался им для своих научных занятий, посвященных отреченной литературе, понять сложно: на внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис – овальный штамп «Тихонравовъ» с проставленным от руки номером 93, но каких-либо помет коллекционера рукопись не содержит. В каталоге собрания «Мои рукописи», составленном Н. С. Тихонравовым, история приобретения сборника не отражена. В его описании ученый сделал акцент на Хождении Трифона Коробейникова, открывающем рукопись: «Сказание о Иерусалиме. Любопытная компиляция 18 века с апокрифами» (РГБ. Ф. 298/1 (Архив Н. С. Тихонравова). № 26.17). Пользуясь возможностью поблагодарить А. Д. Паскаля за помощь в работе с материалами архива Н. С. Тихонравова.

Есть же в нас рѣка именемъ Гаам. В той рѣкѣ имѣется зѣло великий и лютый звѣрь, имя ему – тигрь, иже пожираетъ болшаго звѣря слона. Жены же наши живут об одну страны рѣки, егда же приходим чрез ту рѣку к своим женам месяца июля и августа, тогда помянутый звѣрь тигрь отбѣгает прочь. По совокуплении жъ съ женами пробуваем в великой осторожности и чистотѣ на своей странѣ» (Л. 55 об.). Можно думать, что этот фрагмент изначально характерен для рассказа о жизни блаженных и не был поздней (учитывая датировку списка) вставкой редактора, так как идея аскезы является одной из основных в памятнике.

В Тихонравовском списке Хождение Зосимы последовательно пересказано, поэтому с Синодальным списком они различаются еще и стилистически. Интересным примером иллюстрации редакторской работы может быть рассказ рехавитов об их общении с иерусалимским царем. Если в Синодальном списке повествование об этом представлено в форме монолога рехавитов, то в Тихонравовском списке общение оформлено как диалог, что добавило изложению динамизма, хотя пророчество Иеремии передано в списке косвенной речью. Ср.:

Синодальный список	Тихонравовский список
Мы ж рѣкохомъ ему: «Отъ люди твоихъ есмы, града нашего Иерусалима, сынове есмы раба твоего Рехома, сына сыновъ Адамль. Егдаж живу суцу отцу твоему царю, повѣдаше Еремѣа пророкъ смерть граду нашему Иерусалиму. Рече пророкъ: “По трехъ днехъ градъ сии да умреть смертию”» ⁴ .	Мы же ему отвѣщахом: «Иерусалимскаго града есмы чада». Царь же рече паки к нам: «Чи сынове есте?». Тогда мы отвѣщахом ему: «Царю державный, сынове есмы раба твоего Рахава. Егда бо проповѣдаше пророкъ Иеремиа всему граду нашему Иерусалиму, яко по трех днехъ вси людие умрети имуть» (Л. 54).

Пересказ как основной редакторский прием передачи апокрифа в Тихонравовском списке обусловил пропуски отдельных слов, фраз и предложений, характерных для текста Синодального списка, а также синонимичные замены, вставки слов и словосочетаний, инверсионное построение фраз. Это можно увидеть на примере того же рассказе рехавитов об их жизни (№ 1) и устроении жизни блаженных мужей (№ 2). Ср.:

Синодальный список	Тихонравовский список
1. И услыша Господь молитву нашу и възврати гнѣвъ свои отъ насъ; бысть же граду нашему Иерусалиму милость отъ Господа Бога нашего, помилова Господь люди своя и отъя отъ насъ Господь гнѣвъ свои смертный. Потомъ же умре царь града Иерусалима... ⁵	И абие услыша Богъ молитву нашу и отврати гнѣвъ свои праведный от града нашего Иерусалима. Потом умре царь иерусалимский... (Л. 54).
2. Свѣтемъ ж о мирѣ вашемъ, иже суть ли праведнии, или грѣшнии; дѣла ваша свѣтмы, яко въ послѣднии приходы ангели повѣдаютъ намъ; число дни нашихъ вѣтмы и молимся за васъ Богу: мы бо отъ вашего рода есмы.	О вас же вѣдомость получаем, како в мирѣ суть праведнии и грѣшнии,

⁴ Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 89.

⁵ Там же. С. 85.

Понеже избра ны Господь Богъ и посади ны на земли сей безъ грѣха. Ангели божии пребываютъ съ нами по вся дни и повѣдаютъ намъ яже о дѣлахъ вашихъ, и радуемся съ ангелы о дѣлахъ праведничихъ, а о грѣшныхъ печальни есмы и со слезами молимся къ Господу Богу, дабы утѣшилъ гнѣвъ свой и простилъ грѣхы ихъ ⁷ .	понеже всегда аггелы Господни приходятъ к нам и возвыщаютъ вся ваша дѣла добрая и злая и число дней вашихъ. О праведныхъ мы, слышаще, со аггелы радуемся, а о грѣшныхъ со слезами нашими молимся Господу Богу, дабы простилъ ихъ отъ грѣховъ (Л. 56).
---	---

В Тихонравовском списке обнаруживаются пропуски в повествовании. Так, в самом начале рассказа о земном рае опущено сообщение об испуге Зосимы, увидевшего нагого человека и решившего, что это «превабитель», о чем рассказано в Синодальном списке⁶. Согласно Тихонравовскому списку, Зосима сразу знает, что перед ним Божий человек. Поэтому мотив искушения, организующий этот фрагмент текста старших списков и важный для развития темы земного рая, в Тихонравовском списке оказался снят. Ср.:

Синодальный список	Тихонравовский список
И видѣхъ ту человѣка сѣдяща нага, и помысли въ себѣ и рѣхъ: «еда будетъ се превабитель диаволь?» И помянухъ си гласъ рѣхы и облака, како рече ми: «не проидетъ сквозь мя превабитель свѣта суетнаго». И тако дръзнувъ и глаголахъ къ нему: «Радуйся, брате!» ⁸ .	И абие увидѣхъ ту нѣкоего человѣка, сѣдяща нага. И рѣхъ ему: «Радуйся, человѣче Божий! Кто еси ты таковой?» (Л. 51 об.).

Из сопоставления видно, что редактор опустил внутренний монолог Зосимы, благодаря чему избежал повторения слов реки и облака, которые еще раньше, на пути старца в рай, говорили ему, что через них не пройдет дьявол («И помянухъ си гласъ рѣхы и облака, како рече ми...»), следовательно, место, где оказался Зосима, чистое. Приведенные примеры показывают, что редактор XVIII в. тонко чувствовал текст, с которым работал. В ряде случаев он его не только пересказывал, но и толковал.

Так, в рассказе праведников об отсутствии у них одежды в Синодальном списке сказано: «...имѣемъ одежду праведну; не стыдимся другъ друга»⁹. В Тихонравовском списке мотив «одежды праведной» редактором развивается. В тексте нагота блаженных мужей возводится к Адаму и Еве, жившим в раю до согрешения: «Имѣемъ бо мы себѣ одежду невидимую свѣше, якоже в началѣ имѣлъ первый человѣкъъ Адамъ и Ева» (Л. 55 об.). И, таким образом, это сравнение продолжает в Тихонравовском списке историю происхождения праведников от библейского Рехава, «сынъ сына Адамова», обозначенную в начале рассказа о рехавитах (Л. 53 об.).

Редактированию в Тихонравовском списке подвергся и монолог дьявола, пришедшего к Зосиме уже после его возвращения из рая. В сравнении с Синодальным списком Хождения,

⁶ Об этом же сказано и в Сильвестровском списке апокрифа (см.: Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 79).

⁷ Там же. С. 87–88.

⁸ Там же С. 83.

⁹ Там же. С. 87.

в Тихонравовском нивелирована тема грехопадения Адама и Евы, искушенных дьяволом, из-за чего ими была утрачена безгрешность¹⁰. Ср.:

Синодальный список	Тихонравовский список
...и пребывати ти безгрѣшну подобна ангеломъ; сего ради азъ промысломъ зломъ внидохъ во змию и тѣмъ створи хъ и Адаму, первому чловѣку, наготу и внесохъ на ня прелестъ и смерть и грѣхъ, и тако отпадоша славы божия и святыхъ ангель. Или ты нынѣ шедъ принеслъ еси житие блаженныхъ, дабы и здѣ безъ грѣха чловѣцы были? Но азъ ти покажу, како ты погублю и тѣхъ, иже приимуть, яже еси принеслъ ¹¹яко сотвори тя Богъ подобна по всему блаженным чловѣком и имаши пребывати без греха, яко аггелъ Божий. И принеслъ еси с собою весь закон блаженных чловѣкъ, дабы вси людие без грѣха были. И азъ ти покажу, какъ ты погублю! (Л. 58).

Фрагмент рассказа о грехопадении первых людей в Тихонравовском списке, на наш взгляд, намеренно пропущен редактором, так как за Хождением Зосимы в сборнике ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 93 (далее – сборник Тихонравова) читается апокриф об Адаме и Еве, где об этом подробно рассказано. Палеографические и содержательные особенности сборника Тихонравова¹² позволяют говорить о том, что редактор Хождения Зосимы был составителем кодекса и подбирал для него памятники, которые благодаря общности тем, мотивов и образной системы «организовали» сборник как тематическое и содержательное единство¹³.

Для реконструкции литературной истории Хождения Зосимы интерес представляет описание обратного пути старца из рая. В. В. Мильков обратил внимание на то, что в Синодальном списке преодолеть этот путь Зосиме помогали облако, лев и верблюд [Мильков, с. 66, примеч. 46]. Добавим, что аналогично текст передан и в Тихонравовском списке, только вместо облака на пути к раю и из рая Зосиме помогал сильный вихрь (Л. 51, 57 об.). В Сильвестровском списке сказано о помощи от облака и льва¹⁴, верблюд в числе помощников не указан. Исследователь справедливо обратил внимание на то, что в начале памятника, при описании пути в земной рай, лев не фигурировал, и предположил, что списки в этой части имеют общий пропуск текста. Сообщение Синодального списка о трех помощниках Зосиме на обратном пути, по мнению ученого, есть «контаминация двух сюжетов» [Мильков, с. 66, примеч. 46]. На наш взгляд, в рассказе о пути Зосимы из рая в Сильвестровском списке имеет место гаплографическая ошибка, обусловленная повествовательными и синтаксическими особенностями этого фрагмента текста. Каждый из помощников Зосимы затратил одинаковое время на дорогу, а, доведя до условного места, отходил от старца со словами: «Блаженъ еси Зосима, иже сътанъ быс съ блаженными». Соответственно, в Синодальном списке эта ситуация и ее однотипное описание повторяются трижды. Ср.:

¹⁰ В Сильвестровском списке тема грехопадения прописана детальнее, чем в Синодальном, так как в тексте обозначен запрет Бога вкушать от древа познания. Расхождение Сильвестровского списка с Синодальным в передаче этого фрагмента уже отмечалось в науке [Мильков, с. 66, примеч. 51].

¹¹ Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 90–91.

¹² Сборник в 4°, 72 листа, перешитый картонный переплет. Рукопись написана одной рукой с использованием коричнево-бурых чернил, ими же выполнена фолиация, заголовки и инициалы имеют унифицированное оформление киноварью.

¹³ Подробнее об этом см.: [Федорова, с. 591–593]. Однако утверждать, что переписчик сборника Тихонравова был его составителем и редактором текста, веских оснований нет. Возможно, он только скопировал антиграф.

¹⁴ Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 80.

Сильвестровский список	Синодальный список
<p>...и приде облакъ с вѣтромъ. И взят мя на криль свои. И несе мя на мѣсто идеже обрѣте преже суща. И възвратиса с миромъ. И въздвигъ глас свои облакъ. И рече: «Блаженъ еси Зосима, яко сочтанъ еси съ блажными». И паки молящю ми ся и приде левъ и възят мя на рамѣ свои. И несе мя 100 и 5 денеи посади мя на мѣстѣ равнѣ</p> <p>идеже мя преже обрѣте. И возвратиса от мене вопия и глаголя: «Блаженъ еси Зосима яко сочтанъ бысть со блаженми». И видѣвъ же мя в помыслѣхъ дияволъ въсхотѣ мя искусити...¹⁵</p>	<p>...и прииде ко мнѣ облакъ и постави мя на мѣстѣ равнѣ, идѣж преже обрѣлъ суща. Възвратився съ миромъ облакъ и въздвиже гласъ свой, глаголя: «Блаженъ еси Зосима, яко съчтанъ быс съ блаженными». И отъиде. И паки молящу ми ся, и прииде левъ и взя мя на рамѣ свои и несе мя 100 и 5 днии и посади мя на мѣстѣ равнѣ, и възвратис (так!) от мене, вопия и глаголя: «Блаженъ еси Зосима, яко съчтанъ быс съ блаженными». И паки прииде звѣрь исъ пустыни именемъ вельблудъ и възятъ мя на хребетъ свой и несе мя 100 и 5 днии и посади мя на мѣстѣ, идѣж мя преже обрѣлъ, и возвратис отъ мене съ миромъ, вопия и глаголя: «Блаженъ еси Зосима, яко съчтанъ еси съ блаженными». И видѣвъ же мя въ помыслѣхъ суща дияволъ въсхотѣ искусити...¹⁶</p>

Из сопоставления видно, что уточнение Сильвестровского списка о том, что лев принес его на то же место, «идеже мя преже обрѣте», расходится с Синодальным списком (= Тихонравовский), где про «прежнее место», то есть с которого Зосима был взят на пути в рай, сказано только по отношению к облаку и верблюду. Переписчик Сильвестровского списка (его антиграфа?) пропустил описание помощи верблюда, заканчивающееся теми же словами («несе мя 100 и 5 днии и посади мя на мѣстѣ»), что и рассказ о льве, который он ошибочно соединил с концом описания, относящегося к верблюду.

Отсутствие в Синодальном и Тихонравовском списках сообщения о возвращении Зосимы львом на прежнее место может поколебать предположение В. В. Милькова о том, что в описании пути Зосимы к раю в старших списках допущен пропуск, в результате – утрачено сообщение о помощи льва. Однако отказываться от него не стоит, так как предположение исследователя оправдано кольцевой композицией рассказа о путешествии Зосимы в рай: центральную часть повествования о жизни рехавитов и блаженных мужей обрамляет описание пути к раю и возвращения из него. И так как в передаче сюжета «дорожные» части однотипны, то логично ожидать, что как был описан путь в рай, так должно быть оформлено и возвращение из него. Обнаруживаемые между частями разночтения заставляют искать объяснений. Но решать этот вопрос можно либо на более обширном рукописном материале, каким сейчас наука не обладает, либо при установлении греческого оригинала древнерусского перевода апокрифа и изучении специфики его передачи древнерусским переводчиком¹⁷.

Рассмотренный пример показателен не только для характеристики текстуальных особенностей Сильвестровского списка Хождения, но и тем, что подчеркивает текстуальную близость Синодального и Тихонравовского списков. Хотя в рассмотренном фрагменте

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 89–90.

¹⁷ Литературу о списках греческой версии апокрифа см.: [Ванеева, с. 489–490].

они расходятся в сведениях о количестве дней, потраченных львом и верблюдом на дорогу: в Сильвестровском и Синодальном списках названо 105 дней, а в Тихонравовском – 88¹⁸.

Фактические расхождения между списками обнаруживаются и в передаче ими рассказа о жизни блаженных людей. Так, из Синодального списка апокрифа следует, что если блаженные мужи завершали свой жизненный путь молодыми, то он составлял «лѣтъ 300 и 60»¹⁹, в Тихонравовском списке – «той будет 300 лѣтъ и больше живет» (Л. 56 об.). Если человек «старѣвся», то, по Синодальному списку, «жития его лѣтъ 800 и 800»²⁰, а в Тихонравовском – «в шестьсот или в девятсот отидет и вѣщше» (Л. 56 об.). В Сильвестровском списке повествование о долголетию опущено, что, по мнению В. В. Милькова, было сделано редактором целенаправленно, так как он понимал, что «праведные люди не тождественны потомкам библейского Рехавы» [Мильков, с. 45, 64, примеч. 41]²¹.

Сопоставление текста Хождения Зосимы по известным спискам позволяет указать и на другие особенности Тихонравовского списка. Так, в рассказе об укрощении Зосимой дьявола сказано, что тот «со множеством бѣсовъ» пришел через 80 дней после первого явления старцу (Л. 58). В Синодальном списке читаем: «По 8 днии събра съ собою 300 и 60 бѣсъ»²², а в Сильвестровском списке говорится «по 8 днии собра со собою бѣсовъ»²³. Очевидно, что редактором XVIII в. была допущена ошибка в передаче цифири: из-за близости графики буква «и» была воспринята как «п», а также переосмыслено число бесов, пришедших к Зосиме. В этой же части повествования Тихонравовского списка сказано, что Зосима, укрощая дьявола, схватил его за волосы: «Тогда аз Божию помощию яхъ его за косму» (Л. 58), хотя в Синодальном и Сильвестровском списках этой подробности нет²⁴. Установить природу чтения трудно: либо редактор ввел его от себя, желая усилить мотив победы Зосимы над искусителем и добавить экспрессии повествованию²⁵, либо списки по-разному отразили общий для них вариант текста. Такое предположение позволительно, так как мотив «волос» характерен для Синодального списка Хождения и обозначен в описании спасения рехавитов из темницы, когда явившийся ангел Господень, «имѣше ны за власы главъ нашихъ и изнесе ны ис темницы...»²⁶. Это чтение Синодального списка можно рассматривать как аллюзию к рассказу Ветхого Завета о пророке Аввакуме, которого ангел, взяв за волосы, «силою духа своего» перенес из Иудеи в Вавилон, где во рве от голода томился пророк Даниил, заключенный туда царем (Дан 14: 33–39). Таким образом Господь насытил его обедом, который пророк Аввакум нес «жателем». В обоих случаях тема спасения невинных разрешилась через трансцендентное чудо.

Учитывая сказанное, можно предположить, что в тексте, который был архетипным для Синодального и Тихонравовского списков, рассказывалось и о спасении рехавитов ангелом

¹⁸ Числа в Хождении Зосимы имеют символическое значение и актуальны для понимания его содержания. Подробнее об этом на материале текста Синодального списка см.: [Воробьева].

¹⁹ Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 88.

²⁰ Там же.

²¹ Обобщая наблюдения над текстуальными особенностями древнего списка апокрифа, напомним, что к ним относятся: пропущенный рассказ об устройстве жизни блаженных в раю; пропуск в начале монолога Зосимы, укротившего дьявола, в результате чего появился текстологический шов; пропуск финальной части повествования о смерти Зосимы [Мильков, с. 45; 64–65, примеч. 41; 66, примеч. 52; 66–67, примеч. 58].

²² Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 91.

²³ Там же. С. 81.

²⁴ Там же. С. 81, 91.

²⁵ Мотив укрощения дьявола святыми через волосы известен мировой культуре и встречается в некоторых житиях-матириях (см.: [Антонов, с. 68]).

²⁶ Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 86. В Сильвестровском списке Хождения этот рассказ читался на одном из трех листов, вырезанных из рукописи. Подробнее об этом см.: Там же. С. 79. Примеч. 1; [Мильков, с. 50, примеч. 2].

за волосы, и об укрощении Зосимой дьявола «за косму». Но пока для решения этого вопроса, как и с рассмотренным ранее примером описания пути из рая, недостаточно материала.

Отметим еще одну особенность Тихонравовского списка: его редактором иначе решена одна из сцен явления Зосиме ангела. Если в Сильвестровском и Синодальном списках к старцу друг за другом приходят два ангела Господня и обращаются к нему с речами²⁷, то в Тихонравовском Зосима удостоился явления одного ангела, проводившего его до пещеры (Л. 57 об.). Безусловно, это чтение вторично по отношению к повествованию старших списков.

Итак, текстуальные особенности Тихонравовского списка Хождения Зосимы позволяют увидеть в нем новую стилистическую редакцию памятника. К ее особенностям, помимо пересказа как основного приема передачи текста, отнесем пространный вариант рассказа о праведном браке блаженных и сообщение о том, что Зосима укротил дьявола «за косму». Характерными чертами стилистической редакции являются пропуски содержательно значимых для повествования фрагментов: 1) опущен рассказ об испуге попавшего в земной рай Зосимы; 2) отсутствует сообщение о спасении рехавитов из темницы за волосы; 3) в монологе дьявола, явившегося старцу после возвращения из рая, пропущена ветхозаветная история искушения первых людей. Особенностью стилистической редакции является и ее заголовок – «О походѣ святого Зосимы въ рахманы» (Л. 50), близкий названиям «Зосимово хождение к блаженным» и «О рахманах Зосимово хождение», под которыми памятник указан в «Индексах отреченных книг»²⁸. В заголовках старших списков маркирован рассказ о жизни старца, как в Сильвестровском списке, – «Житие отца нашего Изосима. Господи, благослови», а в Синодальном обозначен еще и мотив путешествия – «Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Зосимы, как ходи в рахмани. Благослови, Отче»²⁹. С протографом пространной версии текста протограф стилистической редакции был связан через общий архетип³⁰, который обе редакции, несмотря на текстуальную близость, в ряде моментов отразили по-разному.

Установить время и место создания стилистической редакции апокрифа пока не представляется возможным, поэтому датируем ее появление не позднее марта 1784 г., когда сборник Тихонравова был переписан³¹. Учитывая, что история рукописи связана с уездным городом Боровском Калужского наместничества, о чем свидетельствует перечень боровских крестьян и мещан, читающийся на л. 72, можно предположить, что там же она была переписана.

Основной задачей автора стилистической редакции Хождения Зосимы было адаптировать средневековое произведение для современных ему читателей. Об этом свидетельствуют еще два памятника старшей традиции, включенных в сборник Тихонравова, – Хождение Трифона Коробейникова (Л. 2–50, 66 об.–69 об.) и упоминавшийся ранее апокриф об Адаме и Еве (Л. 59–66 об.): оба произведения подверглись тому же типу редактирования, что и Хождение Зосимы, и имеют индивидуальные чтения³². Обратим внимание на то, что по типу состава сборник Тихонравова отличается от Сильвестровского сборника и кодекса ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 817, в которых дошли старшие списки Хождения Зосимы. В составе Сильвестровского сборника читаются Палея толковая, Житие Бориса и Глеба, апокрифические памятники: «Откровение Авраама», «Послание Пилатово к Тиверию,

²⁷ Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 80, 90.

²⁸ Подробнее об этом см.: [Ванеева, с. 490; Мильков, с. 45].

²⁹ Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 78, 81.

³⁰ Под общим архетипом мы понимаем промежуточный вариант текста между протографами пространной и стилистической редакций и первоначальным текстом перевода. Его текст общий архетип передал точнее, чем названные редакции, хотя и не в полном объеме.

³¹ Из приписок к сборнику Тихонравова известно, что на его переписывание ушло две недели: с 21 февраля по 6 марта 1784 г. (Л. 2, 71 об.).

³² Текстуальные особенности обоих памятников описаны нами в статье [Федорова, с. 581–585, 588–590].

кесарию римскому» [Творогов, с. 8–9]³³. Состав кодекса с Синодальным списком апокрифа определяет то, что рукопись ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 817 является июньским томом Четых-Миней Иоанна Милютина³⁴, где помещены жития византийских и русских святых, память которых почитается в этом месяце, а также подборка памятников, посвященных иконе Владимирской Богоматери³⁵. Хождение Зосимы читается в конце тома, на л. 1361–1380.

Дидактическо-назидательному характеру сборников старшей традиции с Хождением Зосимы не противоречит и состав сборника Тихонравова, в который, помимо уже названных памятников, включено еще и анонимное «Стихотворение о Господе нашем Иисусе Христе» (Л. 69 об.–71 об.), представляющее собой поэтическое переложение Евангелия от Матфея. Однако сборник Тихонравова больше подходит под определение литературного, к тому же обращавшегося в народной среде, о чем свидетельствуют сохранившиеся владельческие приписки [Федорова, с. 592]. Как уже ранее было отмечено исследователями рукописной книги XVIII в. [Выставка, с. 10], читатели этого столетия имели особый интерес к повествованиям о земном рае, описанию которого было посвящено несколько апокрифических памятников русского Средневековья, в том числе и Хождение Зосимы.

Таким образом, введение в научный оборот нового списка Хождения Зосимы корректирует представление о литературной истории памятника и позволяет говорить о том, что она была более разветвленной и сложной, чем характеризовалась ранее. Помимо сокращенной (Сильвестровский список) и пространной (Синодальный список) редакций апокрифа, в XVIII в. появилась стилистическая редакция, через общий архетип связанная с пространной редакцией. Однако ни одна из редакций Хождения Зосимы, известного сегодня по трем спискам, в полном объеме не сохранила первоначального текста древнерусского перевода.

³³ Исследователи установили, что первоначальный состав рукописи был обширнее. Подробнее историю изучения вопроса и библиографию см.: [Мильков, с. 45–46].

³⁴ Рукопись описана: [Протасьева, с. 208–211].

³⁵ Описание постатейного состава тома см.: [Иосиф (Левицкий), с. 115–126].

Приложение

В Приложении публикуем текст стилистической редакции Хождения Зосимы по Тихонравовскому списку. При публикации текст передается в упрощенной орфографии: титла раскрываются; выносные буквы вносятся в строку; в квадратных скобках восстанавливаются слова, важные для понимания смысла. Полужирным шрифтом выделены заголовок и инициал, в рукописи исполненные киноварью; знаки препинания расставлены в соответствии с современной нормой.

О походе святого Зосимы въ рахманы

(Л. 50) Блаженный человекъ отецъ нашъ Зосима, пребывая во своей пустыни, моляшеся о сем подвижно Господу Богу, дабы видѣл и знал блаженных человекъ житие, идѣже суть рахманы. И о том ежедневно помышляя, не вкуси от брашна и от вина чрезъ 40 дний ничесоже. Внезапу же пред нимъ ставъ аггелъ Господень, глагола к нему: «Зосиме, человекъ Божий! Азъ являея ти, аггелъ есмь, //(Л. 50 об.) послан от Бога повѣдати тебѣ истину: се отсель вѣдый буди, яко ты имаши в скором времени поити в рахманы, но не пребудеши с ними, ни да вознесется сердце твое, яко 40 дний хлѣба о том не вкусил еси. Слава бо Божия выше хлѣба есть и Духъ Святый – выше вина. Или еще речеши в себѣ пред Богом, яко человекъческаго лица не видѣх, но се видѣл еси нынѣ лице слуги великаго Царя и Бога: пред тобою бо оное есть! И азъ видѣх, якоже хочет Богъ сотворити, тако тебѣ и сотворитъ». И паки рече ему аггелъ Господень: «Разумѣй, отче Зосиме, яко единаго от меньшихъ тѣхъ рабовъ Божиихъ нѣси достоин, но уже, воставъ, поиди абие вослѣд мене».

Тогда азъ, старецъ, с пещеры моя абие изыдох и идох путем по словеси аггела Господня. И не вѣдахъ, камо идох 40 дний. И изнеможе от алчбы великия плоть и духъ мой, и начах сокрушатися. От великия же немощи сѣдох и пребывах на мѣстѣ том чрезъ 3 дни, и абие внезапу прииде ко мнѣ, грѣшному старцу, зверь верблюд. И, преклонъ своя колѣна, взят мя на хребетъ свой, //(Л. 51) и повезе мя по пустыни, и постави мя на мѣстѣ страшнѣ. На нем бо бяше множество лютыхъ звѣрей, ужасныхъ и трепетныхъ рыканиев. И видѣх азъ ихъ, смертно убояхся и начах творити молбу мою къ Богу. И в том самом часѣ возвѣя велия буря, совосхити мя своимъ силнымъ вѣтромъ от лица земли и понесе мя. Бывши же азъ в том вихрѣ, молихся Богу моему и не вѣдахся, камо приидох. И се постави мя помянутый вихрь на брезѣ рѣки именемъ Сумилисы. И азъ хотѣхъ ю проити, но за крѣпостию защищения не возмогахъ, ибо та рѣка абие мнѣ возопи, глаголющи: «Зосиме, человекъ Божий, не мощно ти сквозе мене проити! Неудобно бо есть всяку человекъку воды моей проходить! Се видиши и облакъ, от земли стоящъ до небеси». И абие бысть глас из облака, глаголя: «Зосиме, человекъ Божий, сквозѣ рѣку сию не проходитъ никто же – ни птица пролѣтаетъ, ни вѣтръ, ни солнце, ни же сего свѣта суетнаго лстивый диаволъ проскакиваетъ». Азъ же, старецъ, сие слышавъ, абие начах слезно молитися Богу. И се [не] напрасно: от земли въздоста два //(Л. 51 об.) доброзрачная дрѣвеса, исполненна в себѣ плода зѣло благоуханнаго. И преклоншися едино древо до самыя средины рѣки, совосхити мя на себѣ, и азъ обрѣтохся сѣдая на верху его. И абие стрѣте мя другое древо, и взят мя на свой верхъ, и постави мя на сухомъ берегу рѣки тоя. И паки та дрѣвеса, воставши, стаща предо мною во славу своей по-прежнему. Тогда азъ на мѣстѣ томъ почихъ чрезъ 3 дни и, воставъ, поидох, не вѣдый, камо идохъ.

Бяше же то мѣсто исполненно многихъ плодовъ и благихъ. Вся же та земля равна и различными цвѣтами украшена. И абие увидѣхъ ту нѣкоего человекъ, сѣдѣща нага. И рѣхъ ему: «Радуйся, человекъ Божий! Кто еси ты таковой?». Онъ же абие отвѣща ми, вопрошая также и мене, глаголющи: «Ты самъ кто еси таковой?». Тогда азъ, старецъ, исповѣдахъ ему о себѣ вся подробну. Такъ же и онъ вся мнѣ о себѣ откры сице: «Вижду азъ, что человекъ Божий еси ты!

Аще бы не был еси человекъ Божий, то не могъ бы проити чрезъ рѣку сию и сквозъ облакъ сей небесный. Ширина бо рѣки сея 3 версты, а глубина ея //(Л. 52) даже до преисподних вод». И рекох ему аз, старецъ: «Брате мой, почто еси нагъ?». Онъ же отвѣща ми: «Не вѣси, брате, яко аз нагъ есмь. Ты бо носиши земных овецъ ризы, и тыя, прошедшу времени, истлѣютъ общи и с тѣлом твоим. Но возри на высоту небесную и виждь умно всю одежду нашу». Азъ же, старецъ, возрѣх абие на небо и видѣх лице его, свѣтло ставше, аки солнце. А всю одежду его, яко молнию с востока на запад идущу. И убояхся его велми. Мнѣ в себѣ, помышляя о нем, яко сынъ Божий есть. И упадох на лице земли. Тогда онъ простеръ руку свою, возстави мя, глаголющи: «Не бойся, отче Зосиме! Азъ бо есмь единъ от блаженных человекъ». И, емь мя за руку мою, абие приведе мя ко всѣм блаженным человекомъ. И бяху в них соборъ.

Вси старцы подобни Сыну Божию, от протчих же предстоящий предо мною рекоша о мнѣ между собою: «Человекъ нѣкий прииде к нам от суетнаго мира. Помолимся вси, братие, Господу Богу, да явитъ нам вся о нем». И абие воставше вси тии старцы, помолистася Господу Богу. И се аггели Господни, спешше съ небеси, глаголаху им: «Не бойтесь сего, //(Л. 52 об.) вновь пришедшаго человека. Посла бо его сам Богъ, да пребудет с вами сѣмо 7 дний и да спишет онъ себе все житие ваше блаженное. Тогда паки отидет он от вас в свое мѣсто». Сие рекше, аггели Господни въздоша от них на небо. Тогда помянутыя старцы предадоша мя единому от себѣ, глаголюще: «Соблуди человека сего до 7 дний». Поим же мя опредѣленный от них старецъ и абие введе мя в свою хижину. И бѣхъ с ним под единым древом, пребывая от первого часа до седмаго постыжася. Тогда мы оба вкусиховъ, исхождаше бо от древеснаго корене вода, сладшая меду, и пихом ю, дондеже насытихомся. И паки та сладкая вода возвращашеся во свое мѣсто.

Вси жъ ту сущию, слышавше о мнѣ, рекоша: «Человекъ прииде к нам от суетнаго мира, поидемъ видѣти его». И, пришедше, начаша вопрошати мя о всем. Азъ же, старецъ, сказах им о себѣ по ряду и изнемогши душею и тѣлом моим. Помолихся определенному ко мнѣ брату, в него жъ сѣдох, рекох ему сице: «Молютися, отче, аще кто вперед придет мя видѣти, ты ему тогда рцы сице: “Нѣсть его здѣ”. Да бых //(Л. 53) азъ опочил³⁶ мало». И абие приставленный ко мнѣ старецъ возопи, глаголя: «Увы мнѣ, яко преступление Адамле явися мнѣ нынѣ! Онъ бо супругою своею Евою преступи Владычню заповѣдь, а Ева прелстися самимъ диаволом. Вмѣсто же врага мене хочет сей, пришедый человекъ, в прелщение привести тихими своими словесы и поставити мя желает солгателем, сущу ему здѣ. А повелѣвает ми рещи приходящим людям, яко нѣсть его здѣ». И повѣда той старецъ всѣм своим старцам: «Отведите его от мене, ащели ни, то аз от мѣста сего изыду. Се бо сей в нас всѣяти хочет сѣмя суетнаго мира». Тогда абие вси старцы, воставше, рекоша мнѣ сице: «Отиди от нас! Не вѣмы бо ты – откуда к нам пришел еси». Азъ же начах им молитися и Бога моего в слезах призывати. И, отшедши от мене все помысл мой, возопих к тѣм старцамъ, глаголя: «Простите мя, господие мои, и послушайте мене!». Тогда старцы установишася и умолкоша. Азъ же, грешный, начах имъ сказовати вся по ряду, якоже и прежде: //(Л. 53 об.) яко молах Бога моего, да мя сподобит дойти вас, и Господь Богъ все хотѣние мое исполни.

И рекоша ко мнѣ паки старцы тии: «Рцы нам, что хощещи, да сотворим тебѣ». Азъ же рекох им: «Хочу взяти житие ваше блаженное». Они же, старцы, велиею радостію возрадовашася и, абие взявше свои отпочинные доски, написаша писмена персты своими, сице глаголюще: «Послушайте, сынове человечестии, нас, нарицаемых блаженнаго жития человекъ, якоже и мы есмы от того же естества человеческого рождени, егда проповѣдаше во дни своя древний пророкъ Иеремия, яко град святыи Иерусалимъ предан будетъ в руцѣ иноплеменникомъ. Тогда

³⁶ Испр., в ркп. откочил.

он, пророк, свергши съ себе ризы своя, облечеса в сукно и посыпа перстию и пепелом главу свою, начат омочати слезами постелю свою, и заповѣда всѣм людем, да покаются от беззаконныхъ дѣлъ своихъ.

Слышавъ же то отцевъ нашъ Рахавъ, сынъ сына Адамова, рече к нам: “Слушайте, сынове вси и дщери, отца вашего Рахава! Да совлечет всякъ с себе ризы своя, и вина да //(Л. 54) не пиет, и хлѣба да не яст, дондеже услышит Богъ молитву вашу”. Тогда мы абие, по повелѣнию отца нашего, совлекохомся вси со одеждъ нашихъ, и хлѣба не вкусихом, и вина не пихом, и плакахомся с великим воплем к Богу. И абие услыша Богъ молитву нашу и отврати гнѣвъ свой праведный от града нашего Иерусалима.

Потом умре царь иерусалимский, и бысть на его мѣстѣ инъ царь. И собращася къ нему вси людие и сказаха о нас царю тому сице: “Суть царю от людей твоихъ, иже съ нами не смѣшаются”. И абие царь призва ны къ себѣ, глаголя: “Котораго града есте жители?”. Мы же ему отвѣщавомъ: “Иерусалимскаго града есмы чада”. Царь же рече паки к нам: “Чии сынове есте?”. Тогда мы отвѣщавомъ ему: “Царю державный, сынове есмы раба твоего Рахава. Егда бо проповѣдаше пророк Иеремиа всему граду нашему Иерусалиму, яко по трех днехъ вси людие умерети имуть. Слышавши же царь, абие о грѣсѣхъ своихъ покася. Такожде заповѣда он и всѣм своим людем, да покаются от своихъ беззаконий. Егда же услыша отецъ нашъ Рахавъ, тогда абие //(Л. 54 об.) заповѣда нам, глаголя: “Хлѣба да не ясте, и вина да не пиете, и женъ своихъ отлучитесь, дондеже услышит Богъ молитву вашу”. И мы, послушавше отца своего, хлѣба не вкусихом, и вина не пихом, и от женъ своихъ лишихомся, и молихомся Господу Богу о градѣ нашемъ Иерусалимѣ. И помилова Господь Богъ люди своя: абие отврати праведный гнѣвъ свой. И быша оттолѣ в многомъ веселии души наша. И рѣхомъ в себѣ: “Добро есть! Да сице всегда пребудемъ в заповѣди отца нашего!”.

Тогда царь рече к нам: “Добро есте сотворили, послушавъ отца вашего, то ужъ нынѣ отселѣ послушайте и мене, царя вашего! Смѣситесь з женами вашими, и хлѣбъ да ясте, и вино да пиете, и будите всегда покаяющіися Богу и царю”. Мы же, чада, отвѣщавомъ ему: “Царю державный! Уже к тому не хотимъ преступити заповѣди отца нашего!”. Тогда разгнѣвася царь и ввержены в темницу. И в ту ночь возсия в темницѣ свѣтъ, и сшедъ съ небеси аггелъ Господень, абие двери темницы отверзе, и изведе ны вонъ. И взят ны облакъ, и принесе ны къ рѣцѣ, и рече намъ: //(Л. 55) “Аможе течет вода, тамо и вы грядите”. И идохом мы по словеси аггелову. Егда же приидохом в землю сию, абие изсяче³⁷ в рѣкѣ вода и погибе. И разсѣдеса земля, и изыиде вода паки з бездны и огради всю сию землю окрест. И прииде паки облакъ и ста от воды до небеси. И разсѣя Господь Богъ насъ по всѣмъ лицу земли и предаде намъ в семъ мѣстѣ провождати жизнь блаженныхъ челоувѣкъ. И есмы вси без порока-грѣха, и не бѣ намъ смерти. Израсти же сия земля для пропитания сей плодъ добровонень. Вода же исходитъ з под корениевъ древесъ и слаждша паче меду – и та намъ вся суть вмѣсто брашна. И, живя ту, молимся Господу Богу день и ночь. Паки слышите, сынове челоувѣчестии, яко в насъ нѣсть винограда, ни же сосуда жѣлѣзнаго, ни оранія земли, ни запаления огня, ни ризъ, ни злата, ни же в насъ бываетъ, когда дождь. А еже поймаемъ³⁸ себѣ жену, то пребываемъ с нею, совокупляющеся, чрезъ 6 лѣтъ. И будетъ в насъ³⁹ два чада. А послѣ двоихъ чадъ от женъ своихъ разлучаемся. И тако в себѣ до смерти упражняемся. А щели //(Л. 55 об.) которая жена неплодна будетъ, то с тою женою не совокупляемся. А с плодными, совокупившися, по трехъ лѣтъ расхodomся о себѣ и пребываемъ в великой чистотѣ, безъ смѣшения.

Есть же в насъ рѣка именемъ Гаамъ. В той рѣкѣ имѣется звѣло великий и лютый звѣрь, имя ему – тигръ, иже пожираетъ болшаго звѣря слона. Жены же наши живутъ об одну страны рѣки.

³⁷ Испр. писцомъ, в ркп. первоначально изтече.

³⁸ Испр. писцомъ, в ркп. первоначально помнѣаемъ.

³⁹ Испр., в ркп. наю.

Егда же приходим чрез ту рѣку к своим женам месяца июля и августа, тогда помянутый звѣрь тигрь отбѣгает прочь. По совокуплении жъ съ женами пробуваем в великой осторожности и чистотѣ на своей странѣ. И нѣсть числа лѣтам вѣка нашего, ни месяцам, ни же звѣздам. Вси бо дни имѣем яко единъ и первый день. В пещерах наших имѣются превелика от древъ листвие нетлѣнная, на нихъ же всегда и почиваем. И нѣсмы нази, якоже вы глаголете: имѣем бо мы себѣ одежду невидимую свыше, якоже в началѣ имѣл первый человекъ Адам и Ева. Исходит же нам вода для напоения от древес въ 6 часъ дни, и пием ю, дондеже насытимся. По напоении же довольном //(Л. 56) паки помянутая вода входит, нырнувши, во свое мѣсто.

О вас же вѣдомость получаем, како в мирѣ суть праведнии и грѣшнии, понеже всегда аггели Господни приходят к нам и возвѣщают вся ваша дѣла добрая и злая и число дней ваших. О праведных мы, слышаще, со аггелы радуемся, а о грѣшных со слезами нашими молимся Господу Богу, дабы простил их от грѣховъ.

Егда же придет великое говѣние, тогда в нас стоящая дерева престанут плоды своя приносить. Вмѣсто же плодов сходит с небеси сладкая манна, юже древле подавал Богъ отцемъ нашим в пустыни. Манна же та есть видом паче снѣга бѣлѣе и слаждша паче меду. И по тому мы разумѣем, яко въ лѣтѣ измѣнися время. Егда же приспѣет день Воскресения Христова, тогда в нас помянутая дерева паки начнутъ давати плод свой. Тогда разумѣем, яко прииде начаток лѣту въ васъ. Пред Воскресением же Христовым чрез три дни в нощи без сна пребываем, упрядняющеся на молитвѣ.

Вѣдаем же час и умертвия нашего. И нѣсть никогда недуга тѣлеси нашему: та бо вся немощь не пужает душам нашим, //(Л. 56 об.) аггелом бо Господним приходящим к нам с радостью. И онии приемлют души наша и глаголют нам сице: “Зовет тя Христос Господь, поиди скоро”. Тогда душа наша абие с тѣла исходит, и приемлют ю аггели Господни, с радостью глаголя: “Блаженна еси душе, яко скончала еси во временном своем вѣцѣ волю Божию”.

Лѣта же жизни нашея такова суть. Аще юнъ от свѣта сего отидет къ Богу, той будет 300 лѣт и болѣе живет. Ащели стар, то отходит в шестьсот или в девятсот отидет и вѣщше. Егда же приходят аггели Господни по душу нашу, тогда мы вси старцы собираемся и идем со аггелы святыми, поюще на мѣстѣ нашем стихиру покаяния. И не имѣем мы чим погребстися, то сами аггели погребают тѣлеса наша. И видим свѣт, нашедшый на тѣло наше. Тогда аггели святии возлѣтают с душею в небо, поюще пѣснь радостную Господеви. И тамо другия аггели стрѣтают ю и цѣлуют устнами. И егда придет душа поклонится Богу, сѣдѣщему на престолѣ славы своея, тогда вси мы, живии, упадем ницъ на лице земли. Воставше же, радуемся и благодарим Бога, яко он приемлет душу нашу в вѣчное свое упокоение. Егда же святии аггели //(Л. 57) воспоют на небесѣх, тогда мы слышим глас их. Егда же мы на земли воспоем, тогда аггели слышат глас пѣния нашего на небесѣх, с каковым пѣнием восходят к Богу на небо. И тако званая душа наша отходит с честью от земли на небо к Богу. Егда же душа поидет на мѣсто уготованных вѣчных благъ, тогда вси мы, на молитву изшедше, воздаем велию хвалу Богу. И тако весь уставъ жизни нашея блаженныя написавше, вдахом брату нашему Зосиму и проводихом его с миром до самыя рѣки Сумилисы».

Азъ же, старецъ Зосима грѣшный, рѣхъ им: «О праведнии мои отцы и благополучнии мужие! Помолитесь о мнѣ в час сей к Господу Богу, дабы мя по-прежнему прияли дерева сия на себе и принесли бы непроходимую рѣку сию». Тогда тии блаженнии старцы абие воззопиша къ Господу Богу, сице глаголя: «Боже, Боже нашъ, повелѣвый приити рабу своему Зосиму с миром к нам от мира суетнаго. Ты убо и нынѣ, Господи, повели деревьям сим поклониться и пренести его на хребтѣ своем!». И абие в том часѣ помянутая дерева по молитвѣ преклоншися, взяша мя //(Л. 57 об.) на верхи своя, якоже и прежде, и поставиша мя на другой странѣ той рѣки Сумилисы. И благословися старецъ Зосима от них, помолися к Богу. И внезапно прииде сильный

вихрь, и восхити мя от лица земли, и несе мя на мѣсто тое, идѣже прежде сего взят быхъ. И прииде ми глас, глаголющъ: «Блажен еси Зосиме, яко сочетался еси со блаженными человеѣки!». Тогда азъ паки помолихся моему Богу. И приде левъ, и взят мя на хребет свой, и несе мя 88 дний, и посади мя на мѣстѣ равнѣ, и возвратися от мене в свое мѣсто, глаголя: «Блажен еси Зосиме, сочетай бо еси со святыми человеѣки!». И се внезапно прииде ко мнѣ верблюд, и взем мя на себѣ, и несе мя 88 дний, и посади мя тамо, идѣже мя и прежде взял. И возвратися от мене. И возопи глас: «Блаженъ еси, Зосиме, яко сподобленъ еси со блаженными!».

Видя же мя, диавол восхотѣ мя искусити и отлучити моя пещеры. И абие по немъ прииде ко мнѣ аггелъ Господень, глаголя: «Добрѣ пришел еси, блаженный Зосиме! Поиде за мною, и азъ тя введу в пещеру твою, и да будетъ пещера твоя на послушание всемъ пустынямъ, // (Л. 58) недужнымъ на цѣлбу, бѣсомъ на изгнание!». И взятъ мя за руку, мощна мя сотвори: веде мя 40 дний до пещеры моея. И пребывахъ даже доселѣ со ангелы святыми, и положихъ опочинныя цки, вданныя ми от блаженныхъ человеѣкъ в рахманахъ, на олтарю пещеры моея. Отшедшимъ же от мене святымъ аггеломъ, се прииде, искушая, диаволъ и рече ми: «Азъ мнихъ, яко сотвори ты Богъ подобна по всему блаженнымъ человеѣкомъ и имаши пребывати безъ грѣха, яко аггелъ Божий. И принеслъ еси съ собою весь законъ блаженныхъ человеѣкъ, дабы вси людие безъ грѣха были. И азъ ти покажу, какъ ты погублю!». И сия диаволъ рекъ, абие исчезе.

И проиде тому времени 80 дний. Потомъ паки прииде диаволъ со множествомъ бѣсовъ и восхити мя съ пещеры моея, бияше мя ту, свищуци чрезъ 40 дний, но не одолѣ мя. Абие начатъ от мене отступати. Тогда азъ Божиею помощію яхъ его за косму и рекохъ ему: «Не имамъ ты пустити, дондеже кленешися мнѣ!». Тогда диаволъ начатъ съ плачемъ клятися мнѣ, глаголя: «Основавшій небо и землю! Доколь житіе твое здѣ будетъ, не имамъ приити на мѣсто сие!». Тогда азъ послахъ его во огонь вѣчный.

Потомъ // (Л. 58 об.) прииде ко мнѣ паки аггелъ Господень, пребывая со мною неотступно, и внесе мя въ пещеру мою. Пребыхъ же въ ней, живя уже точію 36 лѣтъ, и раздавахъ житіе блаженныхъ человеѣкъ по всѣхъ христианахъ. По скончании же тритцати шести лѣтъ приидоша ко мнѣ аггели Божии тѣмъ же образомъ, якоже ко блаженнымъ прихождаху. Собрашася же вси пустынницы, услышавше смертную кончину мою. И тако наконецъ аггели Божии взяша душу мою. Азъ же, хрисологъ, живый въ пустыни той, написахъ вся сие. И аггели Господни сохраниша тѣло мое, яко миро благовонное.

И тако вси мы цѣловахомъ тѣло святое старца Зосимы, просиявшее, яко солнце. Въ той часъ возрастоша на томъ мѣстѣ 7 финиковъ и осѣниша пещеру его. Истече же на томъ мѣстѣ и источникъ изобилныя воды, иже непрестанно кипитъ. Есть же та вода и до сего дни, исцѣляющая всякъ недугъ и язю въ людехъ и здравіе подавающая, съ вѣрою приходящимъ къ нему.

Буди же миръ и спасение всѣмъ, чтущимъ и слушающимъ блаженныхъ человеѣкъ житіе и творящимъ память святаго отца нашего преподобнаго Зосимы. И да будетъ имъ самъ Богъ // (Л. 59) помощникъ во спасении душевномъ и защититель (так!) отъ всякаго зла! Блаженъ бо человеѣкъ, почитай и прочитай житіе и хождение иже во святыхъ отца нашего Зосимы. Аминь.

Литература

- Антоновъ Д. И. «Беса поймавъ, мучаше ...». Избиение беса святымъ: демонологическій сюжетъ въ книжности и иконографии Средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 61–75.
- Ванеева Е. И. Хождение Зосимы къ рахманамъ // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 489–491.
- Воробьева С. Н. Мистическая символика числа въ контексте религиознаго дискурса (на примѣре апокрифа «Хождение Зосимы къ рахманамъ») // Дискурс-Пи. 2019. № 3 (36). С. 53–62. DOI 10.24411/1817-9568-2019-10304
- Выставка массовой русской литературы XVIII вѣка. Путеводитель / Сост. В. Н. Перетцъ. Л., 1934. 27 с.
- Иосифъ (Левицкій), архим. Оглавление Четиихъ-Миней священника Іоанна Милютина. М., 1867. 168 с.

Мильков В. В. Тема земного рая в древнерусских апокрифах. 1: Хождение Зосимы к рахманам // Язык и текст langpsy.ru [Электронный ресурс]. 2016. Т. 3. № 4. С. 44–71. DOI 10.17759/langt.201603040. URL: https://psyjournals.ru/files/84202/langpsy_2016_n4_Milkov.pdf (дата обращения: 20.05.2021).
Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. № 577–819. IX, 211, XXV с., 19 л. факс.
Творогов О. В. Древнерусские четьи-сборники XII–XIV веков (Статья третья: Сказания и гомилии на сюжеты священной и церковной истории) // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 47. С. 3–33.
Федорова И. В. «Стихотворение о Христе Иисусе, Госпode нашем» в литературном сборнике XVIII в. из собрания Н. С. Тихонравова // ТОДРА. СПб., 2021. Т. 69. С. 576–596. DOI 10.31860/0130-464X-2021-68-576-596

References

Antonov, D. I. “Besa poimav, muchashe...”. Izbienie besa svyatym: demonologicheskii syuzhet v knizhnosti i ikonografii Srednevekovoi Rusi [Beating the Devil a Saint: Demonological Plot in Literacy and the Iconography of Medieval Russia]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2010. No. 1 (39). Pp. 61–75.
Fedorova, I. V. “Stikhotvorenie o Khriste Iisuse, Gospode nashem” v literaturnom sbornike XVIII v. iz sobraniya N. S. Tikhonravova [“A Poem about Christ Jesus, Our Lord” in an 18th-Century Anthology from the Collection of N. S. Tikhonravov]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2021. Vol. 69. Pp. 576–596. DOI 10.31860/0130-464X-2021-68-576-596
Iosif (Levitskii), arkhim. Oglavlenie Chetiikh-Minei svyashchennika Ioanna Milyutina [Table of Contents of Priest Ioann Milyutin’s Menaion Reader]. Moscow, 1867. 168 p.
Mil’kov, V. V. Tema zemnogo raya v drevnerusskikh apokrifakh. 1: Khozhdenie Zosimy k rakhmanam [The Theme of the Earthly Paradise in the Ancient Apocrypha. 1: Walking of Zosima to Rahmanam]. In *Yazyk i tekst langpsy.ru* [Electronic resource]. 2016. Vol. 3. No. 4. Pp. 44–71. DOI 10.17759/langt.201603040. URL: https://psyjournals.ru/files/84202/langpsy_2016_n4_Milkov.pdf (accessed May 15, 2021).
Protas’eva, T. N. Opisaniye rukopisei Sinodal’nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisaniye A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva) [Description of Manuscripts of the Synodal Collection (not Included in the Description of A. V. Gorsky and K. I. Nevostruev)]. Moscow, 1970. Part 1. No. 577–819. IX, 211, XXV p., 19 l. of faks.
Tvorogov, O. V. Drevnerusskie chet’i-sborniki XII–XIV vekov (Stat’ya tret’ya: Skazaniya i gomilii na syuzhety svyashchennoi i tserkovnoi istorii) [Old Russian Reader Collections of the 12th – 14th Centuries (Article Three: Tales and Homilies on Plots of Sacred and Church History)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 1993. Vol. 47. Pp. 3–33.
Vaneeva, E. I. Khozhdenie Zosimy k rakhmanam [The Journey of Zosima to the Rahmans]. In *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1989. Issue 2. Part 2. Pp. 489–491.
Vorob’eva, S. N. Misticheskaya simbolika chisla v kontekste religioznogo diskursa (na primere apokrifa “Khozhdenie Zosimy k rakhmanam”) [Mystical Symbolism of Numbers in the Context of Religious Discourse (On the Example of the Apocryphal “The Walking of Zosima to the Rahmans”)]. In *Diskurs-Pi*. 2019. No. 3 (36). Pp. 53–62. DOI 10.24411/1817-9568-2019-10304
Vystavka massovoi russkoi literatury XVIII veka. Putevoditel’ [Exhibition of Mass Russian Literature of the 18th Century. Guide]. Comp. by V. N. Peretts. Leningrad, 1934. 27 p.

Irina V. Fedorova

Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

ON THE QUESTION OF THE HANDWRITTEN TRADITION OF THE OLD RUSSIAN APOCRYPHA “THE JOURNEY OF ZOSIMA TO THE RAHMANS”: NEW STYLISTIC EDITION OF THE MONUMENT

The translated apocrypha “The Journey of Zosima to the Rahmans” is known in science in its two copies of the 14th and 17th centuries. In the article, another copy of the monument is introduced into scientific circulation – the collection of N. S. Tikhonravov in the Russian State Library (collection 299), no. 93. Despite its late dating – 1784 – the copy is of interest for the literary history of the Apocrypha and its existence in the Russian book culture. A textual analysis showed that the Tikhonravov’s copy of the monument reads stylistic version of the Apocrypha, having a number of individual readings as compared to the abbreviated and lengthy versions of his text.

Keywords: an apocrypha, “The Journey of Zosima to the Rahmans”, a copy, an edition

ПРАВОСЛАВИЕ И ЦЕРКОВЬ

УДК 94 ББК 63.3(2)41 DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.011

Ю. А. Артамонов

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя; ИРИ РАН; ИВИ РАН, Москва, Россия.
Artamonov5@yandex.ru

О ВРЕМЕНИ СОВЕРШЕНИЯ АРХИЕРЕЙСКИХ ХИРОТОНИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

На основе анализа источников автор приходит к выводу, что в Древней Руси правило совершения архиерейской хиротонии в праздничный день последовательно соблюдалось. Большинство из выявленных исключений находят удовлетворительное объяснение и могут быть интерпретированы как ошибки, которые появились вследствие переписки и редактирования летописных текстов.

Ключевые слова: хиротония, рукоположение, епископ, митрополит, древнерусские епархии, древнерусская церковь, летописание, хронология

За содействие в подготовке настоящей статьи автор благодарит А. А. Горского.

Памяти Артема Викторовича Давиденко посвящается

В 1983 г., обратившись к изучению датированных летописных известий XIV–XV вв. для характеристики идейно-политической жизни эпохи и «идеологической направленности» действий феодальной элиты, Н. С. Борисов справедливо подметил, что абсолютное большинство из них связано с жизнью церкви. Анализ источников позволил ему выявить и другую интересную закономерность: поставления архиереев на Руси преимущественно совершались или в воскресенья, или в дни больших религиозных праздников [Борисов, с. 129]. Однако объяснение этой хронологии, на мой взгляд, исследователю не вполне удалось. По его мнению, такой выбор времени обеспечивал присутствие на хиротонии большого количества народа, что способствовало утверждению идеи богоизбранности власти и «закреплению религиозного мировоззрения» в феодальном обществе [Борисов, с. 129, 131].

В действительности, традиция рукоположения архиереев в воскресные дни восходит к дофеодальной эпохе. Уже в «Апостольских постановлениях» – одном из наиболее авторитетных литургико-канонических памятников древности (ок. 380 г.) – рекомендовалось совершать хиротонию епископа в «день Господень», то есть в воскресенье¹. Со временем этот обычай превратился в устойчивую практику. Так, по прошествии почти тысячи лет святитель Симеон Солунский (после 1381 – 1429) писал: «С наступлением воскресного дня

¹ Patrologia Graeca. Parisiis, 1857. Т. 1. Lib. VIII. Cap. IV. Col. 1069–1072.

в церковь собираются все архиереи, участвовавшие в избрании (епископа. – Ю. А.), приходит и архиепископ для совершения рукоположения вместе с ними, или, лучше сказать, сам Христос, через них совершающий таинства, которые Он заповедал»². Насколько это правило было укоренено в церковной жизни Древней Руси? Ответить на этот вопрос призвана настоящая статья. В ней анализируются календарные даты рукоположения архиереев на русские кафедры в XII – середине XIII в.³

1. Хиротонии киевских митрополитов, которые в своем подавляющем большинстве были греками, проходили в Византии (по этой причине точные даты их совершения не отразились в древнерусских источниках). Исключениями из правила стали два поставления митрополитов-русинов – Илариона (середина XI в.) и Климента (Клима) Смолятича (1147–1159, с перерывами). К сожалению, календарная дата рукоположения первого нам неизвестна. Что же касается времени хиротонии Климента, то о нем сообщает статья 6655 (1147) г. Лаврентьевской летописи: «Изаславъ постави митрополита Клима . калугера . Русина ѡсобѣ с шестью епѣпы . мѣца . июла . въ . кѣз . на памѣтѣ стаѣ Пантелѣимана»⁴. В указанном году 27 июля приходилось на воскресенье. В этот же день совершалась память святого великомученика Пантелеимона, небесного покровителя киевского князя Изяслава Мстиславича (1146–1154, с перерывами), стараниями которого Климент и получил сан митрополита. Таким образом, дата поставления второго митрополита-русина не нарушала традиции совершения рукоположения в праздничные дни и при этом имела особое значение для правящего князя.

2–4. Хронологически первое датированное сообщение о хиротонии на Руси относится к 1105 г. В этом году недавно прибывший в Киев митрополит Никифор (1104–1121) рукоположил на вакантные кафедры сразу трех архиереев: Амфилохия на Владимирскую, Лазаря на Переяславскую и Мину на Полоцкую. Все указанные поставления имеют в летописи календарные даты: «В лѣтѣ . 75 . х . гѣ (1105) . Постави митрополитъ епѣпа . Анѣилофита Володимерю . мѣца . августѣ . въ . кѣз . днь . томѣ лѣтѣ . постави Лазарѣ в Переяславѣ . ноября . въ . вѣ . тоѣ же лѣтѣ . постави Мину . Полоцкѣ декабѣ . въ . гѣ . днь»⁵. 27 августа и 12 ноября в 1105 г. являлись воскресными днями, а вот 13 декабря приходилось на среду. Последняя дата не отмечена каким-либо большим торжеством в церковном календаре. Следовательно, только рукоположение полоцкого архиерея противоречит традиции совершения хиротонии в праздничный день. Предполагаю одно из двух: либо это – исключение из правила, либо хронологическая неточность, допущенная летописцем. На мой взгляд, более вероятно второе: торжественный характер чина хиротонии исключал его совершение в постный день, который предусматривал воздержание от пищи и увеселений. Соблюдение однодневных постов среды и пятницы регламентировалось авторитетными сочинениями раннехристианского времени («Учение двенадцати апостолов», «Каноны Ипполита», «Апостольские правила») и было обязательно для духовенства⁶.

5. В начале 1113 г. на место долго болевшего и скончавшегося 23 ноября 1112 г. черниговского епископа Иоанна (ранее 1088 – 1112) был поставлен игумен Киево-Печерского монастыря Феоктист. Датировка этого события в летописях разнится: Лаврентьевская указывает на 11 января, а Ипатьевская – на 12 января.

² Patrologia Graeca. Parisiis, 1866. Т. 155. Cap. CXCVIII. Col. 408.

³ Сведения за X–XI вв. отсутствуют.

⁴ ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 315.

⁵ Там же. Стб. 280–281; ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 257.

⁶ Некоторые послабления допускались только в период Пятидесятницы и дни больших Господских праздников [Виноградов, Желтов].

Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись
Томъ же лѣтъ . поставиша Феѡклѣста епѣпомъ Чернигову . мѣца генва ^р . въ . аї . днѣ ⁷и поставиша Феѡклѣста епѣпомъ Чернѣгову . игумена Печерскаго . мѣца генваря . въ . вї . днѣ . а посаженъ на столѣ . въ . ѿ ⁸ .

Думаю, что в данном случае хронология Лаврентьевской летописи ошибочна. Автор сообщения в Ипатьевской летописи более осведомлен в южнорусских событиях: ему известны и дата настолования Феоктиста, и факт его игуменства в Киево-Печерском монастыре⁹. 12 января в 1113 г. было воскресенье.

6–7. Под 6622 (1114) г. Лаврентьевская летопись рассказывает о двух епископских хиротониях: «... в то же лѣтъ поставиша Дани^а епѣпмъ . мѣца . генва^р . въ . с̄ . на Крѣщнѣ Г^ене... Том же . лѣтъ . поставиша Кирила епѣпмъ . мѣца . ноя^б . въ . с̄ . днѣ»¹⁰. По мнению Н. Г. Бережкова, в данной статье даны события двух мартовских годов – 6621 (1113/1114) и 6622 (1114/1115). К первому году он относит поставление Даниила, а ко второму – Кирилла [Бережков, с. 45]. Даниил был рукоположен митрополитом Никифором I на Юрьевскую кафедру¹¹. Его хиротония, как следует из слов летописца, состоялась в праздник Крещения Господня (6 января), который относится к числу двенадцатых. Поставление же Кирилла произошло 6 ноября. В 1114 г. это была пятница, которая, как и среда, является постным днем.

8. 1 января 1118 г. на Переяславскую кафедру, которая овдовела после кончины епископа Лазаря (16 сентября 1117 г.), был возведен игумен Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве Сильвестр: «В то же лѣтъ . престависа епѣпъ блжении Переяславскыи Лазарь . мѣца . се^нтабра . въ . с̄ . днѣ . и поставиша в него мѣсто . Силивестра . мѣца генва^р въ . а̄ . днѣ»¹². 1 января церковь отмечала один из Великих праздников – Обрезание Господне [Лосева, с. 237]¹³.

9. В 1156 г. вместо умершего 21 апреля новгородского владыки Нифонта (1130/1131–1156) общим решением горожан и правящего князя Мстислава Юрьевича (1155–1157) был избран игумен местного Успенского монастыря Аркадий. Его хиротония, как сообщает Ипатьевская летопись под 6667 (1159) ультрамартовским годом [Бережков, с. 170–171], состоялась 10 августа: «Том же лѣтъ . поставиша епѣпа Аркадыа Новугороду . мѣца августа въ . і . днѣ»¹⁴. В 1158 г. 10 августа было воскресенье.

10. Преемником Аркадия на Новгородской кафедре стал священник церкви Св. Власия на Волосовой улице Илья¹⁵. О его рукоположении Новгородская первая летопись (далее – НПЛ) говорит под 6673 (1165) г.: «Поставленъ бысть Илия архиепископъ новѣгородскыи от митрополита Иоанна, при князи Русьстѣмъ Ростиславѣ, мѣсяця марта въ 28, на вѣрьбницу, и приде Новугороду мѣсяця мая въ 11, при князи Новгородѣстемъ Святославе, а при посаднице Захарии»¹⁶. Время совершения хиротонии летописец определяет точно. В 1165 г. Пасха

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 289.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 274.

⁹ Он же указывает точную дату поставления игумена Прохора, преемника Феоктиста: «и поставленъ бы^е недѣлѣ масленѣ . в четвергъ . мѣца феврала . въ . ѿ . днѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 274). Указание на «четверг» является более поздней вставкой, в 1113 г. 9 февраля приходилось на воскресенье. Отсюда можно видеть, что «правило праздничного дня» распространялось и на поставления монастырских настоятелей.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 291.

¹³ К числу Великих праздников, кроме Обрезания Господня, церковь относит Покров Пресвятой Богородицы, Рождество Иоанна Крестителя, День святых апостолов Петра и Павла, Усекновение главы Иоанна Предтечи.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 498.

¹⁵ Великие Минеи Четы. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869. Стб. 321, 328. Кончину Аркадия, по всей видимости, следует относить к 18 сентября 1164 г. [Карпов, с. 58–59].

¹⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 219.

приходилась на 4 апреля, поэтому отмечаемый в шестое воскресенье Великого поста Вход Господень в Иерусалим, или Вербное воскресенье («вѣрьбница»), праздновали 28 марта.

11. Около 1183 г. киевский митрополит Никифор II (ранее 1183 – после 1 января 1198 г.) поставил на Ростовскую кафедру грека Николая. Это вызвало недовольство владимирского князя Всеволода Юрьевича (1176–1212), который предложил на это место кандидатуру игумена монастыря Св. Спаса на Берестове в Киеве Луку. Под давлением киевского князя Святослава Всеволодовича (1173–1194, с перерывами), к которому обратился Всеволод, митрополит вынужден был уступить: «и постави сего Луку еп̑пмъ Ростову . и Володимерю . и Суждаю . и всеи земли Ростовской . поставлен же бы̑ м̑ца . марта . въ . а̑ . днь . на пама̑ ста̑ Соероньа архиеп̑па Юр̑льмьскаго»¹⁷. 11 марта в 1184 г. приходилось на воскресенье.

12. Преемником новгородского архиепископа Ильи, который скончался 7 сентября 1186 г., был определен его брат Гавриил. В начале следующего года он отправился на хиротонию в Киев, которую 29 марта совершил митрополит Никифор II: «Поставленъ бысть архиепископомъ новгородчымъ Гаврила въ 29 марта, а прииде к Новугороду мая въ 31; и ради быша новгородци своему владыцѣ»¹⁸. В 1187 г. 29 марта было воскресным днем.

13. Следующим епископом на Ростовском столе после Луки стал духовник князя Всеволода Иоанн. О его поставлении Лаврентьевская летопись извещает под 6698 (1190) г.: «Посла бл̑говѣрнии хр̑олюбивии великий князь Всеволодъ сн̑ Гюргевъ . внукъ Мономаховъ Володимеръ г̑ Кыеву. С̑тославу ко Всеволодичю . и к митрополиту Никиѡру . ѿца своего дх̑внаго Іѡа̑ . на еп̑пство... поставлен же бы̑ . м̑ца . генва̑ . въ . кг̑ . днь . на пама̑ ста̑ м̑чка Климента еп̑па. а в Ростовъ пришелъ на свои столъ . м̑ца . фебра̑ . въ . ке̑ . днь . на пама̑ ста̑ ѿца Тарасья. тогда сущю великому князю Ростовѣ в полюдь . а в Суждаѣ въшелъ . м̑ца . марта . въ . г̑ . днь . на пама̑ ста̑ м̑чка Кондр̑та. а в Володимеръ въшелъ того̑ м̑ца . въ . сі̑ . днь . в пато̑ на канунъ ста̑ Шлекс̑а чл̑вка Бж̑а . и друга Бж̑а Лазара»¹⁹. Календарные даты посещения новопоставленным епископом главных городов земли – Ростова, Суздаля и Владимира, а также упоминание, что в момент его вступления на стол великий князь находился в полюдье, выдают в авторе современника и очевидца. А это, в свою очередь, существенно повышает степень достоверности его хронологических указаний. Н. Г. Бережков, ссылаясь на то, что пятница («в пато̑») выпадала на 16 марта в 1190 г. (день вступления Иоанна во Владимир), считал данную статью ультрамартовской [Бережков, с. 84]. В этом году 23 января приходилось на вторник.

14. Вслед за кончиной владыки Гавриила (24 мая 1193 г.) Новгородский стол перешел к основателю Спасо-Преображенской обители близ Старой Русы Мартирию. Спустя некоторое время после избрания он отправился на поставление в Киев, где был благосклонно принят князем Святославом и митрополитом Никифором II. «И поставиша и, – сообщает новгородский летописец, – декабря въ 10, на память святых мученикъ Мины и Ермогена и Еуграфа; и прииде в Новъгород генва̑ въ 16, на поклонение честных веригъ святого апостола Петра»²⁰. Память alexandрийских мучеников Мины, Ермогена и Евграфа праздновалась 10 декабря, в 1193 г. это была пятница – постный день.

15. 24 августа 1199 г. на озере Селигер по дороге во Владимир на Клязьме преставился владыка Мартирий. На вакантную кафедру, согласно статье 6709 (1201) г. НПЛ, новгородцы избрали игумена Митрофана: «Новгородци богомъ избраньаго Митрофана въведоша въ архиепископ̑лии дворъ по Мантурии; и иде в Русь ставится к митрополиту с новгородчкими

¹⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 391.

¹⁸ ПСРА. Т. 3. С. 229.

¹⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 408.

²⁰ ПСРА. Т. 3. С. 232.

мужи и со всеволожими, и поставленъ бысть мѣсяца июля въ 3 день, на святого Укинфа; и прииде в Новѣгород септября въ 14, на Въздвижение честнаго креста; и ради быша новгородци своему владыцѣ»²¹. В 1201 г. 3 июля приходилось на вторник.

16. В 1212 г. после кончины владимирского князя Всеволода (12 апреля 1212 г.) вспыхнула война между его сыновьями: Юрием и Ярославом, с одной стороны, и Константином – с другой. Одним из следствий этого конфликта стало смещение ростовского епископа Иоанна (1190–1213), которое привело к разделению епархии на две самостоятельные кафедры – Ростовскую и Владимиро-Суздальскую. Первую занял духовник Константина, игумен монастыря Св. Петра в Ростове Пахомий. О его поставлении Лаврентьевская летопись сообщает под 6722 (1214) г.: «Того^ж . лѣ^т . Кнѧ³ Костанти^нъ посла Пахомѧ . игумена ста^т Петра . ѿца своего дхв^наго в Кыевъ к митрополиту Матфѧю . и постави и еп^спмъ Ростову . ноѧбра . въ . 1 . и въниде в свою еп^спью . генвара . въ ки . на пама^т ста^т ѿца Ефрѧма Сурина»²². Если следовать точке зрения Н. Г. Бережкова, который считал данную статью мартовской, тогда рукоположение Пахомия нужно датировать понедельником 10 ноября 1214 г. [Бережков, с. 103–104].

17. Преемником первого владимиро-суздальского епископа Симона, который скончался 22 мая 1226 г., стал игумен придворного Рождественского монастыря во Владимире Митрофан. Известие о его хиротонии читается в статье 6735 (1227) г. Лаврентьевской летописи: «В лѣ^т . 735 . ѿ . ле (1227) . мѣца . марта . въ . дѣ . днѣ . на пама^т . ста^т преподобна^т ѿца Венедикта . въ днѣ вскр^снѧ Гѣна . в препловленѣ ста^т поста . еда твори^т поклоненѣ чѣтному кр^сту . Поставленъ бы^т еп^спомъ Митрофанъ . бывъ игуменъ стѧа Бѧ . митрополито^м Кирило^м . и . д . ми еп^спы . поставленъ бы^т в бгохранимѣмъ градѣ Володимери . в чюднѣ стѧи Бѧи . Суждалю . и Володимерю . Переяславлю . сущю ту блгородному князю Гюргю . и з дѣтми своими . и братома юго Стославу . Івану . и всѣмъ боляр^м . и мно^жство народа . приключиса и мнѣ грѣшному ту быти . и видѣти дивна и преславна . и прославиша всем^лтваго Ба . и велика^т княза Гюрга»²³. Хронист называет себя свидетелем рукоположения Митрофана, поэтому мы вправе доверять его временным показаниям. Проверка подтверждает эти ожидания. В 1227 г. Пасху праздновали 11 апреля, соответственно, Великий пост продолжался с 22 февраля по 10 апреля. Поэтому день памяти преподобного Венедикта Нурсийского (14 марта) приходился на воскресенье Крестопоклонной недели, окончание которой знаменовало середину Великого поста («препловленѣ святаго поста»).

18. В 1229 г. по инициативе новгородского князя Михаила Всеволодовича (1224, 1229 гг.) на место тяжело больного владыки Антония был выбран иеродьякон Юрьева монастыря Спиридон. 17 декабря того же года он отправился на поставление в Киев. Митрополит Кирилл I (1224–1233) рукоположил Спиридона сначала в сан священника, а затем – во архиепископы. Рассказывая о возвращении новопоставленного владыки в город, летописец отмечает: «Поставленъ бысть от митрополита Кирила въ попы в сыропустную недѣлю, а въ архиепископство на зборъ по чистой недѣлѣ»²⁴. «Сыропустной неделей» хронист называет последнее воскресенье перед Великим постом, а «сбором по чистой неделе» – первое воскресенье Великого поста. Таким образом, Спиридон был удостоен священства в воскресенье 17 февраля 1230 г., а через неделю, в воскресенье 24 февраля, состоялась его хиротония во епископы.

19. Весной 1230 г. ростовские князья Василий, Всеволод и Владимир Константиновичи обратились к родному дяде, владимирскому князю Юрию Всеволодовичу (1212–1238,

²¹ Там же. С. 239.

²² ПСРА. Т. 1. Стб. 438.

²³ Там же. Стб. 449.

²⁴ ПСРА. Т. 3. С. 276.

с перерывами) и владими́ро-сузда́льскому епископу Митрофану (1227–1238) с просьбой разрешить игумену Рождественского монастыря Кириллу занять Ростовскую кафедру. Согласие было получено, и вскоре кандидата в архиереи торжественно встречали в Ростове²⁵. В конце зимы – начале весны 1231 г. Кирилл отправился в Киев, где его встретили князь Владимир Рюрикович (1223–1236) и митрополит Кирилл I (1224–1233). 6 апреля ставленник Константиновичей был рукоположен в сан епископа: «Поставленъ бы^ѣ Кириль еп^ѣпмъ . мѣца . апрѣ^а . въ . с̄ . днь . в не^алю . стхъ муриносиць по па^а : Сщ^{ен} же бы^ѣ прещены^и митрополито^и . Кирило^и . и съ ѡкр^ѣтными еп^ѣпы . иже су^ѣ сии иже и стиша и с митрополито^и . Перфурии Черниговьскыи еп^ѣпъ . Шлекса Полотьскыи еп^ѣпъ . и ина . в . еп^ѣпа . Бѣлогородьскыи . и Гюргевьскыи . и игумени мнози...»²⁶. День святых жен-мироносиц является переходящим праздником, который отмечается во второе воскресенье по Пасхе. В 1231 г. это торжество, действительно, приходилось на 6 апреля (Пасха – 23 марта).

20. После кончины владыки Спиридона (1230–1249) Новгородскую кафедру возглавил Далмат (1251–1273), в прошлом, как полагают, архимандрит и игумен Юрьева монастыря [Карпов, с. 98–99]. О его поставлении НПЛ ничего не сообщает. Необходимую информацию находим в Лаврентьевской летописи, куда она попала благодаря участию в рукоположении Далмата ростовского епископа Кирилла II (1230–1261): «В лѣ^т . 75 . ѡ . нѣ (1251) . Поѡх^а митрополитъ в Новѣгородъ Великий . ко Шлексанѡдру . съ еп^ѣпмъ Кирило^и . и оумоленъ бывъ Новгородци . поставиша блж^{на}го Далмата еп^ѣпомъ . мѣца мая . въ . ке . на пама^ѣ Шбрѣтеные главы ста^ѣ Іѡ^ан^а Прѣтчи»²⁷. 25 мая, которое в 1251 г. приходилось на четверг, отмечалось третье обретение главы святого Иоанна Предтечи. Этот праздник не относится к числу двенадесятых и Великих. Значение выбранной даты определяется тем, что в указанном году на нее выпадало Вознесение Господне – один из переходящих двенадесятых праздников, который отмечается в 40-й день по Пасхе и всегда приходится на четверг. В 1251 г. Пасху праздновали 16 апреля, а Вознесение – в четверг 25 мая. Почему летописец предпочел память обретения главы святого Иоанна более значимому празднику Вознесения? Дело в следующем. Указание на церковное торжество принадлежит не автору сообщения о поставлении Далмата, а его редактору, который не знал обстоятельств хиротонии новгородского владыки. Он произвел нехитрую операцию: с помощью месяцеслова дополнил известие предшественника сообщением о непереходящем церковном празднике.

Представленные наблюдения над хронологией поставления русских архиереев домонгольского периода обобщим в следующей таблице.

п/п	Имя архиерея и период его правления	Кафедра	Хиротония	
			Дата	День недели / праздник
1.	Климент Смолятич (1147–1159, с перерывами)	Киевская (митрополия)	27 июля 1147 г.	Воскресенье
2.	Амфилохий (1105–1122)	Владими́ро-Волы́нская	27 августа 1105 г.	Воскресенье
3.	Лазарь (1105–1117)	Переяславская	12 ноября 1105 г.	Воскресенье
4.	Мина (1105–1116)	Полоцкая	13 декабря 1105 г.	Среда
5.	Феоктист (1113–1123)	Черниговская	12 января 1113 г.	Воскресенье

²⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 453–454.

²⁶ Там же. Стб. 456–457.

²⁷ Там же. Стб. 472.

6.	Даниил (1114–1122)	Юрьевская	6 января 1114 г.	Крещение Господне
7.	Кирилл (1113/1114–?)	?	6 ноября 1114 г.	Пятница
8.	Сильвестр (1118–1123)	Переяславская	1 января 1118 г.	Обрезание Господне
9.	Аркадий (1158–1163)	Новгородская	10 августа 1158 г.	Воскресенье
10.	Илья (1165–1186)	Новгородская	28 марта 1165 г.	Воскресенье
11.	Лука (1184–1189)	Ростовская	11 марта 1184 г.	Воскресенье
12.	Гавриил (1187–1193)	Новгородская	29 марта 1187 г.	Воскресенье
13.	Иоанн (1190–1213)	Ростовская	23 января 1190 г.	Вторник
14.	Мартирий (1193–1199)	Новгородская	10 декабря 1193 г.	Пятница
15.	Митрофан (1201–1223, с перерывами)	Новгородская	3 июля 1201 г.	Вторник
16.	Пахомий (1214–1216)	Ростовская	10 ноября 1214 г.	Понедельник
17.	Митрофан (1227–1238)	Владимиро- Суздальская	14 марта 1227 г.	Воскресенье
18.	Спиридон (1230–1249)	Новгородская	24 февраля 1230 г.	Воскресенье
19.	Кирилл (1231–1262)	Ростовская	6 апреля 1231 г.	Воскресенье
20.	Далмат (1251–1273)	Новгородская	25 мая 1251 г.	Вознесение Господне

Таким образом, из 20 (100 %) свидетельств, содержащих календарные даты архиерейских хиротоний, 14 (70 %) приходятся на праздничные дни, в том числе: 11 (55 %) – на воскресенья, 2 (10 %) – на двенадцатые праздники (Крещение и Вознесение Господне), 1 (5 %) – на Большой праздник (Обрезание Господне). В 6 (30 %) случаях хиротонии выпадают на будни, причем 3 (15 %) из них – на однодневные посты (среда и пятница). Эти подсчеты как будто подтверждают справедливость мнения А. З. Неселовского о том, что рукоположение епископа на Руси преимущественно приурочивалось к празднику, но могло совершаться и в «другой какой-либо день недели, даже и не праздничный» [Неселовский, с. 374]. Но не буду спешить с выводами.

Поскольку подавляющее большинство примеров говорят о существовании праздничной стратегии выбора дня хиротонии, выявленные исключения нуждаются в проверке и объяснении. Так, датировка рукоположения черниговского епископа Феоктиста 11 января 1113 г. в Лаврентьевской летописи вместо правильного 12 января того же года в Ипатьевской показывает, что в процессе переписки летописных текстов могли появляться ошибки.

В первую очередь, обратимся к случаям, которые относят хиротонию к постным дням недели. Здесь вопрос достоверности стоит особенно остро, поскольку торжество рукоположения в епископы сопровождалось праздничными мероприятиями, в том числе многолюдным застольем с участием духовенства и мирян²⁸. Для среды и пятницы этот атрибут праздника был неприемлем²⁹.

1. Время хиротонии полоцкого епископа Мины в среду 13 декабря 1105 г., как уже отмечалось, скорее всего, является результатом ошибки летописца. В 1105 г. вместе

²⁸ Рассказ о хиротонии ростовского епископа Кирилла (1231–1261) летописец завершает словами: «И ѿша и пиша . того дни в манастири стѣи Бѣа Печерьскии . много мноꙋство людии» (ПСРА. Т. 1. Стб. 457).

²⁹ Нарушение еженедельного поста духовным лицом наказывалось лишением сана (69-е правило святых Апостолов).

с Миной епископами стали еще два человека – Амфилохий (27 августа) и Лазарь (12 ноября). Такую активность в совершении рукоположений следует объяснять деятельностью недавно прибывшего на Русь митрополита Никифора (декабрь 1104 г.), который хотел оперативно решить проблему вакантных кафедр. Обращает на себя внимание и последовательность этих поставлений, которая не нарушает очередности годового цикла: Амфилохий получает кафедру в августе, Лазарь – в ноябре, Мина – в декабре. Эти наблюдения позволяют думать, что в случае с полоцким епископом скорее ошибочно указан день поставления, нежели год и месяц. Поэтому полагаю, что хиротония Мины состоялась не 13, а 10 декабря, как это следует из текста Никоновской летописи: «Того же лѣта постави епископа Мину Полотцку, мѣсяца декабря в 10 день»³⁰. В 1105 г. 10 декабря приходилось на воскресенье.

2. Рукоположение Кирилла на неназванную кафедру, согласно известию Лаврентьевской летописи, произошло в пятницу 6 ноября 1114 г.: «В лѣтѣ .ѣс. х. кв (1114). Быѣ знаменье въ слнцѣ . въ . а . чаѣ дне быѣ видѣти всѣм людем . шстаса юго мало . акы мѣсяць . долу рогома . мѣца . марта . въ . ѿ . том же лѣтѣ . престависа . блговѣрнии князь Михаилъ . зовомый Стополкъ . мѣца . априа . въ . с . днь . того мѣца . к . вниде Володимеръ в Києвъ . в неалю . в то же лѣтѣ поставиша Даниа^а епѣмъ . мѣца . генва^а . въ . с . на Крщнь Гне . том же лѣтѣ . престависа Стѣславъ Володѣмеричъ . мѣца . марта . въ . зѣ . том же . лѣтѣ . поставиша Кирила епѣмъ . мѣца . нояб^а . въ . с . днь»³¹. По мнению Н. Г. Бережкова, в статье излагаются события двух годов – 6621 (1113/1114) и 6622 (1114/1115). На это указывает хронологическая непоследовательность в изложении событий: 19 марта – затмение солнца, 16 апреля – смерть киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113), воскресенье 20 апреля – вступление князя Владимира Мономаха в Киев, 6 января – хиротония Даниила, 17 марта – кончина переяславского князя Святослава, сына Владимира Мономаха, 6 ноября – хиротония Кирилла. Исследователь предположил, что первые четыре события (с 19 марта по 6 января) относятся к 6621 (1113/1114) мартовскому году. Во-первых, именно этим годом они датированы в Ипатьевской летописи, которая в данном случае демонстрирует большую точность и осведомленность. В ней, например, отмечается, что Святополк разболелся после праздника Пасхи, преставился за Вышгородом, его тело было доставлено в Киев и погребено в соборе Св. Михаила, после чего вдова князя щедро одарила городское духовенство и нищих. Во-вторых, в 6621 (1113) г. 20 апреля (дата посажения Владимира Мономаха на Киевском столе) приходилось на воскресенье («в неделю»).

Два последних события, с точки зрения Н. Г. Бережкова, имели место в 6622 (1114/1115) мартовском году, поскольку под этим годом упоминается смерть Святослава Владимировича в Ипатьевской летописи и НПЛ.

³⁰ ПСРА. М., 2000. Т. 9. С. 140. Насколько в данном случае можно доверять показаниям Никоновской летописи? Под 6645 (1137) ультрамартовским годом Лаврентьевская летопись сообщает о хиротонии во епископы двух скопцов Мануила и Феодора. Первый был поставлен на вновь созданную Смоленскую кафедру, второй – на уже существующую Владимирскую (ПСРА. Т. 1. Стб. 304). Южнорусский летописец уточняет, что Мануил, родом грек, был первым смоленским епископом (ПСРА. Т. 2. Стб. 300). Эту информацию подтверждают Уставная и жалованная грамота Смоленской епископии князя Ростислава Мстиславича и Подтвердительная грамота самого Мануила [Щапов, с. 141–146]. Календарные даты этих хиротоний в древних летописях отсутствуют. Но они содержатся в Никоновской летописи, которая относит рукоположение Мануила к 26 апреля, а Феодора – к 6 мая (ПСРА. Т. 9. Стб. 160). В 1136 г. первая дата приходилась на воскресенье, а вторая выпадала на среду. Последняя датировка позволяет считать, что составители Никоновской летописи не корректировали хронологию поставления древнерусских архиереев, руководствуясь традицией ее совершения в праздничные дни. Поэтому 10 ноября 1105 г., время рукоположения полоцкого епископа Мины, не является исторической ретроспекцией XVI столетия.

³¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 289–290.

НПЛ	Ипатьевская летопись
В лѣто 6622 (1114) Преставися Святославъ в Переяславѣ. В то же лѣто поставиша Феоктиста епископа Чернигову ³² .	В лѣѣ . ҃҃҃ . ҃҃ . ҃҃҃ (1114) . Престависа Сѣтославъ снѣ Володимеръ . мѣца . марта . ҃҃ . днѣ . и положенъ быѣ во Переяславѣ . оу цркви сѣго Михаила . ту бо оцъ ему далъ столъ выведы и и Смоленска ³³ .

Рукоположение Кирилла, о котором ни Ипатьевская летопись, ни НПЛ не упоминают, исследователь относит к 6622 (1114) г. на том основании, что о нем говорится после известия о кончине Святослава. Таким образом, сообщение о хиротонии Кирилла определяется «по месту, занимаемому им» в тексте статьи [Бережков, с. 45].

При всей логичности этих рассуждений проблему датировки известий статьи 6622 г. Лаврентьевской летописи нельзя считать решенной. Во-первых, отнесение смерти Святослава к 1114 г. на основе показаний Ипатьевской и Новгородской летописей вызывает вопросы. Так, в НПЛ вслед за известием о кончине князя идет сообщение о поставлении черниговского епископа Феоктиста, которое, несомненно, состоялось раньше (12 января 1113 г.). В Ипатьевской летописи рассказу о смерти Святослава в статье 6622 (1114) г. предшествует известие статьи 6621 (1113) г. о переводе в Переяславъ его младшего брата Ярополка: «Того же лѣта посади (Владимир Мономах. – Ю. А.) . снѣ своего Ярополка . в Переяславѣ»³⁴. Но это перемещение могло состояться только после кончины Святослава, когда Переяславский стол сделался вакантным. Сказанное позволяет предполагать одно из двух: 1) либо Святослав скончался не 16 марта 1114 г., а раньше (до 1 марта 1114 г.), что позволило Владимиру перевести туда более молодого Ярополка; 2) либо порядок изложения событий в статьях 6621–6622 (1113–1114) гг. Ипатьевской летописи нарушен. Так или иначе, хронологические показания Ипатьевской и Новгородской летописей о смерти Святослава Владимировича в 1114 г. нельзя считать вполне надежными.

Во-вторых, нельзя датировать поставление Кирилла годом смерти Святослава, основываясь исключительно на аргументе местоположения этого известия в тексте³⁵. Так, в уже упоминавшейся статье НПЛ сообщение о поставлении Феоктиста, которое произошло раньше, стоит после рассказа о смерти Святослава. В Ипатьевской летописи под 6621 (1113) г. сначала говорится о кончине 14 сентября игуменьи Лазарева монастыря, а потом сообщается о женитьбе 1 сентября сына Владимира Мономаха Романа. И таких примеров немало. Поэтому серьезных оснований относить рукоположение Кирилла к 1114 г. у нас нет. Более вероятно предполагать как раз обратное: хронологическую связь хиротоний Кирилла и Даниила, которая определялась политическими расчетами нового киевского князя Владимира Мономаха. Если Даниил занял Юрьевскую кафедру, то Кирилл мог быть определен на Белгородскую³⁶.

³² ПСРА. Т. 3. С. 204.

³³ ПСРА. Т. 2. Стб. 277.

³⁴ Там же.

³⁵ Очень вероятно, что в конец статьи 6622 г. Лаврентьевской летописи известие о хиротонии Кирилла попало вследствие работы редактора, который пользовался несколькими источниками.

³⁶ В Ипатьевской летописи говорится, что Даниил был поставлен вместе с Никитою: «Томъ же лѣтѣ поставиша епѣпа Данила Гургеву . а Бѣлгороду Никиту» (ПСРА. Т. 2. Стб. 277). Епископ Никита Белгородский начала XII в. – фигура загадочная. В последующем тексте летописи он упоминается только один раз в качестве участника перенесения мощей Бориса и Глеба 2 мая 1115 г. Автор статьи называет его в числе епископов, но при этом почему-то именует «попом»: «...Митрополитъ Микифоръ съ всеми епѣпы съ Фекистомъ . Черниговскимъ . с Лазаремъ Переяславскимъ . с попомъ Никитою. Бѣлгородскимъ и с Данилою Гургевскимъ» (Там же. С. 280). Лаврентьевской и Новгородской летописям имя Никиты Белгородского вообще неизвестно. Согласно «Сказанию о чудесах святых князей Бориса и Глеба» (начало XII в.), епископ Никита Белгородский принимал

Эти епархии располагались ближе всего к Киеву и играли важную роль в церковной жизни Руси [Щапов, с. 36–37].

В 1113 г. 6 ноября приходилось на четверг, а вот 16 ноября – на воскресенье. Допускаю, что ошибка появилась в процессе редактирования текста³⁷. В связи с этим любопытно, что в статье 6621 (1113) г. Ипатьевской летописи две последние дневные датировки имеют не вполне стандартное написание: 1) «В се же лѣто престависа игуменьа Лазорева . манастыра . ста житьемъ . мѣца сѣмьтабра . въ . д̄ . на десѣть днѣ...»; 2) «В се же лѣто поа Володимерь . за сна своего Романа . Володаревну . мѣца сѣмьтабра . въ . а̄ . на десѣть днѣ»³⁸. Если из этих хронологических указаний исключить слова «на десѣть», то они приобретут такой же вид, как и определение даты хиротонии Кирилла: «мѣца . нояб̄ . въ . с̄ . днѣ». Для наглядности приведу эти временные обозначения в таблице.

Ипатьевская летопись	Лаврентьевская летопись
мѣца сѣмьтабра . въ . д̄ . на десѣть днѣ мѣца сѣмьтабра . въ . а̄ . на десѣть днѣ	мѣца . нояб̄ . въ . с̄ . на десѣть днѣ

Таким образом, допускаю, что в процессе переписки словосочетание «на десѣть» не было преобразовано в цифру 10 («i»), что привело к изменению даты события, вместо 16 ноября появилось 6 ноября.

3. О поставлении владыки Мартирия НПЛ младшего извода сообщает в статье 6701 (1193) г.: «И поставиша и декабръ въ 10, на память святых мученикъ Мины и Ермогена и Еуграфа; и прииде в Новѣгород генваря въ 16, на поклонение честных веригъ святого апостола Петра»³⁹. Синодальный список датирует хиротонию Мартирия несколько иначе: «... И поставиша и мѣсяця декабръ въ 10, на святого Данила стѣльпника; и прииде въ Новѣгородъ мѣсяця генваря въ 16, на святого апостола Петра Съпадение веригама»⁴⁰. Вместо памяти александрийских мучеников Мины, Ермогена и Евграфа (10 декабря) здесь ошибочно указана память преподобного Даниила Столпника, которую отмечали 11 декабря. Это «разногласие» позволяет предполагать, что в авторском тексте статьи 6701 (1193) г. указание на церковный праздник 10 декабря отсутствовало⁴¹.

Достоверность хронологических указаний о рукоположении и возвращении Мартирия вызывает вопросы. Так, обращает на себя внимание период, который понадобился владыке, чтобы по совершении хиротонии занять кафедру в Новгороде: на все про все ушло 38 дней⁴². Между тем архиепископу Гавриилу (1187–1193) на это потребовалось 64 дня, а архиепископу Спиридону (1230–1249) – 86 дней⁴³. Отсюда заключаю, что какая-то из двух приведенных в статье 6701 (1193) г. дат является неверной. На мой взгляд, ошибочно указан день

участие в перенесении мощей страстотерпцев не в 1115 г., а в 1072 г. [Бугославский, с. 553]. Маловероятно, чтобы с разницей почти в 40 лет люди с одинаковыми именами руководили Белгородской кафедрой и участвовали в перенесении мощей Бориса и Глеба. Поэтому считаю, что в статьи 6621 (1113) и 6623 (1115) гг. Ипатьевской летописи имя Никиты попало по ошибке. Возможно, свою роль в этом сыграло участие в перенесении 1115 г. поа Никиты, представлявшего клир Белгородского собора, (и) или информация о епископе Никите, современнике перенесения 1072 г. В любом случае, епископ Никита Белгородский во втором десятилетии XII в. едва ли существовал. Скорее всего, под этим именем в Ипатьевской летописи скрывается епископ Кирилл, о котором, как о человеке, получившем кафедру в том же году, что и Даниил, упоминает Лаврентьевская летопись.

³⁷ Возможно, это произошло не без влияния сообщения о смерти Святослава, отмеченной в Ипатьевской летописи тем же числом.

³⁸ ПСРА. Т. 2. Стб. 276.

³⁹ ПСРА. Т. 3. С. 232.

⁴⁰ Там же. С. 40.

⁴¹ Ср. сообщение Лаврентьевской летописи о хиротонии новгородского епископа Далмата.

⁴² Только дорога из Новгорода в Киев занимала около двух месяцев. Известно, что будущий владыка Спиридон покинул Новгород 17 декабря 1229 г., а его рукоположение в сан священника произошло 17 февраля 1230 г.

⁴³ Привлекаю только достоверные данные, которые не противоречат правилу совершения хиротонии и местной интронизации в праздничные дни.

рукоположения Мартирия. Дело в том, что 16 января 1194 г. (время посажения на Новгородской кафедре) было воскресеньем, в то время как 10 декабря (дата хиротонии) в 1193 г. приходилось на пятницу, постный день.

Предполагаю следующий механизм искажения первоначальной даты рукоположения Мартирия. В исходном тексте владычной летописи стояло не 10 декабря, а 14 ноября. Но в результате работы редактора число 14, обозначаемое на письме как « $\overline{d}i$ », было «разложено» на «д» и «i», первая цифра трансформировалась в «декабря» (при написании могло сокращаться), а вторая так и осталась числительным. В результате получилось «декабря 10» (без «въ», см. чтение Академического и Толстовского списков). 14 ноября в 1193 г. приходилось на воскресенье. Таким образом, период с момента хиротонии до посажения Мартирия на Новгородском столе составлял не 38, а 64 дня, как и у его предшественника архиепископа Гавриила.

Итак, три даты, которые относят архиерейские поставления к постным дням недели, являются результатом превратного понимания текста в процессе его переписки и редактирования. Теперь обратимся к случаю, который попал в группу исключений из-за неверного определения стиля летоисчисления.

4. О хиротонии ростовского епископа Пахомия Лаврентьевская летопись сообщает в статье 6722 (1214) г.: «Того^ж . лѣ^т . Кнѧ^ѧ Костантинъ посла Пахомыѧ . игумена ста^ѧ Петра . ѿца своего дхвнаго в Кыевъ к митрополиту Матфѣю . и постави и еп^спмъ Ростову . ноабра . въ . 11 . и въниде в свою еп^спю . генвара . въ ки . на пама^ѧ ста^ѧ ѿца Ефрѣма Сурина»⁴⁴. Н. Г. Бережков, указывая на мартовский стиль этого известия, относит рукоположение Пахомия к 1214 г. [Бережков, с. 103–104]. По мнению исследователя, «полоса счета мартовских годов в Лаврентьевской летописи» продолжается с 6714 по 6793 г. Исключения составляют статьи 6717, 6725, 6726 и 6740 гг., которые обозначены по ультрамартовскому стилю [Бережков, с. 88]. Доказательств в пользу того, что статья 6722 г. является мартовской, исследователь не приводит. Между тем об этом нужно было подумать уже потому, что первые три ультрамартовские статьи хронологически близки известию о поставлении Пахомия.

Статья 6722 г. в основном посвящена событиям, связанным с разделением Ростовской епархии. В ней сообщается об удалении от дел епископа Иоанна, рукоположении на Ростовскую кафедру игумена монастыря Св. Петра Пахомия и поставлении епископом Суздаля и Владимира настоятеля Рождественской обители Симона. Первый был хиротонисан по воле ростовского князя Константина Всеволодовича, второй являлся креатурой его младшего брата, владимирского князя Юрия. Произошедший раздел епархии стал результатом противостояния наследников недавно умершего владимирского князя Всеволода (13 апреля 1212 г.). Старший Константин требовал от Юрия передачи ему Владимира, но последний в союзе с братом Ярославом предпочел отстаивать свои права на этот город силой оружия. В 1212 г. дружины Юрия и Ярослава четыре недели простояли у стен Ростова, активно разоряя его округу. В следующем 1213 г. Константин захватил и сжег принадлежащую Юрию Кострому. В ответ братья вновь подступили к Ростову. Военные действия завершились переговорами и заключением мира (середина 1213 г.).

Летописец Переяславля Суздальского, значительно лучше осведомленный об этом этапе борьбы Всеволодовичей, нежели составитель Лаврентьевской летописи, прямо пишет, что епископ Иоанн был изгнан со стола владимирцами и князем Юрием: «Того же лѣта володимирци съ княземъ своимъ Гюрьемъ изъгнаша Иоанна изъ епискупства, зане неправо творяше...»⁴⁵. Отсюда заключаю, что опальный архиерей симпатизировал ростовскому

⁴⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 438.

⁴⁵ ПСРА. М., 1995. Т. 41. С. 132.

князю Константину и был удален с кафедры в момент острой фазы конфликта, а не после его завершения. Значит, Иоанн лишился стола не позже начала осени 1213 г., что указывает на ультрамартовский характер статьи 6722 г. Приведу еще один аргумент в пользу этой точки зрения.

Под 6724 (1216) г. Лаврентьевская летопись рассказывает о кончине Пахомия, при этом сообщая, что он занимал кафедру в течение двух лет: «Престависа епѣпъ Ростовьскыи Пахомии . и положенъ быѣ в цркви стѣи Бѣа . в своєи епѣпѣи . съ бѣ блжнныи епѣпѣ избраникъ Бжии . и истинный бѣ пастырь... побѣдивъ мѣрскую похоть . чернѣествовавъ преже добрѣ исправлено . лѣѣ . е . в Печерьско⁴⁵ манастирь . и паки свое стадо дхвно . в манастири стаѣ Петра . лѣѣ . г . а епѣпью державъ . в . лѣѣ . Ѡиде к Бѣ»⁴⁶. Каким стилем обозначена эта статья? По мнению Н. Г. Бережкова, тоже мартовским. В качестве доказательства исследователь апеллирует к известию о поставлении Пахомия в статье 6722 г.: «Пахомий был поставлен на епископство в конце 6722 (1214/5) мартовского года и о двух годах его епископства (хотя бы и неполных) можно было говорить только в 6724 (1216/7) мартовском же году, а не в 6724 ультрамартовском» [Бережков, с. 104–105]. Но, как уже отмечалось, отнесение статьи 6722 г. к числу мартовских ничем не обосновано, а в свете истории конфликта Всеволодовичей и сомнительно.

На мой взгляд, в данном случае мнение Н. Г. Бережкова ошибочно. Дело в том, что за известием о кончине Пахомия следует сообщение о смене князей в Новгороде: вместо Мстислава Мстиславича туда приходит Ярослав Всеволодович. Эти события НПЛ описывает в статье 6723 (1215) мартовского года.

НПЛ	Лаврентьевская летопись
В лѣто 6723 (1215). Поиде князь Мѣстиславъ по своєи воли Киеву... Того же лѣта новгородци, много гадавшє, послаша по Ярослава по Всеволодица, по Юрьевъ внукъ ⁴⁵ .	В лѣѣ . ѣс . ѡ . кд (1215) ... Того ⁴⁶ . лѣѣ . Новгородци выгнаша Ѡ себе Мстислава . Мстиславича . а Йрослава Всеволодича привєдоша к собѣ на столѣ ⁴⁶ .

Отсюда следует, что статья 6724 г. Лаврентьевской летописи, как и две последующие (по Н. Г. Бережкову), обозначена по ультрамартовскому стилю. А раз так, то счет лет святительского служения Пахомия надо вести не от 1214, а от 1213 г.

Все сказанное позволяет считать статью 6722 г. Лаврентьевской летописи ультрамартовской и относить хиротонию Пахомия к 1213 г. В этом году 10 ноября приходилось на воскресенье⁴⁹. Таким образом, рукоположение Пахомия на Ростовскую кафедру не противоречило традиции поставления архиереев в праздничные дни.

Два последних случая, которые нарушают праздничную стратегию выбора дня хиротонии, нельзя однозначно определить как ошибки переписчиков. Но ввиду того, что суммарно они составляют всего 10 % от общего числа датированных архиерейских поставлений, такая возможность кажется очень вероятной. Исходя из этого, рассмотрим сообщения о рукоположении новгородского епископа Митрофана и ростовского епископа Иоанна.

5. В литературе хиротонию Митрофана обычно относят к 3 июля 1201 г. (вторник) [Хорошев, с. 41; Щапов, с. 64; Печников, с. 471]. Получается, что со времени кончины его предшественника, епископа Мартирия, которая случилась 24 августа 1199 г., владычный стол

⁴⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 439.

⁴⁷ ПСРА. Т. 3. С. 252.

⁴⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 439.

⁴⁹ Таким образом, дата хиротонии Пахомия может рассматриваться в качестве доказательства ультрамартовского характера статей 6722 и 6724 гг. Лаврентьевской летописи.

оставался свободным в течение почти двух лет. Отсюда даже возникла гипотеза об отсутствии в это время на Руси митрополита [Щапов, с. 64–65; Карпов, с. 286–287]. Однако в данном предположении нет надобности. Дело в том, что особенностью летописания архиепископа Митрофана, которое охватывает период 6708–6719 (1200–1211) гг., было использование ультрамартовского стиля [Гимон, с. 98–104]. Поэтому поставление владыки нужно относить не к 1201, а к 1200 г., что соответствует времени, которое обычно уходило на выбор, рукоположение и возвращение нового главы Новгородской епархии.

В 1200 г. 3 июля приходилось на понедельник. Больших праздников в этот день церковь не отмечала. Поэтому, учитывая период от хиротонии до посажения на столе, который у новгородских архиереев в среднем занимал около двух месяцев⁵⁰, считаю, что в данном случае ошибочно указан день, а не месяц⁵¹. Вероятная дата поставления Митрофана – воскресенье 2 июля. Для архиерея хиротония является особо памятным событием, в этот день он ежегодно принимает поздравления от духовенства и мирян епархии. Поэтому ошибка (даже в один день) едва ли возникла при жизни владыки. Скорее всего, она появилась позже под пером редактора. Предполагаю, что замена 2 на 3 июля произошла вследствие смешения двух важных событий в биографии Митрофана – хиротонии и преставления. Согласно сообщению статьи 6731 (1223) г. НПЛ, глава Новгородской церкви ушел из жизни в понедельник 3 июля (совпадение дня недели и даты!)⁵². Как и время хиротонии, эта дата подлежала обязательной фиксации для совершения ежегодного поминовения архиерея.

6. О поставлении ростовского епископа Иоанна Лаврентьевская летопись рассказывает под 6698 (1190) г.: «Посла бл̑говѣрныи хр̑олоубивыи великыи князь Всеволодъ сн̑ Гюргевъ . внукъ Мономаховъ Володимеръ г̑ Кыєву. Стославу ко Всеволодичю . и к митрополиту Никиѡру . ѿца своего дх̑внаго Іѡа̑ . на еп̑ство... поставлен же бы̑ . м̑ца . генва̑ . въ . кг̑ . дн̑ . на пам̑ста̑ м̑чка Климента еп̑па . а в Ростовъ пришедь на свои столъ . м̑ца . февра̑ . въ . ке̑ . дн̑ . на пам̑ста̑ ѿца Тарасѡа . тогда сущю великому князю Ростовѣ в полюдьи . а в Суждаль в̑шелъ . м̑ца . марта . въ . і̑ . дн̑ . на пам̑ста̑ м̑чка Кондр̑та . а в Володимеръ в̑шелъ того̑ м̑ца . въ . сі̑ . дн̑ . в пато̑ на канунъ ста̑ Шлекѡа чл̑вка Бж̑а . и друга Бж̑а Лазара»⁵³. Как уже отмечалось, едва ли это известие возникло спустя продолжительное время после рукоположения и интронизации Иоанна, скорее всего, оно более или менее синхронно описываемым событиям и принадлежит современнику. На счет редактора в данном случае отношу только указания на дни памяти святых, которые последовательно сопутствуют всем четырем календарным датам⁵⁴.

По мнению Н. Г. Бережкова, статья 6698 (1190) г. является ультрамартовской, поскольку 16 марта – дата вступления Иоанна во Владимир – приходилось на пятницу в 1190 г. («в пато̑»). Это наблюдение можно подкрепить еще одним соображением. Иоанн вступил на Ростовский стол 25 февраля. В 1190 г. это было воскресенье, что соответствовало традиции совершения местной интронизации в праздничные дни [Артамонов].

Иоанн был духовником Всеволода, поэтому, вероятно, князь недолго размышлял о кандидатуре нового главы Ростовской епархии. Значит, в Киев будущий архиерей должен был отправиться вскоре после кончины своего предшественника, епископа Луки. Последний

⁵⁰ Период времени от хиротонии до вступления в Новгород у владыки Ильи составил 45 дней, у владыки Гавриила – 64 дня, у владыки Спиридона – 86 дней. Среднее арифметическое – 65 дней.

⁵¹ По этой причине не принимаю чтение Никоновской летописи, которая относит хиротонию Митрофана к 3 июня (ПСРА. М., 2000. Т. 10. С. 33).

⁵² «В то же лѣто преставися архиепископъ новгородчкыи Митрофанъ, мѣсяца июля въ 3, на память святого мученика Аукинфа, понедѣльнику освѣтающю, и положенъ бысть въ святѣи Софѣи въ притворѣ» (ПСРА. Т. 3. С. 263).

⁵³ ПСРА. Т. 1. Стб. 408.

⁵⁴ Ср. с Московско-Академической и Радзивиловской летописями (ПСРА. М., 1989. Т. 38. С. 157), а также с Летописцем Переяславля Суздальского (ПСРА. Т. 41. С. 120).

ушел из жизни 10 ноября 1189 г.⁵⁵ Период возвращения Иоанна на родную кафедру составил 34 дня (с 23 января по 25 февраля), что не вызывает возражений. Для сравнения: у ростовского епископа Кирилла в 1231 г. обратный путь занял 40 дней (с 6 апреля по 25 мая). Причем дорога в Киев, если считать, что Иоанн отправился в столицу Руси около 19–20 декабря 1189 г. (спустя 40 дней после кончины Луки), и обратно заняла приблизительно то же время: 34–36 дней. Поэтому думаю, что январь в качестве месяца хиротонии ростовского владыки указан верно. Ошибка – в дате, где неправильно определен не десяток, а единицы. Возможно, при переписке текста цифра 1 («а») была интерпретирована как цифра 3 («г»). Обращение к близким по времени статьям Лаврентьевской летописи обнаруживает ряд похожих хронологических ошибок. Так, например, под 6693 г. вместо правильного чтения «июля 30» указано «июня 31», под 6702 г. вместо «апреля 26» – «апреля 27», под 6709 г. вместо «декабря 22» – «декабря 24»⁵⁶. 21 января в 1190 г. приходилось на воскресенье.

Полученные результаты по пересмотру датировок архиерейских хиротоний представлены в следующей таблице.

п/п	Имя архиерея и период его правления	Кафедра	Дата хиротонии	
			Летописная	Фактическая
1.	Мина (1105–1116)	Полоцкая	13 декабря 1105 г. (среда)	10 декабря 1105 г. (воскресенье)
2.	Кирилл (1113–?)	Белгородская (?)	6 ноября 1114 г. (пятница)	16 ноября 1113 г. (воскресенье)
3.	Иоанн (1190–1213)	Ростовская	23 января 1190 г. (вторник)	21 января 1190 г. (воскресенье)
4.	Мартирий (1193–1199)	Новгородская	10 декабря 1193 г. (пятница)	14 ноября 1193 г. (воскресенье)
5.	Митрофан (1200–1223)	Новгородская	3 июля 1201 г. (вторник)	2 июля 1200 г. (воскресенье)
6.	Пахомий (1213–1215)	Ростовская	10 ноября 1214 г. (понедельник)	10 ноября 1213 г. (воскресенье)

Традиция поставления архиереев в праздничные дни, которая восходит ко времени становления христианской церковной организации, была известна и в Древней Руси. Проведенный анализ 20 календарных дат епископских хиротоний домонгольского периода показал, что только шесть из них (30 %) демонстрируют несовпадение. Причем из этого числа, как очевидные ошибки, должны быть исключены 4 случая (20 %): в трех эпизодах даты выпадают на постные дни, которые не допускают проведение праздничных мероприятий, и один связан с неверным определением стиля летоисчисления. Два других случая (10 %), в свете складывающегося соотношения 1:10, скорее также надо относить к ошибкам переписки, нежели к исключениям. Таким образом, можно сделать вывод, что в Древней Руси праздничная стратегия выбора времени для архиерейской хиротонии последовательно соблюдалась, а выявленные несовпадения являются следствием редактур летописных текстов.

⁵⁵ «Того^а. лѣ^т. престависа бл҃говѣрнии [и] бл҃жении епѣ^п Лука . Ростовскыи . [и] Володимѣрьскыи . мѣ^сца . ноябра . въ . ѿ . днѣ . спратавше тѣло его князь ве[ли]кыи Всеволодъ Гюргевѣ^и . съ игумены и с черньци . с клирошаны . с попы . положиша и оустое Бѣ^и . в градѣ Володимери въ . а^и . ноябра ...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407) [Бережков, с. 84].

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 396, 411, 416; [Бережков, с. 82, 84, 86].

Литература

- Артамонов Ю. А. О времени совершения интронизаций в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 26–37. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.005
- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.
- Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV вв. // История СССР. 1983. № 4. С. 124–131.
- Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. 656 с.
- Виноградов А. Ю., Желтов М. С. «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 118–139.
- Гимон Т. В. Новгородское летописание первой четверти XIII в. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 80–118.
- Карпов А. Ю. Русская Церковь XI–XIII вв. Биографический словарь. М., 2016. 472 с.
- Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. 420 с.
- Неселовский А. З. Чины хиротесий и хиротоний (Опыт историко-археологического исследования). Каменец-Подольск, 1906. 375 с.
- Печников М. В. Митрофан // ПЭ. М., 2017. Т. 45. С. 471–471.
- Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. 224 с.
- Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. 228, [3] с.

References

- Artamonov, Yu. A. O vremeni soversheniya intronizatsii v Drevnei Rusi [About the Time of Hierarch Enthronement in Old Rus]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 4 (82). Pp. 26–37. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.005
- Berezhkov, N. G. Khronologiya russkogo letopisaniya [Chronology of the Russian Annals]. Moscow, 1963. 376 p.
- Borisov, N. S. K izucheniyu datirovannykh letopisnykh izvestii XIV–XV vv. [To the Study of Dated Chronicle News of the 14th – 15th Centuries]. In *Istoriya SSSR*. 1983. No. 4. Pp. 124–131.
- Bugoslavskii, S. A. Tekstologiya Drevnei Rusi [Textual Study of Old Rus]. Moscow, 2007. Vol. 2. Drevnerusskie literaturnye proizvedeniya o Borise i Glebe [Old Russian Literary Works about Boris and Gleb]. Ed. Yu. A. Artamonov. 656 p.
- Gimon, T. V. Novgorodskoe letopisanie pervoi chetverti XIII v. [Novgorod Chronicles of the First Quarter of the 13th Century]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2006. Issue 6. Pp. 80–118.
- Karpov, A. Yu. Russkaya Tserkov' XI–XIII vv. Biograficheskii slovar' [Russian Church of the 11th – 13th Centuries. Biographical Dictionary]. Moscow, 2016. 472 p.
- Khoroshev, A. S. Tserkov' v sotsial'no-politicheskoi sisteme Novgorodskoi feodal'noi respubliki [The Church in the Socio-Political System of the Novgorod Feudal Republic]. Moscow, 1980. 224 p.
- Loseva, O. V. Russkie mesyatseslovy XI–XIV vekov [Russian Mesyatseslovs of the 11th – 14th Centuries]. Moscow, 2001. 420 p.
- Neselovskii, A. Z. Chiny khirotesii i khirotonii (Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya) [Ranks of Ordinations (Attempt of Historical and Archaeological Research)]. Kamenets-Podolsk, 1906. 375 p.
- Pechnikov, M. V. Mitrofan [Mitrofan]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2017. Vol. 45. Pp. 471–471.
- Shchapov, Ya. N. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. [Old Russian Princely Charters of the 11th – 15th Centuries]. Moscow, 1976. 228, [3] p.
- Vinogradov, A. Yu., Zheltov, M. S. "Pervaya eres' na Rusi": russkie spory 1160-kh godov ob otmene posta v prazdnichnye dni ["The First Heresy in Russia": Russian Disputes of the 1160-ies on the Abolition of Fasting on Holidays]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 3 (73). Pp. 118–139.

ччYury A. Artamonov

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot; Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences;
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

ON THE DATES OF EPISCOPAL CONSECRATIONS IN OLD RUS

Based on the analysis of sources, the author comes to a conclusion that the dates of episcopal consecrations in Old Rus consistently coincided with church festivals. Only several exceptions exist, and most of them can be satisfactorily explained by chroniclers' mistakes which appeared when texts were copied or edited.

Keywords: ordination consecration, a bishop, a metropolitan, Old Rus, Old Russian Dioceses, Old Russian Church, chronicles, chronology

УДК 94(47)+739(091) ББК 63.3(2)4 DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.012

В. В. Игошев

*Государственный научно-исследовательский институт реставрации,
Москва, Россия. igoshevvv@rambler.ru*

В. Г. Ченцова

*UMR 8167 «Восток и Средиземноморье / Византийский мир»,
Париж, Франция. graougraou@hotmail.com*

РОСТОВСКИЕ СЕРЕБРЯНИКИ И ВОЛОГОДСКАЯ ЛИТУРГИЧЕСКАЯ УТВАРЬ В ХРАМЕ ОКСФОРДА

*Памяти нашей коллеги,
доктора искусствоведения,
кодиколога Инны Павловны Мокрецовой*

В статье исследована история бытования серебряных предметов для Евхаристии, вложенных в 1658 г. в вологодский Никольский монастырь на Валухе, а затем оказавшихся в церкви Св. Варнавы Оксфорда. В ходе комплексного исследования в музейных собраниях России были выявлены наиболее близкие аналогичные произведения, изучены их типология, стиль, иконография, надписи и технико-технологические особенности. Доказано, что все эти предметы литургической утвари выполнены в одной мастерской серебряного дела. В научный оборот впервые введена группа серебряных литургических сосудов и иных изделий, сделанных в середине XVII в.

Ключевые слова: литургическая утварь, евхаристические сосуды, потир, ростовские серебряники, вологодский Николаевский монастырь на Валухе, Спасо-Прилуцкий монастырь

За предоставленную возможность изучения евхаристического набора из ризницы церкви Св. Варнавы в Оксфорде авторы выражают искреннюю благодарность пастору Кристоферу Вудсу (Fr Christopher Woods) и Эйлин Хед, администратору канцелярии кафедрального собора Крайст-черч в Оксфорде (Eileen Head, Cathedral Office Manager, Christ Church, Oxford). За предоставленную возможность изучения серебряных потиров из фондов Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» авторы сердечно благодарят директора Наталью Стефановну Каровскую и заместителя директора Александра Гавриловича Мельника. За консультации выражаем искреннюю признательность А. А. Печниковой, М. С. Стецкевичу, И. Н. Шаминой, Г. М. Крюк.

Ил. 1–7, 10, 13 – фотографии потира и тарелей из церкви Св. Варнавы в Оксфорде сделаны В. Г. Ченцовой и публикуются с любезного разрешения vicария Кристофера Вудса и приходского собрания.

Ил. 8, 9, 11, 12, 14 – фотографии выполнены В. В. Игошевым. Ил. 15 – фото предоставлено ГИМ.

В статье исследуются древнерусские серебряные сосуды для Евхаристии, которые находятся в Англии и принадлежат церкви Св. Варнавы Оксфорда. Это потир¹ (Ил. 1) и две дорные тарели² (Ил. 2, 3), происходящие из небольшого вологодского женского монастыря – Никольского на Валухе³. До настоящего времени эти серебряные евхаристические предметы не были изучены, история их бытования и время перемещения за пределы России также оставались неизвестны. Нашей задачей стали комплексное исследование этих замечательных памятников древнерусского церковного искусства с целью отнесения их к определенному центру серебряного дела и попытка установить имя вкладчика.

Каждый такой центр вырабатывал устойчивые традиции, которые проявлялись в типологии, стилистике изображений и в орнаменте, особой технике изготовления изделий и палеографии надписей. Выявление на предметах схожих технико-технологических, типологических и стилистических особенностей, таким образом, может позволить связать серебряные потир и две тарели с определенной мастерской.

Место первоначального вклада сосудов – вологодский Никольский монастырь на Валухе

На потире и на дорных тарелях вырезаны схожие надписи, указывающие на их вклад в эту обитель в апреле 1658 г.: «... В ВОТЧИНУ ПРИЛУЦКАГО МОНАСТЫРЯ К ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЮ ХРИСТОВУ И К НИКОЛЕ ЧЮДОТВОРЦУ НА ВАЛУХУ». В состав этого набора сосудов для Евхаристии, кроме потира и двух дорных тарелей, ранее должны были входить также: дискос, лжица, звезда и копие, но место нахождения этих предметов неизвестно, скорее всего, они утрачены.

Мужской Спасо-Прилуцкий монастырь, расположенный на излучине реки Вологды, в XVI–XVII вв. имел три вотчинных обители: Никольский монастырь на Валухе, Спасо-Преображенскую Глубокоозерскую пустынь и Воскресенский монастырь на реке Великой [Черкасова, с. 27–28]. Небольшой женский Никольский монастырь на Валухе находился вблизи северной ограды Спасо-Прилуцкого монастыря, год его основания не известен, а упоминания относятся ко времени между 1543 и 1691 гг. [Савваитов, с. 13]. По документам, в период 1623–1678 гг. он был на полном обеспечении и во власти игуменов Спасо-Прилуцкого монастыря, но внутренний надзор в обители осуществлялся игуменьей. В списках приказных дел 1666 г. отмечается: «Спаса-Прилуц[кого] монастыря власти поят и кормят и одевают и запасы годовые дают, как и прочих стариц, которые живут в Николаевском девичьем монастыре» [Зверинский, с. 102]. Никольский монастырь располагался близ небольших сел Коровниче (или Коровник) и Выпрягово [Савваитов, с. 14]. Название этих сел и топоним «Валух» или «Волух» происходят от наименования домашнего скота или связаны со скотоводством⁴.

¹ Потир. Инв. № 83. Серебро, давление, гравировка, позолота, монтировка. Высота – 24,2 см. Диаметр поддона – 14,4 см. Диаметр чаши – 13,1 см. Размер изображений на чаше по внутренней окружности – 4,8 см, по внешней – 5,0 см. Глубина чаши – 9,5 см. Вес – 450,8 г.

² Тарель с гравированным изображением Богоматери «Знамение». Инв. № 85. Серебро, давление, гравировка, золочение. Диаметр – 18,3 см. Толщина – 1,5 см. Размер изображений в медальоне – 8,2 см. Вес – 164,4 г. На дне тарели с оборотной стороны процарапаны, видимо, какие-то инвентарные номера: 5-17, 27800. Тарель с гравированным изображением Голгофского креста. Инв. № 84. Серебро, давление, гравировка, золочение. Диаметр – 18,3 см. Размер изображения в круге – 8,1 см. Вес – 161,6 г. На доннышке с обратной стороны также процарапаны номера: 5-16, 27799.

³ В публикациях XIX в. монастырь называют Николаевским на Валухе или Валушинским.

⁴ Древнерусское слово «воль» – это вол или бык (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 471), а «волух» – коровий пастух – производное от «вол» по типу «конюх» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. 1. С. 345).

Ил. 1. Серебряный потир из вологодского Никольского монастыря на Валухе. 1658 г.

Вклад серебряных евхаристических сосудов в Никольский женский монастырь на Валухе был сделан в 1658 г. – в период, когда обе церкви обители были деревянными. Место вклада – деревянная церковь Воскресения Христова, сооруженная, судя по сохранившимся описаниям, с «клинчатым» верхом кровли и с двумя приделами – Успенским и Николая Чудотворца. Церковь, таким образом, имела двускатную кровлю в форме клина, отличаясь от двускатного покрытия обычной избы высоким подъемом конька, образующим острый угол. Здесь же, внутри деревянной монастырской ограды, была вторая церковь, теплая – Всех Святых с «шатровым» верхом. Тип древнерусского шатрового храма значительно отличался от церквей с «клинчатым» верхом своей высотой и объемом внутреннего пространства.

Ил. 2. Серебряная дорная тарель с гравированным изображением Богоматери «Знамение» из вологодского Никольского монастыря на Валухе. Лицевая сторона. 1658 г.

Если в основании храма с «клинчатым» верхом был четырехугольник («клеть»), то в основании шатрового храма – восьмиугольник. Такая конструкция позволяла возводить более высокие и вместительные храмы с шатровой кровлей, даже используя бревна меньшей длины, чем при строительстве прямоугольных в плане храмов с «клинчатой» кровлей.

В описании 1646 г. отмечены особенности конструкции этих бревенчатых храмов, а также имена клириков и их детей: «Церковь Воскресения Христова деревяна вверх клинчатая, да предел Успения, другой предел Николы Чудотворца на Валухе, другая церковь теплая Всех Святых деревяна вверх шатровая. А у церквей служат: поп Полиевкт, у него дети Офонка да Якунка да Федка, поп Фаддей Кузмин, дьякон Севастьян Васильев, дьячек Лазорко Спиридонов сын Сумин, у него дети Ивашко да Ивашко же, пономарь Евсютка Сидоров, трапезник Тренка Павлов, у него дети Лучка да Ондрюшка, просвирница Понарьца, трапезник Сидорко Исаков»⁵.

⁵ Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. 3-е изд. Вологда, 1902. С. 12; [Савваитов, с. 14].

В Никольском монастыре в разные годы в XVI–XVII вв. находились от 17 до 34 насельниц, среди которых примерно 2/3 составляли старицы-постриженницы, а 1/3 – еще не принявшие постриг белицы-послушницы. В 1653 г., по сведениям Н. И. Суворова, при церкви в деревянной ограде было 16 келий и две полукельи, из которых монастырю принадлежало только пять, а остальные постройки были собственностью сестер. Среди сестер различались «вкладчицы», внесшие крупный вклад (в одном известном случае – 20 рублей) в монастырь и содержащиеся во всем на монастырский счет, и «невкладчицы», жившие в собственных кельях, видимо, на свои средства [Суворов]. Женская Никольская обитель на Валухе находилась в зависимости от мужского Спасо-Прилуцкого монастыря. О таких женских монастырях, которые были в подчинении мужским, писал митрополит Макарий (Булгаков): «Между женскими монастырями были монастыри как бы приписные к мужским», – и перечислял их: «Хотьков, в котором приняли пострижение и погребены отец и мать преподобного Сергия Радонежского, Лазаревский Городецкий... Тверской Богородичный на Шоше и новгородский Воскресенский на Красной горке» [Макарий (Булгаков), с. 135–136]. Никольский монастырь на Валухе также принадлежал к подобным обителям.

Ил. 3. Серебряная дорная тарель с изображением Голгофского креста из вологодского Никольского монастыря на Валухе. Лицевая сторона. 1658 г.

Вероятно, вклад серебряных евхаристических предметов был сделан в деревянную церковь Воскресения Христова Никольского монастыря на Валухе в 1658 г. одной из состоятельных сестер-вкладчиц. Имена сестер, в том числе постриженниц, стариц и белиц, «вкладчиц» и «невкладчиц», Никольского монастыря на Валухе за 1653 г. приводятся в документе 1653 г., который публикуется в Приложении.

Сестры-вкладчицы, жившие в кельях «своего поставленья», жертвовали в монастырь деньги, серебряную церковную утварь, а также иконы в серебряных окладах. В списке имен насельниц Никольского монастыря последней названа проживающая в келье «вкладчица белица Марья Алексеевская жена Лежня», которая, очевидно, уже овдовела и названа по имени своего покойного мужа. Известно, что 8 мая 1652 г. вдова Марья Герасимова вложила в храм Николая Чудотворца на Валухе икону Казанской Богоматери в серебряном басменном окладе на помин своего мужа Алексия Лежнева [Муромцев, с. 188–189].

С 1650 по 1654 г. Спасо-Прилуцким монастырем управлял архимандрит Серапион, а с 1654 по 1671 г. – архимандрит Иона Апраксин [Строев, стб. 738; Савваитов, с. 59]. В августе 1656 г. под руководством Ионы Апраксина в Спасо-Прилуцком монастыре на монастырские средства были достроены каменные стены с башнями. В память этого события на восточной стороне монастырских малых ворот в камне высекли надпись: «Лета 7164 (1656) августа в 1 день сделан сей град около Прилуцкаго монастыря при державе государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и при его благоверной царице и великой княгине Марье Ильиничне, и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Алексеевиче, и при великом господине святейшем Никоне патриархе Московском и всея Великия и Малыя и Белья России, и при господине преосвященном Маркеле, архиепископе Вологодском и Великопермском, и святые обители сея при архимандрите Ионе, и при келаре старце Селивестре с братиею, и делан сей град монастырскою казною» [Савваитов, с. 22]. Следует отметить, что в Никольский монастырь на Валухе была пострижена дочь архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря – вкладчица старица Ульяния (Иулиания) Апраксина, которая жила в келье, построенной ее отцом (см. Приложение).

По документам, в 1688 г. церковь Воскресения Христова Никольского монастыря на Валухе с приделами была по-прежнему деревянная, но вторая – теплая одноглавая во имя Всех Святых – была уже каменная с трапезной. Составителями описи отмечено, что в этих храмах в селе Коровничье имелись «Божия милосердия образы и книги и ризы и свечи поставные и на колокольнице колокола и всякое строение мирское приходских людей»⁶. В 1689 г. вновь построенная каменная теплая церковь во имя Всех Святых, по сведениям Вологодской летописи, пострадала от пожара, сгорели также и колокольня, и деревянные постройки на берегу реки Вологды – «и колокольница, и берег»⁷. В середине XVIII в. на месте деревянной церкви Воскресения Христова был возведен каменный храм в формах, характерных для русской столичной архитектуры начала XVIII в., – «восьмерик на четверике» с декором в стиле барокко. Церковь была освящена 19 февраля 1755 г. [Муромцев, с. 186], и служба там продолжалась до 1930-х гг. Затем все наиболее ценные иконы и богослужебные предметы были изъяты [История, с. 130].

Время упразднения монастыря не известно, вероятно, он прекратил свое существование уже в конце XVII – начале XVIII в. Однако серебряные евхаристические предметы – потир, дискос и две дорные тарели – с гравированными надписями об их вкладе в Никольский монастырь сохранялись в бывшей монастырской церкви еще в XIX столетии. Так, эти предметы значатся

⁶ Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда, 2012. С. 102.

⁷ ПСРА. Л., 1982. Т. 37. С. 137.

в описи ризницы придела св. Иоанна Богослова Николаевской церкви на Валухе в 1807 г.: «Сосуды церковные, яко то: потир, дискос, звезда, лжица, два блюда, ковшичек и дароносица серебрянные и внутри вызолочены»⁸. В 1828 г. в Николаевской Валушинской церкви отмечено три набора серебряных предметов для Евхаристии (1658 г. и XIX в.) общим весом «восемь фунтов без осмухи», которые затем указаны и в описи 1850 г.⁹ В 1848 г. И. Н. Муромцев в публикации своего описания церкви Николая Чудотворца на Валухе и принадлежащих ей икон, книг и утвари особо отметил литургический набор 1658 г.: «Из церковных утварей замечательны по старине серебряные вызолоченные: потир, дискос и два блюда; на каждой из этих утварей вычеканена славянскими буквами следующая надпись: “Лета 7166 (1658) апреля в 11-й день построены сосуды сия в вотчину Прилуцкого монастыря к церкви Воскресению Христову и Николаю Чудотворцу на Валухе”» [Муромцев, с. 189].

Однако этот интерес со стороны любителя древностей никак не поспособствовал их сохранению в церковной ризнице. В 1860 г. сосуды для Евхаристии 1658 г. были исключены из описи церковного имущества: «13-3. (выбыл) Третий сосуд, дискос и все принадлежности, также серебряные без пробы; весу во всех вещах три фунта с осмушкой (поступили в промен новаго, состоящаго под №№ 16-6-м сей главы)». Взамен «выбывших» евхаристических сосудов 28 января 1861 г. «с променом ветхаго и непробнаго сосуда с принадлежностями весом в три фунта (3) с осмушкой» были приобретены новые «сосуд, дискос и все принадлежности, серебряныя под золотом 84-й пробы в 538 золот[ников] или в пять (5) фунтов и пятьдесят восемь (58) золотников»¹⁰. Изучение архивных документов дает основание считать, что серебряный потир и две серебряные тарелы 1658 г. из России тогда же, в 1860-е гг., были перевезены в Англию и переданы в церковь Св. Варнавы. О судьбе дискоса, звездицы, лжицы и других предметов из этого набора ничего не известно.

История поступления евхаристических предметов в церковь Св. Варнавы Оксфорда

С 1985 г. литургический набор находится на хранении в ризнице кафедрального собора Крайст-черч в Оксфорде (Christ Church, Oxford). Он был передан туда из церкви Св. Варнавы – примечательного оксфордского храма в районе Джерико (Ил. 4), архитектура которого воспроизводит черты стиля базилики на острове Торчелло близ Венеции и церкви Сен-Клементе в Риме. Основателем и ктиторм храма, освященного в 1869 г., был Томас Комб (1796–1872), суперинтендант оксфордского издательства Кларендон пресс (Clarendon Press) и весьма состоятельный человек [Hughes, p. 850–852; Whitlock, p. 1–4]. Т. Комб и его супруга Марта были известными филантропами и покровителями художников-прерафаэлитов, а также сторонниками обновления Англиканской церкви через ее сближение с православием [Hughes, p. 851; Coates; Buser, p. 102–109; Heathcote].

Представители религиозного «Оксфордского движения», «трактарианцы», к которым принадлежал Т. Комб, считали православие вместе с англиканством и католицизмом тремя историческими ветвями вселенского христианства, которые должны существовать в единстве. Среди них были весьма влиятельны приверженцы установления контактов с Православной церковью [Федотов, 2015; Федотов, 2017; Стецкевич, Поляков; Стецкевич]. Приобретение русских евхаристических сосудов для построенного на оксфордской рабочей окраине храма было, вероятно, связано с желанием символически «включить» в англиканское богослужение

⁸ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496 (Вологодская духовная консистория). Оп. 1. Д. 5832. Л. 76 об.

⁹ ГАВО. Ф. 1063 (Церкви Вологодской епархии). Оп. 57. Д. 11. Л. 3 об.; Д. 24. Л. 7 об.–8.

¹⁰ ГАВО. Ф. 1063. Оп. 57. Д. 27. Л. 22.

Ил. 4. Церковь Св. Варнавы в Оксфорде в районе Джерико.

элементы православного обряда через использование литургического потира и тарелей из России. Первые описания оксфордской церковной утвари, в которых удалось обнаружить упоминание вологодского евхаристического набора, были опубликованы в 1896 и 1928 гг. В обоих изданиях утверждается, что потир и две тарели были подарены церкви Св. Варнавы Томасом Комбом, эсквайром из оксфордской университетской типографии [Stapleton, p. 10–11; Evans, p. 123].

Заинтересовавшись надписями, тогдашний викарий попытался найти того, кто сможет их прочесть. Таким помощником стал не названный по имени живший в Оксфорде болгарин. Разобрав надписи возле изображений и верно прочитав слова «Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим», анонимный помощник решил, что упоминание названия монастыря на потире и тарелях является указанием места их изготовления: «Сделано в монастыре Воскресения в Полуцке, 7166 г.». Этот странный топоним, представляющий

собой нечто среднее между «Полоцком» и «Луцком», по мнению автора описания 1928 г., антиквара Дж. Т. Эванса, обозначал место, которое и находилось где-то «близ Луцка» [Evans, p. 123].

Сравнительно недавно Ричардом Витлоком была опубликована краткая история церкви Св. Варнавы, в которой также упомянут «замечательный редкий русский потир и тарель (так. – В. И., В. Ч.) из Прилук, датирующиеся 1658 г.». Однако в этом издании сообщается, что они были подарены «графом Гейнсборо (родственником отца Ноэля) в 1869 г.» [Whitlock, p. 14]¹¹. Речь здесь идет о Чарльзе Джордже Ноэле, 2-м графе Гейнсборо (1818–1881), и его родственнике Генри Монтагю Ноэле, выпускнике Оксфордского университета, ставшем первым викарием новой церкви Св. Варнавы [Foster, 1882, p. 292; Foster, 1891, p. 1026]. Эти же известия (с верным указанием на происхождение литургического набора из Никольской церкви на Валухе близ Прилук) повторены Г. Парпуловым в кратком каталоге выставки русских икон и литургической утвари, проходившей в Крайст-черч в 2010 г. [Parpulov, p. 7]. Несмотря на несколько противоречивые сведения разных источников, нет сомнения в том, что предметы из евхаристического набора оказались в оксфордской церкви уже с момента ее освящения в 1869 г., когда там появился первый викарий, принадлежавший к знатной английской семье.

Как раз перед этим, в 1867 г., Т. Комб с супругой Мартой путешествовали по Российской империи. О встрече с ними 10 августа 1867 г. в доме капеллана московской англиканской церкви упоминает оксфордский математик и священнослужитель Ч. Л. Доджсон – Льюис Кэрролл [Davies; Красавченко, с. 84–85 (на основе публикации М. Дэвиса)]. Именно Т. Комб незадолго до этого напечатал в оксфордском издательстве его ставшую вскоре знаменитой «Алису в стране чудес». Впрочем, и сама книга, и качество первой ее публикации тогда показались всем совершенно неудовлетворительными. Тем не менее Льюис Кэрролл не мог не отметить в своем дневнике примечательную встречу с оксфордским издателем в Москве. Кажется вполне вероятным, что именно Т. Комб, интересовавшийся православной литургией и обрядами подобно другим приверженцам «Оксфордского движения», во время путешествия каким-то образом приобрел вологодский литургический набор. Средства на это могла дать и семья Гейнсборо. Вернувшись же в Оксфорд, Т. Комб передал потир и тарели в только что построенный храм, желая украсить его церковным серебром, не менее ценным и редким, чем имевшееся тогда в часовнях самых богатых оксфордских колледжей¹², а также связать его незримой духовной нитью с русским православием.

Типология, надписи, особенности стиля и техники изготовления литургических сосудов 1658 г.

Разнообразные сосуды и предметы для Евхаристии известны на Руси с XI в.¹³ С принятием христианства они стали широко использоваться при богослужении в древнерусских храмах. Такие предметы в документах именовались «дароносными», «служебными», «служащими», «святыми», «церковными», «олтарными», «освященными», «божием милосердием» или просто «сосудами». Потир, дискос, литургическая ложка (лжица), звездица и другие «сосуды церковные» середины XVII в. изготавливались в соответствии с древней византийской традицией, определявшей их назначение во время богослужения и отразившейся также в самой

¹¹ В современной инвентарной описи ризницы именно граф Гейнсборо, «кузен первого викария», указан в качестве дарителя евхаристического набора, имя же Т. Комба зачеркнуто от руки. Впрочем, в Оксфорде бытует и предание о том, что потир и тарели были подарены «русским царем».

¹² О коллекциях оксфордского церковного серебра см.: [Clifford, p. 36–55].

¹³ В Софийском соборе в Киеве на мозаике XI в. «Причащение апостолов» в центральной апсиде под конхой имеются изображения потира, дискоса и звездицы (1040-е гг.), а на мозаике XII в. «Причащение апостолов на Евхаристии» Михайловского Златоверхого монастыря изображены потир, дискос, лжица, звездица, копие.

форме предметов, особенностях имевшихся на них священных изображений и литургических надписей, в материале и технике их изготовления.

По венцу гладкой полусферической чаши византийского и древнерусского потира, в отличие от западноевропейского, традиционно гравировалась евхаристическая надпись, ниже в круглых медальонах – изображения Деисуса и Голгофский крест, а внизу поддона нередко – вкладная надпись. Широкая чаша древнерусских серебряных потиров, так же как и многих византийских и романских, выковывалась из серебра, а священные изображения и литургические надписи гравировались с наружной стороны чаши. В число предметов, используемых при Евхаристии, входили также две или три дорные тарели (блюда, блюдца), звезда («звезда», «купол», «сень»), два покровца и воздух и др. В XVI–XVII вв. на дорных тарелях обычно гравировались изображения Богоматери «Знамение», Голгофского креста и Иоанна Предтечи, редко – Николая Чудотворца¹⁴, Иоанна Златоуста¹⁵. Так же как детали потира, дорные тарели 1658 г. выковывались молотом на специальной наковальне. Детали этих предметов изготовлены в технике выколотки¹⁶. Следыковки и небольшие трещины хорошо заметны с оборотной стороны тарелей (Ил. 5, 6).

По борту тарелей часто вырезаны евхаристические надписи, а с оборота иногда – вкладные. Разнообразный состав, пропорции и своеобразие форм евхаристических предметов, характер их декора тесно связаны с историческим развитием чинопоследования литургии в православном храме. На протяжении нескольких столетий состав таких предметов изменялся и со временем увеличивался. Видоизменялись формы и пропорции изделий, стиль священных изображений и орнамента, а также техника их изготовления [Игошев, с. 124–139, 381–403].

Серебряные потир и две серебряные дорные тарели 1658 г. сделаны в одной мастерской и в одно время. Священные изображения на всех предметах отличаются единством иконографии, стиля и техники их изготовления, сходством палеографических особенностей надписей. На лицевой стороне каждой тарели золочением выделены круглые медальоны с гравированным изображением Богоматери «Знамение» (Ил. 2) и Голгофского креста (Ил. 3), а на полях – по четыре картуша в виде дугообразных полосок с обрванной (резной) литургической надписью. На оборотной стороне тарелей золочение отсутствует. Край каждого картуша-полоски по торцам завершаются килеобразными стенками. По краю круглых тарелей «накован» узкий сложно профилированный бортик, выделенный золочением. Такой кант создает впечатление завершенности и массивности предмета, а также является ребром жесткости, положительно влияющим на излом и прочность. Такой же бортик сделан и по венцу чаши потира 1658 г.

С оборотной стороны каждой тарели по борту гравированы вкладные надписи, помещенные в круглый пояс (Ил. 5, 6). Буквы гладкие и обведены тонкой резной линией, а фон заполнен плотной резной штриховкой. Начало и конец каждой надписи разделяет гладкая

¹⁴ Блюдо. Государственный Русский музей. Инв. № ДРМ-3237. Конец XVI – начало XVII в. Медный сплав, давление, гравировка, полуда [Декоративно-прикладное искусство, с. 383–384].

¹⁵ Например, в описи 1774 г. ярославского Успенского собора отмечено: «Блюдо серебряное для ношения антидора, на нем в середине образ Иоанна Златоуста, по краям четыре евангелиста, края чеканные, весом три фунта осмнадцать золотников» (Государственный архив Ярославской области. Ф. 230 (Ярославская духовная консистория). Оп. 13. Д. 5714. Л. 7).

¹⁶ Выколотка – от слова «выколачивать» – технологический прием ручной обработки слитков металла стальным молотком на специальных наковальнях для получения полых сосудов. Эта техника широко использовалась при изготовлении серебряных и золотых изделий средневековыми мастерами. В трактате бенедиктинского монаха и художника Теофила имеется описание этой техники, используемой при изготовлении серебряного потира, состоящего из чаши и поддона (*Theophilus. On Divers Arts. The Foremost Medieval Treatise on Painting, Glassmaking and Metalwork*. New York, 1979. P. 99–103). В Новое время выколотка заменяется давлением тонкой металлической пластины на токарном станке.

Ил. 5. Обратная сторона дорной тарели 1658 г. с изображением Богоматери «Знамение»
из вологодского Никольского монастыря на Валухе

Ил. 6. Обратная сторона дорной тарели 1658 г. с изображением Голгофского креста
из вологодского Никольского монастыря на Валухе

Ил. 7. Гравированное изображение Голгофского креста на чаше потира 1658 г.
из вологодского Никольского монастыря на Валухе

Ил. 8. Серебряный потир, вложенный князем Темкиным-Ростовским
в ростовский Георгиевский Белогостицкий монастырь. 1658–1659 гг. (ГМЗРК)

восьмилепестковая резная цветочная розетка, выделяющаяся на резном заштрихованном фоне. Обратная сторона тарелей не золотилась.

На первой тарели на лицевой стороне гравировано изображение Богоматери «Знамение» в круглом медальоне (инв. № 85) с характерными дугообразными складками одежды Богоматери в виде тонких параллельных линий, имеющих на гравированных изображениях на чаше потира, входящего в этот набор литургических сосудов (Ил. 2). По бортам тарели в четырех дробницах гравирована надпись молитвы из кондака Богородицы: «ВСЕ УПОВАНИЕ МОЕ / К ТЕБЕ ВОЗЛАГАЮ М[А]ТИ / Б[О]ЖИЯ СОХРАНИ МЯ / ВО СВОЕМЪ СИ КРОВЕ»¹⁷. На оборотной стороне тарели гравирован поясok с вкладной надписью без золочения: «ЛЕТА 7166 Г[О] (1658) ГОДУ АПРЕЛЯ ВЪ 11 (ДЕ)[НЬ] ПОСТРОЕНЫ СОСУДЫ В ВО(Т)ЧИНУ ПРИЛУЦКАГО М[О]Н[А]СТ[Ы]РЯ К Ц[Е]РКВИ К ВО(С)КРЕСЕНІ(Ю) ХР[И](С)ТОВУ И К НИКОЛЕ ЧЮДОТВОРЦУ НА ВАЛУХУ» (Ил. 2). Буквы надписей гладкие и обведены тонкой резной линией, а фон надписи заполнен плотной резной штриховкой.

На второй тарели на дне гравировано изображение Голгофского креста в круглом медальоне (инв. № 84) (Ил. 3), которое является полной аналогией изображению Голгофского креста на круглом медальоне чаши потира (Ил. 7). На этих предметах точно повторяется форма ромбовидной пещеры с головой Адама, изображение стены Иерусалима, округлые очертания холмов Голгофы и другие детали. На тарели и на потире заметно сходство стилизованной стены Иерусалима на фоне Голгофского креста. Гравированные изображения на литургических сосудах 1658 г. имеют большей частью яркий стилизованный характер, в котором особенно заметны мотивы, близкие к архаичному народному искусству.

С лицевой стороны серебряной тарели по борту на четырех картушах в виде полосок, выделенных золочением, гравирован тропарь Кресту: «КРЕСТУ ТВОЕМУ / ПОКЛАНЯЕМСЯ ВЛ[А](Д)[Ы]КО / И С[ВЯ]ТОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ / ТВОЕ СЛАВИМЪ». С оборотной стороны по борту гравирован поясok надписи без золочения: «ЛЕТА 7166 (1658) Г[О] ГОДУ АПРЕЛЯ ВЪ 11 (ДЕ)[НЬ] ПОСТРОЕНЫ СОСУДЫ В ВО(Т)ЧИНУ ПРИЛУЦКАГО М[О]Н[А]СТ[Ы]РЯ К Ц[Е]РКВИ К ВО(С)КРЕСЕНІ(Ю) ХР[И](С)ТОВУ И К НИКОЛЕ ЧЮ(ДО)ТВО(Р)ЦУ НА ВАЛУХУ» (Ил. 6). Текст надписи такой же, как на тарели с гравированным изображением Богоматери «Знамение», имеются только небольшие отличия в написании отдельных слов.

На потире и на двух дорных тарелях схожа палеография надписей со свободно расположенными буквами, отличающимися от плотных и сжатых букв, которые гравировали на своих работах московские серебряники. Несколько упрощенный, но очень яркий и своеобразный характер изображений святых позволяет предположить, что литургические сосуды изготовлены в одном из региональных древнерусских центров. Как известно, каждый город имел свои культурные традиции, свой особый уклад жизни, и в то же время между крупнейшими художественными центрами издревле существовали постоянные контакты. Далеко не всегда предметы церковной утвари, происходящие из того или иного монастыря или храма, были выполнены местными мастерами. Нередко они заказывались ювелирам, которые работали в других регионах Московского государства, поскольку существовали устойчивые церковные, торговые, деловые, родственные и иные связи.

¹⁷ Все резные надписи даны в упрощенной орфографии и прописными буквами. Даты приводятся в цифровом выражении, в круглых скобках – их перевод на новую эру, тысячный знак пропущен. Разделение надписи на строки или части обозначено: /. Выносные буквы воспроизводятся в строке в круглых скобках, сокращения (титла) раскрываются в квадратных скобках, ударения и придыхания не передаются.

Ил. 9. Серебряный потир из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря. XVII в. (ГМЗРК)

Сохранность серебряных изделий

Внешний вид серебряных предметов из оксфордского храма заметно отличается очень ярким блеском. Поверхность потира и тарелей (с лицевой и оборотной сторон) очищена и отполирована до зеркального блеска. Давняя традиция чистки и полировки серебра в Англии распространяется до настоящего времени не только на бытовое столовое серебро, но и на музейные предметы, в том числе и церковную утварь. Потемнение серебра происходит от содержащихся в атмосфере мельчайших частиц сернистых соединений, выделяющихся от работающих промышленных предприятий, заводов, традиционной растопки каминов углем и торфом в холодную сырую погоду, а также от загазованности, возникающей в результате интенсивного автомобильного движения. Хорошо известно, что нередко для очистки столового и церковного серебра использовались абразивные материалы, которые отрицательно влияли на сохранность предметов. Так, в инструкции 1680 г. по очистке предметов серебряной

утвари в Англиканском Карлайлском соборе сказано: «Тереть флагоны и чаши сверху вниз, а не крест-накрест. Блюда и тарели нужно тереть по окружности, а не поперек, ни в коем случае не использовать мел, песок или соль» [Silver, p. 29].

В 1880-х гг. представители английской фирмы «Elkington & Co» при изготовлении гальванокopий средневекового английского серебра в собраниях Московского Кремля и Эрмитажа¹⁸ отмечали, что в России музейные (исторические) предметы из серебра не чистили. Поэтому на поверхности изделий прекрасно сохранились тончайшие гравированные линии, богатейшая и разнообразная фактура чеканки, локальная полировка отдельных деталей. Такие результаты бережного отношения к музейным экспонатам, которые не подвергались чистке, англичане ставили в пример как положительный опыт, который приводит к хорошей сохранности поверхности предметов [Silver, p. 29]. В настоящее время при богослужении в храме Св. Варнавы используются копии русских серебряных литургических предметов¹⁹.

Ил. 10. Изображение Спаса Вседержителя на чаше потира 1658 г.
из вологодского Никольского монастыря на Валухе

¹⁸ Фирма «Elkington & Co» в 1884 г. изготовила гальванокopию серебряного винного холодильника из Эрмитажа для Музея Виктории и Альберта.

¹⁹ По особо торжественным поводам (как, например, на юбилейной службе в октябре 2019 г. по случаю 150-летия церкви) литургия совершается на подлинных сосудах XVII в. Сообщено в письме от 17 ноября 2020 г. пастором Кристофером Вудсом.

Сопоставление потира 1658 г. из вологодского Никольского монастыря на Валухе и двух аналогичных потиров из Музея-заповедника «Ростовский кремль»

Серебряный потир, вложенный в 1658 г. в вологодский Никольский монастырь, состоит из нескольких деталей, выполненных из раскованных молотом серебряных пластин (Ил. 1). Полусферическая чаша и стоян в виде короткой трубки, округлое слегка приплюснутое полое яблоко (рукоять) и высокий конусообразный поддон скреплены между собой серебряным припоем.

Схожая конструкция, иконография и техника гравированных изображений, идентичные по форме деталям и технике чеканного декора на потире 1658 г. из вологодского Никольского монастыря на Валухе, имеются на двух аналогичных серебряных потирах из Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» (далее – ГМЗРК). Первый потир вложен стольником и боярином, князем Темкиным-Ростовским в 1658–1659 гг. в Георгиевский Белогостицкий монастырь, расположенный близ Ростова²⁰ (Ил. 8). На втором потире, происходящем из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря²¹, надпись о времени и месте вклада отсутствует²² (Ил. 9).

Все три аналогичных предмета изготовлены в середине XVII в. одним или двумя мастерами (чеканщиком и гравером), поскольку полностью совпадают общая форма потиров, иконография и стиль священных изображений, форма отдельных деталей и чеканный узор, состоящий из чешуек и треугольников, гравированный растительный орнамент из трилистников на чаше. Идентична техника выколотки, используемая для изготовления деталей этих потиров. Имеется сходство гравированных священных изображений Деисуса и иных (Ил. 10, 11, 12), а также Голгофского креста в круглых медальонах диаметром 5,0 см. Схожи палеография надписей, а также все особенности и тончайшие нюансы техники изготовления этих серебряных предметов. На трех потирах гравированы четыре круглых медальона со священными изображениями, вплотную придвинутые кверху к венцу чаши, разделяющие пояски с резными литургическими надписями. Три медальона с Деисусом сгруппированы вместе, а четвертый – гравирован на противоположной стороне чаши.

Все высокие поддоны трех потиров украшены косыми, как бы «закручивающимися» по спирали чеканными выпуклыми ложками. В отличие от вологодского потира (Ил. 1) поддон потира 1658–1659 гг. более массивный, а косые выпуклые ложки «закручены» по часовой стрелке менее активно (Ил. 8). Еще менее активно изгибаются по направлению часовой стрелки выпуклые ложки третьего потира (Ил. 9), который выполнен в более стройных пропорциях, с более высоким и тонким поддоном в верхней части и с рукоятью-яблоком меньших размеров, чем на аналогичных сосудах. Форма полусферической чаши этого сосуда не такая глубокая, как на потирах 1658 и 1658–1659 гг. И еще одно отличие третьего потира от аналогичных – диаметр его чаши такой же, как и диаметр поддона, – 14,2 см.

Отдельные части всех трех аналогичных серебряных потиров выделены золочением. Позолочены внутренняя гладкая поверхность чаши и четыре круглых медальона

²⁰ Потир 1658–1659 гг. ГМЗРК. Инв. № ДМ-11. Серебро, выколотка, чеканка, гравировка, монтировка, золочение. Высота – 26,2 см. Диаметр чаши – 14,0 см. Диаметр поддона – 15,0 см. Размер изображений на чаше по внутренней окружности – 4,8 см, по внешней – 5,0 см. Вес – 489,3 г.

²¹ В музей серебряный потир поступил из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря в 1921 г. (сообщено хранителем ГМЗРК А. А. Печниковой).

²² Потир XVII в. ГМЗРК. Инв. № ДМ-12. Серебро, выколотка, чеканка, гравировка, монтировка, золочение. Высота – 25,2 см. Диаметр чаши – 14,2 см. Диаметр поддона – 14,2 см. Размер изображений на чаше по внутренней окружности – 4,8 см, по внешней – 5,0 см. Вес – 379,5 г.

с гравированными священными изображениями на лицевой поверхности чаши. На двух потирах (из Оксфорда и Авраамиева монастыря) золочением выделены пояски внизу поддона, три из шести выпуклых ложек на поддоне и округлое яблоко.

Между чашей и поддоном потиров припаян стоян в виде короткой гладкой трубки без золочения, а ниже – округлое, слегка сплющенное сверху и снизу полое яблоко, которое разделено гладкими узкими чеканными кантами на шесть сегментов, напоминающих дольки мандарина. Три сегмента этой детали декорированы рядами остроконечных чеканных треугольников, чередующихся с тремя сегментами, заполненными чешуйчатым чеканным орнаментом.

На потирах к полую яблоку внизу крепится высокий конусообразный чеканный поддон, с шестью выпуклыми косыми ложками, как бы «закрученными» по направлению часовой стрелки. Каждая из шести чеканных ложек обведена гладким узким кантом. Ложки на поддоне потира украшены таким же чеканным декором, как и яблоко. Этот узор, состоящий из мелких округлых чешуек, чередуется с узором из треугольников, чеканных плотными горизонтальными рядами на яблоке и на поддонах трех потиров. В свою очередь, отдельные гладкие чешуйки и треугольники на поддоне и яблоке потиров перемежаются с треугольниками и чешуйками, прочеканными фактурным чеканом с мельчайшей сетчатой разделкой с «боем» в форме овала (Ил. 13, 14).

Ил. 11. Изображение Спаса Вседержителя на чаше потира, вложенного князем Темкиным-Ростовским в ростовский Георгиевский Белогостицкий монастырь. 1658–1659 гг. (ГМЗРК)

Ил. 12. Изображение Спаса Вседержителя на чаше потира из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря XVII в. (ГМЗРК)

Чешуйчатая разделка напоминает деревянные чешуйчатые покрытия глав русских храмов, колоколен, крепостных башен и жилых построек. Подобный декор (лемех) в монастырских и церковных описях назывался «чешуя деревянная» или «тес с зубцами». Чешуйчатый узор на выпуклых ложках чередуется с узором, состоящим из рядов мелких остроконечных треугольников, который воспроизводит декор стен зданий – руст. Выпуклые ложки сужаются кверху и плавно расширяются книзу к краю поддона, заканчиваясь округлыми завершениями.

1. Внизу поддона потира 1658 г., происходящего из вологодского монастыря, гравировано: «ЛЕТА 7166 (1658) ГОДУ АПРЕЛЯ ВЪ 11 (ДЕ)[НЬ] ПОСТРОЕНЪ ПОТІ(Р) В ВОТЧИНУ ПРИЛУЦКАГО М[О]Н[А]СТ[Ы]РЯ К Ц[Е]РКВИ ВОСКР[Е]СЕНІЮ ХР[И] (С) ТОВУ И К НІКОЛЕ ЧЮДОТ/ВОРЦУ НА ВАЛУХУ» (Ил. 1). Буквы надписи гладкие и по контуру обведены тонкой резной линией, а фон заполнен плотной горизонтальной резной штриховкой. Начало и конец надписи разделены восьмилепестковой цветочной розеткой с округлыми лепестками. По венцу чаши потира на пояске гравирована литургическая надпись, которая разделяется кругами с Деисусом: «ТЕЛО Х[РИСТО]ВО ПРИМЕТЕ ИСТОЧНИКА / БЕСМЕ(Р)ТНАГО ВКУСИТЕ АЛЛИЛУІЯ». Эти слова произносит священник во время богослужения при причащении мирян, выходя из алтаря храма через Царские врата при выносе Святых Даров. Фон надписи заполнен горизонтальной плотной штриховкой. Между медальонами вверху гравирован растительный орнамент трав – парные стебли с трилистниками, вырастающими из одного ствола.

2. Внизу на поддоне потира 1658–1659 гг. (ГМЗРК) гравирован поясok с вкладной надписью: «ЛЕТА 7167 (Г[О]) (1658–1659) ГО(ДУ) ДА(Л) СІЕ СОСУДЫ В ДО(М) ПР[Е]Ч[ИС]ТЫЕ Б[О]ГОРОДИ[Ц]Ы БЕЛОГОСТИ(Н)СКО(И) М[О]Н[А]С[Т]ЫРЬ

ЧТО В РОСТОВЕ БОЯРИ(Н) КН[Я]ЗЬ МИХА(И)ЛА МИХА(И)ЛОВИЧЬ ТЕМКИ(Н) РОСТОВСКО(И)» (Ил. 8). Князь М. М. Темкин-Ростовский, который жил в своей вотчине недалеко от монастыря и был бездетным, много жертвовал обители на каменные строения и делал богатые вклады²³. В сентябре 1630 г. князь находился в Туле, где был первым воеводой большого полка, в 1633 г. назначен воеводой в Тобольск, а в 1641 г. – первым воеводой в Казань. С 1654 г. он принимал участие в войне с Речью Посполитой и в 1655 г. был во втором походе против литовского гетмана Я. Радзивилла. Супругой князя стала Мария Ивановна Измайлова, умер же он в октябре 1661 г., не оставив потомства [Русский биографический словарь, с. 463–465]. По венцу чаши потира, вложенного князем Темкиным-Ростовским в 1658–1659 гг., гравирована такая же литургическая надпись, как и на потире из вологодского Никольского монастыря 1658 г.: «ТЕЛО Х[РИСТО]ВО ПРИИМЕТЕ ИСТОЧНИКА / БЕСМЕРЪТНАГО ВКУСИТЕ АЛЛИЛУИЯ».

3. На серебряном потире XVII в. из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря (ГМЗРК) вкладная надпись на поддоне отсутствует. На месте надписи – гладкая золоченая кайма. По венцу чаши потира гравирован пояс с литургической надписью: «ПИИТЕ ОТ НЕЯ ВСИ СЕ ЕСТЬ КРОВЬ МОЯ НОВАГО ЗАВЕТА / ЯЖЕ ЗА ВЫ ЗА МНОГИ ИЗЛИВАЕМАЯ В ОСТА(В)ЛЕНИЕ ГРЕХО[В]» (Ил. 9). Она отличается от надписей на потирах 1658 и 1658–1659 гг. Схожие надписи гравированы на древнерусских потирах XIV в.²⁴, а также на потирах XVI–XVII вв. [Декоративно-прикладное искусство, с. 366–373; Игошев, с. 32] и на серебряных евхаристических чашах, сделанных в Новое время. Эта надпись является более краткой версией евхаристической молитвы: «Пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов», восходящей к текстам Евангелия (Мф 26: 26–29; Мк 14: 22–25; Лк 22: 15–20).

На трех аналогичных потирах на гладкой поверхности чаш гравированы поясные изображения Деисуса, помещенные в трех крупных кругах, плотно соединенных между собой. Тонкой линией вырезаны поясные фигуры Деисуса на гладком фоне. Это центральная фигура Спаса Вседержителя, а по сторонам – вполоборота Богоматерь и Иоанн Предтеча. Верхняя часть каждого медальона касается венца чаши с бортиком, накованным в виде узкого канта, толщина которого значительно больше, чем толщина стенок чаши. Благодаря такому приему чаши серебряных потиров производят впечатление массивных и тяжелых.

На чашах трех аналогичных потиров на гладком поле центрального медальона гравировано поясное изображение Спаса Вседержителя с крестчатым венцом, благословляющего правой рукой с двуперстием и с закрытым Евангелием в левой руке (Ил. 10, 11, 12). Здесь же имеются резные схожие по палеографии надписи: «ИС / ХС»; «Г[ОСПОД]Ь ВСЕ / ДЕ(Р)ЖИТ[Е](Л)Ь», на перекрестиях венца – «О / Г[О]Т / Н». Можно отметить редкую особенность иконографии Спаса Вседержителя на изображениях на чашах потиров – борода Иисуса Христа внизу раздвоена на парные завитки (Ил. 10, 12). Схожее изображение Спаса с бородой, раздвоенной на парные завитки, имеется на двух аналогичных ромбовидных средниках с окладов

²³ Известно, что в ярославский Спасский монастырь князь М. М. Темкин-Ростовский вложил две перламутровые чарки в серебряных оправках работы казанских мастеров первой половины XVII в., которые использовались для освящения антиминсов [Игошев, с. 32, 157].

²⁴ Например, на «потире архиепископа Моисея» 1329 г. (Государственные Музеи Московского Кремля. Инв. № ДК 17), на потире XIV в. (Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. Инв. № 144-ихо).

Ил. 13. Фрагмент поддона потира 1658 г. из вологодского Никольского монастыря на Валухе

Ил. 14. Фрагмент поддона потира, вложенного князем Темкиным-Ростовским в ростовский Георгиевский Белогостицкий монастырь. 1658–1659 гг. (ГМЗРК)

Евангелий, изготовленных этим же мастером в середине XVII в.²⁵, а также на лицевой стороне восьмиконечного напрестольного креста 1667 г.²⁶

На чашах потиров на гладком поле круглого медальона с изображением Богоматери «Знамение» гравировано: «М(ήτη)P / Θ(ε)ΟΥ», а на медальоне с резным изображением Иоанна Предтечи – «ИВА(Н) / ПРЕ(ДО)ТЕЧА». Одежды святых имеют характерную и редко встречающуюся особенность: складки широкие, дугообразные и состоят из нескольких плотных резных штрихов, многие основные линии рисунка дополнительно выделены частой штриховкой, состоящей из пересекающихся под прямым углом коротких штрихов.

На противоположной стороне поверхности гладких полусферических чаш этих потиров гравирован четвертый медальон с восьмиконечным Голгофским крестом на фоне несколько упрощенного и стилизованного изображения стены Иерусалима. По сторонам Голгофского креста тонкой линией вырезаны изображения копья и трости с губкой, которые расположены под острым углом по отношению к стволу креста. Крест утвержден на Голгофе в виде нескольких округлых холмов с пещерой ромбовидной формы, внутри которой видна голова Адама. В отличие от аналогичных изображений на двух потирах 1658 г. (из Оксфорда) и 1658–1659 гг. (ГМЗРК), на третьем потире из Авраамиева монастыря (ГМЗРК) Голгофа изображена ступенчатой.

Аналогичный потир 1659 г., происходящий из тверского Желтикова монастыря

В Государственном Историческом музее сохранился еще один серебряный потир, выполненный этим же мастером в 1659 г.²⁷, вложенный священником Антипой Филимоновым [Матисон, с. 122, 130] в тверской Желтиков Успенский монастырь, который был основан св. Арсением, епископом Тверским в 1394 г. [Строев, стб. 456] (Ил. 15). Этот предмет является полной аналогией потирам 1658 г. (из Оксфорда), 1658–1659 гг. (ГМЗРК) и потиру из Авраамиева монастыря (ГМЗРК). На поддоне потира, украшенного чеканными косыми ложками счешуйчатый и сетчатый узор из треугольников, гравирована надпись: «ЛЕТА (7) 167 (1659) (Г[О]) ИЮЛЯ ВЪ 20 (ДЕ[НЬ]) ДА(Л) СИЕ СОСУДЫ С МОСКВЫ В(В)ЕДЕ(Н)СКА(И) ПО(П) А(Н)ТИПА ВО (Т)ВЕ(Р) В ЖЕ(Л)ТИКО(В) М[О]Н[А](С)Т[Ы]РЬ К А(Р)СЕНИЮ ЧУДО(Т)ВО(Р)ЦУ ПО СВОИХЪ РОДИТЕЛЕ(Х)». Надписи с буквами расположены свободно и отличаются от плотной вязи, характерной для московских серебряных предметов. По венцу чаши потира гравировано: «ТЕЛО Х[РИ]С[ТО]ВО ПРИМЕТЕ ИСТОЧНИКА / БЕСМЕРЬТНАГО ВКУСИТЕ АЛ(Л)ИЛУ(И)А».

Все надписи на исследуемых предметах – потире и тарелях 1658 г. (из Оксфорда), на двух потирах (ГМЗРК) и потире 1659 г. (ГИМ) – имеют схожую палеографию. На четырех

²⁵ Средник оклада Евангелия с гравированными изображениями Спаса Вседержителя с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей, Саваофа и двух светил. ГМЗРК. Инв. № ДМ-47/1. Серебро, гравировка, золочение. 15,5 × 13,6 см. Средник оклада Евангелия с гравированными изображениями Спаса Вседержителя с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей на фоне палат. ГМЗРК. Инв. № ДМ-46/1. Серебро, гравировка, золочение. 15,6 × 13,9 см.

²⁶ Крест напрестольный 1667 г. ГМЗРК. Инв. № ДМ-149. Происходит из церкви Спаса на Сенях Ростовского Архиерейского дома. Серебро, чеканка, гравировка, золочение, монтировка. 33,5 × 17,0 см. На оборотной стороне креста на рукояти гравирована надпись: «ЛЕТА 7/175 (1667) Г[О]ДУ М[ЕСЯ]ЦА МАИ/Я 1 Д[Е]НЬ ПО/ЛОЖЕ(Н) КРЕ/СТЪ НА ПР[Е](С)ТО(Л) / ВСЕМИЛО(С)ТИ/ВО(МУ) СПАСУ НА (ДО)М/ОВО(М) ДВОРЕ / В РОСТОВЕ».

²⁷ Потир 1659 г. ГИМ. ОК 6895. Инв. № 1542 III. Серебро, выколотка, чеканка, гравировка, монтировка, золочение. Высота – 23,8 см. Диаметр поддона – 14,4 см. Авторы сердечно благодарят сотрудника ГИМ Г. М. Крюк за предоставленную возможность изучить памятник.

аналогичных потирах гравированные изображения Деисуса и Голгофского креста схожи по иконографии и обладают идентичными технико-технологическими особенностями.

Выявленная группа из четырех потиров имеет типологические отличия от серебряных потиров, которые в середине XVII в. делали московские, новгородские, псковские, ярославские и нижегородские мастера. Иконография, стиль и технико-технологические особенности изготовления исследуемых предметов литургической утвари аналогичны целому ряду серебряных предметов, выполненных серебряниками, которые работали по заказам или в мастерской Ионы (Сысоевича), который 15 августа 1652 г. патриархом Никоном был поставлен митрополитом Ростовским и Ярославским. Владыка Иона был активным строителем многочисленных храмов и монастырей в своей епархии и прилагал много усилий для придания им благолепия [Вахрина]. Особенно он прославился созданием гармонично подобранных и выверенных ростовских звонов и литьем колоколов. Начиная с 1664 г. в Ростове под руководством митрополита Ионы возводится обширный ансамбль митрополичьего двора – знаменитый Ростовский кремль [Мельник].

По указанию митрополита Ионы многие строения украшались росписью, иконами, а ризницы заполнялись драгоценной церковной утварью. В мастерской владыки создавались замечательные высокохудожественные произведения церковного искусства, которые вкладывались не только в церкви и монастыри Ростова, но и в храмы других городов.

Монашество Иона принял в Воскресенском монастыре в Угличе, поэтому в этот монастырь он послал роскошный серебряный золоченый чеканный напрестольный крест, сохранившийся в Угличском музее²⁸. На его обороте, на рукояти в киотце с килевидным верхом, гравирована надпись: «ЛЕТА 7184 (1676) / ИЮНЯ ВЪ 30 ДЕН(Ь) / ПОСТРОИЛЪ СЕИ / БЛ[А]ГОСЛОВЯЩИЙ / КРЕ(С)ТЪ ПРЕОСВЯЩЕ/ННЫЙ ИОНА МИ/ТРОПОЛИТЪ РО/СТОВСКИЙ И ЯРОСЛАВСКИЙ / СЕРЕБРЯНОЙ И / ВЫЗОЛОЧЕНЪ / ЧЕКАНОЙ / НА ОУГЛЕЧЪ В / ВОСКРЕСЕНЪС/КОЙ М[О]Н[А](С)Т[Ы]РЬ». В мастерской митрополита Ионы в 1660–1670-е гг. изготовлены и другие предметы церковной утвари, которые нуждаются в исследовании и атрибуции.

В выполнении заказов митрополита по изготовлению церковной утвари, вероятно, активное участие принимали посадские ювелиры. Имена ростовских серебряников, работавших во второй половине XVII в. в Ростове, отмечены в письменных источниках. Среди них назван Карп Третьяков сын Тишкин – «делает серебряное дело», который имел двор в Десятинной сотне; двор другого серебряника, Елисея Филипова, был в Горицкой сотне около храма Симеона Столпника; серебряник Василий Семенов имел двор во Всесвятской десятне рядом с храмом Святых отцов, а серебряник Григорий Алексеев «из Ярославля из-за Спасского монастыря, по сыску взят в посад и дан на жилецкую поруку»²⁹. Вкладная надпись на потире 1659 г. (ГИМ) свидетельствует, что мастера, изготовившие евхаристические сосуды для тверского Желтикова монастыря, выполняли также заказы москвичей.

Исследуемые предметы отличаются от изделий, сделанных в крупнейших древнерусских центрах. Формы и характер декора этих аналогичных серебряных потиров выделяются среди близких по времени изготовления потиров «московского», «новгородского», «ярославского» и «нижегородского» типа [Игошев, с. 381–403]. Серебряный потир 1658 г. из Оксфорда (Ил. 1), так же как и два потира из ГМЗРК (Ил. 8, 9) и потир 1659 г. из ГИМ (Ил.

²⁸ Крест напрестольный. 1676 г. Ростов. Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № 118. Серебро, дерево, чеканка, гравировка, золочение, монтировка.

²⁹ Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII в. // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. Приложения. С. 5–79.

15), сделаны в одной мастерской. Одновременно с потиром этими же мастерами изготовлены сохранившиеся в оксфордском храме две серебряные дорные тарели (Ил. 2, 3, 5, 6). По нашему мнению, вкладчицей литургических серебряных сосудов в 1658 г. в обитель могла быть одна из насельниц Никольского монастыря на Валухе. Возможно, ее имя значится в списке вкладчиц, стариц и белиц этой обители.

В результате проведенной работы в научный оборот впервые введены серебряные сосуды для Евхаристии, изготовленные в середине XVII столетия. На основании комплексного исследования предметов из церкви Оксфорда и аналогичных серебряных потиров из собрания Музея-заповедника «Ростовский кремль» и Государственного Исторического музея можно предположить, что все эти произведения выполнены в одной мастерской ростовскими серебряниками – мастерами чеканного и резного (граверного) дела.

Ил. 15. Серебряный потир из тверского Успенского Желтикова монастыря. 1659 г. (ГИМ)

Приложение

СПИСОК ИМЕН НАСЕЛЬНИЦ НИКОЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ НА ВАЛУХЕ

Никольский монастырь на Валухе. Спасо-Прилуцкий монастырь, 1653 г., июнь.

(Л. 1) 161-го году июня в...³⁰ день Прилуцкого монастыря по приказу государя архимарита Серапиона и государя келаря старца Селиверстра яж о Христе и з братьею, переписаны в Никольском девиче монастыре старицы и белицы, вкладчицы и некладчицы, и хто из них в монастырских кельях живут или в своих купленных и поставленья. В келье вкладчица белица Маремьяна Чашниковская, келья де она поставила на свои денги. У нея, Маремьяны, три подворницы некладчицы, старицы: старица Улия, старица Анисья, старица Улия ж. В келье вкладчица белица Дарья Борисовская, а келья под нею монастырская, куплена монастырскими казенными денгами у слуги, у Максима Кудрявцова, в нынешнем во 161-м году. В келье некладчица, Никольская просфирня старица Парасковья, живет в своей келье купленной. В келье две вкладчицы, старица Еупраксия Жиряковская да старица Домника, келья монастырская. В келье вкладчица Фекла, келья де свое поставление, на подворье сестра ея, белица Федосья, некладчица. // (Л. 2) В келье старица Дарья Наугородова вкладчица, келья свое поставление, подворница некладчица старица Ираида. В келье вкладчица старица Ульянея Опраксина, келья де строение отца ея, черного священника Ионы Опраксина, монастырская³¹. В полукелье вкладчица старица Варсонофья, а в другой в полукелье некладчица старица Агафия Корыткова, келья у них своя. Полкелье купила вкладчице, дала 2 рубли³². Келья пуста некладчицы покойной старицы Киликеи Ярыгинской, по духовной памяти приказана продать слуге Мирону Никитину, отдать по душе, куплена в монастырь³³. В келье две вкладчицы, старица Катерина да старица Феодора, келья у них³⁴ м(онастырская). В келье вкладчица белица Соболя Бохтюских, келья свое поставление. В келье некладчица старица Улия Юшкова, живет в своем поставление. В келье вкладчица старица Марина Япанешница, келья свое поставление. // (Л. 3) Келья бобыля Ортюшки Патракиева, оценить из казны, дать денег³⁵. В келье Пашка Квасовар, а келья м(онастырская). Старец Ир Шестаковской. В келье Ермолка Горбун, а келья де тетки ево, вкладчицы старицы Натальи Гордиевской, отказана ему, Ермолке, по духовной памяти. (В келье) вкладчица белица, вдовая Мироносицкая поподья Мавра, подворница у нея некладчица старица Маремьяна Комелиха, двор свое поставление. (В келье) вкладчица белица Василиса Титовская жена Болтюзского. (В келье) вкладчица белица Марья Алексеевская жена Лежня³⁶.

Пять келей монастырских, а стариц вкладчиц 9 человек, да белиц вкладчиц 6 человек, да стариц некладчиц 7³⁷ человек, осмая³⁸ белица. И всех вкладчиц, стариц и белиц, 15 человек, да некладчиц, стариц да белиц 8³⁹ человек. И всех вкладчиц, стариц и белиц, и некладчиц 23⁴⁰ человека.

³⁰ В рукописи пропущено число.

³¹ Слово монастырская вписано над строкой другими чернилами. Внесенная в документ правка сделана, по-видимому, разными почерками, отличающимися от почерка писца основного текста документа.

³² Слова Полкелье купила вкладчице, дала 2 рубли вписаны между строк.

³³ Слова куплена в монастырь вписаны между строк.

³⁴ Далее зачеркнуто: свое поставление.

³⁵ Слова Келья бобыля Ортюшки Патракиева, оценить из казны, дать денег вписаны между строк на сставе л. 2–3. Последнее слово написано неразборчиво.

³⁶ Далее текст написан другой рукой более светлыми коричневыми чернилами. Карандашом внесены исправления, сделанные в XIX в. при подготовке документа к изданию.

³⁷ Карандашом исправлено арабской цифрой из буквенной на: 8.

³⁸ Карандашом вписано над строкой: девятая.

³⁹ Карандашом исправлено арабской цифрой из буквенной цифры на: 9.

⁴⁰ Карандашом исправлено на: 24.

Пометы на л. 1 об. сделаны разными руками XIX в.: 1) «Напеч(атано). Спис. 1653. Перепись Никольскаго девичья м(онастыря), сколько в нем стариц и белиц, вкладчиц и некладчиц»; 2) Три раза повторена цифра «46» (вероятно, старый номер документа). На всех листах имеются также пометы карандашом, сделанные в XIX в. при подсчете имевшихся в монастыре келий и их насельниц.

Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260 (Коллекция столбцов XV–XVII вв.). Оп. 2. Д. 1150. Л. 1–3 (нерасклеенный свиток).

Изд. (с ошибками и пропусками): [Суворов, с. 58–60].

Литература

- Вахрина В. И. Иона (Сысоевич), митр. // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 467–471.
- Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XVI–XVII вв. / Ред.-сост. И. А. Стерлигова; Отв. ред. Л. И. Лифшиц. М., 2008. 912 с.
- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи (с библиографическим указателем). СПб., 1897. Кн. 3. I, [1], 259 с.
- Игошев В. В. Драгоценная церковная утварь XVI–XVII веков: Великий Новгород. Ярославль. Сольвычегодск. М., 2009. 728 с.
- История православных храмов и монастырей Вологды. Вологда, 2014. 208 с.
- Красавченко Т. Н. Путешествие Льюиса Кэрролла в Россию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2019. № 1. С. 81–86.
- Макарий (Булгаков), митроп. Московский и Коломенский. История Русской церкви. М., 1995. Кн. 3. 702, [1] с., [16] л. ил.
- Матисон А. В. Писцовые книги как источник изучения состава вкладчиков городских храмов второй половины XVII в. (на примере города Твери) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 1. С. 117–135.
- Мельник А. Г. Ростовский митрополит Иона (1652–1690) как творец сакральных пространств // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 740–753.
- Муромцев И. Н. Церковь Николая Чудотворца на Валухе // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 2. С. 186–190.
- Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1912. Т. 20. [2], 600 с.
- Савваитов П. И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. 4-е изд. Вологда, 1914. 76 с.
- Стецкевич М. С. Новейшие исследования по истории Оксфордского движения // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19 (2). С. 171–191.
- Стецкевич М. С., Поляков Н. С. Отечественная историография викторианской религиозности: долгий путь становления // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 96–104. DOI 10.30853/manuscript.2019.10.18
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб., 1 л. факс.
- Суворов Н. И. Новое церковно-историческое открытие: неизвестный составителям «Истории Российской Иерархии» Николаевский женский монастырь, бывший близ Спасо-Прилуцкого монастыря в XVII столетии // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1865. № 2. С. 54–60.
- Федотов С. П. История взаимоотношений РПЦ и Оксфордского движения Англиканской церкви в первой половине XIX в. // Научное мнение. 2015. № 11/4. С. 73–76.
- Федотов С. П. Роль богословов Оксфордского университета в истории развития отношений Русской православной и Англиканской церквей в XVIII–XIX вв. // История: факты и символы. 2017. № 1 (10). С. 81–87.
- Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. 575 с.
- Buser T. Religious Art in the Nineteenth Century in Europe and America. New York, 2002. 563 p.
- Clifford H. M. A Treasured Inheritance. 600 Years of Oxford College Silver. Oxford, 2004. 167 p.
- Coates G. Thomas and Martha Combe: A Case Study in Patronage. Thesis. Oxford, 2003. 182 p.
- Davies M. Lewis Carroll's Adventures in Russia // TLS Online [Электронный ресурс]. 04.07.2018. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/lewis-carrolls-adventures-russia/> (дата обращения: 14.10.2020).
- Evans J. Th. The Church Plate of Oxfordshire. Oxford, 1928. 223 p., 30 plates.

- Foster J. The Peerage, Baronetage and Knightage of the British Empire for 1882. Westminster, 1882. Vol. 1. 1678 p.
- Foster J. Alumni Oxonienses. The Members of the University of Oxford, 1715–1886: Their Parentage, Birthplace, and Year of Birth, with a Record of Their Degrees. Oxford, 1891. Vol. 3. 805–1244 p.
- Heathcote W. Jericho and the Pre-Raphaelites [Электронный ресурс]. URL: https://www.jerichowharf.com/images/documents/PRB_ESSAY_HEATHCOTE_WILLIAMS.pdf (дата обращения: 14.10.2020).
- Hughes C. Combe Thomas // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 12. P. 850–852.
- Parpulov G. Sacred Faces: Icons in Oxford. An Exhibition at Christ Church Picture Gallery, 25 August – 22 December 2010. Oxford, 2010. 8 p.
- Silver. The Victoria and Albert Museum / Ed. by Philippa Glanville. London, 1996. 143 p.
- Stapleton B. J. An Inventory of the Church Plate in the Deanery of Oxford with Descriptive Notes. Banbury, 1896. (Transactions and Papers of the Oxfordshire Archaeological Society. No. 34). 44 p., 4 plates.
- Whitlock R. St. Barnabas, Oxford. A Short History and Guide. Oxford, 2008. 16 p.

References

- Buser, T. Religious Art in the Nineteenth Century in Europe and America. New York, 2002. 563 p.
- Cherkasova, M. S. Arkhivy vologodskikh monastirei i tserkvei XV–XVII vv.: issledovanie i opyt rekonstruktsii [Archives of Vologda Monasteries and Churches of the 15th – 17th Centuries: Research and Attempt of Reconstruction]. Vologda, 2012. 575 p.
- Clifford, H. M. A Treasured Inheritance. 600 Years of Oxford College Silver. Oxford, 2004. 167 p.
- Coates, G. Thomas and Martha Combe: A Case Study in Patronage. Thesis. Oxford, 2003. 182 p.
- Davies, M. Lewis Carroll's Adventures in Russia. In *TLS Online* [Electronic resource]. 04.07.2018. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/lewis-carrolls-adventures-russia/> (accessed October 14, 2020).
- Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. Khudozhestvennyi metall XVI–XVII vv. [Decorative and Applied Art of Veliky Novgorod. Artistic Metalwork of the 16th – 17th Centuries]. Eds. I. A. Sterligova, L. I. Lifshits. Moscow, 2008. 912 p.
- Evans, J. Th. The Church Plate of Oxfordshire. Oxford, 1928. 223 p., 30 plates.
- Fedotov, S. P. Istoriya vzaimootnoshenii RPTs i Oksfordskogo dvizheniya Anglikanskoi tserkvi v pervoi polovine XIX v. [The History of Relationships of the Russian Orthodox Church and the Oxford Movement of the Anglican Church in the First Half of the 19th Century]. In *Nauchnoe mnenie*. 2015. No. 11/4. Pp. 73–76.
- Fedotov, S. P. Rol' bogoslovov Oksfordskogo universiteta v istorii razvitiya otnoshenii Russkoi pravoslavnoi i Anglikanskoi tserkvei v XVIII–XIX vv. [The Role of Theologians from the Oxford University in the History of Evolution of Relations between the Russian Orthodox and the Anglican Churches in the 18th – 19th Centuries]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. 2017. No. 1 (10). Pp. 81–87.
- Foster, J. The Peerage, Baronetage and Knightage of the British Empire for 1882. Westminster, 1882. Vol. 1. 1678 p.
- Foster, J. Alumni Oxonienses. The Members of the University of Oxford, 1715–1886: Their Parentage, Birthplace, and Year of Birth, with a Record of Their Degrees. Oxford, 1891. Vol. 3. 805–1244 p.
- Heathcote, W. Jericho and the Pre-Raphaelites [Electronic resource]. URL: https://www.jerichowharf.com/images/documents/PRB_ESSAY_HEATHCOTE_WILLIAMS.pdf (accessed October 14, 2020).
- Hughes, C. Combe Thomas. In *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford, 2004. Vol. 12. Pp. 850–852.
- Igoshev, V. V. Dragotsennaya tserkovnaya utvar' XVI–XVII vekov: Velikii Novgorod. Yaroslavl'. Sol'vychevodsk [Church Utensils of Precious Metal of the 16th – 17th Centuries: Veliky Novgorod, Yaroslavl', Solvychevodsk]. Moscow, 2009. 728 p.
- Istoriya pravoslavnykh khramov i monastirei Vologdy [History of Orthodox Churches and Monasteries in Vologda]. Vologda, 2014. 208 p.
- Krasavchenko, T. N. Puteshestvie L'yuisa Kerrolla v Rossiyu [Lewis Carroll's Journey to Russia]. In *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7. Literaturovedenie*. 2019. No. 1. Pp. 81–86.
- Makarii (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna. Istoriya Russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow, 1995. Book 3. 702, [1] p., [16] l. of il.
- Matison, A. V. Pistsovye knigi kak istochnik izucheniya sostava vkladchikov gorodskikh khramov vtoroi poloviny XVII v. (na primere goroda Tveri) [Scribal Books as a Source for Research on the Group of Donators of the Urban Churches in the Second Half of the 17th Century]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2015. No. 1. Pp. 117–135.

- Mel'nik, A. G. Rostovskii mitropolit Iona (1652–1690) kak tvorets sakral'nykh prostranstv [Metropolitan Jonah of Rostov (1652–1690) as a Creator of Sacred Spaces]. In *Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi*. Moscow, 2006. Pp. 740–753.
- Muromtsev, I. N. Tserkov' Nikolaya Chudotvortsia na Valukhe [Church of Saint Nicolas the Wonderworker on Valukha]. In *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 1848. No. 2. Pp. 186–190.
- Parpulov, G. Sacred Faces: Icons in Oxford. An Exhibition at Christ Church Picture Gallery, 25 August – 22 December 2010. Oxford, 2010. 8 p.
- Russkii biograficheskii slovar' [Russian Biographical Dictionary]. Published under supervision A. A. Polovtsov. Saint Petersburg, 1912. Vol. 20. [2], 600 p.
- Savvaitov, P. I. Opisanie Vologodskogo Spaso-Prilutskogo monastyrya [Description of Spaso-Prilutsky Monastery in Vologda]. 4th ed. Vologda, 1914. 76 p.
- Silver. The Victoria and Albert Museum. Ed. by Philippa Glanville. London, 1996. 143 p.
- Stapleton, B. J. An Inventory of the Church Plate in the Deanery of Oxford with Descriptive Notes. Banbury, 1896. (Transactions and Papers of the Oxfordshire Archaeological Society. No. 34). 44 p., 4 plates.
- Stetskevich, M. S. Noveishie issledovaniya po istorii Oksfordskogo dvizheniya [The Recent Studies on the History of the Oxford Movement]. In *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*. 2019. No. 19 (2). Pp. 171–191.
- Stetskevich, M. S., Polyakov, N. S. Otechestvennaya istoriografiya viktorianskoi religioznosti: dolgii put' stanovleniya [Domestic Historiography of Victorian Religiosity: A Long Path of Development]. In *Manuskript*. 2019. Vol. 12. Issue 10. Pp. 96–104. DOI 10.30853/manuskript.2019.10.18
- Stroev, P. M. Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei Rossiiskoi Tserkvi [Lists of Church Hierarchs and Abbots of the Monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg, 1877. X p., 1064, 68 col., 1 facs. plate.
- Suvorov, N. I. Novoe tserkovno-istoricheskoe otkrytie: neizvestnyi sostavitelyam "Istorii Rossiiskoi Ierarkhii" Nikolaevskii zhenskii monastyr', byvshii bliz Spaso-Prilutskogo monastyrya v XVII stoletii [A New Discovery in Church History: Saint Nicolas Nunnery near Spaso-Prilutsky Monastery, Unknown to the Compilers of the "History of Russian Church Hierarchy", in the 17th Century]. In *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 1865. No. 2. Pp. 54–57.
- Vakhrina, V. I. Iona (Sysoevich), mitr. [Iona (Sysoevich), Metropolitan]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2010. Vol. 25. Pp. 467–471.
- Whitlock, R. St. Barnabas, Oxford. A Short History and Guide. Oxford, 2008. 16 p.
- Zverinskii, V. V. Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh Rossiiskoi imperii (s bibliograficheskim ukazatelem) [Material for Historical and Topographic Research of Orthodox Monasteries in the Russian Empire (with a Bibliographic Index)]. Saint Petersburg, 1897. Book 3. I, [1], 259 p.

Valeriy V. Igoshev

State Research Institute for Restoration, Moscow, Russia

Vera G. Tchentsova

UMR 8167 Orient et Méditerranée / Monde byzantin, Paris, France

ROSTOV SILVERSMITHS AND LITURGICAL UTENSILS FROM VOLOGDA IN ONE OF THE OXFORD CHURCHES

The article proposes the first all-comprehensive study of a set of silver Eucharistic vessels, bequeathed in 1658 to St. Nicholas Monastery on Valukh in Vologda Region, later transferred to St. Barnabas Church in Oxford. These liturgical utensils were compared to remarkably similar artefacts, identified in various museum collections of Russia, and provided with an extensive analysis of their typological characteristics, style, iconography, inscriptions, technical and technological particularities. This study permitted to conclude that they were made by masters of chasing and engraving working in Rostov and thus augment our knowledge about one of the previously unknown Russian silver workshops.

Keywords: *liturgical utensils, Eucharistic vessels, chalice, Rostov silversmiths, Vologda St. Nicholas Monastery on Valukh, Spaso-Prilutsky Monastery*

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930.2 ББК 63.2 DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.013

В. Г. Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Varvara_Vovina@mail.ru

СТО ЛЕТ ПОСЛЕ ШАХМАТОВА

(О книге В. Ю. Аристова «Алексей Шахматов и раннее летописание»)

Почтим же мы любовью нежной
до нас свершивших оный путь...

П. А. Вяземский

В статье предпринят критический разбор книги В. Ю. Аристова «Алексей Шахматов и раннее летописание» (Киев, 2018). Показано, что выводы об особенностях А. А. Шахматова-ученого строятся на материале работ только по раннему летописанию; источниковая база работы недостаточна, а критика использованных источников отсутствует; автор нацелен исключительно на поиск слабых мест в работах А. А. Шахматова; не учитывается лингвистическая школа ученого; А. А. Шахматов бездоказательно обвиняется в присвоении идей предшественников; все последующие специалисты по летописанию обвиняются в создании «культа Шахматова»; в книге присутствуют недопустимые с этической точки зрения высказывания в адрес самого А. А. Шахматова и его продолжателей.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, В. Ю. Аристов, историография летописания, СПбФ АРАН, Повесть временных лет, Нестор

Вышедшая недавно книга В. Ю. Аристова «Алексей Шахматов и раннее летописание», как следует уже из названия, призвана совместить два историографических подхода, принятых в работах по историографии: исследовать творчество ученого и проанализировать труды по определенной научной теме [Аристов]. Книга вышла в 2018 г. в Киеве в издательстве Laugus. Она состоит из трех глав и четырех приложений. В гл. 1 автор исследует историографический контекст работ А. А. Шахматова. Гл. 2 посвящена разбору, как пишет автор, «ключевых идей» А. А. Шахматова, среди которых наибольшее внимание уделено древнейшим сводам, редакциям Повести временных лет (далее – ПВЛ), соотношению ее с новгородским летописанием, вопросу о Несторе-летописце. В последней главе В. Ю. Аристов анализирует шахматовскую традицию в историографии древнейшего летописания. В приложениях воспроизведено несколько черновых набросков, извлеченных автором книги из фонда А. А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее – СПбФ АРАН), дана схема, показывающая, как взгляды А. А. Шахматова отразились в последующих трудах по летописанию, а также

таблица, озаглавленная «Основные гипотезы по истории раннего летописания по взглядам А. А. Шахматова».

Академик А. А. Шахматов был лингвистом и исследователем русского летописания, перечень литературы о нем занял бы не одну страницу. Он не являлся историком, но, обратившись еще в юности к летописям, решил распутать сложный клубок их переплетавшихся текстов. В наиболее известных работах А. А. Шахматов применил метод последовательного сравнения сохранившихся летописей и выявления системы их общих гипотетических протографов. Многие планы не были выполнены из-за ранней смерти ученого (А. А. Шахматов умер в 1920 г. в Петрограде), ряд гипотез он только наметил и не успел тщательно аргументировать. Тем не менее, в некоторых случаях более обоснованно, в других приблизительно, он нашел место всем летописным текстам, известным в его время, в отношении друг друга. Именно по этой причине последующие специалисты по летописанию обычно начинали с рассмотрения точки зрения А. А. Шахматова и, оценив его аргументы, или соглашались с ним, или же предлагали уточнения, а зачастую шахматовские построения отвергались, и определенные звенья схемы оказывались удаленными, причем речь идет о таких звеньях, которые А. А. Шахматовым оценивались как важные. Так был удален Владимирский Полихрон, так по сути никто, кроме М. Д. Приселкова, не принимал его Древнейший киевский и Древнейший новгородский своды и т. д. Наиболее известные споры, ведущиеся уже много лет и еще не оконченные: относительно существования и природы так называемого Новгородско-Софийского свода и связанных с ним летописей, Начального свода (далее – Нсв) и третьей редакции ПВЛ. Разумеется, речь идет о спорах между специалистами по летописанию [Вовина-Лебедева, 2019]¹. Неоднократно предпринимались и критические выступления против работ А. А. Шахматова в целом, как при его жизни, так и после смерти, например, М. Н. Тихомировым, книга которого осталась неопубликованной, и его учеником А. Г. Кузьминым [Вовина-Лебедева, 2011, с. 853–864]. С другой стороны, из-за сложности работы с летописанием часто возникал соблазн пользоваться выводами, сделанными А. А. Шахматовым и другими исследователями, не входя в тонкости их анализа. Но текстология не всегда может дать однозначные ответы, пригодные для исторических построений. К тому же А. А. Шахматов часто менял гипотезы, предлагая новые, оставляя в стороне старые, не всегда давая объяснения, его мысль постоянно работала, и он не задумывался о том, как потомки будут разбираться в его трудах.

В. Ю. Аристов – ученик А. П. Толочко, который критически высказывался о А. А. Шахматове и его последователях [Толочко]. По поводу книги ученика уже было отмечено, что в ней возрождены основные моменты критики в адрес А. А. Шахматова, сформулированные еще в начале XX в. [Конявская, с. 27–28]. Я постараюсь предпринять более подробный разбор этой монографии. Страницы, посвященные историографической ситуации в некоторых странах Европы, как эпохи А. А. Шахматова, так и предшествующего времени, могли бы быть полезны специалистам, в особенности те, где речь идет о родстве подходов к гипотезам и реконструкциям утраченных текстов у А. А. Шахматова и некоторых его современников, например у Фридриха Курце и Войчеха Кентшиньского (С. 108–113)². В. Ю. Аристов также сделал много наблюдений над трудами предшественников А. А. Шахматова. Им удачно подмечены некоторые черты А. А. Шахматова-исследователя. В целом, В. Ю. Аристов продемонстрировал большие способности в области историографии и истории науки. Многие выводы книги согласуются с тем, что уже было отмечено в литературе, в частности то, что А. А. Шахматов часто не учитывал работ предшественников, на что ему указывали некоторые современники, например В. М. Истрин [Вовина-Лебедева, 2011, с. 279–282].

¹ В указанной статье отчасти приведена последняя литература, в том числе работы Т. Л. Вилкул, А. А. Гиппиус и др.

² Здесь и далее в круглых скобках указываются страницы книги В. Ю. Аристова.

Известно также, что А. А. Шахматов был склонен трактовать противоречия летописного текста всегда как следы вставок, дающие возможность расслаивать текст [Вовина-Лебедева, 2016]. Таким образом, В. Ю. Аристов, хотя не первым обнаружил некоторые особенности научного творчества А. А. Шахматова, собрал дополнительный материал. Он относит А. А. Шахматова не к логическому, рациональному течению в историографии, которое называет «скептическим», а к тому, которое склонно к построению гипотез и предположений в дополнение к «твердым данным». Тут с ним во многом также можно согласиться, хотя некоторые гипотезы А. А. Шахматова потом подтвердились, известен хрестоматийный пример с Московским сводом конца XV в., существование которого он сначала предположил, анализируя ряд более поздних летописей, а потом обнаружился его отдельный список.

Отметим предпринятое В. Ю. Аристовым сравнение подходов, которыми руководствовался А. А. Шахматов на протяжении длительного времени, в частности в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» и в позднейшем издании ПВЛ, как и страницы, где рассмотрены зарождение и эволюция концепции Нестора как автора ПВЛ, а также гипотезы о Нсв, лежавшем в основе ПВЛ и Новгородской I летописи Младшей редакции (далее – Н1 (у Аристова – НПЛм)). Большой материал В. Ю. Аристов собрал об отношении к авторству Нестора предшественников А. А. Шахматова, хотя странно, что он не разбирает в этой связи позицию С. А. Бугославского, ведь последний, несмотря на то, что принадлежал к кругу почитателей последнего и публиковался в его журнале, как раз считал, что Нестор не мог написать ПВЛ [Бугославский]. Наконец, представляет интерес предложенная Аристовым новая периодизация творчества А. А. Шахматова, переломным моментом которого он считает конец 1890-х гг., правда, следует учитывать, что 1890-е гг. – это самое начало серьезных занятий А. А. Шахматова летописями.

Но, к сожалению, приходится признать, что талант автора книги был направлен на ложную цель. В. Ю. Аристов потратил основные силы на поиск слабых мест в работах А. А. Шахматова, не показывая никаких его достижений. Это нельзя назвать незаинтересованным поиском истины. Я сгруппировала соображения по этому поводу в несколько пунктов и, излагая их, постараюсь показать особенности книги В. Ю. Аристова.

1) Первое возражение связано с самой темой: А. А. Шахматов и раннее летописание. Поскольку А. А. Шахматов занимался не только древнейшими летописями, некорректно вырывать один аспект его научного творчества, отделять от остальных и при этом делать выводы о А. А. Шахматове как исследователе в целом. Задача на привлеченном материале невыполнима, так как неверно поставлена. Многие уже писали о том, что именно на материале более позднем (XIV–XV вв.), где сохранилось значительное число текстов для сравнения, выводы А. А. Шахматова обладают наибольшей устойчивостью. Лучшее об этом написал Я. С. Лурье [Лурье], посвятивший шахматовскому методу и общим принципам источниковедения серию статей [Вовина-Лебедева, Панях], на которые В. Ю. Аристов не ссылается (за одним исключением), и мы к этому еще вернемся. Можно согласиться с В. Ю. Аристовым в том, что А. А. Шахматов считал для самого себя важным исследовать именно древнейшее летописание [Вовина-Лебедева, 2011, с. 195–196]. Но исследователи творчества ученого должны исходить из других соображений. Тезис о том, что древнейшее летописание «было и остается» «наиболее привлекательным для ученых», поскольку в нем находится «искушающая загадка» и «идол начала» (С. 9), конечно, не довод с научной точки зрения.

На этом можно было бы закончить критику книги, поскольку сказанное подрывает остальные выводы ее автора. Но, следуя задаче дать более подробный разбор, насколько позволяют рамки статьи, перейдем к другим пунктам возражений.

2) В. Ю. Аристов претендует на то, что опирается на неизвестные ранее неопубликованные источники. Но выводы делаются на основании лишь поверхностного знакомства с огромным фондом А. А. Шахматова в СПбФ АРАН. Так, найдя по описи перечень книг библиотеки А. А. Шахматова 1889 г., В. Ю. Аристов уже делает вывод: «Этот перечень дает минимальный “список подозреваемых” – книг и статей, которые могли повлиять на Шахматова» (С. 154). Можно перечислить, чем еще пользовался В. Ю. Аристов, хотя список источников в книге не дан. В качестве приложений опубликованы три дела из фонда А. А. Шахматова (С. 297–303): два наброска плана «Разысканий» (1903 г. и б/д) и очень краткий план исследования ПВЛ (1907 г.): СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 327, 322, 148. На эти дела В. Ю. Аристов часто ссылается в тексте книги, но никакой источниковедческой работы с ними не проводит, в частности не учитывает черновой характер этих документов. Кроме них, он эпизодически ссылается на рукопись детской работы А. А. Шахматова «Русская старина» (д. 402 и 403), на д. 140 (черновик гл. 6 «Разысканий»), д. 407/5 (список книг из библиотеки А. А. Шахматова), д. 133 и 142 (пробные лекции 1890 г.), д. 296 (названо В. Ю. Аристовым «Рукописью конца 1896 г.», ссылка дается на один лист с оборотом), д. 145 («Заготовки неопубликованной работы 1900-х годов», ссылка на два листа), д. 149 (текст доклада от 31 января 1897 г.), д. 296 (неопубликованная статья 1896 г. о киево-печерской летописи), д. 365 (работа А. А. Шахматова по ПВЛ с его пометками на полях, ссылка лишь на одну пометку), д. 322 (глухая ссылка на один лист), д. 145 (неопубликованная работа 1900-х гг. о Начальном своде, ссылка на один лист), д. 336 (В. Ю. Аристов обозначал его как «формулу Лаврентьевского списка», то есть черновые наброски), д. 146 (рукописные схемы истории текста разных летописных памятников).

Во всех перечисленных случаях, кроме детской работы А. А. Шахматова, это краткие наброски (обычно один-два листа), в основном ранние, с отсутствием развернутой аргументации. Мы не знаем, как к этим планам относился сам А. А. Шахматов. При этом не учтены действительно важные и обширные по объему неопубликованные источники, в частности полный текст рукописи, частично опубликованной и известной под заглавием «Обозрение русских летописных сводов». Поэтому трудно согласиться с А. П. Толочко, отзыв которого помещен на обороте книги, в том, что книга В. Ю. Аристова – это «тщательно документированная» работа.

3) Разоблачительный посыл, заданный с самого начала книги, которую можно было бы назвать «Как и почему во всем не прав Шахматов», ослепляет автора. Именно по этой причине многие случаи критики В. Ю. Аристовым А. А. Шахматова не достигают цели: автор просто не отделяет значительное и незначительное при сравнении творчества А. А. Шахматова и других исследователей и собирает без разбора все примеры, которые, как ему кажется, могут показать первого не с лучшей стороны. Поэтому наряду с более обоснованными выводами у него присутствуют высказывания о том, что нечто имело место «по-видимому» или «могло» иметь место, что-то «можно подозревать», «можно предположить» и проч. Кроме того, обнаружение уязвимых мест у наших предшественников само по себе не может быть основанием для оценки их как ученых. В этом отношении запал В. Ю. Аристова также потрачен впустую. Как уже говорилось, многие гипотезы А. А. Шахматова поставлены под сомнение в ходе прошедшего столетия. Но поскольку наука – коллективное дело, ее продвигает не один человек, а множество людей, то значительность того или иного из них определяется не отсутствием у него ошибок, а степенью влияния на дальнейшее развитие той отрасли науки, в которой он работал.

В. Ю. Аристов, провозгласив свой подход новым, на самом деле, по русской пословице, «ломится в открытую дверь». Очевидно, что в работах А. А. Шахматова (как и практически любого исследователя) можно найти много слабых мест, они давно известны, их гораздо больше,

чем думает В. Ю. Аристов и чем он показал в своей книге. При свойственном автору подходе даже удивительно, что некоторые наиболее, на мой взгляд, слабые гипотезы А. А. Шахматова он не разбирает и даже не упоминает, например гипотезу о Мстише-Люте, уже неоднократно бывшую предметом критики [Соловьев; Поппэ; Вовина-Лебедева, 2011, с. 191–194].

4) Представляется важным, что основные особенности А. А. Шахматова как ученого идут от школы Ф. Ф. Фортунатова и что без учета лингвистической выучки трудно понять особенности его трудов по русскому летописанию [Вовина-Лебедева, 2006; Вовина-Лебедева, 2011, с. 181–205]. В. Ю. Аристов мои доводы не рассмотрел, а лишь мимоходом отверг эту точку зрения³. Ему было важно предложить собственную теорию, состоящую в том, что А. А. Шахматов находился целиком под влиянием написанных до него работ по истории русского летописания и своих предшественников-текстологов, в том числе пришедшей в Россию из Европы немецкой «практики расчленения текстов» (С. 53), которая, как В. Ю. Аристов многократно подчеркивает, во времена А. А. Шахматова была уже «устаревшей». В книге вообще встречаются понятия «архаичные», «устаревшие» научные построения, как будто автор не понимает, что в науке современное не всегда значит верное и оставленная на время в стороне гипотеза или научный подход могут быть в любой момент востребованы, если появляются новые аргументы.

В. Ю. Аристов сравнивает творчество А. А. Шахматова с некоторыми европейскими современниками и предшественниками, но не может привести данных, которые бы показывали, знал их А. А. Шахматов или же нет⁴, ему не удастся свести концы с концами, и все ограничивается многочисленными упреками в адрес А. А. Шахматова по совершенно разным поводам⁵. Автор также не может оценить, в чем именно заключалось отличие А. А. Шахматова от его русских предшественников, считая, что нужно смотреть на новаторство «идей» или методов. Между тем главное отличие заключалось в огромности материала, проработанного А. А. Шахматовым, тогда как его предшественники в основном брались за локальные сюжеты. Стремление же построить целостную схему, при этом вовлечь с нее по возможности весь сохранившийся материал идет именно от школы Ф. Ф. Фортунатова, являлось ее характерной чертой.

Отсутствие глубокого знания русского историографического материала и игнорирование научных школ приводит В. Ю. Аристову и к поверхностному представлению обо всей науке, как времени А. А. Шахматова, так и его предшественников. Хотя он замечает, что «в российской науке более “продвинутой” критика текста... применялась в исследованиях нелетописных...», которые А. А. Шахматов, конечно, знал и «охотно и уверенно их рецензировал» (С. 78), тем не менее, по В. Ю. Аристову, русскую науку времен А. А. Шахматова отличала «интеллектуальная изолированность и общая методическая слабость», которые приводили «к тому, что в летописеведении XIX – начала XX вв. доминировало субъективистское направление», ориентированное «на поиск “общих источников”, “утраченных произведений” и реконструкцию недошедших памятников» (С. 290). При этом, желая поместить труды А. А. Шахматова в историографический контекст, В. Ю. Аристов с порога отвергает значительную часть его,

³ При этом, сознательно или нет, но странным образом В. Ю. Аристов сводит понятие школы к тому, с кем А. А. Шахматов был знаком, встречался и проч.

⁴ Видимо, именно это породило множество невнятных фраз, например: «чрезвычайная скрупулезность исследований Шахматова имела прямые аналогии в синхронных работах его польских и немецких коллег», и совсем уже непонятные, вроде следующей: «утверждению образа мышления, предполагавшего оперирование воображаемыми текстами, по-видимому, способствовали технический прогресс и улучшение условий работы ученых» (С. 45).

⁵ Так, В. А. Аристов признает, что «явных признаков знакомства Шахматова со стемматическим методом не заметно» (С. 72–73), после чего становится непонятным, какой цели служило изложение хорошо известных особенностей теории К. Лахмана (С. 69–78), разве для того, чтобы заключить, что «строгости и методической дисциплины Шахматову не хватало» (С. 77).

заявив без всякого обоснования, что «сравнение летописеведческой практики критики текста... с исследованиями библейских и классических текстов представляется не вполне корректным» (С. 34), не объясняя, в чем состоит эта некорректность. Вместо этого он пишет, что будет обращаться «преимущественно к опыту немецких и польских исследователей», никак не обосновывая такой выбор. Читателю остается предполагать, что он возник в результате стажировок автора в Германии и Польше (С. 14, 12). Сравнивая «российское источниковедение» и «польское источниковедение» XIX в. (С. 144–145), В. Ю. Аристов отмечает глубокий упадок первого (при этом ссылается на работу Н. И. Полетаева 1892 г.). По мнению В. Ю. Аристова, зависимость от западного «интеллектуального импорта», который во второй половине столетия стал «редким явлением», привела в России «к самоизоляции дисциплины» и «замыканию на себе». Между тем «польское источниковедение», наоборот, «развивалось преимущественно в рамках австрийских и немецких (пруссских) учреждений, благодаря чему польские исследователи получали непосредственно немецкую “выучку”». Тут хочется задаться вопросом, что вообще вкладывается в понятие «польская наука»⁶, «немецкая наука», «российская наука» (С. 47 и др.) и может ли вообще наука ранжироваться по географическому и этническому признакам либо по признаку подданства. Обширная переписка А. А. Шахматова, хранящаяся в его фонде в СПбФ АРАН, показывает, что и он сам, и его учитель Ф. Ф. Фортунатов были абсолютно свободны от этих ограничений, могли читать любую литературу и вели переписку с учеными разных стран.

5) Значительная часть книги посвящена показу того, как на А. А. Шахматова повлияли десятки прочитанных когда-то работ, на которые он не ссылался. В. Ю. Аристов предполагает, что А. А. Шахматов списывал с других буквально все, что видел. Правда, в ряде случаев он признает, что это не было «злым умыслом» и даже цитирует по М. А. Робинсону (С. 254) одно из писем А. А. Шахматова, которое я считаю очень важным для понимания личности последнего: там он признавался, что ему «скучно справляться» относительно того, что ранее писал он сам и другие и что он излагает «обыкновенно только свои последние мнения». В. Ю. Аристов оставляет это место без комментария, хотя оно подрывает также его концепцию, будто А. А. Шахматов сознательно замалчивал те или иные обстоятельства, чтобы сохранить свои прежние предположения, или что он для сохранения одного звена своей концепции конструировал (или, наоборот, ликвидировал) другие.

Нельзя сказать, что В. Ю. Аристов не знает того, как А. А. Шахматов был самокритичен и готов к опровержению своих гипотез. Хорошо известно, что он неоднократно менял их под воздействием убеждавших его аргументов коллег, например уже упомянутого С. А. Бугославского. В книге цитируются знаменитые слова А. А. Шахматова по поводу субъективности многих его доводов, которые должны еще подвергнуться «всесторонней оценке... другими исследователями» (С. 107, см. также цитату на с. 97). Тем не менее, поскольку В. Ю. Аристов задался целью скомпрометировать А. А. Шахматова как ученого, он старательно ищет у него выводы и наблюдения (как крупные, так и мелкие), сходные с теми, что в разное время высказывали его предшественники. Так, по В. Ю. Аристову, идею многослойности текста ПВЛ впервые высказал еще М. П. Погодин (С. 37); польский текстолог Тадеуш Войчеховский путем снятия текстуальных слоев пытался добыть текст гипотетического «Древнего Рочника», и В. Ю. Аристову «легко заметить, что аналогичный подход применял Шахматов, пробиваясь к искомому “Древнейшему своду”» (С. 44); А. А. Шахматов в представлениях о Несторе и его летописи во многом «вышел из» Н. И. Костомарова, И. И. Срезневского, К. Н. Бестужева-Рюмина и А. Рассудова, «непосредственно воспроизводил и развивал идеи этих ученых»

⁶ Кстати, напомним, что большая часть бывшей Речи Посполитой в рассматриваемое время находилась в составе Российской империи.

(С. 173); А. А. Шахматов читал книгу Н. Н. Яниша о новгородских летописях, и «... становится понятной легкость, с которой он определял вставки в ПВЛ, сравнивая ее с НПЛмл...» (С. 80); А. А. Шахматов «был хорошо знаком с книгой И. П. Сенигова о новгородских летописях, где применялся сравнительный метод вполне “шахматовского” типа», так что А. А. Шахматов «не был пионером “сравнительно-исторического” метода...» (С. 100); «Бестужев-Рюмин был одним из вдохновителей Шахматова, и не удивительно, что их труды имели сходную форму» (С. 101); в вопросе о политической ангажированности летописца А. А. Шахматов, по В. Ю. Аристову, также не был первым (тут он соглашается с А. Г. Кузьминым); вскользь упоминаются «идеи-“реликты”, заимствованные у предшественников» (С. 135); упоминается «А. Рассудов, статья которого ощутимо повлияла на построения Шахматова», «о рассказе Василия как отрывке первой части галицко-волынской летописи писал еще Соловьев» (С. 135. Примеч. 499); «идея о первичности НПЛмл по отношению к ПВЛ не была гениальным озарением и “естественным впечатлением” Шахматова» (С. 168); на А. А. Шахматова «повлияла... книга Филевича», в которой он нашел «идею» Начального свода (С. 184); «Шахматов, не ссылаясь на коллегу, повторил аргументы Соболевского» (С. 187–188); деление летописания на официальное и частное «отвечало старой беляевской схеме», и далее упоминается «транслированная через Шахматова гипотеза Беляева» о разных видах летописей (С. 129); «Костомаровская “Повесть”, сложенная из отдельных сказаний, и аналогичные построения других ученых стали прообразами Дрсв (Древнейшего свода. – В. В.-Л.)», а само название А. А. Шахматов заимствовал у И. П. Филевича, у которого есть фраза, что «древнейший свод начинался сводом преданий...», в которой В. Ю. Аристов видит «словесную близость», к тому же А. А. Шахматов, как обнаружил В. Ю. Аристов, один раз ссылался на И. П. Филевича (С. 207–208); по поводу «Сказания о преложении книг» В. Ю. Аристов вопрошает: «Что же открыл Шахматов? – *nihil novi*; вино старых идей было влито в мехи новой схемы летописания, не более» (С. 210); «мысль о болгарской летописи как источнике ПВЛ развивали Погодин... Соловьев, Срезневский» (С. 218). В итоге, по мнению В. Ю. Аристова, «несмотря на определенную новизну выводов, Шахматов не вышел из круга представлений о работе летописцев, которые предлагались предшествующей историографией» (С. 130), а «мастерство “осваивать” чужие идеи было одним из факторов невнимания к предшествующей историографии» (С. 255).

Оставим пока в стороне неэтичность употребленных формулировок, особенно последней из них. Даже беглый взгляд на приведенный выше список якобы заимствований А. А. Шахматова показывает, что у него и у перечисленных ученых речь идет о совершенно разных явлениях. И тем более это подтверждается при обращении к указанным трудам. В. Ю. Аристов постоянно пишет об «идеях» или «идее», которые были высказаны разными авторами до А. А. Шахматова и повлияли на него. Но что такое идея применительно к работам по истории текстов? Чаще всего в тех случаях, которые продемонстрировал В. Ю. Аристов, у предшественников имелось лишь короткое упоминание того, что у А. А. Шахматова стало гипотезой, снабженной аргументацией. В. Ю. Аристов как будто не понимает этого, когда, например, пишет, что «отличие проекта Шахматова (от К. Н. Бестужева-Рюмина. – В. В.-Л.) заключалось не в масштабе, а в задачах» (С. 102). Но именно масштаб сопоставления текстов летописей у А. А. Шахматова был несравнимо большим, чем у его предшественников, однако это действительно сложнее увидеть в полной мере, если брать только работы по раннему летописанию и искусственно отрывать их от остальных трудов ученого.

Даже если какие-то выводы А. А. Шахматова и совпадали с теми, что уже высказывались в историографии, он обычно приходил к ним своим путем. В. Ю. Аристов так и не смог показать, что А. А. Шахматов действительно осознанно заимствовал чужие мнения. Так, он пишет о сходстве работ А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова (см. с. 68–69, 127, 164–165 и др.)

и настаивает на вторичности А. А. Шахматова⁷. Но Е. А. Конявская уже показала, что те места, которые В. Ю. Аристов полагает совпадениями в работах А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова, на самом деле таковыми не являются [Конявская]. Кроме того, сам А. Е. Пресняков никогда не считал, что А. А. Шахматов хотя бы в чем-то зависел от него. Их переписка сохранилась. Она свидетельствует о том, что А. Е. Пресняков с самого их знакомства видел в А. А. Шахматове своего учителя в отношении летописей⁸. Довод В. Ю. Аристова, что все последователи А. А. Шахматова, в том числе А. Е. Пресняков, были по какой-то причине околдованы его трудами, поэтому их мнение не нужно принимать в расчет, тут не работает: ведь В. Ю. Аристов согласен, что А. Е. Пресняков не брал концепцию сводов у А. А. Шахматова, а пришел к ней сам.

А. А. Шахматов мог знать или не знать работы, на которые указывает автор книги, но очевидно, что он находился в определенной степени вне той ученой традиции, к которой принадлежали упомянутые предшественники, отсюда и отсутствие тщательности в ссылках на них. Он не прошел университетскую выучку как историк летописания, и В. Ю. Аристов преувеличивает влияние на него историков и филологов, которые окружали его в Петербурге, в частности М. И. Сухомлинова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др. «Именно в такой интеллектуальной среде происходило становление Шахматова-летописевода», – считает В. Ю. Аристов (С. 132–133). Но переписка А. А. Шахматова определенно показывает, что его интеллектуальная среда была иной. А. А. Шахматов не любил Петербурга, долгое время тяготился своим окружением во Втором отделении, особенно в первые годы. Его настоящей семьей на всю жизнь остались лингвисты-фортунатовцы, ученики и коллеги Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша и некоторых других московских филологов. О школе Ф. Ф. Фортунатова существует обширная литература, см., например, работы О. В. Никитина [Никитин, 2004; Никитин, 2014; Никитин, 2015; Никитин, 2018]. Именно несовпадение А. А. Шахматова с главенствующими тогда в историографии взглядами на летописание вызвало острую критику его работ со стороны современников при жизни ученого.

Между прочим, сам В. Ю. Аристов, столь придирчивый в этом отношении к А. А. Шахматову, объявив в предисловии мою книгу ценным «фактографическим подспорьем» для себя, без ссылок извлекает из нее многочисленные сюжеты. Так, я уже до В. Ю. Аристова писала о сходстве в названиях работ и употреблении понятия «энциклопедия» А. А. Шахматовым и А. Е. Пресняковым; анализировала отзывы А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова о сочинениях И. А. Тихомирова; по поводу анонимного текста по историографии летописания 1916 г. В. Ю. Аристов хотя и сообщает (С. 18), что я ввела его в научный оборот, но не ссылается на проделанный мною анализ, когда в другой части книги предпринимает собственный разбор; пишет о тех же текстологах, о которых писала и я (о Фр. Вольфе и его работе, посвященной «Илиаде», об анализе им внутренних противоречий в тексте поэмы), о том, что Гомер после этого переставал восприниматься единым автором и это опосредованно повлияло на исследования летописей (С. 50), о К. Лахмане в связи с летописанием (С. 69–78); переходя к русским критикам А. А. Шахматова, В. Ю. Аристов дает обзор мнения о его работах всех тех авторов, о которых я писала в книге и в отдельной статье: Д. И. Абрамовича, В. З. Завитневича, М. С. Грушевского, С. А. Бугославского, А. И. Соболевского, В. М. Истрина, Н. К. Никольского,

⁷ На с. 68 со ссылкой на С. В. Чиркова и меня он пишет: «идею о том, что источниками сводов были другие своды и их изучение должно заключаться в сравнительном анализе списков, Шахматов мог позаимствовать у Преснякова», а на с. 164–165 рассуждает о том, что «точно неизвестно, приходили ли близкие знакомые и коллеги к подобным идеям независимо, или один заимствовал мысли другого на стадии их зарождения...». Оставив в стороне последнюю формулировку, заметим, что мнение предшественников здесь искажено: С. В. Чирков писал (и я с ним согласилась), что А. Е. Пресняков независимо от А. А. Шахматова пришел к идее сводов, а не о заимствовании одним идей другого.

⁸ В настоящее время переписка А. А. Шахматова с А. Е. Пресняковым подготовлена мною к публикации во втором томе «Избранной переписки А. А. Шахматова».

А. Брюкнера, а также упомянутого выше Анонима (от себя В. Ю. Аристов добавил к ним только Е. В. Петухова (автора книги «Русская литература», вышедшей из печати в 1911 г. в Юрьеве) и М. Кордубу); я также анализировала особенности реконструкций А. А. Шахматова, сравнивала реконструкции его и М. Д. Приселкова (С. 87–94); разбирала полемику вокруг написанного С. А. Бугославским в молодости пособия по критике текста (С. 143); обращала внимание на отличие подхода В. Н. Перетца и ученых его школы к летописанию от шахматовского; В. Ю. Аристов упоминает о «состязании» за верность школе А. А. Шахматова между М. Д. Приселковым и В. А. Пархоменко (С. 278), но этот сюжет мною был также уже подробно разобран [Вовина-Лебедева, 2011, с. 236, 234–235, 25–32, 299, 136–141, 267–299, 200–202, 334–335, 380–383, 393–396, 405–406, 408–410, 306–313]. Во многих случаях нет ссылок и на других авторов. Так, В. Ю. Аристов повторяет мысли А. Г. Кузьмина, задолго до него утверждавшего, что А. А. Шахматов зависел от предшественников, а также о неправильности, с его точки зрения, разделять историографию летописания на дошахматовский и последующий периоды [Кузьмин, 1968; Кузьмин, 1977, с. 63–64, 109, 183–219]. В том, что между А. А. Шахматовым и историографией XIX в. существовала преемственность, были убеждены еще П. И. Яковлев, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и др. [Вовина-Лебедева, 2011, с. 818–820 и др.]. По поводу того, что у А. А. Шахматова летописец напоминает современного исследователя, писал еще И. П. Еремин, как и об уязвимости критерия политической ангажированности летописца [Вовина-Лебедева, 2011, с. 386–389], но на И. П. Еремина в книге имеется лишь одна глухая ссылка. Наконец, С. В. Чирков уже давно исследовал работы о русском летописании из фонда А. Е. Преснякова в Архиве СПБИН РАН, к которым выборочно обратился, без ссылок на него, В. Ю. Аристов [Чирков, 1970; Чирков 1971; Вовина-Лебедева, 2011, с. 33–35]. С. В. Чирков опубликовал труд А. Е. Преснякова по историографии летописания (по рукописи ИРИ РАН) [Пресняков], но это издание В. Ю. Аристов не использует. Список можно продолжить.

б) В. Ю. Аристов полагает, что восстанавливает ход мысли А. А. Шахматова и понимает побудительные мотивы последнего. Но психологический портрет А. А. Шахматова вышел слабым и неубедительным. Так, автор познакомился в СПбФ АРАН с детской работой А. А. Шахматова «Русская старина» и пришел к выводу, что она оказала важнейшее влияние на его дальнейшие научные построения, ведь «первые впечатления становятся аксиоматическими положениями, в которых ученому потом бывает трудно усомниться» (С. 169–170). Позднее «детские интересы перерастали в профессиональные» (С. 171). Прочитанная в детстве одна из работ А. Л. Шлёцера также продолжала влиять на взрослого А. А. Шахматова и «могла сформировать образ новгородских памятников как вместилищ древних киевских документов» (С. 167–168). По В. Ю. Аристову, А. А. Шахматов с детства питал особенные чувства к Нестору и позднее подстраивал всю историю летописания под возможность сохранить его автором ПВЛ (С. 175–179). По этой же причине А. А. Шахматов «не был заинтересован в реконструкции Несторовой летописи или редакции ПВЛ», поскольку «первая серьезная попытка ее осуществить показала бы безосновательность гипотезы». Придя к предположению о существовании Нсв, А. А. Шахматов «старался приспособить старую идею ЛН (Летописца Нестора. – В. В.-Л.) к своей новой схеме истории раннего летописания», но «новая схема чуть не свела на нет все предыдущие усилия Шахматова», и в результате «впоследствии Шахматов поправил схему: в статье 1908 г. он сделал Нестора автором уже единой Печерской летописи...», что уже «выглядело атавизмом в свете концепции сводов» (С. 177–178).

Эта концепция о влиянии детских представлений на формирование научных концепций взрослого ученого надуманна, построена на ничем не подкрепленных предположениях, к тому же опровергается всем, что мы знаем об исследовательских приемах А. А. Шахматова, в частности о его готовности отказываться от своих старых гипотез, что он делал многократно.

Примечательно другое: В. Ю. Аристов критикует способы, какими А. А. Шахматов пришел, например, к гипотезе о древнейших сводах, принципиально «не вдаваясь в пересказ аргументации Шахматова» (С. 199)⁹. По мнению В. Ю. Аристова, достаточно просто скомпрометировать «логику исследования», предположив в ней подтасовки: «... основания для установления рубежа после статьи 1074 года Шахматов пытался аккуратно обойти» (С. 200); «предположив существование Начального, Древнейшего и, наконец, свода 1073 года, ученый фактически клонировал ПВЛ», при этом «создал очень детальный “фоторобот” автора» (С. 203); «под гипотезу об отраженной в НПЛмл летописи 1074 года Шахматов подобрал автора...» (С. 203); «развивая гипотезу “Десятичных анналов”, Шахматов вдруг “вспомнил” о своей схеме ранних сводов... и совершил акт “автоцензуры”» (С. 220); «развитие идеи анналов угрожало подорвать всю теорию сводов... Шахматов вовремя почувствовал опасность и на это не пошел» (С. 221); «идея контаминации заметно усложнила схему», и, «вероятно, она возникла, чтобы обеспечить “безболезненное” удвоение редакций ПВЛ...» (С. 231); «Шахматов мог намеренно “подогнать” публикацию ПВЛ к 1916 году», когда исполнялось 800 лет приписке игумена Сильвестра (С. 281) и т. п.¹⁰ Автору книги даже кажется, что он лучше самого А. А. Шахматова знает, как тому нужно было писать, и мы встречаем фразы вроде следующей: «В свете шахматовской “теории сводов” следовало бы скорее говорить (А. А. Шахматову. – В. В.-А.) о трех разных сводах, т. е. разных памятниках», чем о редакциях ПВЛ (С. 225).

В итоге В. Ю. Аристов полагает, что он показал нам «настоящего Шахматова», который был «гораздо богаче своего историографического двойника» (С. 233). Трудно, правда, понять, в чем состоит богатство этого образа, учитывая приведенные выше мнения автора о принципах работы А. А. Шахматова. «Я буду рад, – пишет В. Ю. Аристов, – если Шахматов в изучении летописания предстанет тем, кем он был на самом деле» (С. 291). Чтобы увидеть этого истинного А. А. Шахматова, которого автор книги (как он, видимо, считает) узнал лучше современников, друзей и коллег, по В. Ю. Аристову, требуется понять «четкую картину изменений взглядов ученого» (С. 234). Хотя под взглядами А. А. Шахматова В. Ю. Аристов понимает собственные представления о том, чем руководствовался А. А. Шахматов в том или ином случае, тем не менее, как видно из заключения книги (названного «Эпилогом») и других ее мест, автор вполне удовлетворен своей работой. Он полагает, в частности, что ему «удалось составить нечто вроде “генетического досье”» пятнадцати ключевых гипотез Шахматова по истории раннего летописания. Созданный «каталог идей» дал возможность проследить изменения взглядов А. А. Шахматова (речь идет о приложении 4). В. Ю. Аристов выделяет этапы творчества А. А. Шахматова, обращая внимание на первоначальный вид гипотез, их эволюцию, «пережитки старой концепции» и т. д. При этом «для большей наглядности и более легкой проверяемости выводов» он ограничился прижизненными публикациями, а «также некоторыми», изданными позднее. В сноске мельком отмечено, что он не учитывал материалы, опубликованные в «Обзрении русских летописных сводов», поскольку раннему летописанию там уделено мало внимания и также потому, что они «не имеют точной датировки: в едином

⁹ Само слово «пересказ» аргументов, употребляемое в книге не единожды, имеет оттенок пренебрежительности.

¹⁰ В. Ю. Аристов не показывает ни одного удачного научного построения А. А. Шахматова, избегает всего, что могло бы ослабить создаваемый им образ неадекватного ученого. Так, на с. 205, 210, 213 и др. среди гипотез А. А. Шахматова о древнейших сводах В. Ю. Аристов упоминает «Иоакимовскую летопись» имевшую, по его словам, «не лучшую славу», и читатель думает, что речь идет об Иоакимовской летописи, известной по «Предъизвещению» В. Н. Татищева к «Истории Российской», что неверно: А. А. Шахматов в какой-то момент просто предположил, что Иоаким мог быть основателем владычного летописания в Новгороде. Более того, А. А. Шахматов сделал большой вклад в критическое исследование редакций труда В. Н. Татищева, о чем В. Ю. Аристов также не сообщает.

тексте спрессованы разновременные слои» (С. 235). При чтении этих строк вспоминается высказывание Я. С. Лурье об исследователях, привыкших работать только с простыми и легко читаемыми текстами. В. Ю. Аристов даже не упоминает оставшуюся неопубликованной часть «Обозрения», посвященную разбору вариантов ПВЛ, то есть памятника «раннего летописания», сохранившегося, напомним, в более поздних списках.

7) Поражает нескрываемая озлобленность автора книги, редко встречаемая в научных исследованиях. Создается впечатление, что В. Ю. Аристов не может совладать с раздражением и постоянно использует в отношении А. А. Шахматова оскорбительные формулировки. Так, «метод Шахматова» (всегда в кавычках) именуется «вывеской». Гипотезы А. А. Шахматова излагаются в издевательском тоне, пишется о том, что «проекты Шахматова по “восстановлению” несохранившихся источников... создали специфический “имидж” самому ученому и летописеведению в принципе» (С. 94). Можно привести другие примеры: «Создается впечатление, что Шахматов сильно колебался в выборе родины русской историографии» (С. 215); «Если “для себя” эзотерического знания о Несторе Шахматову было достаточно, то академическое сообщество требовало большего»; «Шахматов не мог полагаться исключительно на неуловимое монастырское предание. Нужны были факты, и исследователь их создавал» (С. 174) и т. п. Нельзя пройти и мимо следующего отрывка: «Представление об утраченном памятнике исследователь получал путем интуитивной комбинации избранных фрагментов двух реальных произведений... Внешне прием напоминает одно из проявлений шизофренического синдрома, о котором массовая публика узнала благодаря популярному фильму о гениальном математике Джоне Нэше. Совмещая разрозненные фрагменты доступных текстов по излишне формальным признакам, человек получает некий “скрытый” текст. Но... никаких “скрытых” текстов в реальности не существует. Они – только плод прихотливых “игр разума”» (С. 179). Очевидно, что при таком настрое трудно ожидать от автора книги объективности.

8) Еще более раскрепощенный тон используется в отношении коллег, которых В. Ю. Аристов причисляет к последователям А. А. Шахматова. Он, например, полагает (не приводя аргументов), что для них А. А. Шахматов являлся пророком: «Пророк изрекает истину. Правда, его высказывания часто противоречивы, а иногда могут показаться вообще ошибочными или устаревшими. Но тогда их переведут в разряд притч, не нуждающихся в буквальном прочтении» (С. 265). Вообще, рассуждения о посмертном культе и даже «канонизации» А. А. Шахматова пронизывают всю книгу. «Исследования Шахматова, – пишет автор, – должно быть, содержали приманку, которая подталкивала, особенно молодых, только формирующихся ученых, следовать его взглядам» (С. 260).

Перечень этих слабых умом последователей А. А. Шахматова (к которым он причисляет и тех, у кого «нередко зависимость от Шахматова прямо не признается, но от этого не исчезает» (С. 14–15)) В. Ю. Аристов не приводит, ограничиваясь отдельными примерами, зато на с. 16 нарисован обобщенный портрет А. А. Шахматова, каким он, по В. Ю. Аристову, представляется его поклонникам: «Если суммировать и несколько утрировать для выразительности образ Шахматова, получится следующее. Перед нами легендарный основатель научной дисциплины, ученый-самородок, владеющий универсальным “методом”, творец масштабной “схемы” и образец для подражания, символ и авторитет. Его надлежит защищать от фундаментальной критики, а “отход” от его воззрений может вызвать осуждение коллег». Автор использует, к сожалению, известный прием: придумать ограниченного и непрофессионального оппонента, чтобы потом выгодно полемизировать с ним. Где, например, те аристовские исследователи летописания, которые требовали обязательно определять автора летописи (С. 204)? Различные предположения по поводу авторов, конечно, высказывались и продолжали высказываться,

однако никакого «канона», вопреки В. Ю. Аристову, тут не существует. Напрасно для подтверждения этой и других своих мыслей он ссылается на меня (см., например, с. 261), поскольку на указанных страницах моей книги шла речь о конкретном тексте – сохранившемся в рукописи курсе лекций Л. В. Черепнина по истории летописания, читанном в 1950-х гг. Если же мы обратимся к крупнейшим текстологам, таким как М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Я. С. Лурье (даже если не упоминать ныне здравствующих), то они всегда тщательно разбирали аргументы А. А. Шахматова. И к ним, несомненно, неприменима такая оценка, как на с. 262: «в работах Шахматова было так много сложно переплетенных догадок, фактов и наблюдений, что легче было принять основные положения на веру, нежели разбираться во всех тонкостях его аргументов». Эти слова могут быть отнесены только к потребителям текстологических гипотез. В. Ю. Аристов или в действительности не различает их и тех, кто занимался текстологией летописания, или производит это смешение сознательно.

Поскольку В. Ю. Аристов не допускает мысли, что ученые в здравом уме могли соглашаться с А. А. Шахматовым, он ищет другие объяснения главенству (по его словам) шахматовского направления¹¹. По мнению В. Ю. Аристова («можно подозревать, что...»), высказанному с короткой реверансной ссылкой на одну из социологических теорий, «идеи Шахматова не имели бы такого успеха, если бы он высказал их в середине XIX века» (С. 250). А в XX в. А. А. Шахматов превратился «в удобный образ для легитимизации собственных тем и концепций исследователей» (С. 20).

Далее, автор почему-то считает естественным, что «после смерти Шахматова... стали больше писать о его методологическом и концептуальном новаторстве» (С. 243). Всех, кто почитает А. А. Шахматова, В. Ю. Аристов сравнивает с «религиозным сообществом» (С. 265), для которого «святость доказывается и реализуется не только в прижизненных, но и в посмертных чудесах». Под последними В. Ю. Аристов подразумевает издание «Обозрения русских летописных сводов» А. А. Шахматова в 1938 г., в результате чего «его деяния продолжались и после смерти» (С. 269). Автор придает значение тому, что эта смерть совпала с революцией и «крахом российской дореволюционной науки» (С. 20). После этого, согласно схеме В. Ю. Аристова, советские ученые старательно вписывали А. А. Шахматова в рамки советской науки. Так, Д. С. Лихачев, «несмотря на прекрасное знание трудов Шахматова», оценивал его, по мнению В. Ю. Аристова, «довольно тенденциозно, сделав из него ключевую фигуру в двухсотлетней истории дисциплины» (С. 22). В чем заключается тенденциозность оценки Д. С. Лихачева, В. Ю. Аристов не раскрывает, но позволяет себе следующее высказывание: «За таким прочтением Шахматова крылась стратегия Лихачева по укреплению собственного авторитета в опоре на великого предшественника» (С. 274). Видимо, В. Ю. Аристов решил, что знает побудительные мотивы действий не только А. А. Шахматова, но и Д. С. Лихачева.

Особо отметим места, где речь идет о том, что большую роль в «канонизации идей» А. А. Шахматова сыграли его личные черты. На с. 257 В. Ю. Аристов пишет: «Своими человеческими качествами Шахматов приобрел немалый символический капитал». Цитируя по моей книге письмо отца Е. Ю. Перфецкого, сельского священника, который в преувеличенных и восторженных выражениях благодарил А. А. Шахматова за помощь сыну, В. Ю. Аристов выдает это за отношение «многих», то есть, видимо, научного сообщества (С. 266). Благожелательность А. А. Шахматова и готовность его помогать коллегам вызывали чувства признательности «и даже привязанности», – пишет В. Ю. Аристов и при этом задается

¹¹ При этом, характеризуя основные черты данного направления, автор ориентируется на ситуацию не вполне современную. Так, много раз как отличительную черту шахматовской школы он отмечает представление об истории летописания как о последовательности гипотетических сводов (С. 13 и др.), хотя это уже давно не так.

вопросом: «Трудно сказать, была ли в этом доля осознанной стратегии Шахматова, но его “благочестивое” поведение конвертировалось в посмертное почитание» (С. 266–267).

Еще одной причиной создания «преувеличенно положительного образа Шахматова», по В. Ю. Аристову, послужила «ранняя смерть ученого», которая, как он полагает, была воспринята как конец «старой доброй» дореволюционной науки, последовавший за ней известный выпуск ИОРЯС, т. 25, «стал своего рода некрологом» этой науке. Далее автор совершенно свободно пишет следующее: «Добрую славу о себе часто удастся оставить тем, кто вовремя уходит: из большого спорта, политики, жизни... Шахматову в этом смысле повезло: он умер раньше многих своих коллег и оппонентов» (С. 258).

Широкими мазками рисуется картина того, как центром «культа Шахматова» стал Петроград/Ленинград, где учились А. Н. Насонов и Д. С. Лихачев, которые затем «заняли ведущие позиции в академических структурах». В. Ю. Аристов не смущает, что упомянутые им авторы, а также М. Д. Приселков пострадали по Академическому делу, после чего не скоро могли занять «ведущие позиции». Кроме того, он как будто забывает, что, например, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто и др., чье отношение к А. А. Шахматову трудно назвать апологетичным [Вовина-Лебедева, 2011, с. 805–824], были после войны не менее влиятельны в академических кругах. Автор с легкостью пишет даже о «“сталинской редакции” культа Шахматова» (С. 273, 289), которая в 1950-е гг. «оказалась под угрозой» вместе с «легитимностью дореволюционной науки», но, «впрочем, идеологическая кампания закончилась вскоре после смерти И. В. Сталина и на внутреннюю дисциплинарную жизнь летописцев существенного влияния не оказала» (С. 273).

Верный общему принципу, В. Ю. Аристов нигде не разбирает аргументы тех, кто придерживается другой точки зрения и кто вообще писал о советской науке означенного времени. Он лишь упоминает статью А. Н. Насонова 1959 г., которая «отражает манеру других аналогичных работ» (С. 274), в книге есть также ссылки на Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина и С. Н. Кистерева. Но в целом, противники В. Ю. Аристова – некий обобщенный образ людей, повторяющих шахматовские выводы. В качестве примера приводится А. А. Гиппиус, у которого В. Ю. Аристов находит «буквальное совпадение» («типичное клише») с А. Н. Насоновым во фразе, что вывод А. А. Шахматова о соотношении ПВЛ и Н1 «остается непоколебленным» (С. 275. Примеч. 1046). Этот персонифицированный шахматовец, по В. Ю. Аристову, весьма коварен и может даже полемизировать с А. А. Шахматовым, но «в результате он придет к схеме, отличающейся от шахматовской в деталях, но повторяющей ее общую структуру» (С. 275).

Обращает на себя внимание полное игнорирование работ Я. С. Лурье. В. Ю. Аристов лишь на с. 277 дает ссылку на одну из его статей с ремаркой, что «наиболее яркие попытки систематизации “метода” и “схемы” Шахматова можно найти в работах Лихачева и Я. С. Лурье». Мне представляется это глубоко не случайным. Я. С. Лурье был строгим логиком, ученым рационалистического направления, его аргументация и выводы были в высшей степени обоснованны, и спорить с ним оказалось бы весьма затруднительно, поскольку он всегда разбирал аргументы противников и тщательно их взвешивал¹².

В целом же, весь посыл книги о якобы религиозном почитании А. А. Шахматова последующими учеными совершенно несостоятелен. В данной статье нет места писать об этом подробно, но не только прошлая, но и современная ситуация с работами по летописанию не такова, как ее рисует В. Ю. Аристов. То, как сейчас исследователи смотрят на древнейшее

¹² В. Ю. Аристов мог бы ответить, что Я. С. Лурье не занимался древнейшим летописанием, но в указанных статьях Я. С. Лурье рассматривал все творчество А. А. Шахматова, сильные и слабые звенья его схемы летописания. Я. С. Лурье является в этом смысле прямым предшественником В. Ю. Аристова, и то, что последний обходит его доводы, представляется большим изъяном книги.

летописание, очень далеко от построений А. А. Шахматова. Фактически от них сохранились лишь самые общие представления о постепенном разрастании исходного текста-ядра, а также некоторые конкретные аргументы и наблюдения, касающиеся истории летописания и соотношения дошедших до нас летописей. Разумеется, некоторые из этих аргументов очень важны. И безусловно, А. А. Шахматов дал своим творчеством громадный толчок развитию науки о летописях. Но ни о каком «религиозном сообществе», объединенном его личностью, говорить, конечно, не приходится.

9) Возникает недоумение: для чего предпринята столь яростная и грубая атака на ученого, умершего сто лет назад? Но по мере чтения появляется понимание. Через всю книгу проходит мысль о неважности любых научных аргументов, приводимых А. А. Шахматовым. Так, на с. 167 автор пишет: «В литературе, как правило, пересказывают аргументы Шахматова в пользу первичности НПЛмл, не уделяя должного внимания истории их возникновения». Автора возмущает мысль, высказанная М. Д. Приселковым еще в 1914 г., о том, что несогласие с выводами А. А. Шахматова налагает обязанность обосновать его и доказать свое понимание истории летописания. Это, видимо, и есть главная цель книги В. Ю. Аристов – убедить, что никакие аргументы А. А. Шахматова (и его продолжателей) не нужно рассматривать, поскольку они появились неправильным, с точки зрения автора, путем. Между тем автор так и не показал, в чем заключается порочность этого пути, кроме того, что сравнительный метод был «архаичным» и совпадал с некоторыми западными подходами и что некоторые взгляды А. А. Шахматова высказал не первым. В книге лишь встречаются наивные комментарии, вроде того, что «выявление общих фрагментов при сравнении летописей может объясняться общим источником, а может и тем, что один текст прямо зависел от другого» (С. 31–32) или что «модель, предполагающая наличие у дошедших до нас текстов общего источника, не представляется единственно возможной» и «заключает в себе риск, потому что конструирует новую сущность» (С. 32).

В. Ю. Аристов ссылается на А. П. Толочко и его слова о том, что скептикам, «не убежденным в том, что само ядро шахматовских теорий справедливо», всегда предлагают сначала «последовательно опровергнуть» его построения», то есть «принять рамки установленного дискурса», занять позицию, «проигрышную» и «эпистемологически ущербную». Эта жалоба понятна: ведь опровергать аргументы неизмеримо сложнее, чем упражняться в остроумии в отношении памяти давно умершего ученого. Однако существуют достойные и недостойные приемы борьбы. Можно, конечно, объявить все, что написано А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым, А. Н. Насоновым, Я. С. Лурье, А. А. Гиппиусом и многими другими, следствием культа А. А. Шахматова, после чего считать, что к их трудам можно не обращаться. Однако как раз таким образом и будет организована научная секта. Невозможно критиковать приемы исследования в отрыве от их результатов, то есть от содержания научных гипотез. И даже показ того, что некий метод с какой-то точки зрения уязвим или некие научные построения не оригинальны и повторяют то, что уже высказывалось ранее, не ведет само по себе к опровержению конкретных выводов.

В. Ю. Аристов лукавит, замечая, что для него «не имеет значения достоверность тех или иных шахматовских построений», так как сам признается, что принадлежит к скептикам, ставящим под сомнение шахматовские схемы летописания. Автор стремится «очертить собственную научную позицию (идентичность) и “расчистить путь” для новых исследовательских проектов» (С. 23). Видимо, он думает, что своей книгой помогает оспорить первичность Н1 по сравнению с ПВЛ или же опровергнуть теорию о третьей редакции ПВЛ. Однако противники указанных гипотез А. А. Шахматова, например Т. Л. Вилкул, как раз разбирают его аргументы, выдвигая взамен свои. Они не боятся оказаться «эпистемологически

ущербными». Аргументы бывают сильными или же слабыми, с ними соглашаются или же нет, могут появляться новые доводы в пользу той или иной точки зрения, и так бесконечно. Это и есть научная полемика – спор аргументов!

В заключение вернусь к тому, с чего начала. Автор, несомненно, имеет способности к занятиям историей науки. Однако в книге более всего поражают тенденциозность (и, как следствие ее, поверхностность), недопустимый тон и отсутствие вкуса, и все это сводит на нет достоинства работы. В научном смысле мы все стоим на плечах предшественников, соглашаясь с ними или же нет. Не следует пользоваться своим преимуществом живых, лучше проявить уважение к тем, кто возразить нам уже не может. А. А. Шахматов – одна из наиболее крупных фигур в историко-филологической науке конца XIX – начала XX в., и фигура эта сложная, к его трудам относиться можно по-разному. Он занимался исследованиями, вопреки В. Ю. Аристову, в момент подъема и расцвета научной жизни, когда работали такие выдающиеся филологи и историки в области русских древностей, как В. О. Ключевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. Н. Веселовский, Л. В. Щерба, Ф. Е. Корш, С. Ф. Платонов, Н. П. Кондаков, А. С. Лаппо-Данилевский, А. И. Соболевский, В. М. Истрин, В. Н. Перетц, А. Е. Пресняков, Н. К. Никольский и многие другие. Эти ученые представляли разные школы, предлагали различные пути проникновения в прошлое, часто не соглашались друг с другом, и мы, в свою очередь, не обязаны с ними соглашаться во всем, но это многообразие и является для нас ценнейшим даром. Их наследие заключено не только в научных трудах, но также в богатой переписке, мемуарах, воспоминаниях о них коллег и учеников. Все это помогает раскрыть для нас культуру и жизнь, прошумевшую сто лет назад, впитать ее в себя, обратившись к ней бережно, с уважением и любовью.

Литература

- Аристов В. Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание. Киев, 2018. 314, [1] с.
- Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 131–186; Кн. 3. С. 153–191.
- Вовина-Лебедева В. Г. А. А. Шахматов-текстолог и «русские младограмматики» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 76–89.
- Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. 926, [1] с.
- Вовина-Лебедева В. Г. К. Лахман и А. А. Шахматов // Canadian-American Slavic Studies. 2016. Vol. 50. P. 25–40.
- Вовина-Лебедева В. Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // Российская история. 2019. № 4. С. 3–27. DOI 0.31857/S086956870005846-1
- Вовина-Лебедева В. Г., Панях В. М. Яков Соломонович Лурье – источниковед // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. 26. С. 345–354.
- Конявская Е. А. Летопись и свод: проблемы терминологии // Российская история. 2019. № 4. С. 27–33. DOI 10.31857/S086956870005869-6
- Кузьмин А. Г. Хронология Начальной летописи // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1968. № 6. С. 40–53.
- Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. 406 с.
- Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М., 1976. С. 97–107.
- Никитин О. В. Из истории Московской лингвистической школы: новые материалы и републикации // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 308–309.

Никитин О. В. «Филология – это наша жизнь» (малоизвестные факты из биографии А. А. Шахматова) // Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова. СПб., 2014. С. 196–197.

Никитин О. В. Шахматов и его «Введение в курс истории русского языка» // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 367–374.

Никитин О. В. Об историческом значении московской лингвистической школы академика Ф. Ф. Фортунатова и его предшественников // Фортунатовские чтения в Карелии. Сборник докладов международной научной конференции 10–12 сентября 2018 г. Петрозаводск, 2018. С. 9–11.

Попиз А. В. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1972. М., 1974. С. 64–91.

Пресняков А. Е. Русское летописание. Историография и история. М., 2017. 271 с., [1] л. портр.

Соловьев А. В. Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. 1941. Вып. 16–17. С. 37–64.

Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. 336 с.

Чирков С. В. Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 416–432.

Чирков С. В. Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова // АЕ за 1970. М., 1971. С. 307–314.

References

Aristov, V. Yu. Aleksei Shakhmatov i rannee letopisanie [Alexey Shakhmatov and the Early Chronicles]. Kiev, 2018. 314, [1] p.

Bugoslavskii, S. A. K voprosu o kharaktere i ob’eme literaturnoi deyatel’nosti prep. Nestora [On the Question of the Nature and Scope of the Literary Activity of the Rev. Nestor]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. Petrograd, 1914. Vol. 19. Book 1. Pp. 131–186; Book 3. Pp. 153–191.

Chirkov, S. V. Rabota A. E. Presnyakova po istoriografii russkogo letopisaniya [A. E. Presnyakov’s Work on the Historiography of Russian Chronicles]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1968 g.* Moscow, 1970. Pp. 416–432.

Chirkov, S. V. Obzor arhivnogo fonda A. E. Presnyakova [Review of the archive fund of A. E. Presnyakov]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1970 g.* Moscow, 1971. Pp. 307 — 314. Konyavskaya, E. L. Letopis’ i svod: problemy terminologii [Letopis and Svod: The Problems of Terminology]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2019. No. 4. Pp. 27–33. DOI 10.31857/S086956870005869-6

Kuz’min, A. G. Khronologiya Nachal’noi letopisi [Chronology of the Initial Chronicle]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9*. 1968. No. 6. Pp. 40–53.

Kuz’min, A. G. Nachal’nye etapy drevnerusskogo letopisaniya [The Initial Stages of the Old Russian Chronicles]. Moscow, 1977. 406 p.

Lur’e, Ya. S. O shakhmatovskoi metodike issledovaniya letopisnykh svodov [About Shakhmatov’s Method of Research of Chronicle Svods]. In *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii*. 1975 g. Moscow, 1976. Pp. 97–107.

Nikitin, O. V. Iz istorii Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly: novye materialy i republikatsii [From the History of the Moscow Linguistic School: New Materials and Republications]. In *Ottsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly: Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova*. Moscow, 2004. Pp. 308–309.

Nikitin, O. V. “Filologiya – eto nasha zhizn” (maloizvestnye fakty iz biografii A. A. Shakhmatova) [“Philology is Our Life” (Little-known Facts from the Biography of A. A. Shakhmatov)]. In *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A. A. Shakhmatova*. Saint Petersburg, 2014. Pp. 196–197.

Nikitin, O. V. Shakhmatov i ego “Vvedenie v kurs istorii russkogo yazyka” [Shakhmatov and His “Introduction to the History of the Russian Language”]. In *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn’, tvorchestvo, nauchnoe nasledie. Sbornik statei k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo*. Saint Petersburg, 2015. Pp. 367–374.

Nikitin, O. V. Ob istoricheskom znachenii moskovskoi lingvisticheskoi shkoly akademika F. F. Fortunatova i ego predshestvennikov [About the Historical Significance of the Moscow Linguistic School of Academician F. F. Fortunatov and His Predecessors]. In *Fortunatovskie chteniya v Karelii. Sbornik dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 10–12 sentyabrya 2018 g.* Petrozavodsk, 2018. Pp. 9–11.

- Poppe, A. V. Rodoslovnaya Mstishi Svenel'dicha [The Pedigree of Mstisha Sveneldich]. In *Letopisi i khroniki*. 1972. Moscow, 1974. Pp. 64–91.
- Presnyakov, A. E. Russkoe letopisanie. Istoriografiya i istoriya [Russian Chronicles. Historiography and History]. Moscow, 2017. 271 p., [1] l. of portr.
- Solov'ev, A. V. Byl li Vladimir Svyatoi pravnukom Svenel'da? [Was Vladimir the Saint the Great-grandson of Sveneld?]. In *Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade*. 1941. Issue 16–17. Pp. 37–64.
- Tolochko, A. P. Ocherki nachal'noi Rusi [Essays of Primary Russia]. Kiev; Saint Petersburg, 2015. 336 p.
- Vovina-Lebedeva, V. G. A. A. Shakhmatov-tekstolog i "russkie mladogrammatiki" [A. A. Shakhmatov – a Textual Critic and "Russian Young Grammarians"]. In *Otechestvennaya istoriya i istoricheskaya mysl' v Rossii XIX–XX vekov. Sbornik statei k 75-letiyu Alekseya Nikolaevicha Tsamutali*. Saint Petersburg, 2006. Pp. 76–89.
- Vovina-Lebedeva, V. G. Shkoly issledovaniya russkikh letopisei: XIX–XX vv. [Schools of Research of Russian Chronicles: 19th – 20th Centuries]. Saint Petersburg, 2011. 926, [1] p.
- Vovina-Lebedeva, V. G. K. Lakhman i A. A. Shakhmatov [G. K. Lakhman and A. A. Shakhmatov]. In *Canadian-American Slavic Studies*. 2016. Vol. 50. Pp. 25–40.
- Vovina-Lebedeva, V. G. Ugasshii mir drevnerusskikh letopisei: vzglyad segodnya [The Extinct World of Ancient Russian Chronicles: A Look Today]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2019. No. 4. Pp. 3–27. DOI 0.31857/S086956870005846-1
- Vovina-Lebedeva, V. G., Paneyakh, V. M. Yakov Solomonovich Lur'e – istochnikoved [Yakov Solomonovich Lurie – a Source Specialist]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Saint Petersburg, 1998. Vol. 26. Pp. 345–354.

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

ONE HUNDRED YEARS AFTER SHAKHMATOV

(ABOUT THE BOOK BY V. YU. ARISTOV "ALEXEY SHAKHMATOV AND EARLY CHRONICLES")

The article analyzes the book by V. Yu. Aristov "Alexey Shakhmatov and Early Chronicles" (Kiev, 2018). The book draws conclusions that the features of A. A. Shakhmatov as a researcher were based only on the works about early chronicles; the sources of the work are insufficient and there is no any criticism of the sources; the author aims exceptionally at looking for weak points in A. A. Shakhmatov's works; the linguistic training and experience of A. A. Shakhmatov is not taken into account; without serious proofs A. A. Shakhmatov is accused of appropriating the ideas of his predecessors; all subsequent specialists who studied the annals are accused of creating the "cult of A. A. Shakhmatov"; the text contains inadmissible and unethical statements about A. A. Shakhmatov and his successors.

Keywords: A. A. Shakhmatov, V. Yu. Aristov, historiography of chronicles, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Tale of Bygone Years, Nestor

ВОРОПАЕВ В. А., ДЕРГАЧЕВА И. В., КОНЯВСКАЯ Е. Л., МИЛЬКОВ В. В. ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XI–XXI ВВ. М.: ИНДРИК, 2021. – 464 с., ил.

В книге представлено комплексное исследование воззрений на смерть и бытие после смерти по данным средневековых памятников письменности (святоотеческое наследие, апокрифы, агиография, патерики, синодики, летописание), древних актов (вкладные, данные, духовные, договорные грамоты) и наиболее значительных памятников русской словесности Нового времени на эту тематику. Не ставя цели дать исчерпывающую картину представлений о смерти и загробной жизни в русской литературе, авторы анализируют наиболее яркие и значимые произведения, где танатологическая тема была одной из центральных. Исследование хронологически охватывает период с XI по XXI в., изучая сложный религиозно-синкретический феномен, сложившийся в результате взаимодействия христианских и автохтонных воззрений на загробную жизнь, а также под влиянием апокрифических идейных импульсов. Источниковедческая база включает как переводные византийские сочинения, произведения общеевропейской и неканонической книжности, так и оригинальные древнерусские произведения, а также художественные тексты выдающихся отечественных авторов, обращавшихся к танатологической тематике. Рассмотрение их в контексте межкультурной коммуникации позволяет оценить степень внешних влияний на Русь со стороны Византии и культур сопредельных народов, с которыми русским приходилось вступать в многосторонние взаимодействия.

ИГОШЕВ В. В. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЕРЕБРО XV–XVIII ВЕКОВ ИЗ ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА. М.: БуксМАрт, 2020. – 392 с., ил.

Монография В. В. Игошева посвящена комплексному исследованию богослужебных серебряных изделий XV–XVIII вв. из собрания Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Описаны 136 предметов из древнейших монастырей Переславля-Залесского (Никитского, Успенского, Горицкого и проч.) – кресты, оклады Евангелий и икон, предметы для Евхаристии, чаши, кадилы, светильники, чарки, кубки и др. Выполнена атрибуция произведений, изучены типология, иконография священных изображений, особенности стиля, техники и технологии изготовления, что позволило определить время и место их изготовления. Выявлены предметы, изготовленные в одной мастерской и в одно время – в Москве, Великом Новгороде, Пскове, Ярославле, Владимире и др. Большой интерес представляют вкладные, литургические, владельческие, охранительные и другие надписи, содержащие имена жертвователей, сведения о времени, месте и назначении вклада, о составе мощей, священных реликвий и другие важные данные. Поминальные или за здравные вклады делали цари, церковные иерархи, князья, бояре, игумены, монахи, купцы, жители посада, ремесленники, священнослужители, дьяки, подьячие и люди разных сословий.

МОНАСТЫРСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ТРАНСКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН / ОТВ. СОСТ. Л. ШТАЙНДОРФФ, А. В. ДОРОНИН. М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2020. – 455 с., ил. (Россия и Европа. Век за веком).

В сборнике по итогам международной конференции, организованной Германским историческим институтом в Москве и Кильским университетом им. Христиана Альбрехта при поддержке Фонда Тиссена, монастыри и институт монашества рассмотрены как общее наследие восточно- и западнохристианской Церкви, начиная с поздней Античности. Представители российского

и западного исследовательского дискурсов выявляют структурные параллели западно-и<восточноевропейского институтов монашества и несходство между ними. Используя разные подходы, историки, искусствоведы, теологи, филологи, археологи и византилисты анализируют многообразные аспекты религиозной жизни Европы в контексте взаимодействия монастырей с окружающим миром в политическом, социальном, хозяйственном и культурном отношениях. В 2016 г. в Германии вышла немецкоязычная версия этого сборника.